РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В.П. Грачев

Первое сербское восстание и Россия во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

Часть первая (1806–1809 гг.)

Москва 2010

inslav

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В.П. Грачев

Первое сербское восстание и Россия во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

Часть первая (1806–1809 гг.)

Москва 2010

inslav

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук С.И. Данченко
кандидат исторических наук А.В. Карасёв

Рецензенты:

доктор исторических наук А.Л. Шемякин
доктор исторических наук М.В. Белов

Предлагаемая вниманию читателя монография «Первое сербское восстание и Россия во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг.», точнее ее первая часть, является органичным продолжением двух предшествующих книг известного историка-слависта В.П. Грачева: «Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв.» (М., 1990) и «Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.)» (М., 2003). Эти труды являются частью общей серии монографических исследований, которая должна охватить всю историю Первого сербского восстания 1804–1813 гг. и русско-сербских отношений в этот период.

В книге преимущественно на архивных материалах рассматриваются события в повстанческой Сербии и на русско-турецком фронте – с начала военных операций на Дунае в ноябре 1806 г. и по март 1809 г. включительно.

ISBN-10 5-7576-0217-1
ISBN-13 978-5-7576-0217-2
© Институт славяноведения РАН, 2010

inslav

Содержание

Предисловие

5

Глава I

Начало русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и ее влияние на развитие национально-освободительной борьбы сербов Османской империи

7

Глава II

Возобновление наступательных операций российской армии на Дунае и русско-сербские отношения в первой половине 1807 г.

24

Глава III

Слободзейский договор о перемирии между Россией и Турцией и оценка его петербургским двором, Портой и сербскими повстанцами

87

Глава IV

Назначение А.А. Прозоровского главнокомандующим Дунайской армией и его старания добиться распространения условий перемирия на всю повстанческую Сербию

138

inslav

Глава V

Сербский вопрос в политике России, Франции и Австрии во время Слободзейского перемирия между Россией и Турцией (август 1807 г. – апрель 1808 г.)

187

Глава VI

Продолженное перемирие и отношение к нему России, Турции и сербских повстанцев

258

Глава VII

Обострение сербо-австрийских отношений летом 1808 г.

303

Глава VIII

Государственные перевороты в Турции в июле и ноябре 1808 г. и их влияние на решение сербского вопроса

340

Глава IX

Постановления Эрфуртской конвенции и их влияние на условия заключения мира между Россией и Турцией

395

Глава X

Подготовка и обсуждение основных положений для решения сербского вопроса на русско-турецких переговорах в Яссах в начале 1809 г.

428

inslav

Предисловие

Предлагаемая читателю монография «Первое сербское восстание и Россия во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг.», точнее ее первая часть, является органичным продолжением двух ранее опубликованных книг: «Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв.» (М., 1990), а также «Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.)» (М., 2003).

В первой из них решается главным образом проблема взаимосвязи кризиса Османской империи в период с 1792 по 1805 гг. с предпосылками и причинами возникновения Первого сербского восстания 1804–1813 гг. При решении этой многогранной проблемы были рассмотрены: социально-экономическое положение Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв., административная структура балканских владений Турции, миграционные процессы населения, введение реформ низами-джадид и отношение к ним провинциальных пашей и аянов данного региона, а также сербов, черногорцев, болгар, греков, валахов; отношение этих народов к междоусобной борьбе провинциальных пашей и аянов. В контексте рассматриваемых событий прослеживается динамика сербо-янычарского конфликта в Белградском пашалыке и его трансформация в национально-освободительную борьбу сербов данного региона, анализируются программы автономного управления повстанческой Сербии, составленные представителями сербских повстанцев и российскими политиками. При анализе внутренних процессов, происходивших в балканских владениях Османской империи, принималась во внимание политика России, Франции и Австрии как в отношении самой Порты и междоусобной вражды провинциальных пашей и аянов, так и в отношении освободительного движения сербского народа.

Во второй книге «Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.)» рассматривается комплекс следующих вопросов: балканская политика России, Франции, Австрии и Турции в период после заключения

inslav

Прессбургского мира и до подписания Тильзитского мира; события в Боке Которской, Далмации, Черногории, Герцеговине и в повстанческой Сербии в 1805–1807 гг.; анализируются причины возникновения русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в связи с процессами освободительного движения в указанных областях балканского региона и в Дунайских княжествах; характеризуются замыслы петербургского двора установить «новый порядок» на Балканах, предполагавший создание славяно-сербского, славяно-черногорского и двух греческих государств на Балканах в составе Османской империи; прослеживаются основные этапы неудачной реализации плана превентивной войны по «устрашению» Порты, предусматривавшего взаимодействие российских войск на Дунае с сербскими повстанцами, а в Боке Которской и Герцеговине – с черногорцами, герцеговинцами и другими православным и народами балканского региона.

Третья книга – «Первое сербское восстание и Россия во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг.» – состоит из двух частей. В первой рассматриваются события в повстанческой Сербии и на русско-турецком фронте с начала военных операций на Дунае в ноябре 1806 г. и по март 1809 г. включительно. По динамике и своеобразию внутренних циклов события этого времени, на наш взгляд, можно разделить на два периода. К первому мы относим события со дня вступления российских войск в Дунайские княжества и до заключения Тильзитского мира, по условиям которого Россия обязывалась заключить перемирие с Турцией и начать с ней переговоры об окончательном мире, т. е. с ноября 1806 г. по июнь 1807 г.

Во втором периоде события в Сербии и русско-турецкие отношения развивались в условиях относительного перемирия, которое было прекращено только в конце марта 1809 г. Соответственно, события после возобновления военных действий с Турцией в апреле 1809 г. и до заключения Бухарестского мира с ней же в мае 1812 г. будут рассмотрены во второй части предлагаемой читателю третьей книги.

inslav

Глава I

Начало русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и ее влияние на развитие национально-освободительной борьбы сербов Османской империи

Для того, чтобы не нарушились причинно-следственные связи и динамика событий, происходивших на Балканах в период от Прессбургского до Тильзитского мира 1805–1807 гг., с событиями, которые анализируются в настоящей монографии, напомним вкратце основное содержание и главные выводы из предшествующей книги «Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.)». Это необходимо сделать еще и потому, что причины возникновения войны и ее начальный этап были рассмотрены в той же книге.

Итак, как отмечалось в I главе вышеназванной книги, Восточный вопрос во внешней политике России и влияние русско-турецких войн XIX в. на национально-освободительное движение балканских православных народов, в том числе и на Первое сербское восстание 1804–1813 гг., с давних пор привлекали внимание не только российских, но и западноевропейских историков. Однако при освещении этих вопросов зарубежные и наши, отечественные, историки были не единодушны. В их работах прослеживается определенная тенденциозность и весьма противоречивые, порой диаметрально противоположные, оценки политики России в интересующем нас вопросе. Например, французские историки А. Тьер, А. Сорель, А. Вандаль и др., отрицая завоевательный характер наполеоновских войн, выдвигали на первый план агрессивность восточной политики русского царизма[1]. Другие западноевропейские и сербские историки XIX – начала XX вв. – Ш. Быстржеиовский, Б.С. Куниберт, О.Х. Сорель, Б. Калай, Г. Варди, И. Бакер, С. Гопчевич и др. – утверждали, что правительство России обещаниями щедрой помощи вовлекало православных христиан балканских владений Турции в войну с этой державой, а при заключении мира с ней оставляло эти народы

inslav

на произвол судьбы и озлобленных турок[2]. Взгляды западноевропейских историков XIX в. на балканскую политику России первой половины XIX в. оказали заметное влияние и на сербскую историографию, которая начала формироваться только во второй половине XIX – начале XX вв. Это влияние прослеживается в трудах Л. Арсеньевича-Баталаки, Ст. Новаковича, М. Вукичевича и других историков первой половины XX в. Во второй половине XX в. югославские историки Д. Перович, М. Джорджевич, Д. Янкович и др. модернизировали вышеназванную концепцию, изложив ее с позиций вульгарного марксизма. Д. Перович, например, утверждал, что сербская революция 1804–1813 гг. в силу своей буржуазной природы изначально не могла согласовать свои задачи и методы борьбы с завоевательной политикой царского правительства России, которая преследовала на Балканах свои империалистические интересы[3].

Российские историки XIX – начала XX вв. – С.М. Соловьев, Н.Ф. Дубровин, А.Н. Петров, Н.А. Попов, В.О. Ключевский и др. – в отличие от зарубежных историков, не признавали завоевательных целей русско-турецкой войны 1806–1812 гг. А.Н. Петров, в частности, не обнаружив такой цели в стратегическом замысле русско-турецкой кампании 1806–1812 гг., назвал ее по этой причине «странной войной»[4]. В.О. Ключевский полагал, что правительство России, завершив в конце XVIII в. завоевания на юго-западных границах своей империи, в начале XIX в. обратило внимание на стремление балканских славян обрести, по его мнению, «свое политическое бытие» и это указывало петербургскому двору «новое направление» всей европейской политики России. Религиозные и политические связи, пишет В.О. Ключевский, указали русской политике начала, во имя которых она стала действовать против Турции[5].

В советской историографии второй половины XX в. также не было единства взглядов на данную проблему. По признанию академика А.Л. Нарочницкого и Н.И. Казакова, сделанному в 1969 г. по поводу политики России и Франции в отношении национально-освободительного движения на Балканах

inslav

в начале XIX в., эти вопросы оставались наименее изученными и, по их словам, «наиболее запутанными»[6].

Историки-славяноведы И.С. Достян и В.В. Зеленин видели объективно-прогрессивную роль русско-турецких войн конца XVIII – первой половины XIX вв. в разрушении Османской империи и развитии национально-освободительного движения сербов и других православных народов в балканских владениях Османской империи. Однако они негативно оценивали субъективную роль русского царизма как в отношении русско-турецкой войны 1806–1812 гг., так и национально-освободительной войны сербского народа в 1804–1813 гг. В.В. Зеленин, например, признавал, что русский царизм «субъективно преследовал экспансионистские устремления» в войнах конца XVIII – начале XIX вв.[7]. И.С. Достян более определенно выражает свою позицию по этому вопросу. Русский царизм, полагает она, не являлся последовательным поборником ни сокрушения Османской империи, ни создания национальных государств на Балканах и даже, по ее словам, «нередко стремился остановить развитие национально-освободительного движения подданных султана»[8]. А.П. Бажова в работе 1996 г. утверждает, что национально-освободительное движение на Балканах в XVIII в. зависело от политики европейских держав в большей мере, чем в более позднее время. Уже в начале XIX в. оно стало самостоятельным и независимым от великих держав. Более того, оно, по словам А.П. Бажовой, «оказало воздействие на внешнюю политику России, Австрии и Франции». Когда Россия включилась в борьбу, которую вели Англия и Франция в Средиземном море, она, вступив во взаимодействие с населением Боки Которской, Дубровника, Далмации, Черногории, Герцеговины и Сербии «использовала национально-освободительное движение югославянских народов»[9].

Различие вышеприведенных оценок политики России в отношении национально-освободительного движения на Балканах в конце XVIII – начале XIX вв. во многом, на наш взгляд, зависит от недостаточной изученности политики

inslav

России в отношении Османской и Австрийской империй данного периода, в составе которых находились тогда как южные славяне, так и другие православные народы. На это обстоятельство совершенно справедливо обратил особое внимание в 1980-х гг. А.Л. Нарочницкий[10]. Данное направление внешней политики России оказалось слабо освещенным и в обобщающем труде «История внешней политики России. Первая половина XIX в.», опубликованном в 1995 г.[11] К сожалению, не нашлось там места и для характеристики политики России как в отношении славянских и других православных народов, населявших балканские владения Турции и Австрии в первой половине XIX в., так и в отношении их национально-освободительного движения в начале XIX в.

Между тем русский историк А.Н. Попов еще в 90-х годах XIX в. не без основания писал по этому поводу: «Значение славянских и христианских племен Турции в отношении нашей политики (политики России начала XIX в. – В. Г.)... это – общий европейский вопрос, который вызывает общее вмешательство всех европейских держав»[12]. Справедливость этого положения нагляднейшим образом подтверждается событиями на Балканах в новейшее время, на рубеже XX–XXI вв.[13]

В следующих шести главах упомянутой книги рассматриваются такие вопросы, как: формирование предпосылок обострения противоречий между Россией и Турцией после Пресс-бургского мира; занятие черногорцами и русскими войсками Боки Которской; военные операции русских и черногорцев против французских войск в Далмации; недовольство Порты по поводу привлечения русскими черногорцев для войны с французами; сближение Порты с Францией и отход ее от союза с Россией и Англией; события в Сербии и Черногории в 1805–1806 гг.; планы и стратегический замысел превентивной войны против Турции, возможное участие в ней православного населения балканских владений Османской империи; начальный этап русско-турецкой войны 1806–1812 гг.; попытки главного командования российской Молдавской армией

inslav

установить связь с сербскими повстанцами для совместных операций против турок на Дунае.

При рассмотрении этих вопросов автор пришел к следующим выводам.

Поражение австро-российских войск под Аустерлицем 20 ноября (2 декабря) 1805 г. и выход Пруссии из войны с Наполеоном I оказали большое влияние на изменение внешнеполитического курса ряда европейских держав, а также России и Турции. В день заключения перемирия между Францией и Австрией, т. е. 24 ноября (6 декабря) 1805 г., русский царь Александр I отдал приказы главнокомандующему союзными войсками в Италии генералу Б.П. Ласси и российскому полномочному министру в Неаполе Д.П. Татищеву о выводе российских войск из Королевства обеих Сицилий. Аналогичные приказы были отданы и о выводе российских войск из Германии, Австрии и Голландии. 14(26) декабря 1805 г. Александр I подписал рескрипт о возвращении из Средиземного моря в черноморские порты всех кораблей вице-адмирала Д.Н. Сенявина и всех воинских подразделений, которые находились на средиземноморском театре военных действий.

В Вене 3(15) декабря 1805 г. был заключен мирный договор между Пруссией и Францией, а в Прессбурге (Братиславе) Франция и Австрия 14(26) декабря 1805 г. заключили Прессбургский договор.

По условиям Прессбургского трактата к Франции отходили бывшие владения Венецианской республики: Западная Истрия, Далмация и Бока Которская. Эти области представляли собой обособленные друг от друга территории. Истрия отделялась от Северной Далмации австрийскими владениями, а между Северной Далмацией и Которской областью находилась Дубровницкая (Рагузинская) республика и две узкие полоски земли, принадлежавшие Османской империи. Передача этих территорий французам на условиях того же договора должна была завершиться 30 января (11 февраля) 1806 г. После присоединения этих областей к Франции ее границы оказались бы

inslav

в непосредственной близости, а на некоторых участках смыкались с границами балканских владений Турции.

После выхода Пруссии и Австрии из войны с Францией третья антинаполеоновская коалиция распалась, а османская острота русско-французских противоречий переместилась с Балтийского на Средиземное море, Балканы и Ближний Восток. В Петербурге хорошо понимали, что заключение Прессбургского мира и его условия представляют собой «событие высокой значимости» и для русско-турецких отношений поскольку, присоединив к себе Далмацию и Боку Которскую, Франция получает средство «переменить отношения», которые до того существовали между Россией и Турцией, а Бонапарт и его дипломаты не упустят возможности переманить на свою сторону христианские народы этих областей, соблазнив их обещаниями создать свои независимые государства, а затем использовать их в борьбе против России. Когда эти опасения стали подтверждаться донесениями российских дипломатов из разных мест Австрийской и Османской империй, в Петербурге состоялось несколько заседаний Государственного совета России. В ходе этих заседаний члены Совета пришли к заключению, что выход из создавшейся ситуации на Балканах следует искать в укреплении связей с Великобританией, в сохранении доверия между Россией и Турцией, в установлении более прочных связей со славянами и греками балканских владений Османской империи, ведущих борьбу за свое освобождение от османского ига. Наряду с этим предлагалось на всякий случай держать наготове войска, которые могли бы отразить агрессию любого противника, вознамерившегося вступить на территорию Турции, и тем более, Дунайских княжеств. Трезво оценив ситуацию, сложившуюся после поражения под Аустерлицем и заключения Прессбургского договора, 3(15) февраля 1805 г. Александр I подписал приказ, согласно которому российский экспедиционный корпус под командованием Б.П. Ласси должен оставаться на Которе и других

inslav

островах Ионической республики, чтобы, по словам приказа, «насколько возможно препятствовать осуществлению французских расчетов на Оттоманскую империю». Российскому посланнику в Константинополе А.Я. Италинскому поручалось убедить Порту в скорейшей отправке турецких войск к границам Далмации. Но на запросы А.Я. Италинского, почему Порта не посылает войска для защиты своих владений от французской агрессии, рейс-эфенди, как правило, отвечал, что под Софией и в Монастыре (Бичоле) формируются две группировки обсервационных войск – они будут использованы для защиты империи от внешних и внутренних врагов. Если же французы нападут прежде, чем будут сформированы эти группировки, то до подхода войск к далматинской границе их выступление смогут отразить воинственные племена, населяющие области, окруженные труднодоступными горами, которые к тому же не любят французов.

В ответ на эту дипломатическую уловку Порты МИД России во главе с князем А. Чарторыским предложил свой план разрешения кризисной ситуации в балканских владениях Турции. Приняв во внимание сепаратистские устремления провинциальных пашей и аянов, их междоусобную вражду, стремление славян и греков балканских владений Порты к независимости, а также направленность реформ султана Селима III «назами-джедид» и даже перевод этого сочетания слов, т. е. «новый порядок», и, наконец, последние заверения реис-эфенди о намерениях Порты использовать для защиты своих границ местное население соседних с Адриатическим побережьем областей, МИД России в начале февраля 1806 г. предложил свой вариант учреждения «нового порядка» на Балканах. По мнению российских политиков, Порта должна позволить славянам и грекам создать свои государственные образования, которые останутся в составе Османской империи и будут находиться под покровительством России, Австрии и, возможно, Англии. Удовлетворив требования этих народов, полагали в Петербурге, Порта обретает в них надежных союзников,

inslav

как в борьбе с разраставшейся в империи анархией, так и с наполеоновской агрессией на Балканах. Кроме того, создание таких государств позволило бы воздвигнуть защитный барьер от Адриатического до Черного моря, который не только преградит путь наполеоновской агрессии, но и позволит создать плацдарм для союзных войск, т. е. Турции, России и Англии, чтобы угрожать тылам французской армии в Италии.

Руководствуясь подобными соображениями, российский МИД в феврале 1806 г. направил в Лондон П.А. Строганова с предписанием убедить правительство Англии в целесообразности поддержать проект учреждения «нового порядка» на Балканах. Согласно инструкции, МИД предполагал образовать из всех славянских народов, населявших территорию от Боки Которской до Сербии, «единое независимое государство под господством Порты и под покровительством России». Другое государство могло бы быть образовано «из всех греческих народностей». Первейшая обязанность этих государств должна состоять в том, чтобы они всеми имеющимися у них средствами помешали французам проникнуть в Турцию до подхода турецких, российских и английских войск.

В то же время христианское население Боки Которской, не желая переходить под власть французов, не позднее чем через десять дней после заключения Прессбургского мира, направило своих депутатов к митрополиту Черногории Петру I Негошу с просьбой, чтобы он убедил русского царя Александра I принять бокезцев под покровительство России. В феврале 1806 г. с аналогичной просьбой обратились к черногорскому митрополиту и к российскому представителю в Черногории С.А. Санковскому еще несколько депутаций от других районов Адриатического побережья. На сборе черногорского народа, состоявшемся 15(27) февраля 1806 г., было принято решение отправить на помощь населению Боки Которской одну тысячу черногорских воинов и послать в Белградский пашалык к верховному вождю сербских повстанцев Карагеоргию письмо с предложением объединить усилия славянских народов балканских

inslav

владений Турции и Австрии для того, чтобы не допустить в Далмацию и Боку Которскую французов. Чтобы не ставить в неудобное положение австрийские власти и придать занятию Боки Которской «законный» вид, было принято решение поддержать занятие черногорцами этого района силами воюющей с Францией державы, т. е. России. С этой целью 16(28) февраля 1806 г. в Кастельново (Герцег-Нови) прибыли три российских военных корабля, на борту которых находилось 140 человек морской пехоты. Черногорцы и бокезцы вступили в Кастельново 21 февраля (4 марта) 1806 г. Австрийские уполномоченные без сопротивления передали ключи от города черногорцам, которые немедленно водрузили там российский флаг. На следующий день, 22 февраля 1806 г., австрийские уполномоченные передали славянским старейшинам местных комунитад ключи от городов Котора, Будвы и других укрепленных мест Адриатического побережья, где также были подняты российские флаги.

Беспокойство российского монарха и МИД России о судьбе Турции и населявших ее владения славян и греков объяснялись, прежде всего, условиями русско-турецкого союзного договора от 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.), который по настоянию Порты был досрочно пролонгирован 11(23) сентября 1805 г. Согласно этому договору, Россия брала на себя обязательства как за целостность балканских владений Турции, так и за судьбу православных народов этого региона.

При определении курса внешней политики с Австрией царь и МИД России придерживались более осторожной линии поведения. В письме от 3(15) марта 1806 г. Александр I сообщал Францу I, что складывающаяся в Европе ситуация весьма неблагоприятна для продолжения войны с Францией. «Моя система, – писал Александр I, – будет в основном состоять в защите моих владений и владений тех держав, которые попросят моего содействия или существование которых будет необходимо для моей безопасности». Однако ни венский двор, ни Порта не спешили просить петербургский двор ни о явной

inslav

помощи, ни о содействии. Под угрозами Наполеона I венский двор все настойчивее стал требовать вывода российских войск из Боки Которской и соседних с ней районов. Порта, признавая на словах свою готовность выполнять условия русско-турецкого договора 1805 г., на деле же искала способы сближения с Францией и отхода от союза с Россией и Англией. Так, уже в январе 1806 г. она вопреки договоренности с Россией в одностороннем порядке признала императорский титул Бонапарта, затем предписала пашам Албании, Боснии и Герцеговины не препятствовать французам в установлении торговых и дружественных связей с населением этих областей. Турецкие министры продолжали заверять российского посланника в том, что формирующиеся под Софией и в Монастыре (Битоле) группировки турецких войск вскоре будут отправлены для защиты владений Порты от внешних врагов, а в действительности они готовились к подавлению мятежей и насильственному введению реформ низами-джедид. Однако из-за недостатка финансов и нежелания населения участвовать в этом деле формирование группировок шло медленно. Против введения нового порядка выступали не только янычары, местные паши и аяны, но большинство населения в Адрианополе, Пловдиве, Нише, Лесковце и в других пашалыках Румелии. Всеобщее недовольство внутренней политикой султана Селима III сопровождалось и более заметным изменением курса внешней политики Порты. Объявив о своем нейтралитете в отношении войны, которая велась между Россией и Францией, Порта вскоре после этого отказалась пролонгировать договор с Англией. В марте 1806 г. стало известно о ее намерении досрочно сменить господарей Молдавии и Валахии, что делалось также вопреки договору с Российской империей, и в марте был отдан приказ начальникам пограничных с Россией и на Дунае крепостей готовиться к войне. В апреле 1806 г. Порта вручила А.Я. Италинскому официальный протест по поводу вовлечения в войну с Францией черногорцев, которых она считала своими подданными. Стали ужесточаться и протесты со стороны венского

inslav

двора, который под угрозой Наполеона I настаивал на выводе российских войск из Боки Которской.

Таким образом, занятие Боки Которской и совместная война русских, черногорцев и бокезцев с французами в Далмации позволили добиться лишь временных успехов, но вместе с тем они же, т.е. успехи русских, черногорцев и бокезцев, до предела обострили отношения России с ее союзниками – Турцией и Австрией.

Между тем, боровшиеся в это время за независимость сербы, герцеговинцы и другие православные народы балканских владений Османской империи были заинтересованы в войне между Россией и Турцией. Например, это хорошо видно из обращения сербских депутатов М. Ненадовича, Б. Груйовича и М. Урошевича к Александру I, которое было отправлено ими из Вены в феврале 1806 г. Согласно изложенному в их обращении плану, Россия, являясь союзницей Турции, могла бы ввести в пределы балканских владений Порты через Дунайские княжества, Черногорию или через Корфу несколько регулярных полков российских войск для войны с французами в Далмации. Как только русские войдут в пределы балканских владений Порты, к ним немедленно присоединятся до 200 тысяч храбрых воинов из Сербии, Черногории, Боснии, Герцеговины, Далмации и Албании. Во главе балканских воинов, сербские депутаты предлагали поставить великого князя Константина Павловича, а самих ратников снабдить оружием, боеприпасами и деньгами. После изгнания французов из Далмации русские войска помогут восставшим христианам вышеназванных стран избавиться и от тирании османского ига[14].

Наиболее активным сторонником введения российских войск в пределы Дунайских княжеств проявил себя господарь Валахии К. Ипсиланти. Он одним из первых обратил внимание петербургского двора на изменение курса внешней политики Порты. В ряде писем, написанных им в марте 1806 г., господарь Валахии убеждал Александра I в необходимости введения русских войск в Молдавию и Валахию. Он писал, что война

inslav

русских с французами на Балканах немедленно будет поддержана не только православными народами Турции, но и всеми христианами Австрии. В ходе войны с Францией, уверял К. Ипсиланти, военное командование России будет иметь законное право использовать эти народы по своему разумению, исходя из своих стратегических и тактических планов. Письма господаря Валахии, планы маркиза Ф.О. Паулуччи и других зарубежных агентов России, наконец, донесения российских дипломатов из разных мест Османской империи не оставляли сомнения в том, что к осени 1806 г. Порта, находясь под впечатлением военных успехов Наполеона I, не без внушения со стороны французских дипломатов в Константинополе решилась разорвать союзные отношения с Англией и начала скрытую подготовку к войне с Россией. Однако, будучи ослаблена до крайности внутренними междоусобицами и борьбой сербов и греков за независимость, она, по мере возможности, старалась отдалить начало войны до более подходящего для нее времени.

Приняв во внимание эти и другие сопутствующие им факторы, Государственный совет Российской империи, МИД и главнокомандующий российской армией на Днестре генерал И.И. Михельсон осенью 1806 г. пришли к убеждению о целесообразности скорейшего нанесения энергичных ударов по наиболее чувствительным местам Османской империи, которые смогли бы привести Порту к «чрезмерному потрясению» и заставить ее принять требования России и Англии. После нанесения туркам ряда эффективных ударов в разных областях империи и обстрела Константинополя с моря кораблями российской и английской эскадр предполагалось сразу же предложить «потрясенной» Порте заключить мир на условиях заранее подготовленного проекта мирного договора, состоящего из семи статей. Статья 1-я прелиминарного русско-турецкого договора предусматривала, чтобы договаривающиеся стороны подтвердили все соглашения и договоры, существовавшие до разрыва отношений между Россией и Турцией. Статья 2-я гласила: «Так как обладание Францией бывшей Венецианской

inslav

Далмацией делает ненадежной безопасность оттоманских владений в Европе, имея в виду хорошо известные замыслы этой державы, и может служить постоянной причиной недоверия и беспокойства для России, что сделает непрочным мир между нею и Оттоманской империей, обе державы всеми возможными средствами постараются заставить Францию отказаться от владения этой территорией, судьба которой будет решена позже Россией и Блистательной Портой». Статья 5 проекта договора обязывала Порту: «...Превратить Сербию в вассальное и зависимое от нее княжество, управляемое князем, избранным пожизненно в соответствии с волей и свободным выбором народа, который будет утвержден... султаном». Статус Дунайских княжеств определялся статьей 6-й проекта: «Провинции Молдавия и Валахия будут и впредь пользоваться правилами и преимуществами, которые им предоставлены различными договорами, заключенными между императорским (петербургским. – *В.Г.*) двором и Блистательной Портой, и в особенности положениями хати-шерифа, изданного в сентябре 1802 г.».

В соответствии с намеченными стратегическим и тактическим планами превентивной войны с Турцией корпус русских войск численностью в 3500 человек под командованием князя П. Долгорукова, входивший в состав армии И.И. Михельсона, по получении приказа 11 (23) июля 1806 г. вступил в пределы Молдавского княжества, а 16(28) ноября 1806 г. занял Яссы. Второй корпус под командой генерал-лейтенанта М.А. Милорадовича вошел в Яссы 18(30) ноября, а 2(14) декабря 1806 г. отряд из его корпуса под командой генерал-майора Уланиуса занял Фокшаны[15].

Разъясняя причины ввода российских войск в Дунайские княжества, министр иностранных дел России А.Я. Будберг 15(27) ноября 1806 г. писал А.Я. Италинскому в Константинополь: «При таком неопределенном положении вещей императорскому двору не остается ничего иного, как твердо и последовательно осуществить заранее намеченный его величеством план, имеющий целью не только сохранить свое достоинство

inslav

и защитить свои права, но и побудить Порту при помощи *чрезвычайного потрясения* (курсив мой. – *В.Г.*) вернуться к тем единственным принципам, неизменного соблюдения которых требует ее самые насущные интересы. В соответствии с этим генерал Михельсон, главнокомандующий армии на Днестре, получил приказ вступить в Молдавию, но не как враг, коим его не преминут представить недоброжелатели, а с единственной целью восстановить прежние отношения с Турцией».

В соответствии со стратегическим замыслом превентивной войны была поставлена задача и российской эскадре вице-адмирала Д.Н. Сенявина: «Предпринимаемые действия на Дунае войсками, под начальством вашего высокопревосходительства состоящими, и приближение к архипелагу эскадры господина вице-адмирала Сенявина, – писал А.Я. Будберг И.И. Михельсону 19(21) марта 1807 г., – увеличивая опасность положения Порты, конечно, усилит стремление ее к скорейшему прекращению войны. Так как ни желания, ни намерения е.и.в-ва не было распространить пределов империи своей новыми от Порты Оттоманской завоеваниями, но все меры стремились единственно к тому, дабы державу сию вывести из заблуждения, в которые вовлечена коварными внушениями французского правительства, и дабы на прочном основании восстановить доселе с нею существовавшее согласие, то для скорейшего достижения сей такой желаемой цели е.и.в-во за благо признать изволил по сему предмету поручение полковнику Поццо-ди-Бергу, состоящее в том, чтобы он из Вены, где ныне находится, немедленно отправился на эскадру вице-адмирала Сенявина, а оттуда изыскал бы случай сделать внушения турецкому правительству относительно истинных распоряжений государя императора к Порте Оттоманской и готовности его к мирным переговорам. На случай податливости турецкого министерства на таковые предложения, как в том нельзя сомневаться, г-н Поццо-ди-Берг снабжен полною мочью и нужными наставлениями к заключению прелиминарного договора. Если Порта согласится на подписание договора,

inslav

то Михельсону надлежало приостановить военные действия на Дунае, не выводя своих войск с занимаемых ими позиций до окончательного подписания мира с Турцией».

В Константинополе тем временем рейс-эфенди вручил Италинскому две ноты: одну 11 декабря, а вторую 21 декабря 1806 г., в которых давалась оценка Портой русско-турецких отношений со времени заключения Ясского мира и до ввода российских войск в Дунайские княжества. Хотя А.Я. Италинский, по его выражению, «прожужжал уши» о причинах введения российских войск в Дунайские княжества, однако Порта ни в одной из упомянутых нот ни словом не обмолвилась о том, что основной причиной их ввода явилось сближение Турции с Францией и ее отказ поддерживать союзнические отношения с Россией и Англией.

Хат-и-шериф об объявлении войны России Порта опубликовала только 5(17) января 1807 г. Между тем сербские повстанцы 30 ноября (12 декабря) 1806 г. заняли Белград. Чтобы выяснить положение дел в Сербии и согласовать с верховным вождем сербских повстанцев свои дальнейшие действия, И.И. Михельсон 11(23) января 1807 г. отправил письмо Карагеоргию, в котором обрисовал ситуацию, сложившуюся после вступления российских войск в Дунайские княжества, и выразил беспокойство по поводу отсутствия ответа от сербов на его предыдущие письма. Главнокомандующий просил верховного вождя сообщить, какими силами он располагает, каково количество и качество вооружения у повстанцев, в чем они нуждаются и, наконец, что происходит в Сербии после занятия повстанцами Белграда. «Я рассчитываю в мыслях, – намекал Михельсон, – что после Белграда остается Видин вашим предметом. Овладением его может усовершенствоваться на вечные времена независимость и спокойствие народа сербского». Исходя из этого предположения, Михельсон рекомендовал направить основной удар сербских повстанцев на Видин, а четыре или пять тысяч сербских воинов послать к главному городу Малой Валахии Крайове для соединения с российскими войсками. Зная

inslav

о сербо-турецких переговорах о заключении перемирия, происходивших в Смедереве, Михельсон предупреждал Карагеоргия, чтобы он не верил лживым обещаниям турецких властей, которые на остановятся ни перед чем, дабы усыпить бдительность повстанцев. «Вам известны пагубные последствия таковых примирений. Нация сербская достойна быть нацией, которой платить дань туркам постыдно; не лучше ли деньги те употребить на воинские потребности нации, на освобождение себя от ига», – писал Михельсон Карагеоргию 11(23) января 1807 г. Тогда же он известил верховного вождя, что при установлении коммуникации с сербами русские передадут повстанцам несколько пушек, боеприпасы, продовольствие и награды для особо отличившихся юнаков. В подтверждение своих обещаний Михельсон 13(25) января 1807 г. вручил «крест для ношения на персях» известному сербскому ученому и просветителю иеромонаху Досифею Обрадовичу, который в то время находился в ставке главнокомандующего Дунайской армией и должен был отправиться через Валахию в Сербию. Выезжая из Бухареста в Белград 14 (26) февраля 1807 г. Досифей Обрадович «самым твердым образом» заверил господаря Валахии, пишет К. Ипсиланти, «о непоколебимости сербов в отношении их верности своим принципам и немедленного осуществления ими обещаний отправиться туда, куда их позовут»[16].

Примечания

[1] *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С. 14–17.

[2] *Белов М.В.* Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. События, документы, историография. Нижний Новгород, 1999. С. 128–133; *Грачев В.П.* Сербский вопрос на переговорах 1812 г. между Россией и Турцией и заключении Бухарестского мира // Славяноведение. 2001. № 1. С. 3–14.

[3] *Перовић Д.* Из историје првог српског устанка 1804–1813 гг. Београд, 1979. С. 55–57. Подробнее об этом см.: *Грачев В.П.* Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.) М., 2003. С. 11–12.

[4] *Петров А.Н.* Война России и Турции. 1806–1812 гг. Т. III. СПб., 1887. С. 421–431.

inslav

[5] *Ключевский В.О.* Курс русской истории // *Ключевский В.О.* Собрание сочинений. М., 1989. Т. V. С. 182.

[6] *Нарочницкий А.Л., Казаков Н.И.* О целях России и Франции на Балканах в 1807–1808 гг. // Новая и новейшая история. М., 1969. № 6. С. 52–53.

[7] *Зеленин В.В.* Русская политика в Восточном вопросе и борьба сербского народа за автономию в конце XVIII – начале XIX в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 371–372.

[8] *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 7–8.

[9] *Бажова А.П.* Россия и югославяне в конце XVIII – начале XIX в. М., 1996. С. 9–10.

[10] *Нарочницкий А.Л.* Итоги и задачи изучения внешней политики России // Советская историография. М., 1981. С. 143.

[11] История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995.

[12] *Попов А.Н.* Славянская заря 1812 г. // Русская старина. Т. 76. Декабрь. СПб., 1892. С. 631.

[13] Более подробный обзор историографии вопроса см.: *Грачев В.П.* Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003; *он же.* Новый взгляд на проблему формирования предпосылок сербского восстания 1804–1813 гг. // Славяноведение. 1993. № 1. С. 3–14; *он же.* Сербский вопрос на переговорах 1812 г. о заключении Бухарестского мира // Славяноведение. 2001. № 1. С. 1–3.

[14] Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. 1. С. 216–219. Обращение сербских депутатов к русскому царю Александру I от февраля (б/д) 1806 г.

[15] Днестровская, с вступлением в Молдавию – Молдавская, а с выходом на реку Дунай – Дунайская армия была сформирована в сентябре 1806 г. на Днестре. Первоначально она состояла из двух корпусов и отдельной дивизии. С сентября 1806 г. по август 1807 г. главнокомандующим армией был генерал И.И. Михельсон // *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 1. СПб., 1885.

[16] Подробный анализ фактов с указанием местонахождения источников, отражающих события в повстанческой Сербии, Черногории, Боке Которской, Далмации, Рагузе, Боснии, Герцеговине, Румелии, Валахии, на Дунае в период от Прессбургского до Тильзитского мира см. в книге «Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.)». М., 2003.

inslav

Глава II

Возобновление наступательных операций российской армии на Дунае и русско-сербские отношения в первой половине 1807 г.

1. Операции российских войск на Дунае весной 1807 г. и попытки командования Дунайской армией установить взаимодействие с сербскими повстанцами Белградского пашалыка

При разработке плана весенне-летней кампании 1807 г. командование Дунайской армии еще не располагало надежными сведениями ни о действиях английского и российского флотов в Средиземном море[1], ни о готовности которской группировки российских и черногорских войск к походу в Герцеговину на соединение с сербами Белградского пашалыка[2], ни о намерениях самих сербских повстанцев[3]. Однако, полагаясь на то, что вышеназванные операции начнутся в намеченные ранее сроки, главнокомандующий Дунайской армией И.И. Михельсон 5–6 марта 1807 г. отдал приказ войскам занять на левом берегу Дуная крепости Джурджу и Измаил. Затем начались военные действия и на правом берегу Дуная против отрядов рущукского аяна Мустафы Байрактара. Примечательно, что в этих операциях вместе с русскими войсками принимали участие вооруженные силы двух турецких аянов: аяна из г. Мачин и его союзника Иликли-оглу Силистрийского, которые были давними врагами Мустафы Байрактара. «Пребывая верными Порте Оттоманской, как и прежде, – пишет о них К.К. Родофиникин, – они подняли оружие единственно против рущукского аяна, а на сие они охотно поддались, когда удостоверились от нас несомненным образом, что вступление войск российских в сии края не для иного чего, как для спасения Оттоманской империи от падения [и чтобы] отторгнуть оную от пагубного союза с Франциею»[4]. Как бы там ни было, но войска мачинского аяна и его союзника на правом берегу Дуная разбили 6-тысячный корпус Мустафы Байрактара

inslav

и передали русским захваченные в том бою пушки. При осаде Джурджу российские войска также разбили другой корпус Мустафы Байрактара, который в этих боях потерял только убитыми до двух тысяч человек. Однако, несмотря на временные успехи, многократные попытки овладеть Измаилом, Джурджу и другими левобережными крепостями оказались безуспешными, так как зимой турки успели хорошо укрепить крепостные сооружения. В период с 17 по 28 марта 1807 г. гарнизоны этих крепостей смогли даже сделать несколько эффективных вылазок[5].

В 20-х числах марта 1807 г. из Сербии и Малой Валахии стали поступать в штаб Дунайской армии противоречивые сведения как о планах военных операций сербских повстанцев, так и о численности их войска. Например, курьер из Сербии уверял Родофиникина в том, что общая численность сербских повстанцев составляет около 300 тыс. воинов. По его же сведениям, верховный вождь Карагеоргий находится в Белграде, 15-тысячный корпус воеводы Миленко Стойковича в день отъезда курьера из Пореча двинулся вниз по Дунаю к границам Видинского пашалыка. Однако представитель валашского господаря (каймакам) в Крайове сообщил другие данные о сербах. «По вернейшим сведениям, – пишет Родофиникин, – ...вóйска же у сербов всего навсего до 60-ти тысяч человек». Карагеоргий, по сведениям каймакама, находился не в Белграде, а, как сказано в письме, «пошел к освобождению Ниссы». В то же время крайовский каймакам подтвердил сведения сербского курьера о том, что «корпус Миленков вступил уже в округу Видинскую», в результате турецкие войска были вынуждены уйти из Крайовы, но часть турецких отрядов продолжает оставаться: в Зимнице до 4 тыс. человек, а в Туртукае до 2 тыс.[6]. 26 марта 1807 г. К. Ипсиланти получил известие из Крайовы о том, что в это время сербские войска находятся у Ниша и в местечке Теке, которое располагается недалеко от Видина. «Скорость передвижения сербов свидетельствует о большом их рвении и предвещает удачные и выгодные успехи», – писал К. Ипсиланти А.Я. Будбергу[7].

inslav

Вскоре пришло известие и от самого воеводы М. Стойковича. Он сообщил Михельсону о том, что на совещании Правительствующего совета и сербских воевод в Белграде было принято решение направить в штаб Дунайской армии сербскую депутацию для согласования военных действий против турок. Там же было решено послать корпус воеводы Стойковича «к завоеванию всех сторон вниз по Дунаю до реки Тимок». В связи с этим Стойкович просил Михельсона ускорить продвижение российских войск к Видину и Чернечи для скорейшего установления взаимодействия между войсками Дунайской армии и сербских повстанцев[8].

Первые же попытки установления связи между сербами Белградского пашалыка и командованием Дунайской армией не ускользнули от внимания австрийского военного командования. В марте 1807 г. венский двор распорядился закрыть границу с Сербией, усилить пограничные посты, запретить торговые и прочие связи с сербскими повстанцами[9]. Михельсон докладывал царю по этому поводу: «Австрийский двор, будучи встревожен успехами сербов и нашими с народом сим связями [распорядился] прекратить там всякие сношения с Сербиею с такой строгостью, что в Сербию через границы Австрии никто проехать не может»[10]. Тогда же пытались установить связь с сербами Белградского пашалыка и французские агенты. Например, в середине марта в Валахии был задержан и доставлен к Родофиникину французский офицер, который пытался тайно пробраться в Белград[11].

Разноречивость сведений о численности войска сербских повстанцев и о положении дел в Сербии, а также заинтересованность французов в установлении связей с сербами Белградского пашалыка, по-видимому, послужили причиной повторной посылки в Белград валашского боярина ключаря Г. Манолаки. Прибыв в Землин 28 марта 1807 г., он 31 марта с большим трудом добился разрешения австрийских властей на проезд в Белград, куда и прибыл в тот же день. В Белграде его приняли члены Правительствующего совета Младен Милованович, секретарь

inslav

верховного вождя Стефан Ефтич и белградский митрополит Леонтий Ламбрович. На вопрос боярина Манолаки, как сербы теперь относятся к России, сербские представители, как сказано в отчете Манолаки, ответили: «Даже небесная власть не в состоянии ослабить их преданность интересам и личности его императорского величества всероссийского». А на вопрос почему войска воеводы М. Стойковича, находясь в четырех часах похода от Видина, неожиданно вернулись обратно в Поречье, сербы отвечали: это было сделано потому, что у М. Стойковича не хватало боеприпасов, хлеба и фуража. Что же касается других группировок сербского войска, то они продолжают действовать по принятому на скупщине плану. Манолаки подчеркнул, что отход сербского войска из-под Видина может нанести большой вред общему развитию военных действий на Дунае. Белградский митрополит Леонтий Ламбрович вновь сослался на отсутствие провианта и боеприпасов. Если в Поречье для войск М. Стойковича будут доставлены боеприпасы, 200 тыс. мер муки и такое же количество ячменя, сказал митрополит, то дело можно поправить, и сербы вновь вернутся к Видину. Кроме того, представители сербских повстанцев просили прислать побольше оружия, которое они намереваются раздать населению Боснии, Герцеговины и других областей. Не имея полномочий решать такие вопросы, Манолаки предложил прислать в штаб Дунайской армии сербского депутата. В связи с этим была достигнута договоренность: как только корпус Стойковича вернется в Негатинскую Крайну, в Бухарест для переговоров с командованием Дунайской армией прибудет сербский депутат Петр Новакович Чардаклия. Во время белградской встречи Манолаки пообещал, что Валахия со своей стороны может поставить для войска Стойковича половину просимого количества муки и ячменя. При отъезде из Белграда сербские военачальники передали Манолаки предлагаемый ими план операций по взаимодействию между отрядами сербских повстанцев и российскими войсками Дунайской армии. В отчете о поездке в Белград Манолаки сообщил и о том, что выехавший из Бухареста еще

inslav

ранее него сербский ученый Досифей Обрадович продолжает находиться в Землине, потому что австрийские власти не дают ему разрешения на въезд в Белград[12].

О неудачных действиях английского флота в Константинополе и об отказе вице-адмирала Дж.Т. Дакуорта взаимодействовать с эскадрой Д.Н. Сенявина в повторной атаке турецкой столицы И.И. Михельсон узнал только в первой декаде апреля 1807 г. В письме от 2(14) апреля 1807 г. А.К. Разумовский писал Михельсону, что поскольку планируемый ранее обстрел Константинополя с английских и российских судов не состоялся в связи с уходом английской эскадры, недождавшейся подхода эскадры Сенявина, теперь «возврат (турецкого. – *В.Г.*) дивана к принципам и поведению, которые мы требуем от него, зависит ныне от Ваших побед на суше». Для общего хода дел в Европе, пояснил свою мысль посол, имеют большое значение операции Дунайской армии, хорошее согласование с действиями сербов и некоторых румелийских аянов, так как от успешных действий на Дунае во многом зависит и победа над войсками Наполеона.

В этом же письме Разумовский сообщал, что царь Александр I в сопровождении А.Я. Будберга и Н.Н. Новосильцева 16(28) марта 1807 г. выехал из своей резиденции и отправился в Мемель (Клайпеду), где его ожидают к 2 апреля 1807 г. В это время в Мемель должен подойти и 25-тысячный корпус российских войск во главе с великим князем Константином.

В Вене и по всей Австрии в эти дни был объявлен траур по поводу смерти императрицы, которая скончалась от преждевременных родов. Это печальное событие, писал Разумовский, вызвало бездействие всей администрации. Император, его двор и все австрийские министры отправились в Буду[13]. В письме Родофиникину Разумовский сообщал, что венский двор до некоторых пор сомневался относительно расположенности сербской нации к России, полагая, будто сербы скорее пойдут на сотрудничество с французами, чем с русскими. Но когда 1 (13) апреля 1807 г. в Вене было получено известие о победе сербов под Нишем, где они разбили 6-тысячный турецкий

inslav

корпус, а в Белграде по этому поводу был отслужен молебен и народ под пушечную канонаду провозгласил здравицу Александру I, Австрия изменила свое мнение. Делясь радостной вестью по поводу победы сербов под Нишем, Разумовский писал: «Если этот успех ...не побудит Порту к повороту (на союз с Россией. – *В.Г.*), который должен и может ее спасти, тогда в судьбе этого государства (Османской империи. – *В.Г.*) было заранее предначертано, что вопреки чистоте наших (петербургского двора. – *В.Г.*) намерений пагубное влияние Бонапарта завершило разрушение здания, которое щедрость России хотела сберечь и восстановить»[14].

Вскоре после отъезда боярина Г. Манолаки из Сербии член Правительствующего совета и комендант Белграда Младен Милованович известил главнокомандующего Дунайской армией И.И. Михельсона и господаря Валахии К. Ипсиланти о результатах переговоров с валашским боярином Г. Манолаки. В своих письмах он сообщал, что сербское войско по ряду причин в ближайшее время не может быть послано к Видину. Основной причиной этого являлось, по словам М. Милованович, наступление турок как со стороны Ужице, так и со стороны Ниша. Единственно, что могут сделать сербы, писал он, это послать корпус воеводы М. Стойковича к Крайови, где он мог бы соединиться с российскими войсками, откуда они вместе должны направиться к Неготину и Кладово, чтобы затем осадить и занять эти турецкие крепости. Для подготовки этих операций сербские войска уже блокировали дороги, ведущие к Крайови и Видину. В целях облегчения стоящей перед сербами задачи М. Милованович просил, чтобы русский царь убедил венский двор не запрещать сербам закупать в Австрии за наличные деньги зерно и не препятствовать проезду российских и сербских курьеров через австрийскую территорию. Наряду с этим М. Милованович просил прислать в Сербию «для ободрения народа» русских чиновников, которые будут присутствовать в Правительствующем совете, и офицеров, которые «воспаляли бы дух храбрости» в повстанческом войске

inslav

и вводили там воинскую дисциплину и порядок, а заодно оказывали помощь и в других делах[15].

В начале апреля 1807 г. белградский митрополит Леонтий Ламбрович отправил в Бухарест еще более обстоятельную информацию о положении дел в Сербии и о решениях, принятых повстанцами. В его письме указывались пункты, где было бы удобнее установить коммуникации с российскими войсками армии Михельсона. В том же письме сообщалось, что после занятия сербами Белграда в Правительствующем совете обсуждался вопрос, «в каком месте прежде всего следовало бы сражаться с наибольшей силой». После бурного обсуждения было решено, пишет Леонтий Ламбрович, «спуститься к (Неготинской. – *В.Г.*) Крайне, чтобы иметь возможность соединиться, так как к тому вынуждают нас наши интересы и задачи получения необходимых нам боеприпасов». Воеводе М. Стойковичу было поручено отправиться в Поречье и подготовить там все необходимое для похода в Неготинскую Крайну. Командование этой операцией было поручено самому верховному вождю Карагеоргию. Но уже после принятия такого решения было получено известие о вторжении в пределы повстанческой Сербии боснийских войск, основная часть которых закрепилась на реке Дрине, а другая, меньшая, часть двинулась к крепости Ужице. Перед боснийскими войсками была поставлена задача: помешать сербам вступить в Боснию, удержать боснийских и герцеговинских христиан от восстания, не позволить им присоединиться к которской группировке русских и черногорских войск, имевшей задачу соединиться с сербами. В сложившейся ситуации, уверял митрополит, верховный вождь изменил первоначальное решение и сам с большей частью сербских войск двинулся к Ужице. Перед отъездом Карагеоргий отдал приказ М. Стойковичу двигаться с его войском в Неготинскую Крайну. «При таком переплетении событий, – писал митрополит Леонтий, – и прибыл (в Белград. – *В.Г.*) г-н ключарь Манолаки». Он еще раз подтвердил полученные ранее планы командования Дунайской армии и советы Михельсона двигаться сербам к Неготину и Кладову.

В соответствии с этими советами М. Милованович, который в отсутствие Карагеоргия являлся заместителем верховного

inslav

вождя, предписал М. Стойковичу идти с войском в Неготинскую Крайну. Но войско Стойковича еще до получения этого приказа вступило в Неготинскую Крайну, где затем начались стычки с небольшими отрядами видинского паши. Не найдя в селах этой области ни продовольствия, ни фуража, М. Стойкович был вынужден вернуться в Поречье. В связи с этим Правительствующий совет и митрополит Леонтий попросили прибывшего в Белград боярина Г. Манолаки организовать снабжение войск М. Стойковича продовольствием и фуражом за счет казны господаря Валахии. Получив разрешение от К. Ипсиланти, боярин Манолаки нашел расторопного купца, который закупил 100 мер муки и столько же ячменя и еще до отъезда боярина из Белграда отправил закупленное в Поречье к Стойковичу. Вскоре после отъезда Манолаки сербские военачальники в Белграде приняли решение послать со временем сербское войско и к Видину, которое должно было оказать помощь корпусу М. Стойковича. Однако занятие Видинской крепости, предупреждал белградский митрополит, может состояться только при поддержке российской Дунайской флотилии. «Одно только присутствие этого флота, – писал митрополит, было бы достаточным для того, чтобы поднять все христианские народы Оттоманской империи и побудить их сбросить тяжелое иго, от которого они стонут». В доказательство своего суждения митрополит Леонтий приводит следующие факты: «В то время как русские находятся еще за Дунаем, христиане вплоть до Софии готовы принять их с распростертыми объятиями. Некоторые уже восстали и не перестают направлять к нам представителей, чтобы просить ружей и боеприпасов. Это относится и к Боснии... Может ли быть сомнение в том, что как только русские переправятся через Дунай, все доблестные и правоверные христиане не захотят оставаться далее под тиранией неверных мусульман... С божьей помощью турки будут изгнаны из Европы... Они будут уничтожены. Я убежден в этом, ибо сам бог наполнил их сердца паническим страхом, а истинная вера распространяет повсюду свой свет»[16].

inslav

В прилагаемой к письму записке митрополит Леонтий дал подробное описание задач, которые были поставлены перед воеводами повстанческих войск:

1. Пятитысячный корпус М. Стойковича получил приказ выступить из Пожареваца в Неготинскую Крайну.
2. Трехтысячный корпус гайдука Велько Петровича двинулся в направлении Кладово для соединения с войском М. Стойковича.
3. Отряды Петра Теодоровича Добринца и Милое Петровича, кнеза из Ресавы, находятся под г. Ниш. Основную часть их семитысячного войска составляют сербские повстанцы из Нишской нахии и присоединившиеся к ним христиане других национальностей. Правое крыло этого соединения доходит до Массурицы, а левое, которым командует Велько Петрович, достигает Черной реки и Бани. По получении нового приказа Велько передал командование левым флангом капитану Чикичу и дошел с отрядом до села Сокол в Неготинской Крайне. Отряду Цветко Поповича расквартированному в селе Камениця, находящемся между крепостью Ниш и местечком Шаркиой (Пирот) поручено охранять дорогу, ведущую в Ниш.
4. Отряды Евто Кисовича из Ягодины и Андрея Крушевца занимают позиции неподалеку от города Лесковца и населенных пунктов Лапи, Голаки и Приштины, расположенных вдоль границы с Албанией. Общая численность этих отрядов не превышает шесть тысяч воинов.
5. У Ени-Пазара находится двухтысячный отряд, которым командует зять Карагеоргия, Антон Плякич.
6. Пятитысячный корпус под командой Милоша Обреновича и воеводы Мутапа контролирует территорию между Выжгородом и Соколом. Основная часть корпуса была сосредоточена в г. Чачак и под Ужице.
7. Яков Ненадович из г. Валева командовал семитысячным корпусом, штаб которого находился под Зворником, правый фланг – у р. Сава, а левый – у г. Сокола. Я. Ненадовичу, по

inslav

словам митрополита, удалось установить связь с боснийскими христианами, которые время от времени снабжали сербов боеприпасами и продовольствием, а сербы за это охраняли христианское население Боснии от войск боснийских аянов, когда те на них нападали.

8. Сам же Карагеоргий во главе семи-восьмитысячного войска в сопровождении нескольких воевод, по уверению митрополита, отправился в Ужице.
9. Комендант Белграда и заместитель верховного вождя Младен Милованович с гарнизоном в одну тысячу человек находится в городе.

Перед отправкой этого письма, пишет митрополит Леонтий, в Белград пришло известие о победе сербских войск под командой полковника Цветко Петровича, которые в сражении под Нишем разбили турецкий отряд[17].

Из письма Карагеоргия Якову Ненадовичу от 2(14) апреля 1807 г. видно, что сам верховный вождь со своим войском находился в Руднецкой нахии и готовился к вторжению в Боснию с двух направлений. Карагеоргий надеялся призвать боснийских христиан к восстанию на всей территории Боснии. Согласно плану, изложенному в его письме от 2(14) апреля 1807 г., Якову Ненадовичу поручено собрать сербских ратников из Валевской и Шабацкой нахий, а также из Мачвы и сосредоточить их у берега реки Крины. С этой позиции воевода Стоян Чупич с частью ратников должен был войти на территорию Боснии и поднять восстание в селениях двух районов, Белины и Яня. Якову Ненадовичу тем временем следовало прибыть в Ужице к Карагеоргию для координации плана дальнейших операций в Боснии в районе Вышеграда. При планировании этих операций Карагеоргий исходил из предположения, что русские войска к этому времени должны перейти Дунай в районе Видина и отвлечь на себя основные силы турецких войск[18]. Я. Ненадович сообщал, что ему удалось собрать и повести его отряд к берегу Крины в 20-х числах апреля,

inslav

но Карагеоргий к тому времени уже занял Ужице. Однако крепость Сокол по-прежнему оставалась в руках турок. Для ее захвата у сербов не хватало боеприпасов и провианта. В Шабацкой нахии тогда народ испытывал «Великий голод»[19].

Корпус из состава российской Дунайской армии под командованием генерал-майора И.И. Исаева был послан в Малую Валахию для соединения с сербскими повстанцами 18(30) апреля 1807 г. Вместе с ним отправился и побывавший ранее в Сербии поручик на русской службе Бей Новокрещенов[20]. Генерал-майор И.И. Исаев позднее писал, что «вошед с отрядом войск в Малую Валахию, нашел оную разоренную совершенно, и войска бы крайне нуждались в продовольствии, ежели бы не старание и усердие крайовского каймакана логофета Самурпаша» и его помощника, крайовского ключаря Владиана. Из главного города Малой Валахии, Крайовы, корпус И.И. Исаева направился к Дунаю для соединения с сербскими повстанцами. Вместе с ними пошел и крайовский отряд под командой Самурпаша. Владиан же с частью местных пандур* остался в Крайове для защиты города от нападения турок. Когда русские разбили турок у села Изворие, Владиан со своими пандурами отправился на соединение с сербами. Но в это время турки со стороны Турну, Орсова и Никополя неожиданно вторглись в Крайовский Банат. Корпусу И.И. Исаева и пандурам Владиана пришлось срочно возвращаться обратно для защиты Крайовы. Только после изгнания всех турок из Крайовского Баната корпус И.И. Исаева и пандуры Владиана смогли идти на соединение с сербами. За активное содействие русским войскам и сербам И.И. Исаев позднее просил нового главнокомандующего Дунайской армией А.А. Прозоровского представить исправника Владиана к российской награде[21].

Между тем, сербский корпус М. Стойковича в 20-х числах апреля 1807 г. блокировал крепость Кладово. Прибывший

* Пандуры – местные полицейские, охранники дорог.

inslav

к этому времени к Дунаю со своим корпусом генерал-майор И.И. Исаев послал на помощь сербам 100 казаков уланского полка и 100 валашских пандур. Переправившись на правый берег Дуная, казаки и пандуры помогли сербам освободить большое число христиан, которые были согнаны турками из соседних сел для укрепления Кладово. Освобожденные христиане с их имуществом и скотом затем были переправлены на левый берег Дуная и поселены в Крайовском уезде Малой Валахии[22].

Активизация деятельности сербских повстанцев, направленная на соединение с российскими войсками, вызвала ответную реакцию со стороны австрийских властей. Митрополит Леонтий Ламбрович пишет по этому поводу: после отъезда валашского боярина Манолаки из Сербии австрийские власти начали создавать большие препятствия сербам для закупки провианта. Они повсюду стали изображать сербов бунтовщиками и злоумышленниками, осыпая их оскорблениями и бранью. В то же время австрийцы засылают в Сербию агентов из числа видных личностей, которые убеждают сербов решительно порвать с русскими и направить своих депутатов в Вену с просьбой о покровительстве австрийского двора, поскольку, якобы от его помощи зависит спасение сербов. Несмотря на то, что австрийцы запретили сербам проезд через их владения, руководители повстанцев неизменно уклонялись от прямого ответа на их предложения. К тому же австрийцы уже начали военные приготовления. «Они не перестают утверждать, – пишет Леонтий, – будто нам не следует ожидать поддержки со стороны России». В связи с этим белградский митрополит просил, чтобы российское командование направило в Сербию человека, который поставил бы в известность сербский народ, кто является его покровителем. «Кому на пользу маскироваться далее? – пишет митрополит. – Пусть каждый знает, и мы тоже знаем, кто наш друг и кто враг. В противном случае мы натолкнемся на еще больший риск, и было бы печально претерпевать такие тяготы и проливать столько крови, дабы самим себе причинить вред». Чтобы сербы не погибли, говорится

inslav

в письме, правительство России должно оказать им действенную поддержку. Получив реальную помощь от России, сербский народ непременно поверит в свое возрождение и не пожалеет своей крови в борьбе за свободу. Хотя сербский народ и мечтает о свободе, пишет Леонтий, но он лишен средств, которые помогли бы ему осуществить эту мечту. В постскриптуме митрополит добавляет, что сербские повстанцы только что заняли пригород и укрепления около Ужице, а вскоре, видимо, овладеют и самим городом[23].

По возвращении из Сербии боярин Манолаки привез уточненные сведения о численности воинских сил сербских повстанцев, на которые, по уверению К.Ипсиланти, «можно полагаться». «Число сербов и соседних с ними народностей, связанных общностью интересов и находящихся под их знаменами, достигает 150 тыс. человек, способных носить оружие и горящих нетерпением пустить его в ход, но достаточно вооружены и действуют всего 40–50 тыс. человек».

Однако, предупреждает К.Ипсиланти, агенты Порты и Франции хоть и не смогли склонить сербов на свою сторону, но, тем не менее, им удалось посеять недоверие к России, приводя в пример народы Мореи, Ионической республики и других областей Османской империи, которые якобы были покинуты русскими на произвол мстительных турок. Манолаки и его сербские друзья в ответ на это доказывали: «Таких бедствий… не случилось бы, если бы эти народы твердо и энергично поддержали бы российские войска, и что невозможно вызволить народы разобщенные, неуверенные, нестойкие в своих чувствах к своим самым святым интересам». По их настоянию уполномоченные Порты и их сторонники были высланы из Сербии, а сербы, пишет Ипсиланти, «поклялись оставаться верными России и нераздельными с ней».

Сербские воеводы заверили Манолаки в том, что при поддержке русских со стороны Валахии они смогли бы овладеть Видином и, прорвавшись через территорию Видинского пашалыка, соединиться с войсками Дунайской армии. Факт соединения

inslav

русских и сербов «явится сигналом к всеобщему восстанию». Однако сербы, пишет К.Ипсиланти, теперь «находятся в таком настроении, что мы можем встретиться и с гибельным отступничеством этой страны». Господарь обращал внимание на то, что австрийские власти не разрешают сербам забрать 4500 ружей, которые заготовили для них в Землине австрийские купцы. Причиной задержки является отсутствие у сербов наличных денег[24].

Занятый подготовкой переговоров о заключении мира с Пруссией, которые велись в Бартенштейне, министр иностранных дел России А.Я. Будберг получил известие о событиях в Сербии, происшедших 23 февраля 1807 г., с большим опозданием. Комментируя убийство сербами бывшего белградского паши, Будберг писал Михельсону 21 апреля 1807 г.: «Происшествие таковое, затрудняя еще более сближение сербов с Портою, тем не менее, оставляет сомнение, что они именно будут соглашать действия свои с нами. Остается нам наиболее питать в них таковые расположения, к чему Вы, милостивый государь мой, конечно, употребите все возможные средства»[25].

24 апреля 1807 г. в штаб Дунайской армии, который тогда находился в Бухаресте, прибыли три сербских депутата – П. Новакович Чардаклия, А. Лукич и Е. Гагич. Они вручили главнокомандующему письма верховного вождя, Правительствующего совета, воеводы Миленко Стойковича и «Записку требований» сербского народа. «Главнейшее» из этих требований, пишет Михельсон, «по которому депутаты делают более настояния, состоит в том, чтобы высочайше назначен был чиновник, который бы председательствовал в Совете их и руководствовал всеми делами их». Кроме того, депутаты просили направить в Сербию «инженерных офицеров», которые «привели бы в оборонительное состояние» сербские крепости и обучили сербских воинов «образу в оных защищаться». Тогда же депутаты сообщили, что их страна нуждается и в инженерах по горной части, так как в Сербии обнаружены «богатые рудники» которые сербы уже начали «искапывать». Но сами сербы, пишет Михельсон, «за неведением не могут извлечь

inslav

пользы, которую они предполагают возможною». Остальные пункты сербских требований сводились к снабжению их оружием, боеприпасами и деньгами. По получении оружия, уверяли депутаты, сербы смогли бы увеличить свое войско более чем на 20 тысяч. Мотивируя необходимость денежных субсидий, депутаты указывали на то, что в течение трех лет Сербия была лишена торговых выгод, а ее земля обрабатывалась недостаточно. Вместе взятое вынуждало сербских повстанцев покупать в Австрии за самую высокую цену не только продовольствие, но и все необходимое для борьбы и поддержания жизни.

Из имеющихся в распоряжении Михельсона средств он выделил для сербов 50 тыс. пиастров и приказал генерал-майору И.И. Исаеву, чтобы он принял в Крайове отряд сербов из корпуса М. Стойковича для обучения их «действовать пушками». «Сколь мог приметить, – пишет Михельсон, – они (сербские депутаты. – *В.Г.*) желают иметь в Совете перевес во власти военачальников своих, коих боятся. По сей статье осмелюсь представить, что и для нас без сумнения было бы выгоднее иметь посреди сербов человека, действующего умами их по нашему направлению, тем паче, что если продолжение войны будет неизбежно, тогда сербы сделаются для нас весьма нужны и могут быть весьма полезны»[26].

В письме Будбергу Михельсон писал, что французский посол Себастиани внушает туркам мысль будто бы русские хотят разрушить Османскую империю. Поскольку восставшие христиане в балканских владениях султана испытывают нехватку в оружии и боеприпасах, то им, по мнению Михельсона, понадобится несколько тысяч ружей, сабель, пистолетов, порох, свинец, деньги и т.д. «Чтобы показать народам, что мы искренно думаем о их спасении, – пишет Михельсон Будбергу, – то нужно бы начать в Молдавии и Валахии хотя некоторым временным образованием правительства, образовать также и правительство сербов, обнадежить болгар и греков, что не будут и они оставлены. При таком положении дел можно, несомненно, надеяться, что будет положен конец всякой возможности

inslav

для Порты быть нам опасною, каковою, конечно, уже она не будет, когда отторгнется от нее вся Бессарабия, а Молдавия и Валахия и Сербия воспримут образованное бытие, хотя бы то было и под верховной властью Порты»[27].

Сербские депутаты, между тем, отправили из Бухареста послание Александру I, в котором сообщали, что все имевшиеся у сербского народа просьбы и пожелания они изложили Михельсону. Российского же государя депутаты просили о том, чтобы он прислал в Сербию «одного способного министра». «Но на случай, ежели не будет возможно скоро оттудова (из Петербурга. – *В.Г.*) определить и такового сюда прислать для скорого и нужного у земли нашей порядка, – пишут сербские депутаты, – мы за время приемам и господина генерала Константина Константиновича Родофиникина. Однако какой бы министр для нас самый лучший был, это мы положим на в.и.в-ва благоразумие, и того приемам, которого в.и.в-во отправлять будет»[28].

Михельсон, со своей стороны, писал Карагеоргию, что теперь, когда Порта объявила войну России, у нее появилось полное право не только защищать их дипломатическим путем, но и оказывать более действенную помощь. «Защищая веру и отечество, – пишет Михельсон Карагеоргию, – Вы обратили на себя внимание всей Европы; самые враги Ваши не могли не удивляться твердости духа Вашего, благоразумию и отличной храбрости Вашей. Всевышний, видя правоту намерений сербского народа..., увенчал оные блистательными успехами, и Вы уже приобрели право на признательность отечества Вашего». Но пока Сербия еще не добилась достойного ее политического статуса и не может в полной мере выразить свою признательность своему верховному вождю, то император России, со своей стороны, награждает верховного вождя сербов Карагеоргия мечом с надписью: «Защитнику веры и отечества»[29]. При отъезде сербской депутации из Бухареста Михельсон передал им 50 тыс. пиастров для М. Стойковича и две сабли: одну, с алмазными украшениями и надписью, для Карагеоргия, а другую для М. Стойковича. Самим же депутатам «для ободрения» были пожалованы перстни с алмазами[30].

inslav

2. Характер взаимодействия российских войск Дунайской армии с корпусом сербского воеводы М. Стойковича в Малой Валахии и Неготинской Крайне

В последних числах апреля 1807 г. войскам видинского военачальника Молла-паши удалось блокировать недавно расчищенные пути сообщения между корпусом российских войск под командой генерал-майора И.И. Исаева, который находился в Малой Валахии неподалеку от Крайовы, и сербским корпусом М. Стойковича. В связи с этим Михельсон 29 апреля (11 мая) 1807 г. приказал отогнать видинских турок от пунктов, через которые была налажена связь с сербами[31]. Однако еще до получения этого приказа И.И. Исаев отрапортовал, что он со своим корпусом намерен двигаться к берегу Дуная и, разбив заслоны видинских войск, находившиеся неподалеку от Крайовы, будет двигаться к населенному пункту Чернецы (Чернеча), где и восстановить разорванную турками коммуникацию с сербами, если они найдут это удобным[32].

Сербский корпус М. Стойковича и отряд Петра Теодоровича Добринца к этому времени вошли в пределы Видинского пашалыка. Разбив у села Штубик одну из застав Молла-паши, сербы в ожидании подхода российских войск заняли оборонительную позицию. Характеризуя сложившуюся к 3 мая 1807 г. ситуацию, М. Стойкович писал, что у них происходят мелкие стычки, в которых участвуют от 60 до 70 видинских воинов. Если вовремя подоспеют к Дунаю российские войска и сербский корпус Карагеоргия, то они все вместе смогут очистить правый берег Дуная до реки Тимок. Однако, предупреждал М. Стойкович, к Штубику вскоре могут подойти и войска Молла-паши, которые уже выступили из Видина с орудиями. На помощь видинским войскам спешат Кусанджали Халил из Поречья, Юсуф-ага из Берковца и Мехмед-ага с двумя тысячами арнаутов[33]. Тогда же М. Стойкович просил передать в штаб российской армии, что как только будет получено известие о подходе русских к Видину, то и сербы начнут подтягивать

inslav

туда свое войско. В самом Видине, по имеющимся у М. Стойковича данным, теперь нет и одной трети от общего числа войск Молла-паши, поскольку большая его часть выступила навстречу сербам[34].

На следующий день, т. е. 4(16) мая 1807 г., М. Стойкович отправил в Бухарест письмо, адресованное сербским депутатам. В нем сообщалось, что войска Молла-паши с пушками уже подошли к Малайнице и стали лагерем напротив окопавшихся сербов. В завязавшихся сражениях войска видинского паши несут большие потери. Они каждый день вывозят с поля боя до 10 повозок убитых и раненых. Поскольку сербы не смогут долго выдерживать атаки противника, то М. Стойкович просил депутатов убедить Михельсона как можно скорее подвести российские войска к Дунаю в районе селения Прахово, где должны соединиться русские и сербы[35].

Михельсон, между тем, 7 мая 1807 г. был вынужден покинуть Бухарест и отправиться под Измаил, поскольку командовавший осадой этой крепости генерал-майор К.И. Мейендорф заболел. Перед отъездом в Измаил Михельсон отправил И.И. Исаеву приказ – как можно скорее идти на помощь корпусу М. Стойковича и снабдить его боеприпасами, провиантом и амуницией[36]. В данной связи следует иметь в виду, что сама Дунайская армия не имела полного комплекта ни личного состава, ни вооружения, ни боеприпасов, ни продовольствия. Михельсон по этому поводу писал Будбергу, что провиантские части осенью 1806 г. смогли запасти провиант для 50-тысячной армии только на 4 месяца. К маю 1807 г. на армейских складах был израсходован почти весь запас фуража. Хлеб со складов отпускали «дурной и гнилой, а круп при всех стараниях до сих пор нельзя достать было». Главнокомандующий просил организовать доставку хлеба и овса со складов, расположенных на территории России[37].

Турки же, тем временем, ухитрялись заготавливать продовольствие и фураж в Малой Валахии. В частности, И.И. Исаев рапортовал в штаб Дунайской армии о том, что в первых числах

inslav

мая 1807 г. в Малой Валахии появился отряд турок из Джурджу численностью до 400 человек, который занимается заготовкой провианта и даже сгоняет тамошних жителей на ремонт и строительство укреплений. В связи с этим Исаев был вынужден послать эскадрон кавалерии, который вступил в бой с турками у с. Уриц близ Дуная. В ходе боя было убито более 20 турок, а остальные, переправившись через реку, ушли в сторону Видина. Появление русского корпуса в Малой Валахии, пишет генерал-майор И.И. Исаев, «столько впечатлило в турках страху, что они везде, оставляя свои стражи, перебираются на ту сторону Дуная, а обыватели крайовские, обрадовавшись тому, из пустынь, где варварами загнаны были, начали собираться; пока я очистю другую половину Баната и проведу цепь по-над Дунаем аванпостами, тогда без сомнения наполнен будет город (Крайова. – *В.Г.*) жителями».

Утром 7(19) мая 1807 г. в Крайову прибыли пять посыльных М. Стойковича, которые везли письма сербского воеводы, адресованные Михельсону и крайовскому каймакаму. И.И. Исаев отправил с ними письмо М. Стойковича, в котором сообщал, что его корпус готов соединиться с сербами, однако отсутствие провианта не позволяет ему перейти на правую сторону Дуная. Располагая 10-дневным запасом провианта и боеприпасов, Исаев принял решение перевести часть корпуса на остров, расположенный на середине Дуная. Не поспевавший за быстрым маршброском корпуса обоз к 7 мая 1807 г. смог доставить в Крайову только 150 пудов свинца, а провиант и порох были еще в пути[38].

Крайовский каймакам выделил в помощь корпусу Исаева 1200 пеших и 100 конных воинов из числа наемников. Исаев писал по этому поводу Михельсону: «Я справедливо доложу: в них и во всех арнаутах надежды мало, никак удержать от грабежей нельзя; строгость разгонит их». Для наведения дисциплины и порядка Исаев назначил в отряды наемников и пандуров опытных офицеров, урядников и казаков, которые должны были организовать из этих отрядов сторожевые посты и заставы для охраны Крайовы от нападения турецких

inslav

войск со стороны Турну, Орсова и Видина. Организовав более или менее надежное прикрытие столицы Малой Валахии Крайовы, Исаев 10(22)мая 1807 г. готовился выступить на соединение с корпусом М. Стойковича, но в тот же день получил новый приказ Михельсона, который предписывал: «Открыв коммуникацию с сербами, стараться, чтобы они переправили на нашу сторону человек тысячу. Но в сем Вам настаивать не нужно, а, напротив, должно показывать виды, что Вы к ним переходите. Можете, однако ж, и Вы к ним посылать свои партии для поисков и истребления неприятеля, с тем, однако ж, чтобы оным не удаляться от берегов Дуная. В одном только случае остается Вам соединиться с сербами, если бы от больших неприятельских сил предстояла Вам невозможность к отступлению сюда, и опасность быть совсем отрезанным»[39]. Уезжая из Бухареста в Измаил, Михельсон поручил генерал-лейтенанту М.А. Милорадовичу отправить к Исаеву для сербов дополнительно 4 орудия, 650 пудов свинца и 30 пудов пороха, которые и были отправлены 9 мая 1807 г. в сопровождении 100 казаков под командой поручика Галлера[40].

Оценивая ситуацию на русско-турецком фронте, сложившуюся к 10 мая 1807 г., Родофиникин писал Разумовскому: «Корпус генерал-майора Исаева, отправленный в Малую Валахию, начал свое дело истреблением последнего гнезда турецкого, которое там оставалось». После этого российские войска подошли к Дунаю и установили связь с корпусом М. Стойковича, который, получив подкрепление, «сильно теснит» видинских турок. «Три уже дела было, – пишет Родофиникин, – и на всех трех первые (сербы. – *В.Г.*) оставались победителями. Сам Черный Георгий обещает вскорости прибыть к тому пункту с корпусом своим»[41]. Возвратившийся из Крайовы в Бухарест переводчик Д.Х. Джайкович, который сопровождал обоз со свинцом, сообщил, что 10 мая 1807 г. корпус Карагеоргия подошел к Штубику и соединился с корпусом М. Стойковича. По его же информации, в корпусе М. Стойковича находятся 150 матросов, которые раньше занимались вождением легких судов по Дунаю

inslav

и хорошо знают фарватер реки. К.Ипсиланти согласился взять всех речников на свое содержание, имея в виду использовать их на кораблях Дунайской флотилии[42].

На других участках русско-турецкого фронта российские войска, по оценке Родофиникина, «оставаются без действия» в связи с тем, что Мустафа-паша Байрактар с большей частью своего войска отправился к Пловдиву на войну с Исмаил-беем Серрским и эммином-Али, войска которых вторглись в его владения. Против войск Мустафы Байрактара сражались также Иликли-оглу Силистрийский и аян из Мачина, которым Мхельсон по распоряжению царя должен был заплатить 21 тыс. червонных, «дабы тем поставить их в возможность наиболее привлекать к себе людей из войска Мустафы Байрактара»[43]. После поражения в боях с объединенными силами вышеназванных аянов, Мустафа Байрактар, по свидетельству Родофиникина, отправился в Шумлу на свидание с великим визирем. По данным российской разведки, под командой самого великого визиря к 7 мая 1807 г. находилось до 10 тысяч янычар и около 20 тысяч кавалерии из азиатских владений Турции. Янычары 6 мая 1807 г. вошли в Базарджик, чтобы оттуда отправиться к Измаилу[44]. А.К. Разумовский, в свою очередь, извещал А.Я. Будберга о том, что бейлербей Румелии получил предписание Порты еще раз предложить Карагеоргию возобновить переговоры о заключении мира при посредничестве константинопольского патриарха. «В случае отклонения этого предложения, – а его ожидают, – все сербы и присоединившиеся к ним сторонники независимо от пола и возраста, – пишет Разумовский, – должны быть преданы смерти. Сербы были извещены о таком намерении турок, но, несмотря на это, они сосредоточились невдалеке от Видина и, по всей видимости, по первому сигналу заставят мусульман дорого заплатить за такое кровавое предписание Порты». По доходящим из Румелии известиям, пишет Разумовский, «недовольство болгар также дошло до крайности, и есть основание предполагать... что они в массе примкнут к сербскому делу, как только установится с ними

inslav

связь... При большом желании это можно было бы осуществить путем нескольких решительных ударов»[45]. Аналогичные сведения посол сообщил и находившемуся в Измаиле Михельсону[46].

Между тем, передовой отряд из корпуса И.И. Исаева 13 мая 1807 г. вышел к условленному ранее месту на берегу Дуная, где должно было состояться соединение. Один из приезжавших в Бухарест сербских депутатов, член Правительствующего совета Е. Гагич, который на обратном пути остался в корпусе И.И. Исаева и сопровождал его до Дуная, 22 мая 1807 г. писал в Правительствующий совет: «Мы с г-ном генералом Исаевым на Дунае сидим уже 9 дней и каждый день отправляем по одному человеку к г-ну Миленку, и еще ни один из посланных не возвратился с известием, ни же знаем довольно, какова тому причина. Однако, что наши к Дунаю не приходят, видно, что турков будет против их много, потому что ежели бы турков много не было, наши бы к Дунаю непременно пришли». Чтобы выяснить причину, помешавшую войску М. Стойковича выйти к условленному месту соединения с русскими, И.И. Исаев отправил на правый берег Дуная разведывательный отряд, который неожиданно столкнулся с турецким корпусом Кусанджала Халила. Как выяснилось, этот корпус численностью в 1800 человек несколько дней назад перекрыл дорогу, ведущую в Поречье, оставив, таким образом, войско Стойковича без боеприпасов и продовольствия. Основные же силы Молла-паши Видинского численностью до 20 тыс. человек блокировали корпус М. Стойковича у с. Малайницы. По показаниям валашских пандуров, служивших в войске Молла-паши, у Ниша также формировалась значительная группировка турецких войск. По словам Е. Гагича, тогда же начали наступление на сербов и боснийские турки[47].

Генерал-майор И.И. Исаев иначе характеризовал ситуацию, сложившуюся на участке, где действовал его сравнительно небольшой корпус численностью в тысячу человек. Подойдя к Дунаю, пишет Исаев в рапорте от 22 мая 1807 г., «левую сторону реки... очистил, турок одних истребил, а другие от страху

inslav

за Дунай бежали». В местечке Алба-Извориле 14 мая 1807 г. был истреблен турецкий гарнизон, а из Калафата бежало до 300 турок. Вскоре войска Исаева блокировали укрепленный пункт на дунайском острове Кербов, где находилось до 200 турок и 2 орудия, которые мешали переправе на другой берег реки. Сербские войска, располагавшиеся у с. Штубик, согласно рапорту генерала, находились от корпуса Исаева не далее 15 верст и, следовательно, должны были слышать не только пушечную, но и ружейную стрельбу русских. Не видя приближения сербов, Исаев нашел бессмысленным штурмовать укрепление на острове Кербов, но на всякий случай продолжал держать его в блокаде. 22 мая 1807 г. И.И. Исаев из трех разных мест вновь отправил посыльных Стойковичу. Если и на этот раз посыльные вернутся без ответа, пишет Исаев, то «оставя берега дунайские, отступлю к Крайове, обеспечу отряд, расположенный в нужных местах, аванпостами, а получу (ответ от сербов. – *В.Г.*) – останусь». Если бы удалось установить связь с сербами в ближайшие дни, делился с Милорадовичем своими соображениями Исаев, то «можно б чудеса настроить». Успеху совместных действий русских и сербов на Дунае, по мнению Исаева, могли бы способствовать всеобщая паника и страх задунайских турок, о чем рассказывали возвратившиеся с правого берега Дуная валашские пандуры, служившие в войске видинского паши[48].

Последние письма И.И. Исаева и Е. Гагича посыльные вручили Карагеоргию 24 мая 1807 г., когда он со своим отрядом подошел к местечку Плавне, находившемуся в двух часах езды от лагеря М. Стойковича. В ответном письме Е. Гагичу верховный вождь выражал чувства удовлетворения и радости по поводу появления российских войск на острове Кербов и их намерения соединиться с сербами. Но в том же письме Карагеоргий предупреждал, что он не сможет пойти навстречу корпусу Исаева до тех пор, пока не поможет М. Стойковичу выйти из окружения, на что потребуется несколько дней[49].

inslav

Пока российские войска в Малой Валахии искали пути соединения с сербами в районе Крайовского Баната, в Константинополе в последних числах мая 1807 г. произошел государственный переворот. Недовольные реформами сановники, янычары и их союзники ямаки сначала вынудили султана-реформатора подписать указ об упразднении «новой системы», а затем 17(29) мая 1807 г. заставили Селима III отречься от власти в пользу Мустафы IV[50]. При новом султане влияние французов на Порту еще больше усилилось. Под руководством французского посла Г. Себастиани в Константинополе был разработан и утвержден Портой новый стратегический план ведения войны с Россией. Приняв во внимание, что в конце мая 1807 г. главные силы Дунайской армии русских были сосредоточены под Измаилом, а в Бухаресте оставался один корпус генерал-лейтенанта М.А. Милорадовича численностью не более 7 тыс. человек, турки, по подсказке французских советников, приняли решение начать наступление на Бухарест силами 16-тысячной армии[51]. В связи с этим Михельсон предупреждал Исаева, что если корпус Милорадовича будет вынужден оставить Бухарест, то корпусу Исаева после соединения с сербами надлежит «угрожать неприятелю со стороны Видина, и елико возможно будет удерживать от покушения на Бухарест». Такая задача, полагал главнокомандующий, вполне посильна корпусу Исаева. Если же по каким-либо причинам соединение с сербами не состоится, тогда, приказывал Михельсон, «в случае опасности, отступая, переправиться Вам через реку Ольту и елико можно выше (по течению. – *В.Г.*) и пробиться, оставя Бухарест, вправо на Торговист или выше, либо ниже, к тому месту, где корпус находиться будет»[52].

В конце мая 1807 г. из Петербурга сообщили, что царь «соизволил предоставить на рассмотрение» главнокомандующего Дунайской армией кандидатуру представителя России в Сербии. Михельсон принял решение направить туда в этом качестве К.К. Родофиникина. В связи с этим Родофиникин 29 мая 1807 г. запросил Михельсона, приехать ли ему к Измаилу

inslav

в ставку главнокомандующего или же ожидать приезда Михельсона в Фокшаны, где тогда находились двое приезжавших в Бухарест сербских депутатов и сам Родофиникин[53]. Михельсон распорядился, чтобы Родофиникин прибыл к нему под Измаил для получения наставлений и денег, которые нужно было передать сербам[54]. Будбергу же Михельсон писал по этому поводу, что, по его мнению, посылка Родофиникина в Сербию будет небесполезной, поскольку она «существенную пользу принести может в течение дел сего края»[55].

И.И. Исаев, между тем, получив сообщение от Милорадовича о сосредоточении в нескольких местах турецких войск, которые готовились к наступлению на Бухарест, и о намерении вывести свой корпус из этого города, 1(13) июня 1807 г. рапортовал Михельсону: «О месте открытия коммуникации (с сербами. – *В.Г.*) на многие мои посылки от сербов не имею ответа. А посему, видя затруднительность в ней, чтобы не подвергнуть опасности войска, вверенные мне, собравши все оные, вскорости приготовляюсь к походу»[56]. Узнав о намерении Исаева отвести корпус от берега Дуная и возвратиться в Крайову, сопровождавший его сербский депутат Е. Гагич немедленно известил об этом двух других сербских депутатов, которые ожидали в Фокшанах К.К. Родофиникина. П. Новакович и А. Лукич, в свою очередь, поставили об этом в известность Михельсона. Они просили главнокомандующего отменить приказ об отводе корпуса Исаева и разрешить ему переправиться на правый берег Дуная, чтобы идти к с. Штубику на соединение с войском М. Стойковича. «Если генерал Исаев ретираду сделает, – писали депутаты, – тогда вся надежда и помощь сербская пропала, и сербы, на русскую помощь надеющиеся, таким образом могут пропасть вечно»[57]. Вернувшись в Крайову и убедившись в относительной безопасности главного города Малой Валахии, который начинал постепенно наполняться бежавшими от турок жителями, И.И.Исаев принял решение оставить для охраны города небольшую часть войска под командой полковника Пеича и самому с корпусом

inslav

возвратиться к берегу Дуная[58]. Карагеоргий в это время напал на турецкое войско, которым командовал князь Суцу, и, разбив его, подошел к противоположному берегу Дуная и занял остров Мар[59].

Письмо сербских депутатов Михельсон получил только 2(14) июня 1807 г. и в тот же день написал Будбергу: «Генерал-майору Исаеву, однако же, я не предписывал ретироваться и надеюсь, что и генерал-лейтенант Милорадович не дал ему такое повеление без необходимости». Прибывший в Фокшаны Родофиникин по распоряжению Михельсона успокоил сербских депутатов[60]. Днем раньше Михельсон известил Будберга о получении писем, в которых царь сообщал ему о поездке маркиза Ф.О. Паулуччи в Сербию и предписывал передать в управление Молдавского дивана те турецкие районы (райи), которые уже были заняты войсками российской армии[61].

Первое известие от М. Стойковича генерал И.И. Исаев получил 1(13) июня 1807 г. Посыльный сербского воеводы привез радостную весть о победе сербов у села Штубик и о намерении сербов установить связь с русским корпусом через остров Кербов, который был блокирован войсками Исаева. В письме сербским депутатам М. Стойкович сообщал, что в бою под Штубиком его воины «много турок побили; до 50 возов раненых в Видин привезено». По получении этого известия И.И. Исаев на следующий же день выступил с корпусом из Крайовы и «поспешным маршем» двинулся к Дунаю на соединение с сербами[62]. Находившиеся в Фокшанах П. Новакович и А. Лукич, по сообщению Родофиникина, вскоре после победы у Штубика получили письмо от Карагеоргия, в котором верховный вождь предписывал депутатам как можно скорее возвращаться в Сербию со всем тем, что им дал Михельсон, поскольку до 50 тыс. турок подступили к Нишу и готовятся атаковать сербов[63].

Корпус генерала Исаева подошел к берегу Дуная у села Гогош 5 июня 1807 г. и с ходу захватил 6 турецких судов, которые в это время плыли вверх по течению. Помимо прочих грузов там оказалось и 300 четвертей пшеницы. На этих судах

inslav

корпус Исаева был переправлен на остров Кербов, с которого поспешно бежали засевшие там 200 турок[64]. Вечером 8 июня 1807 г. к правому берегу Дуная подошел и сербский корпус М. Стойковича численностью до тысячи воинов. Сербский воевода в сопровождении нескольких человек переправился на остров Кербов и встретился с И.И. Исаевым. После непродолжительной беседы Исаев принял решение переправить весь свой корпус на правый берег Дуная для совместной с сербами атаки 5-тысячного корпуса видинского паши, который еще продолжал оказывать сопротивление сербам. На том же совещании было решено, что после разгрома видинских турок корпус Исаева вернется на левый берег, а корпус М. Стойковича останется на правом берегу Дуная. Затем они займутся очищением обоих берегов реки от видинских войск. Карагеоргий же со своим корпусом отправится к границам Боснии, чтобы там действовать против боснийских турок, на помощь которым, по уверению М. Стойковича, через австрийские владения прошел отряд французов численностью в 800 человек[65]. Сам же Карагеоргий появился на острове Кербов только 11 июня 1807 г., Исаев принял его с почестью, подобающей верховному вождю сербского народа, и пытался обсудить с ним детали плана дальнейших совместных операций. Однако, оставшись крайне недовольным малочисленностью пришедших на соединение с сербами российских войск, Карагеоргий даже не захотел ни о чем разговаривать с Исаевым. «Посмотря укрепление, – пишет Исаев, – (Карагеоргий. – *В.Г.*) отошел к берегу Дуная и там со своими, митрополитом и чиновниками, под тенью дерев остановился». Не понимая причины, вызвавшей недовольство верховного вождя, Исаев вернулся в укрепление и послал своего переводчика Лиготовича выяснить, как следует объяснить столь несоответствующий обстоятельствам поступок. Вернувшись, переводчик в следующих выражениях передал ответ Карагеоргия. Верховный вождь сказал: «Мне себя не жаль, а сожалею о многих тысячах душ народа, ибо я скрывал почти четыре года, никому не объявлял (кроме тех, кому должно было

inslav

знать) о связях моих с Россиею. Сего году обстоятельства заставили обнаружить Австрийской империи, что нахожусь под покровительством российского императора, и, по обнадеживанию российских господ, ожидал гораздо более и более во всем пособия, но вместо того ни в чем, даже и в войсках, не нахожу его в то время, когда вся турецкая сила обрушена на меня. Австрийский же двор, негодуя на меня за то, строжайше запретил ни за какие деньги на войски мои хлеба не отпускать, отчего я с войском имею совершенный в оном недостаток». После объяснения с Лиготовичем Карагеоргий отправил к Исаеву М. Стойковича, который от имени верховного вождя просил Исаева переправить его корпус на правый берег Дуная, чтобы вместе с сербами атаковать турок у Штубика. Исаев вначале согласился только на эту операцию и сообщил об этом Милорадовичу. Однако в своем рапорте Милорадовичу Исаев писал, что во время совместных действий с сербами на правом берегу Дуная, город Крайова и весь Крайовский Банат остаются незащищенными от турок, сосредотачивавшихся на реке Ольте и готовившихся к нападению на Крайову. При случае эта группировка войск может нарушить связь корпуса Исаева с Бухарестом, откуда доставляются боеприпасы и продовольствие как для его корпуса, так и для сербов[66].

Карагеоргий, со своей стороны, писал П. Новаковичу и А. Лукичу в Фокшаны, чтобы они убедили Михельсона в необходимости оставить корпус Исаева на правой стороне Дуная для совместных действий с сербами. Но усилия корпуса Исаева, писал Карагеоргий, оказались настолько слабыми, что самому верховному вождю пришлось бросить все дела в Боснии и идти к Неготинской Крайне, чтобы выручать корпус М. Стойковича из окружения. После его ухода из Боснии, поясняет Карагеоргий, боснийские турки быстро усилились и начали наступление на Сербию. Им на помощь пришли французы, которые «тихим образом» прошли через австрийские владения и остановились в Зворнике. «Теперь, – пишет Карагеоргий, – не знаю, где мне ополчиться, здесь или там?» Отсутствие

inslav

у сербов пороха, свинца и провизии еще больше осложняет их положение, и Карагеоргий, по его словам, не знает, что теперь нужно делать: идти в Боснию на соединение с черногорцами или взаимодействовать с русскими на Дунае. «Знаете ли вы, зачем вы посланы и какую нужду мы имеем и зачем должность вашу не делаете, но хотите нас всех в пропасть положить, чтобы с головою не шутили, но смотрите как скорей, чтобы нам регулярное войско в помочь пришло и министр для управления, ибо если что в скорости не будет, из нас ничего нету через 8 дней, если не пойду из Крайны, пропадет нам весь куток Боснии и до самого Белграда неприятель хочет освоить, и поля не будем в состоянии ни с того другого края занять», – наставлял депутатов верховный вождь. Он требовал, чтобы депутаты как можно скорее убедили русское командование прислать на помощь сербам, по крайней мере, два батальона пехоты, два эскадрона кавалерии, которые необходимы «для образования сербского войска», и также как можно больше пороха, пушечных ядер разных калибров, инструменты и мастеров для добычи руд[67]. Взволнованность, беспокойство и обида верховного вождя на русское командование, видимо, были подогреты еще и тем, что на острове Кербов С. Пламенац передал Карагеоргию письмо Петра I Негоша от 9(21) марта 1807 г., в котором митрополит призывал верховного вождя послать часть сербских сил в Герцеговину для соединения с черногорцами и группировкой российских войск в Далмации. Но поскольку к тому времени, видимо, стало известно об отказе прорыва через Герцеговину для соединения с сербами, Карагеоргий в своем ответе митрополиту с огорчением писал, что для установления коммуникации между сербами и черногорцами, а также для отражения нападения босняков, сербам и черногорцам следует рассчитывать только на собственные силы и на крепость своего оружия[68].

Михельсон же, в свою очередь, недоумевал по поводу непонятной для него обиды Карагеоргия. Отвечая на рапорт Исаева от 12(24) июня 1807 г., он писал: «Поведение противу Вас вождя сербских войск… для меня тем паче странно, что он

inslav

имеет все возможные доказательства, сколь поспешно приняты были меры к соединению и снабжению сербских войск по первом отзыве о положении их всем тем, чем только на первый случай по настоящему положению дел снабдить было возможно, деньги неоднократно посылаемы были. С депутатами вновь отправлены равно артиллерия, порох и свинец, вслед коего сделано новое отправление немалого количества пороха и свинца, а вслед за сим имеет прибыть г-н д.с.с. Родофиникин с немалою суммою денег. Равно командированы часть войск греческих для соединения с сербами. Все сие должно доказать, сколь есть велико желание е.и.в-ва покровительствовать храброму сербскому народу, и я конечно не оставлю употребить все возможные меры при первом случае, который мне откроется исполнить сию высочайшую волю. Но между тем дайте заметить храбрым вождям, что обнажать нам Крайову не должно, паче того, что из сей провинции и сербским войскам после жатвы должно ожидать своего продовольствия... Требуемые Вами снаряды..., ежели не отправлены, то отправляются, а сверх того в непродолжительном времени могут прибыть для сербских войск еще 4 или 6 орудий...»[69].

Михельсон 11 июня 1807 г. предписал Родофиникину истребовать от правительства Молдавии 50 тыс. пиастров в счет доходов, получаемых им с населения Хотинского уезда (раи Хотинской), которые вместе с 50 тыс. пиастров, отпущенных Михельсоном, должны быть переданы сербам[70]. Родофиникин, в свою очередь, 12(24) июня известил Исаева о том, что сербский депутат Петр Новакович Чардаклия отправляется в его корпус, чтобы выяснить, может ли он, Родофиникин, без помех переправиться через Дунай для следования в Сербию[71].

Между тем, 14 июня 1807 г. корпус М.А. Милорадовича, разбив превосходящие силы противника у села Обилешти, приостановил наступление турок на Бухарест, что в значительной мере обезопасило и действия корпуса Исаева в Крайовском Банате.

inslav

16(28) июня 1807 г. Михельсон вручил К.К. Родофиникину инструкцию, в которой писал, что его поездка в Сербию осуществляется по высочайшему соизволению государя, а пребывание его там должно служить доказательством искреннего желания Александра I удовлетворить по возможности те требования сербского народа, которые были изложены их депутатами, недавно прибывшими в Бухарест к Михельсону. Если оправдается покровительство России в отношении сербского народа, напоминает в инструкции Михельсон, то при теперешнем политическом положении дел в Европе и в условиях войны России с Турцией совместное действие русской армии с сербами «большой перевес... и в успехах оружия российского произвести может». В инструкции, состоящей из 12 пунктов, Михельсон наметил следующий круг вопросов, которыми первое время должен заниматься Родофиникин в Сербии. По прибытии в Сербию Родофиникин, «сообразно собственному соображению», должен выбрать место пребывания, т.е. «сопутствовать ли Карагеоргию» или же оставаться, «где Совет народный пребывание имеет». В третьем пункте инструкции указывалось: «Нахождение Ваше у сербов, имея целью, между прочим, так, как в пунктах о прошении депутатов мне представлено от Вас было, дать народу сему руководство к образованию внутреннего у них правления, вашему превосходительству следует потому заняться образованием небезважного предмета сего, и что по оному учинено будет Вами или на мере положено, о том представляю Вам доносить министру иностранных дел и меня извещать». Другое важное задание Родофиникина состояло в том, чтобы он собрал с помощью самого Карагеоргия и членов Совета или же иным путем «вернейшие сведения... о количестве народа, оружие носящего и носить могущего, о прямых наклонностях, какими наиболее сербы побуждаемы к приверженности к России; отношениях посредственных или непосредственных, каковые иметь могли сербы прежде или и ныне не имеют ли с французами; о точном направлении и о дальнейших видах, каковые имели бы они

inslav

в действиях или операциях своих; о средствах к установлению надежной коммуникации из Сербии, с одной стороны, с российскою армиею, а с другой – с черногорцами; о надобности, каковую имеют они в оружии, в деньгах или иных каких-либо вспомоществованиях». Поскольку в поле зрения Родофиникина должно было входить «все пространство края сербского», то ему надлежало побывать в Белграде и других местах Сербии. Если в каком-либо месте будут обнаружены «властительство Порты» или же чрезмерное влияние Франции, то Родофиникин должен был разъяснить влиятельным в народе людям преимущество российского покровительства. Если Родофиникин твердо убедится в «приверженности» сербов к России, то он может уверить их и в том, что «приложено будет старание без замедления их наделить оным, сколько возможно, равномерно, что и в деньгах затруднения не будет..., одним словом, что не отринет е.и.в-во никаких возможных средств для поддержания их, коль скоро можно в них увериться, что они во всех действиях своих и направлениях неотклонными являться будут от того, чтоб сообразоваться с подвигами империи Российской, клонящимися, как всему свету известно, к устроению блага общего». Михельсон рекомендовал Родофиникину соразмерять степень его откровенности в отношении верховного вождя и других сербских чиновников со степенью их откровенности и доверия к нему. Изложенные выше намерения российского царя по оказанию помощи сербам должны, по словам Михельсона, «способствовать и к согласованию оборотов и действий оружия е.и.в-ва в здешних странах». В связи с этим Родофиникин должен был: «Стараться наивернее проникнуть всю обширность цели и плана военных действий сербов в том смысле, в каких пунктах предполагает Черный Георгий удерживаться оборонительно, в каких действовать наступательно и каким бы легчайшим средством думал он соединиться с войсками российскими.... Родофиникину поручалось также убедить Карагеоргия в том, что для самих же сербов будет полезнее переправить на левую сторону Дуная одну или две тысячи

inslav

их войска для совместных действий с корпусом Исаева, нежели чтобы он со всем своим корпусом перешел к ним на правый берег Дуная. В последнем случае весь Крайовский Банат останется без защиты и коммуникация сербов с российской армией в Валахии будет разорвана. Однако Родофиникин не должен настаивать на переходе сербов на левый берег Дуная, если Карагеоргий будет в этом упорствовать. Родофиникину предписывалось договориться с К. Ипсиланти, чтобы он послал так называемый греческий корпус майора Пангалоса на помощь сербам. Родофиникину выделялось 100 тыс. пиастров, из которых 50 тыс. следовало уплатить за доставку сербам из Австрии 4500 ружей. И.И. Исаев получил приказ передать сербам шесть пушек, порох, свинец и прочие боеприпасы. Помимо прочего, Родофиникину поручалось договориться с Карагеоргием о том, чтобы при посредстве верховного вождя Михельсон мог поддерживать связь как с российскими войсками в Боке Которской, так и на Ионических островах. Кроме того, в обязанность Родофиникина включался и сбор сведений о численности французских войск в Далмации и т. д.[72]. Вместе с инструкцией Михельсон передал Родофиникину свои письма верховному вождю и Правительствующему Совету Сербскому. В письме Правительствующему Совету Михельсон поздравил его членов с победой сербов у Штубика над войском Молла-паши Видинского и сообщил о направлении к ним по их просьбе К.К. Родофиникина, которому поручено заботиться о нуждах сербского народа и «о способах сообразовать возможную пользу и единогласного действия войск е.и.в-ва в сих странах и воинства сербского, употребить себя на сотрудничество с вами в образовании устройства в правлении вашем, коего желаете вы для блага народного...»[73].

В письме Карагеоргию Михельсон писал: «Отправление к Вам г-на д.с.с.*) и кавалера Родофиникина да послужит Вам вящим доказательством, сколь приятно е.и.в-ву удовлетворить по возможности желанию Вашему, ибо предоставить мне государь

*) действительный статский советник.

inslav

император соизволил отправить его к Вам, яко особу, о коей просили сами депутаты Ваши, ко мне приезжавшие. Г-ну Родофиникину сделано потому препоручение лично изъясниться с в.пр-вом и с Советом народа славяно-сербского о всех нуждах Ваших и способах сообразить возможную пользу из согласования действий войск е.и.в-ва в сих странах и воинства сербского, употребить себя на сотрудничество с Вами в образовании устройства в правлении Вашем, коего желаете Вы для блага народного, и всем тем наивящше доказать о непременном покровительстве великого государя всероссийского. Прося Вас затем, достойный вождь славяно-сербский, иметь к г-ну д.с.с. и кавалеру Родофиникину доверенность во всех нуждах и в том, что он Вам предложит ко благу Вашему и к общему с нами содействию на покорение врагов, я с сердечным удовольствием при сем случае ваше превосходительство поздравляю с победою, над врагами вашими под Видином одержанною»[74].

Из лагеря под Измаилом, куда он был вызван Михельсоном, Родофиникин не сразу отправился в Сербию. Прежде он должен был заехать в Яссы и Бухарест для выяснения двух неприятных для него вопросов. В Яссах ему было поручено разобраться, почему правительство Молдавии отказывается давать провиант и деньги в сумме 50 тыс. пиастров, которые по распоряжению Михельсона предназначались для сербов[75]. В Бухаресте же Родофиникину предстояло договориться с К. Ипсиланти об отправке на помощь сербам формировавшегося на деньги господаря Валахии так называемого греческого легиона из 2500 наемников, которые уже успели зарекомендовать себя не с лучшей стороны. В связи с этим Михельсон писал Будбергу: «Не рассудит ли его светлость (К. Ипсиланти. – *В.Г.*) послать для соединения с сербами новонабранных греческих своих волонтеров майора Пангало, которые полезнее, может быть, там будут, нежели в Валахии, ибо, не являясь долго они к своим местам для содействия с нашими войсками, занимались они только грабежами селений»[76]. В тот же день, т. е. 17(29) июня 1807 г., Михельсон отправил в Фокшаны

inslav

с посыльным составленную для Родофиникина инструкцию с указанием его задач в Сербии, письма Карагеоргию и Правительствующему совету, а также 100 тыс. пиастров для сербов. Часть этих денег предназначалась для уплаты за 4500 ружей, находившихся в Землине у австрийских торговцев, которые согласились продать их сербам.

Из-за «болезни», а точнее по другим соображениям, Родофиникин не поехал в Бухарест, а остался в Фокшанах. Оттуда он 19 июня 1807 г. писал Милорадовичу в Бухарест, что в соответствии с повелением Михельсона от 16(28) июня 1807 г. он запросил К. Ипсиланти о его согласии отправить на помощь сербам волонтеров под командой майора Пангалоса и получил положительный ответ господаря. Но поскольку «болезнь» Родофиникина не позволила ему приехать в Бухарест, то он решил отправить туда к Милорадовичу капитана Яшменицкого, который должен получить в Бухаресте порох и свинец для сербов, а затем, присоединившись к легиону майора Пангалоса, отправиться с ним в Крайову. Родофиникин советовал Милорадовичу отправить отряд Пангалоса в Крайову «верхней дорогой» через Питешти, поскольку, двигаясь «по прямой дороге», отряд не найдет нигде ни подвод, ни хлеба, ни фуража, а кроме того, войска Мустафы Байрактара могут напасть на отряд[77]. Михельсону же на следующий день Родофиникин сообщил, что он получил известие из Константинополя о разгроме у Тенедоса турецкого флота эскадрой Д.Н. Синявина. Родофиникин пишет, что, несмотря на сокрушительное поражение на море, «турки продолжают чинить приуготовление противу нас и что умы в Константинополе не переменились; Себастиани начинает опять брать прежнее влияние, и Порта согласилась принять французских инженерных офицеров, кои назначены для нахождения при армии великого визиря». По свидетельству Родофиникина, в Силистрию прибыли до 8 тыс. янычар и багаж нового великого визиря[78].

inslav

Тем временем части корпуса генерал-майора И.И. Исаева на захваченных у турок судах начали переправляться через Дунай с левого на правый берег. Из-за сильного ветра переправа продолжалась три дня. Последние подразделения корпуса переправились на правый берег в 4 часа пополудни 17 июня 1807 г. Перед началом переправы Исаев отправил Михельсону рапорт, в котором просил главнокомандующего ускорить присылку двух донских пушек-единорогов, пороха, свинца и прочих боеприпасов, в которых особенно нуждались сербы[79]. Михельсон, в свою очередь, отправил Исаеву приказ, разрешающий его корпусу действовать на правом берегу Дуная вместе с сербами против 5-тысячного войска Молла-паши. Согласно приказу, Исаев, угрожая Видину и его округе, не должен был упускать из виду и защиту Крайовы и Крайовского Баната. Одновременно главнокомандующий предупреждал и о том, что просимые сербами два батальона пехоты и два эскадрона кавалерии, а также пушки-единороги он не сможет отправить к ним до тех пор, пока армия не одержит победу над турецкой, основные силы которой во главе с великим визирем находятся под Калорашем[80]. Для усиления корпуса генерал-майора Исаева Михельсон смог выделить один батальон под командой капитана Исаева, который был взят из Донского атаманского полка[81]. Кроме того, на помощь сербам был отправлен греческий легион майора Пангалоса и отряд Мины Никшича численностью в 200 человек, который был сформирован под Херсоном из сербских переселенцев. В это же время в Дунайских княжествах и на территории России формировались и другие добровольческие отряды из числа балканских христиан.

Пока И.И. Исаев и сербские воеводы разрабатывали и уточняли планы совместных операций на правом берегу Дуная, в Рымник 6(18) июня прибыл маркиз Ф.О. Паулуччи с особым поручением Александра I и министра иностранных дел России А.Я. Будберга.

inslav

3. Поездка маркиза Ф.О. Паулуччи в Сербию

В начале мая 1807 г. в Бартенштейне велись переговоры между российским царем и королем Пруссии об условиях совместных военных действий против Франции. В этот период Александру I и А.Я. Будбергу был представлен маркиз Ф.О. Паулуччи, который изъявил желание вступить в российскую службу. В Бартенштейне ему было дано задание собрать в Далмации сведения о дислокации и численности французских войск, а затем отправиться в Сербию с другим поручением.

Согласно данной ему инструкции А.Я. Будберга, Ф.О. Паулуччи по прибытии в Белград должен был выполнить следующее задание: определить, в каком состоянии находится белградская крепость, уточнить общую численность сербского войска и как относится сербский народ к России, имеются ли среди сербов сторонники Франции и Австрии, каковы военные планы вождя сербского народа, намереваются ли сербы взаимодействовать с которской группировкой российских и черногорских войск и т. д. Наряду с этим ему поручалось заверить сербов в готовности правительства России оказывать помощь деньгами, оружием и всем необходимым для совместной борьбы с турками. По прибытии в Сербию маркиз должен был встретиться с Карагеоргием, передать ему письмо А.Я. Будберга и выяснить планы верховного вождя, касавшиеся оборонительных и наступательных операций сербских повстанцев, а также его личное отношение к России и каким путем верховный вождь намеревается установить коммуникацию с которской группировкой российских и черногорских войск[82].

В письме к Карагеоргию, которое маркиз должен был вручить верховному вождю лично, А.Я. Будберг писал: «Российский полковник маркиз Паулуччи... имеет особенное поручение осведомиться о нуждах ваших, равно и о способах извлечь величайшую пользу из единогласного действия войск его величества, на Дунае находящихся, и неустрашимого воинства, Вами предводительствуемого». Рекомендуя Карагеоргию иметь

inslav

к маркизу Ф.О. Паулуччи «полную доверенность во всем, что он скажет от имени высочайшего двора», А.Я. Будберг, со своей стороны, заверял верховного вождя в том, что командование Дунайской армии будет оказывать сербам «всякое пособие, к дальнейшим подвигам противу общего неприятеля способствовать могущее», насколько позволят ему обстоятельства[83].

Из Бартенштейна Ф.О. Паулуччи поехал по дороге, идущей вдоль границы австрийской Хорватии с Далмацией и Боснией. Задержавшись на некоторое время в Фиуме (Риека), затем проследовал через города Нови, Сень, Оточац и т. д. На этом отрезке пути он лично убедился в том, что в Боснию вошел французский корпус численностью в 1500 человек под командой генерала Лонэ, к которому присоединились 1500 вооруженных рагузинцев. Около Требинье находилось от 4 до 5 тыс. воинов требиньского паши, которые, по предположению Паулуччи, готовились напасть на Сербию со стороны Зворника. Паулуччи узнал также, что главнокомандующий французскими войсками в Далмации генерал О. Мармон приказал отправить транспорт с оружием и боеприпасами для вооружения католиков Боснии. В пограничных крепостях Книн и Сень французы создали склады оружия и боеприпасов. Из Книна французы предполагают действовать против сербов, а из Сеня – против черногорцев. Подготовка французов к совместному действию с турками и рагузинцами против сербов побудила маркиза, по его словам, скорее отправиться к вождю сербского народа и согласовать с ним план военных операций, окончательная цель которых – лишить Францию Далмации, отнять у Порты Боснию и Герцеговину и открыть дорогу к более широким операциям благодаря комбинациям, которые могли бы быть связаны с операциями армии генерала Михельсона, поддержанными корпусом сербов со стороны Видина и российскими войсками со стороны Измаила, а также с теми операциями, которые осуществляют черногорцы в Герцеговине, а русские войска – в Боке Которской. Проезжая через австрийскую Дубницу, Ф.О. Паулуччи пытался выяснить положение

inslav

и в турецкой Дубнице, которая отделялась от первой рекой Уной. Маркиз надеялся разведать, нельзя ли при вступлении сербов в Боснию обойти эти пограничные крепости. Небрежное отношение турок к приведению в порядок своих крепостей, поясняет маркиз, восполняется упорством, с каким они их защищают. «Самая плохая турецкая крепость, – пишет он, – стоит дороже, чем обходилось французам завоевание лучших укреплений Европы». В связи с этим Паулуччи намеревался при встрече с Карагеоргием предложить ему отказаться от штурма турецкой Дубницы и ограничиться ее блокадой, на что потребуется не более 500–600 человек. Следуя по дороге, идущей вдоль реки Сава, Паулуччи стал свидетелем вооруженного восстания в селе Руму, православные жители которого в последний день Троицы взбунтовались против своего помещика, графа Пасцевича (так написано в отчете Паулуччи. – *В.Г.*). Главе православной церкви в Австрии, митрополиту Ст. Стратимировичу, с большим трудом удалось усмирить трехтысячную толпу вооруженных христиан. Продвигаясь вдоль австрийско-турецкой границы, Паулуччи установил, что там располагалось 12 австрийских пограничных полков, каждый из которых состоял из 2 батальонов. Большую часть этих полков составляли православные сербы-граничары. Граничары, по наблюдению маркиза, жили в нищете и были крайне недовольны отношением к ним австрийских командиров, которые относились с пренебрежением как к своим подчиненным, так и к их религии. Венский двор, уверяет Паулуччи, знает об этом и весьма обеспокоен нарастающим влиянием России в соседней Сербии. В связи с этим австрийские власти путем изощренных интриг пытаются воспрепятствовать росту русского влияния среди граничар.

Когда после ряда приключений, случившихся с ним во время пересечения австрийско-турецкой границы, Паулуччи оказался в Белграде, то сербские повстанцы приняли его сначала за французского, а затем за австрийского агента. В связи с этим маркизу долго пришлось объяснять белградским властям

inslav

деликатный характер данных ему поручений, поскольку он не сразу решился показать им рекомендательное письмо А.Я. Будберга Карагеоргию, которого в это время, к тому же, не было в Белграде. Уяснив в общих чертах суть дела, белградские начальники отправили Ф.О. Паулуччи в Смедерево, откуда он 24 июня 1807 г. в сопровождении секретаря Правительствующего совета М. Груйовича был отправлен в лодке вниз по Дунаю в расположение корпуса И.И. Исаева[84].

4. Военные операции корпуса И.И. Исаева и сербских войск под командой Карагеоргия и М. Стойковича на правом берегу Дуная в районе селений Штубик и Малайница. Подготовка К.К. Родофиникина к поездке в Сербию

Переправившись на правый берег Дуная, корпус И.И. Исаева 18 июня 1807 г. соединился с корпусом М. Стойковича у села Штубик. По договоренности с Карагеоргием объединенные силы русских и сербов 19 июня 1807 г. в три часа утра атаковали 5-тысячное войско Молла-паши. В составе войск видинского паши находился и сильный отряд кирджалиев под командой Кусанджали Халила. Карагеоргий с частью сербских войск блокировал окопавшихся кирджалиев Кусанджали Халила, а Исаев при поддержке тысячи конных и пеших сербов, которыми командовал воевода М. Стойкович, начал атаку основных сил видинского паши, располагавшихся лагерем у села Малайница. В ходе ожесточенной схватки российские и сербские войска преодолели три оборонительных рубежа противника. Покинув последний рубеж, турки во главе с пашой бежали в Видин. Во время их панического отступления находившиеся в засаде валашские пандуры К. Ипсиланти во множестве уничтожали бегущих турок. Согласно рапорту Исаева, видинский паша в этом сражении потерял убитыми более 1 тыс. человек. Карагеоргий в своих письмах указывает, что число убитых турок превышало 1500 человек. В лагере турок

inslav

остались богатые трофеи: несколько пушек, боеприпасы, провиант и т. п. По словам Исаева, большая часть этих трофеев была отдана сербам[85]. Оставшись без боеприпасов и продовольствия, кирджалии Кусанджали Халила смогли сопротивляться менее двух дней. Через два дня совместными усилиями сербов, казаков Исаева и валашских наемников сопротивление кирджалиев было сломлено, большая часть их погибла в ходе ожесточенных боев[86]. По свидетельству Карагеоргия, в сражении под Малайницей потери сербов убитыми составили 200, а русских 130 человек[87]. По окончании боев под Штубиком и Малайницей верховный вождь, полагая, что сербские депутаты еще находятся в Фокшанах, отправил им письмо, в котором просил, чтобы П. Новакович и А. Лукич от его имени ходатайствовали перед Михельсоном о награждении генерал-майора Исаева, офицеров, казаков и солдат российского корпуса, как сказано в письме, «за их неописуемую храбрость». В том же письме Карагеоргий напоминал, чтобы депутаты привезли с собой в Сербию российского «министра», но только не грека, поскольку люди этой национальности, как сказано в письме, «много нам (сербам. – *В.Г.*) пакости и предательства чинили и никогда не будут с нами в дружбе»[88].

В письме Михельсону Карагеоргий, поблагодарив за подаренные ему и М. Стоковичу сабли, писал: «По соединении нашем с ген.-м-ром Исаевым мы, а особливо чрез неописуемую храбрость г-на генерал-майора и его войск, Мулла-пашу Видинского совсем разбили и 1500 турков истребили. Еще осталось 3 укрепленных шанца, в которых Гушанац-али, бывший начальник белградский, с несколько кирджалиев нашими окружен, которых совсем надеемся истребить». Ссылаясь на то, что боснийские турки «крепко ополчаются» против сербов, верховный вождь просил Михельсона прислать в Сербию, по его словам, «по крайней мере 4 тыс. войска российского регулярного за одобрения народа нашего, для уверения и политики странных владений (иностранных держав. – *В.Г.*), что Россия покровительница сербская была, есть и будет»[89].

Между тем, вскоре после поражения русской армии 2(14)июня 1807 г. под Фридландом Александр I принял решение

inslav

начать переговоры о прекращении военных действий с Францией. 15(27) июня 1807 г. он отправил Михельсону рескрипт, в котором писал: «Из прилагаемой здесь копии Вы усмотрите, в каковой силе заключено с французским правительством перемирие, вслед за коим имеют открыться переговоры о восстановлении окончательного мира между обоими государствами. По сих пор положено на мере, чтобы на первой случай пресечь военные действия и в Молдавии, Валахии и Бессарабии впредь до сближения между нами и Портою; на каковой конец и отправлен сей курьер от главы французского правительства, дабы пригласить султана и со своей стороны приостановить военные операции. Дабы исполнить обещанное мною, предписываю Вам с получения сего рескрипта воздержаться от всяких наступательных действий противу турецких войск, сохраняя же, однако, позиции, ныне Вами занимаемые. Самим собою разумеется, что если бы турки до получения надлежащего от правительства своего предписания продолжать стали действовать противу Вас вооруженною рукою, тогда и Вы должны принять все нужные меры, дабы защитить себя, не отдавая отнюдь поверхности неприятелю. Предписание сие равным образом касается и до корпуса генерал-майора Исаева, отряженного для совокупного действования с сербами. Вице-адмиралу Сенявину дано повеление точно в сем же смысле...»[90].

По получении этого предписания Михельсон 20 июня 1807 г. писал Милорадовичу: «О постановлении перемирия как здесь, так и ген.-м-ром Исаевым и с сербами, хотя я дал препоручение французскому полковнику Гильемино и надеюсь, что сию пору приведено уже оное в действие. По рапорту, однако, г-на ген.-м-ра Исаева, что видинские турки от него перемирия не приняли и что военные действия там происходят, можете, ваше превосх-во, ответить от себя к Мустафе-паше или к самому визирю, ежели то от первого не зависит, чтобы оставлены были и там на границах Сербии военные действия, как с нашей стороны давно уже ген.-м-ру Исаеву предписано»[91].

inslav

Михельсон явно хитрил, поскольку еще не давал подобного распоряжения Исаеву, не желая прерывать успешно начатое в этом районе наступление, чтобы расширить и упрочить только что установленную между русскими и сербами коммуникацию, которой в общем стратегическом плане силового давления на Порту российским командованием придавалось большое значение. Через два дня после этого Михельсон писал К.К. Родофиникину, чтобы он, «не взирая на малую слабость здоровья» своего, как можно скорее отправился в лагерь сербов и успокоил верховного вождя, которого волновали малочисленность пришедшего на помощь сербам российского войска и недостаток материальной помощи.

В этой связи Родофиникин должен был обратить внимание Карагеоргия на то, что верховный вождь сербского народа сам несколько месяцев не сообщал российскому командованию ни о положении дел в Сербии, ни о своих планах. Как только были получены первые известия из Сербии, наставлял Михельсон Родофиникина, то тот же час были приняты все возможные дл первого случая меры, несмотря на то, что к этому времени основные силы Дунайской армии действовали против превосходящей по численности армии великого визиря. Чтобы успокоить Карагеоргия, Родофиникин должен был ему сообщить, что Михельсон распорядился отправить на помощь сербам греческий корпус Пангалоса численностью в 2500 человек, передать им порох, свинец, ядра и 5 тыс. червонных[92].

Правительствующему Совету Сербскому Михельсон сообщал о решении Александра I послать в Сербию в качестве российского уполномоченного К.К. Родофиникина. Его миссия должна заключаться в ознакомлении с жизнью сербов и в оказании помощи Правительствующему Совету по организации управления в их стране. Кроме того, по замыслу Михельсона, Родофиникин должен был исполнять роль связующего звена между сербами и военным командованием Дунайской армии[93]. Вскоре выяснилось, что «болезнь» К.К. Родофиникина была вызвана его нежеланием ехать в Бухарест для объяснения с генерал-

inslav

лейтенантом М.А. Милорадовичем, с которым у него сложились далеко не дружеские отношения. Дело в том, что в Бухаресте Родофиникин должен был объясниться по поводу отправки в Сербию так называемого греческого легиона под командой майора Пангалоса, который еще в период формирования снискал себе недобрую славу как среди местного населения Валахии, так и среди командования Дунайской армии. Согласно спискам личного состава в греческом легионе значилось 2500 человек, которые должны были вооружаться, получать обмундирование, продовольствие и жалование за счет казны господаря Валахии К. Ипсиланти. К.К. Родофиникину, как представителю командования Дунайской армией, было поручено следить за ходом формирования греческого легиона. Однако к моменту отправки легиона в Малую Валахию выяснилось, что вместо 2500 человек списочного состава в действительности было лишь 700 легионеров. Но и многие из них, согласно рапорту М.А. Милорадовича, явились в Бухарест без оружия, хотя для их вооружения было выдано со складов 600 ружей, соответствующее число сабель, пистолетов и прочего вооружения. Более того, пишет Милорадович, многие легионеры были уличены в грабеже местного населения. Родофиникин объяснял эти факты тем, что в отсутствие К. Ипсиланти легионеры греческого корпуса по несколько дней не получали от валашского дивана ни провианта, ни фуража для лошадей, ни жалования. При таком отношении, пишет Родофиникин, легион может совсем разбежаться, превратившись в 2500 разбойников, которые вконец разорят Малую Валахию. В связи с этим Родофиникин предложил Михельсону и Милорадовичу как можно скорее отправить греческий легион майора Пангалоса за Дунай в Сербию, а оттуда в Боснию, где он, «присоединясь к восставшим христианам, нанесет вред чувствительный неприятелю и устрашит оного, ибо все будут считать их российскими войсками…»

По вышеизложенным причинам Родофиникин категорически отказался ехать в Бухарест к Милорадовичу, решив ограничиться отправкой письма. По получении ответа от Милорадовича по поводу отправки греческого легиона в Сербию,

inslav

пишет Родофиникин, «немедленно выздоравливаю и еду в Сербию верхнею и безопаснейшею дорогою, то есть на Бузео, Плоешти, Питешти, Крайову. С собою беру г-на надворного советника Пизания, титулярного советника Маснера»[94].

В рапорте от 22 июня 1807 г. Исаев сообщил Милорадовичу, что после бегства Молла-паши в его лагере были обнаружены важные документы, среди которых привлекают особое внимание письма французского посла Себастиани, манифест о свержении с престола султана Селима III и ликвидации всех введенных им законов. В этом манифесте новый султан Мустафа IV торжественно заявлял, что Турция не намерена заключать мир и будет продолжать войну с Россией. В том же рапорте Исаев писал, чтобы главное командование Дунайской армии не во всем полагалось на уверения Карагеоргия. В качестве примера Исаев ссылался на обещание верховного вождя привести с собой для взаимодействия с его корпусом 35 тыс. вооруженных сербов, а на деле с ним пришло лишь 6 тыс. человек. Осталась безрезультатной и договоренность о прорыве сербов через Боснию и Герцеговину для соединения с черногорцами и русскими войсками в Далмации. Исаев писал по этому поводу: «Прежнее положение, чтобы Черный Георгий шел к Боснии, должно переменить, ибо оставить здесь менее войска невозможно, а чтоб они угрожали приближением к Рущуку, так же невозможно, ибо без меня не осмелится сего сделать, а мой отряд так мал, что пуститься на сие нельзя. Если б имел еще 2 батальона и 2 эскадрона, то подвинулся б за Видин и далее, а они бы (сербы. – *В.Г.*) пошли за мной».

Поскольку войска видинского паши бежали и от Бырзой Паланки, то Исаев по согласованию с сербами принял решение действовать в направлении Неготин-Правово[95]. Выступив из Штубика вечером 23 июня 1807 г. корпус Исаева и сербское войско на следующий день подошли к Неготину. Карагеоргий предложил Исаеву с ходу штурмовать хорошо укрепленную и защищаемую многими крепостными орудиями неготинскую крепость. Однако Исаев, зная по опыту, что при таком штурме

inslav

неизбежны большие потери, и не желая рисковать и без того «приметно уменьшившимся» корпусом, отказался от штурма и принял решение со всех сторон блокировать Неготин. Воспользовавшись уходом основных сил русских и сербов, турки из Правово предприняли несколько попыток занять остров Кербов, который представлял собой важный пункт для переправы российских войск через Дунай. Однако оставленный на острове российский заслон отбил атаки турецкого десанта, потопив одно и повредив два турецких судна. Вскоре сербы выбили турок из Правово, лишив их возможности делать подобные набеги[96].

Не успели русские и сербы начать подготовку к штурму Неготина, как Михельсон 26 июня 1807 г. отправил Исаеву приказ «для точного соображения и исполнения». В приказе сообщалось, что согласно повелению царя между Россией и Турцией «сделано перемирие и устанавливается демаркационная линия, которую никто без согласия перейти не может, пока не начнутся мирные договоры или откроются вновь (военные. – *В.Г.*) действия». Для решения этих вопросов к великому визирю уже поехали французский курьер и посланный Михельсоном российский офицер. До получения окончательного ответа от визиря Михельсон приказывал Исаеву: «...Старайтесь по сему предмету с начальником турецких войск, противу нас находящихся, учредиться, имея, впрочем, всю военную предосторожность». Чтобы не осложнять переговоры с турками, Михельсон советовал Исаеву под предлогом защиты Малой Валахии вернуться на валашский берег Дуная, оставя сербам греческий легион майора Пангалоса, весь порох, свинец и шесть пушек. Более подробные наставления по всем вопросам Исаеву должен был передать выехавший из Фокшан в Сербию К.К. Родофиникин[97].

К.К. Родофиникин к тому времени еще находился в Фокшанах и готовился к отъезду в Сербию. Там же продолжали пребывать и сербские депутаты П. Новакович и А. Лукич, которые теперь, видимо, в целях конспирации, фигурировали под другими именами и фамилиями. Первого Родофиникин называет в своем письме Константином Новаковичем Чардаклией,

inslav

а второго – Николаем Ивановым. По просьбе П. Новаковича Родофиникин выдал Н. Иванову паспорт и документ на право вербовки в Дунайских княжествах сербов, болгар и прочих волонтеров для отправки их в Сербию[98]. Аналогичный документ был выдан Родофиникиным проживавшему в Фокшанах болгарину Федору Хаджи Коста Пиналову, который уже набрал в Бухаресте за свой личный счет 50 наемников. Теперь же, пишет Родофиникин, Пиналов согласился набрать и вооружить еще до 2 тыс. сербов и болгар для отправки их через Крайову в Сербию. Однако Пиналов при этом поставил условие, чтобы молдавские и валашские власти обеспечили набранных им волонтеров продовольствием вплоть до их отправки за Дунай, а также освободили от постоев и налогов их дома, и чтобы он, Пиналов, оставаясь в Молдавии, имел право распоряжаться по делам отправившихся за Дунай болгар и сербов и присматривать за их женами, детьми и имуществом[99].

5. Переговоры маркиза Ф.О. Паулуччи с Карагеоргием и сербскими воеводами в лагере под Неготином

Пока российские и сербские войска осаждали Неготин, а К.К. Родофиникин готовился к отправке в Сербию, маркиз Ф.О. Паулуччи 25 июня 1807 г. прибыл в штаб корпуса И.И. Исаева. Генерал заранее был предупрежден как о появлении маркиза, так и о характере данного ему поручения. Во время беседы с Ф.О. Паулуччи Исаев ввел маркиза в курс происходивших на их участке фронта событий и предупредил о требованиях верховного вождя. Отправляясь на следующий день в лагерь сербских повстанцев, Паулуччи уже имел представление не только о пожеланиях сербов, но и о крутом характере самого Карагеоргия. В последнем маркиз смог убедиться при первой же встрече с предводителем сербских повстанцев. В начале беседы, пишет в своем отчете Ф.О. Паулуччи, «Карагеоргий обрушил поток жалоб» не только на петербургский, но и на венский двор, которые много обещали

inslav

сербам, а на деле выполнили лишь самую малую часть обещанного. После почти четырех лет войны, говорил Карагеоргий, сербский народ оказался в отчаянном положении.

После разговора с верховным вождем Паулуччи встречался с Е. Гагичем, М. Стойковичем и другими воеводами и влиятельными людьми из окружения Карагеоргия. Во время этих встреч маркиз пытался уговорить их, чтобы они постарались убедить Карагеоргия поддерживать и далее связи с Россией, избегая интриг и внушений французских и австрийских агентов, поскольку Австрия и Франция никогда не согласятся открыто поддерживать сербов в их справедливой борьбе с Портой, как это делает Россия. Эти доводы, пишет Паулуччи, «произвели сильное впечатление на Черного Георгия и даже заставили его дать торжественное обещание не иметь никаких связей с Австрией и всецело довериться покровительству» российского государя.

Второе, главное, «собеседование» состоялось 27 июня 1807 г. и продолжалось четыре часа. В нем участвовали: верховный вождь сербского народа Карагеоргий, воевода М. Стойкович, секретарь Правительствующего Совета Сербии Е. Гагич, Ф.О. Паулучи и переводчик из корпуса И.И. Исаева Лиготович, который помогал маркизу объясняться с сербами. В начале беседы Карагеоргий объявил, что посыльный из Белграда доставил ему очень тревожное известие о том, что войска боснийского визиря перешли в районе Зворника реку Дрину и, разбив сербское войско под командой М. Ненадовича, вторглись в пределы Сербии. Это чрезвычайное обстоятельство вынуждает его срочно покинуть лагерь под Неготином и отправиться к границе Боснии, чтобы задержать наступающих там турок и французов. В связи с этим Карагеоргий предложил обсудить наиболее важные и самые неотложные вопросы российско-сербских отношений, а результаты зафиксировать в протоколе (etablir une Convention). Во время последней беседы Карагеоргий обязался выставить 50 тыс. сербских воинов, которые могли бы взаимодействовать с русскими и черногорцами в любых военных операциях. При расставании Карагеоргий на прощание сказал маркизу:

inslav

«Запомните, сударь, что я не желаю ничего иного, как только видеть мою родину свободной от страха вновь оказаться под оттоманским игом. Я отрекусь от всего (после победы. – *В.Г.*) и пойду за плугом…». На вопрос Ф.О. Паулуччи, что́ верховный вождь сербского народа хотел бы попросить у российского государя, Карагеоргий ответил: «Только то, что мы с маркизом сочли совершенно необходимым». Утром 28 июня 1807 г. Карагеоргий, взяв с собой 800 конников, покинул лагерь под Неготином и отправился на границу Боснии[100].

Протокол «Собеседования…» Паулуччи с Карагеоргием и другими представителями сербского народа составлялся в сербском лагере уже после отъезда Карагеоргия. В его первом пункте было записано: «Кроме всего, первое желание есть сербского народа быть под покровительством е.и.в-ва Александра Первого». В последующих пунктах повторяются все ранее изложенные сербскими депутатами в Бухаресте Михельсону просьбы: прислать в Сербию «способного землеуправителя», который бы «в приличный порядок народ привел, землю сербскую расположил и по нравам народа конституцию устроил»; назначение гражданских и военных чиновников должно осуществляться от имени российского государя; для спокойствия народа необходимо ввести гарнизоны российских войск во все сербские крепости; для совместных действий с сербами выделить 3 тыс. российских пехотинцев, два эскадрона кавалерии, один полк казаков; для совместных действий против французов и боснийских турок, наступавших со стороны Боснии, и для установления коммуникации с черногорцами сербы просили дополнительно выделить еще 3 тыс. пехотинцев, два эскадрона кавалерии и один полк казаков. Кроме того, Карагеоргий просил прислать в Сербию мастеров литейных дел для литья пушек, шесть артиллерийских офицеров, военных инженеров, роту артиллеристов и роту «пионеров» для организации и обучения сербского войска, военных врачей с аптеками для организации госпиталей. Сербские военачальники просили также создать в Белграде склад (магазин), в котором мог бы

inslav

храниться запас ружей в количестве не менее 10 тыс. и соответствующее количество боеприпасов к ним и продовольствия на случай, если потребуется увеличить численность сербских войск. Сербы же, со своей стороны, обязывались выделить для взаимодействия с русскими войсками, действовавшими на Дунае, до 20 тыс., а на боснийском направлении до 15 тыс. вооруженных ратников. В протокол «Собеседования» был внесен и такой пункт: «Никогда в Сербии не могла быть ни малейшая часть земли никому отдана, сиречь чтобы помещика никакого не было и средством такового человека (народ сербский. – *В.Г.*) под рабство не попадал»[101].

В «Записке по предмету сербов», составленной в штабе Дунайской армии в первой декаде сентября 1807 г. для нового главнокомандующего генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского, о протокольной записи «Собеседования» сообщалось: «Постановление, или лучше сказать проект сей, был представлен от полковника Паулуччи к покойному генералу Михельсону, а от него представлен к государю Александру I». В этой же «Записке»... излагается в общих чертах и причина срыва неудавшегося плана по взаимодействию российских войск и флота с черногорцами и бокезцами на побережье Адриатического моря, а с сербами на Дунае. В «Записке» указывалось: «Было предположение, чтобы посредством соединения нашего с сербами и от сербов с Черногориею составить связь сношений здешней (Дунайской. – *В.Г.*) армии с вице-адмиралом Сенявиным, действовавшим с эскадрою в Архипелаге. Но сия цель осталась недостижимою по не созревшим к тому операциям»[102]. (Подчеркнуто мной. – *В.Г.*).

Рассмотренные в главах I и II-й события не оставляют сомнения в том, что позиция наиболее влиятельных представителей повстанческой Сербии в отношении участия сербских повстанцев в войнах на стороне России, которые она вела в 1806 г. с Францией, а затем с Турцией, в силу ряда объективных и субъективных факторов неоднократно изменялась. Например, когда в январе 1806 г. турецкие войска с разных сторон начали

inslav

карательный поход против мятежных сербов, сербские депутаты М. Ненадович, Б. Груйович и М. Урошевич отправили из Вены обращение к русскому царю Александру I, в котором просили его помочь сербам Белградского пашалыка и других областей балканских владений Турции освободиться от османского ига. Согласно изложенному в обращении плану, Россия, как союзник Турции, могла бы через Дунайские княжества, либо через Черногорию, либо из Корфу ввести в пределы балканских владений Турции для ведения военных действий против французов в Далмации несколько регулярных полков российского войска. Как только русские войска появятся в пределах Турции, христианское население Сербии, Черногории, Боснии, герцеговины, Далмации, Албании и других областей с радостью окажут им помощь и выделят до 200 тыс. храбрых воинов для совместных действий против французов. Во главе нового христианского войска депутаты предлагали поставить русского великого князя Константина Павловича, а все войска снабдить оружием, боеприпасами и деньгами. После изгнания французов из Далмации христиане балканских владений Порты, по уверению авторов обращения, охотно поднимут всеобщее восстание и с помощью России освободятся от османского ига.

Однако, как только началась русско-турецкая война и русские войска в ноябре 1806 г. вступили в пределы Молдавии и Валахии, а черногорцы, бокезцы и русские в апреле 1807 г. из Черногории и Далмации начали поход в Герцеговину для соединения с сербскими повстанцами Белградского пашалыка, верховный вождь Карагеоргий и Правительствующий Совет, занятые решением своих задач, по существу проигнорировали предложение командования Дунайской армии о посылке войск к Видину, сделанное в январе 1807 г., а также призыв черногорского митрополита о посылке сербских войск для соединения с черногорцами (февраль 1807 г.)

Первые известия о намерениях сербских повстанцев взаимодействовать с русскими стали поступать только после того, как из Белграда был изгнан, а затем 23 февраля (7 марта)

inslav

1807 г. убит бывший белградский визирь Сулейман-паша. Карагеоргий 6(18) марта 1807 г. известил И.И. Михельсона о готовности тысячного корпуса М.Стойковича идти к границам Видинского пашалыка для «устрашения» Видина. Тогда же он сообщил и о посылке сербских депутатов в штаб Дунайской армии для выработки условий взаимодействия с русскими войсками, но только на правом, сербском, берегу Дуная. По этому поводу белградский митрополит Леонтий Ламбрович 9(21) марта 1807 г. сообщал господарю Валахии К. Ипсиланти, что Карагеоргий предлагает И.И. Михельсону прислать в Малую Валахию русские войска для взаимодействия с сербами. К приходу русских сербы очистят правый берег Дуная и подготовят все необходимое для их переправы. Когда русские переправятся на правый берег Дуная, писал митрополит Леонтий, «христиане вплоть до Софии готовы принять их в распростертые объятия». Некоторые из них уже восстали и нуждаются в оружии, боеприпасах и деньгах. «Как только русские переправятся через Дунай, все доблестные и правоверные христиане не захотят оставаться далее под тиранией неверных мусульман». К. Ипсиланти, в свою очередь, 22 апреля (4 мая) 1807 г. уверял И.И. Михельсона, что сербы, находящиеся под их знаменами, и связанные с ними общностью интересов народы балканских владений Турции могут выставить не менее 150 тыс. воинов, из которых к данному времени достаточно вооружены и действуют от 40 до 50 тыс. человек. При сложившейся ситуации, писал К. Ипсиланти, сербы смогут овладеть Видином только при поддержке русских войск. Соединение сербов с русскими явится сигналом к всеобщему восстанию в балканских владениях Турции. Но с этим нужно поспешить, поскольку в данный момент сербы, по словам господаря Валахии, находятся в состоянии «гибельного отступничества» и могут отказаться от всех своих прежних обещаний. Прибывшие 24 апреля (6 мая) 1807 г. в Бухарест сербские депутаты в качестве условий по взаимодействию с русскими требовали прислать в Сербию: 1) русского чиновника, который

inslav

будет председательствовать в Правительствующем Совете; 2) инженерных офицеров для приведения в порядок сербских крепостей и обучения сербских ратников; 3) инженеров по горной части для разработки залежей серебра и золота; 4) снабдить сербское войско оружием, боеприпасами и деньгами. По получении вышеизложенного сербы смогут увеличить число своих ратников до 20 тыс. человек.

Сопоставив общие декларативные заверения, сделанные в письмах представителей сербских повстанцев и господаря Валахии, с конкретными требованиями сербских депутатов в Бухаресте, в штабе Дунайской армии поняли, что сербы категорически не желают взаимодействовать с русскими на левом берегу Дуная и участвовать в занятии Видина, но крайне заинтересованы в переправе русских войск на правую сторону Дуная для участия в совместных операциях по освобождению Неготинской Крайовы и других соседних с повстанческой Сербией областей от турок. Чтобы выяснить намерения верховного вождя, И.И. Михельсон приказал генерал-майору И.И. Исаеву идти со своим корпусом в Малую Валахию, установить коммуникацию с сербскими повстанцами и просить сербских начальников переправить на левый берег Дуная, в Крайову, одну или две тысячи ратников для совместных действий с русскими по защите Крайовского Баната от нападения отрядов видинского паши. Согласно того же приказа, И.И. Исаеву разрешалось посылать на правый берег Дуная лишь небольшие отряды русских войск «поисков и истреблений» турецких войск, но эти небольшие отряды не должны удаляться от берега на большое расстояние. Между тем, Карагеоргий 10(22) мая 1807 г. с 6-тыс. корпусом соединился с корпусом М. Стойковича. Корпус И.И. Исаева вышел на левый берег Дуная 13(25) мая 1807 г., но не нашел на условленном месте сербов, которые в это время находились в 15 верстах от русских. Согласно свидетельствам сербских представителей, корпус М. Стойковича у села Малайница был блокирован войсками видинского паши, и Карагеоргий со своим корпусом

inslav

пытался пробиться на помощь М. Стойковичу. 24 мая (5 июня) 1807 г. Карагеоргию было вручено письмо И.И. Исаева с просьбой сообщить о дальнейших намерениях сербских повстанцев. Верховный вождь ответил, что не сможет соединиться с русскими до тех пор пока не вызволит корпус М. Стойковича из окружения, на что уйдет немало времени.

Пока Карагеоргий и И.И. Исаев выясняли возможность и сроки установления коммуникации, в Константинополе 17(29) мая 1807 г. был совершен государственный переворот. Место султана-реформатора Селима III занял Мустафа IV. Новый султан утвердил новый план войны с Россией, в котором предусматривалось нападение на Бухарест и на мятежных сербов. В связи с этим перед корпусом И.И. Исаева была поставлена задача: соединиться с сербами, «угрожать неприятелю со стороны Видина.., удерживать (турок. – *В.Г.*) от нападения на Бухарест». Сербские депутаты, находившиеся в штабе Дунайской армии, 22 мая (3 июня) 1807 г. получили известия из Сербии о нападении турецких войск на сербов со стороны ниша и Боснии. Узнав об этом, депутаты просили И.И. Михельсона отдать приказ И.И. Исаеву переправить его корпус на правый берег Дуная и идти к селению Штубик на выручку корпуса М. Стойковича. Однако еще до получения приказа, посланец М. Стойковича 1(13) июня вручил И.И. Исаеву письмо поречского воеводы, в котором сообщалось, что сербы разбили у села Штубик окружавших их турок и готовы установить коммуникацию с русскими через дунайский остров Кербов. Получив к этому времени вышеупомянутый приказ И.И. Михельсона и известие М. Стойковича, И.И. Исаев 5(17) июня 1807 г. захватил шесть турецких кораблей и благополучно переправился на остров. Корпус М. Стойковича подошел к правому берегу Дуная только 8(20) июня. В тот же день М. Стойкович переправился на остров и узнал о согласии И.И. Исаева переправить свой корпус на правый берег Дуная. Карагеоргий переправился на остров Кербов только 11(23) июня 1807 г. В резкой форме он выразил свое недовольство по поводу

inslav

малочисленности российских войск, присланных для взаимодействия с сербами на правой стороне Дуная. После того, как корпус И.И. Исаева 18(30) июня 1807 г. переправился на правый берег Дуная и во взаимодействии с сербами вел бои в районе Неготинской Крайны, Карагеоргий, М. Стойкович и член Правительствующего Совета Е. Гагич 27 и 28 июня (9–10 июля) 1807 г. при встрече с маркизом Паулуччи обстоятельно изложили условия, на которых сербские повстанцы могли бы присоединиться к России для войны с Турцией и Францией.

Новые требования руководителей сербских повстанцев, выдвинутые после начала русско-турецкой войны, существенно отличались от февральской, 1806 г., декларации сербских депутатов. Но поскольку новые требования были выдвинуты после заключения Тильзитского мира между Россией и Францией 25 июня (7 июля) 1807 г. и приказа царя Александра I о заключении перемирия с Турцией, то они утратили свою актуальность. Приказ И.И. Михельсона о приостановке военных действий с турками в районе Неготинской Крайны был отправлен И.И. Исаеву 26 июня (8 июля) 1807 г.

Примечания

[1] В данной связи весьма показательна корреспонденция представителя МИД России при штабе Дунайской армии К.К. Родофиникина. Например, сообщая послу в Вене А.К. Разумовскому «новейшие сведения», которые были получены непосредственно из Константинополя, Родофиникин 13(25) марта 1807 г. писал: «По новейшим сведениям, доходившим сюда (в Бухарест. – *Б.Г.*) из Константинополя, существует там дороговизна чрезмерная, от которой народ, претерпевая крайнюю нужду, начал сильно роптать противу правительства, а наипаче противу французской миссии, которая взяла нужные меры к бегству, если бы дело дошло до крайности». Ссылаясь на свидетельства, полученные из Константинополя, Родофиникин уточнял, что эти «новейшие сведения» ему сообщили в то время, когда вся французская миссия во главе с Себастиани находилась на турецких батареях, которые готовились к обстрелу английской эскадры, стоявшей на константинопольском рейде напротив султанского дворца. То есть, эти

inslav

«новейшие сведения» из Константинополя относились к 9–19 февраля 1807 г., когда вице-адмирал Дакуорт ожидал ответа Порты на ультиматум британского правительства. Таким образом, совершенно очевидно, что 13(25) марта 1807 г. в штабе Дунайской армии еще не знали о неудаче, постигшей английскую эскадру при выходе из Дарданелльского пролива, и об отказе Дакуорта взаимодействовать с эскадрой Д.Н. Сенявина, а, следовательно, и об окончательном провале одной из ключевых операций по «устрашению Порты». Родофиникин, хорошо знавший топографию Константинополя, уверял Разумовского в том, что турецкие береговые батареи не в состоянии причинить английской эскадре серьезного вреда, потому что находясь между Семибашенным замком и султанским дворцом, корабли будут недосягаемы для турецких ядер, а более мощная корабельная артиллерия может успешно бомбардировать и дворец султана, и городские кварталы, которые заселены одними турками. (АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807. Д. 1. Л. 4–5. К.К. Родофиникин – А.К. Разумовскому, 13(25) марта 1807 г.).

[2] Сведения о подготовке похода которской группировки русских и черногорских войск в Герцеговину и о начале этой операции, назначенной на 21 марта 1807 г., были доставлены в штаб Дунайской армии только 13(25) апреля 1807 г.

[3] К середине марта 1807 г. командование Дунайской армией не имело ясных представлений и о планах военных операций сербских повстанцев в Белградском пашалыке. Родофиникин в письме Михельсону от 18(30) марта 1807 г. сообщал, что после того, как сербы «изрубили пашу и всех турок, бывших в Белграде, они, следовательно, закрыли себе всякий путь к примирению с Портой». Приехавшие из Белграда люди, сообщал Родофиникин, сказали, что «турки истреблены во всей Сербии», сербские повстанцы заняли крепости Шабац и Ужице, корпус под командой самого Карагеоргия осаждает крепость Ниш, а другой корпус на границе с Боснией штурмует крепость Сокол. (РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 21. Д. 23. Л. 1–2. К.К. Родофиникин – И.И. Михельсону, 18(30) марта 1807 г.).

[4] АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807. Д. 1. Л. 4–5. К.К. Родофиникин – А.К. Разумовскому, 13(25) марта 1807 г.

[5] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2877. Л. 303–304. Выписка из журнала донесений И.И. Михельсона – Александру I. 28 марта (9 апреля) 1807 г.

[6] Первое сербское... Кн.1. К.К. Родофиникин – И.И. Михельсону, 26 марта (7 апреля) 1807 г.

[7] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1911. Л. 27. К. Ипсиланти – А.Я. Будбергу, 26 марта (10 апреля) 1807 г. Это письмо Будберг получил в Бартенштейне 22 апреля 1807 г.

inslav

[8] Первое сербское... Кн. 1. С. 335–336. М. Стойкович – И.И. Михельсону, 13(25) марта 1807 г.
[9] Там же. С. 336. К.К. Родофиникин – И.И. Михельсону, 22 марта 1807 г.
[10] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 27. Д. 80. Ч. 4. Л 6–7. И.И. Михельсон – Александру I, 28 марта (9 апреля) 1807 г.
[11] Там же. С. 21. Д. 23. Л. 1–2. К.К. Родофиникин – И.И. Михельсону, 18(30) марта 1807 г.
[12] Первое сербское... Кн. 1. С. 339–341. Г. Манолаки – К. Ипсиланти, 1(13) апреля 1807 г. Подробнее об этом см.: *Гавриловић С.* Војводина и Србија у време првог српског устанка. Нови Сад, 1974. С. 79–88; *Ђорђевић М.* Политичка историја Србије XIX и XX века. Књ. 1. Београд, 1956. С. 171–172.
[13] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 22. Д. 18. Л. 26. А.К. Разумовский – И.И. Михельсону, 2(14) апреля 1807 г.
[14] АВПРИ. Ф. ГА 1–9, 1807. Д. 1. Л. 13–14. А.К. Разумовский – К.К. Родофиникину, 2(14) апреля 1807 г.
[15] Первое сербское... Кн. 1. С. 342–343. М . Милованович – И.И. Михельсону, 2(14) апреля 1807 г.; там же. С. 341–342. М. Милованович – К. Ипсиланти, 2(14) апреля 1807 г.
[16] Там же. С. 343–346. Белградский митрополит Леонтий – К. Ипсиланти, 4(16) апреля 1807 г.
[17] Там же. С. 346–348. Записка белградского митрополита Леонтия о численности и расположении сербских войск от 4(16) апреля 1807 г.
[18] Први српски устанак. Акта и писма на српском језику. У редакцији Р. Перовића. Књ. 1. Београд, 1977. С. 260. (далее: Први српски устанак...) Карагеоргий – М. Ненадовићу, 2(14) апреля 1807 г.; *Пантић Б.Ј.* Лична преписка првог српског устанка. Сарајево, 1938. С. 12–13.
[19] Први српски устанак. Књ. 1. С. 263. К. Йованович – Ст. Стратимировичу, 23 апреля 1807 г.
[20] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 58а. А. Д. 5. Л. 258–259. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 15(27) января 1808 г.
[21] Там же. Д. 8. Л. 146. И.И. Исаев – А.А. Прозоровскому, 3(15) февраля 1808 г.
[22] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 4. Д. 33. Л. 1. Рапорт И.И. Исаева – Т.Т. Энгельгардту, 22 апреля (4 мая) 1807 г.
[23] Первое сербское... Кн. 1. С. 350–352. Белградский митрополит Леонтий – боярину Г.Манолаки, 22 апреля (4 мая) 1807 г.
[24] Там же. С. 352–354. К. Ипсиланти – И.И. Михельсону, 22 апреля (4 мая) 1807 г.
[25] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1885. Л. 104. А.Я. Будберг – И.И. Михельсону, 21 апреля (3 мая) 1807 г.

inslav

[26] Первое сербское... Кн. 1. С. 355–356. И.И. Михельсон – Александру I, 28 апреля (10 мая) 1807 г.
[27] Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел. Отв. ред. акад. А.Л. Нарочницкий. Серия I. 1801–1815. М., 1960–1972. (далее – ВПР). Т. III. С. 570–572. И.И. Михельсон – А.Я. Будбергу, 28 апреля (10 мая) 1807 г.
[28] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1887. Л. 170 об. П. Новакович Чардаклия, А. Лукич, И. Гагич – Александру I, 5(17) мая 1807 г.
[29] Первое сербское... Кн. 1. С. 359–360. И.И. Михельсон – Карагеоргию, 5(17) мая 1807 г.
[30] ВПР. Т. III. С. 594. И.И. Михельсон – А.Я. Будбергу, 28 мая (9 июня) 1807 г.
[31] Первое сербское... Кн. 1. С. 356. И.И. Михельсон – Исаеву, 29 апреля (11 мая) 1807 г.
[32] Там же. С. 358. И.И. Исаев – И.И. Михельсону, 2(14) мая 1807 г.
[33] Први српски устанак. Књ. 1. С. 265; Первое сербское... Кн. 1. С. 358. М. Стойкович – М. Поповичу, 3 мая 1807 г.
[34] Први српски устанак. Књ. 1. С. 264. М. Стойкович и П. Теодорович – Бею Новокрещенову, 3 мая 1807 г.
[35] Первое сербское... Кн. 1. С. 359. М. Стойкович – сербским депутатам П. Новаковичу, А. Лукичу, Е. Гагичу, 4(16) мая 1807 г.
[36] Там же. С. 360. И.И. Михельсон – И.И. Исаеву, 6(18) мая 1807 г.
[37] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2884. Л. 132. И.И. Михельсон – А.Я. Будбергу, 5(17) мая 1807 г.
[38] Первое сербское... Кн. 1. С. 361. И.И. Исаев – И.И. Михельсону, 7(9) мая 1807 г.
[39] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163–б. Св. 29. Д. 9. Л. 43. И.И. Михельсон – И.И. Исаеву, 8(20) мая 1807 г.
[40] Там же. Оп. 5/165. Св. 27. Д. 55. Ч. 2. Л. 11–14. Приказ И.И. Михельсона М.А. Милорадовичу от 8(20) мая 1807 г.; Первое сербское... Кн. 1. С. 362. М.А. Милорадович – И.И. Михельсону, 9(21) мая 1807 г.
[41] АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807. Д. 1. Л. 1–2. К.К. Родофиникин – А.К. Разумовскому. 10(22) мая 1807 г.
[42] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 165. Св. 23. Д. 41. Л. 7. К.К. Родофиникин – И.И. Михельсону, 10(22) мая 1807 г.
[43] Там же. Ф. ВУА. Д. 2884. Л. 128; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 7914. Л. 97–98. А.Я. Будберг – И.И. Михельсону, 23 мая 1807 г.
[44] АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807. Д. 1. Л. 1–2. К.К. Родофиникин – А.К. Разумовскому, 10(22) мая 1807 г.

inslav

[45] Там же. Д. 11536. Л. 430–431. А.К. Рузумовский – А.Я. Будбергу, 15(27) мая 1807 г.
[46] Там же. Д. 1889. Л. 48–49. А.К. Разумовский – И.И. Михельсону, 17(29) мая 1807 г.
[47] Первое сербское... Кн. 1. С. 363–364. И. Гагич -- Правительствующему совету, 22 мая (3 июня) 1807 г.
[48] Там же. С. 364. И.И. Исаев – М.А. Милорадовичу, 22 мая (3 июня) 1807 г.
[49] Први српски устанак... Књ. 1. С. 266–267. Карагеоргий – Е. Ганичу, 24 мая 1807 г.
[50] *Миллер А.Ф.* Мустафа-паша Байрактар (Османская империя в начале XIX в.). М.–Л., 1947. С. 97.
[51] *Петров А.Н.* Россия в борьбе Сербии за независимость с 1806 по 1812 гг. // Военный сборник. Т. 167. № 1–2. СПб., 1886. С. 13.
[52] Первое сербское... Кн. 1. С. 365. И.И. Михельсон – И.И. Исаеву, 24 мая (5 июня) 1807 г.
[53] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 165. Д. 39. Ч. 2. Л. 57. К.К. Родофиникин – И.И. Михельсону, 29 мая (10 июня) 1807 г.
[54] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1904. Л. 83. И.И. Михельсон – К.К. Родофиникину, 30 мая (11 июня) 1807 г.
[55] Первое сербское... Кн. 1. С. 360. И.И. Михельсон – А.Я. Будбергу, 1(13) июня 1807 г.
[56] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 25. Д. 63. Л. 84. И.И. Исаев – И.И. Михельсону, 1(13) июня 1807 г.
[57] *Автократов В.Н., Альтшуллер Р.Е.* Из истории помощи России сербскому народу в период Первого сербского восстания //Исторический архив. М., 1960. № 1. С. 120. П. Новакович, А. Лукич, Г. Вуянович – И.И. Михельсону, 29 мая 1807 г.
[58] Первое сербское... Кн. 1. С. 365–366. И.И. Исаев – М.А. Милорадовичу, 29 мая (10 июня) 1807 г.
[59] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 11536. Л. 591. «Сведения о событиях в Валахии». Б/д. Помета: «Получено 30 июня 1807 г.».
[60] Там же. Д. 1887. Л. 206. И.И. Михельсон – А.Я. Будбергу, 2(14) июня 1807 г.; Первое сербское... Кн. 1. С. 368–369. К.К. Родофиникин – И.И. Михельсону, 4(16) июня 1807 г.
[61] Первое сербское... Кн. 1. Л. 187. И.И. Михельсон – А.Я. Будбергу, 1(13) июня 1807 г.
[62] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 2/163-а. Св. 85. Д. 7. Л. 14. И.И. Исаев – М.А. Милорадовичу, 1(13) июня 1807 г.

inslav

[63] Там же. Оп. 165. Св. 23. Д. 39. Ч. 2. Л. 78–79. К.К. Родофиникин – И.И. Михельсону, 7(19) июня 1807 г.
[64] Первое сербское... Кн. 1. С. 369. И.И. Исаев – М.А. Милорадовичу, 7(19) июня 1807 г.
[65] Там же. С. 370–371. И.И. Исаев – И.И. Михельсону, 9(21) июня 1807 г.
[66] Там же. С. 372–373. И.И. Исаев – М.А. Милорадовичу, 12(24) июня 1807 г.
[67] Там же. С. 371. Карагеоргий – П. Новаковичу и А. Лукичу, 9(21) июня 1807 г.
[68] Први српски устанак. Књ. 1. С. 267. Карагеоргий – Петру I Негошу, 13 июня 1807 г.
[69] Первое сербское... Кн. 1. С. 381–382. И.И. Михельсон – И.И. Исаеву, 22 июня (3 июля) 1807 г.
[70] Там же. С. 372. И.И. Михельсон – К.К. Родофиникину, 11(23) июня 1807 г.
[71] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-б. Св. 30. Д. 21. Л. 16. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 12(24) июня 1807 г.
[72] ВПР. Т. III. С. 623–625. Инструкция И.И. Михельсона – К.К. Родофиникину, 16(28) июня 1807 г.
[73] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1887. Л. 280. И.И. Михельсон – Правительствующему Совету Сербскому, 16(28) июня 1807 г.
[74] ВПР. Т. III. С. 625–626. И.И. Михельсон – Карагеоргию, 16(28) июня 1807 г.
[75] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Д. 26. Л. 28. К.К. Родофиникин – И.И. Михельсону, 17(29) июня 1807 г.
[76] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807 г. Д. 1887. Л. 270–271. И.И. Михельсон – А.Я. Будбергу, 17(29) июня 1807 г.
[77] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 165. Св. 23. Д. 39. Ч. 2. Л. 105. К.К. Родофиникин – М.А. Милорадовичу, 19(31) июля 1807 г.
[78] Там же. Ф. ВУА. Д. 395. Л. 148. К.К. Родофиникин – И.И. Михельсону, 20 июня (1 июля) 1807 г.; *Автократов В.Н., Альтшуллер Р.Е.* Из истории помощи России... С. 120.
[79] Первое сербское... Кн. 1. С. 374. И.И. Исаев – И.И. Михельсону, 17(29) июня 1807 г.
[80] Там же. С. 374–375. И.И. Михельсон – И.И. Исаеву, 18(30) июня 1807 г.
[81] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 24. Д. 55. Ч. 3. Л. 46. И.И Михельсон – М.А. Милорадовичу, 18(30) июня 1807 г.
[82] ВПР. Т. III. С. 583–588. Инструкция А.Я. Будберга Ф.О. Паулуччи, 11(23) мая 1807 г.
[83] *Богишич В.* Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия». Приложение. СПб., 1872. С. 75–76. А.Я. Будберг – Карагеоргию, 11(23) мая 1807 г. О маркизе Ф.О. Паулуччи и о порученном ему задании подробнее см.:

inslav

Грачев В.П. Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003. С. 214–220.

[84] Там же. С. 180–183; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 1900. Л. 24–27. Ф.О. Паулуччи – А.Я. Будбергу, 18(30) июня 1807 г.

[85] Первое сербское... Кн. 1. С. 377–379. И.И. Исаев – М.А. Милорадовичу, 21 июня (2 июля) 1807 г.

[86] Там же. И.И. Исаев – М.А. Милорадовичу, 22 июня (3 июля) 1807 г.

[87] Први српски устанак... Књ. 1. С. 268. Карагеоргий – Я. Ненадовичу, 21 июня 1807 г.

[88] Там же. С. 268–269. Карагеоргий – П. Новаковичу, А. Лукичу, 21 июня 1807 г.

[89] Первое сербское... Кн. 1. С. 379. Карагеоргий – И.И. Михельсону, 22 июня 1807 г.

[90] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 2/163-а. Св. 82. Д. 5. Л. 43. Александр I – И.И. Михельсону, 15(27) июня 1807 г.; *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 1. СПб., 1885. С. 261–262, 266; История внешней политики России. Первая половина XIX в. М.,1995. С. 62–63.

[91] Первое сербское... Кн. 1. С. 376. И.И. Михельсон – М.А. Милорадовичу, 20 июня (2 июля) 1807 г.

[92] Там же. С. 380–381. И.И. Михельсон – К.К. Родофиникину, 22 июня (4 июля) 1807 г.

[93] *Богишич В.* Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия»... С. 112. И.И. Михельсон – Правительствующему Совету 22 июня 1807 г.

[94] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1904. Л. 29–30. К.К. Родофиникин – А.Я. Будбергу, 22 июня 1807 г.

[95] Первое сербское... Кн. 1. С. 382–383. И.И. Исаев – М.А. Милорадовичу, 22 июня 1807 г.

[96] Там же. С. 383. И.И. Исаев – И.И. Михельсону, 25 июня 1807 г.

[97] Там же. С. 384–385. И.И. Михельсон – И.И. Исаеву, 26 июня (7 июля) 1807 г.

[98] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 165. Св. 23. Д. 39. Ч. 2. Л. 115. К.К. Родофиникин – И.И. Михельсону, 26 июня (8 июля) 1807 г.

[99] Там же. Л. 117. К.К. Родофиникин – И.И. Михельсону, 26 июня (8 июля) 1807 г.

[100] *Богишич В.* Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия»... С. 97–107. Отчет маркиза Ф.О. Паулуччи от 18(30) июля 1807 г.; С. 89–90. Ф.О. Паулуччи – А.Я. Будбергу, 7 июля 1807 г.

[101] Первое сербское... Кн. 1. С. 386–387; Први српски устанак... Књ. 1. С. 270–271. Запись беседы Карагеоргия и Ф.О. Паулуччи от 28 июня (10 июля) 1807 г. В данной связи возникает необходимость обратить внимание на различные подходы к оценке характера «Собеседования»,

inslav

которые до сих пор существуют в отечественной и зарубежной, особенно в сербской, историографии. Современные сербские и некоторые русские историки, в том числе Н.Ф. Дубровин, Н.А. Попов, А.Н. Петров, А.Ф. Миллер, авторы «Истории Югославии» (М., 1963) и др., считают, что «Собеседование» представляет собой официальный договор, точнее конвенцию о заключении военно-политического союза между Россией и Сербией, а маркиз Ф.О. Паулуччи имел формальное право как на заключение такого союза, так и на подписание соответствующего договора. (Подробнее об этом см.: *Јанковић Д.* Русија и државно уређење Србије // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813 г. Београд, 1983. С. 251–257). Сторонники такого подхода к оценке документа в своих выводах основывались, в основном, на двух обстоятельствах. Во-первых, они ссылались на то, что в текстах отчета и писем Ф.О. Паулуччи присутствует термин «Une Convention» при обозначении «Собеседования». Во-вторых, при анализе текста «Собеседования» они пользовались не подлинником, а лишь копией документа, в которой писарь проставил имена и фамилии всех участников собеседования, кроме фамилии Ф.О. Паулуччи. Между тем, на подлиннике также указаны фамилии тех, кто участвовал в беседе с сербской стороны, т. е. Карагеоргия, М. Стойковича и Е. Гагича. Но свои подписи и печати на подлиннике поставили только два участника собеседования – М. Стойкович и Е. Гагич. Фамилии и росписи маркиза Ф.О. Паулуччи нет ни на подлиннике, ни в копиях (ср. фотокопию подлинника «Собеседования», опубликованную в сборнике «Первое сербское...» Кн. 1. С.388–389, и заголовок документа в сербской публикации Први српски устанак... Књ. 1. С. 270. Док. № 229). Другие исследователи, имевшие возможность ознакомиться с подлинником «Собеседования», в том числе и автор настоящей книги, не находят достаточных оснований для такого определения характера документа. Во-первых, как видно из вышеприведенной инструкции А.Я. Будберга, Ф.О. Паулуччи вообще не получал никаких полномочий на подписание каких-либо русско-сербских соглашений по любым вопросам, тем более на заключение военно-политического союза между Россией и Сербией. Даже в случае необходимости такового вряд ли столь ответственная миссия могла быть поручена недавно завербованному на русскую службу иностранному агенту. Именно этим обстоятельством и объясняется отсутствие росписи и указания фамилии Ф.О. Паулуччи на том месте, где должна быть его роспись. Во-вторых, на подлиннике есть фамилия и имя верховного вождя, но там нет его росписи и печати. В-третьих, составленный Е. Гагичем на сербо-русском языке документ озаглавлен «Собеседование»,

inslav

что во французском языке начала XIX в. соответствовало слову une convention. Вышеизложенное, на наш взгляд, дает основание полагать, что «Собеседование» по сути и форме составления документа вряд ли можно отнести к официальным документам типа межгосударственных договоров или конвенций. По содержанию и по характеру оформления документа «Собеседование» ближе к протокольной записи переговоров. Точнее, оно представляет собой перечень условий, после выполнения которых правительством России сербы соглашались выделить определенное число своих воинов для взаимодействия с русскими войсками на дунайском участке русско-турецкого фронта и с черногорцами в Боснии. М. Стойкович и Е. Гагич также не рассматривали «Собеседование» как официальный договор или конвенцию о заключении военно-политического союза между Сербией и Россией. Об этом, как нам кажется, свидетельствует и письмо Е. Гагича Михельсону от 4(16) июля 1807 г., в котором секретарь Правительствующего Совета просил отправить его в Петербург, чтобы там, как сказано в его письме, «предварительные пункты («Собеседования». – *В.Г.*) повторительно словесно представить» Александру I. (Первое сербское... Кн. 1. С. 392–393. Е. Гагич – И.И. Михельсону, 4(16) июля 1807 г.). Подробнее об этом см.: *Никитин С.А.* О так называемой «Конвенции Паулуччи – Карагеоргий» // Balkanica. Beograd, 1977. С. 235–243; *Грачев В.П.* Некоторые вопросы политики русского правительства в отношении сербского восстания 1804–1813 гг. // Советское славяноведение. 1987. № 2. С. 38–39.

[102] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 109–112. «Записка по предмету сербов». Составлена после 8(20) сентября 1807 г.

inslav

Глава III

Слободзейский договор о перемирии между Россией и Турцией и оценка его петербургским двором, Портой и сербскими повстанцами

1. Первые попытки командования Дунайской армией закрепить перемирие с турками летом 1807 г.

Предварительная договоренность Александра I с Наполеоном I о временном прекращении военных действий между Россией и Турцией была достигнута в Тильзите 9(21) июня 1807 г. еще до подписания Тильзитского трактата. Оставляя копию предварительных условий перемирия с Турцией главнокомандующему Дунайской армией И.И. Михельсону, Александр I в рескрипте от 15(27) июня 1807 г. писал: «Перемирие сие равным образом касается и до корпуса генерал-майора Исаева, отправленного для совместного действия с сербами»[1]. И.И. Михельсон, в свою очередь, 26 июня (8 июля) 1807 г. предписывал И.И. Исаеву: «Старайтесь по сему предмету с начальниками турецких войск, противу нас находящихся, учредиться, имея, впрочем, всю военную предосторожность. Между тем, желательно бы, чтоб до обнаружения сего Ваше превосходительство с вверенным Вам корпусом находились по сю (левую. – *В.Г.*) сторону Дуная под благовидным образом для защиты от неприятеля Малой Валахии, оставя сербам порох и свинец и шесть пушек, тож и греков при майоре Пангале, буде они уже пришли, а если нет, то, объявив им (сербам. – *В.Г.*) о скором их прибытии к ним»[2]. Приказывая И.И. Исаеву отвести его корпус из-под Неготина на левый берег Дуная, Михельсон рассчитывал, во-первых, воздержаться от участия в сражениях с турками, что предписывалось «высочайшим рескриптом»; во-вторых, сохранить до времени втайне приказ царя о приостановке военных действий с турками. Отход корпуса Исаева на левый берег реки, по расчетам Михельсона, не мог повредить сербам, поскольку при заключении перемирия с турками его условия непременно будут распространены и на сербов.

inslav

«Начальников же сербских и народ, – писал по этому поводу Михельсон Родофиникину, – смело можно уверить, что при заключении мира и всех для них выгодах и будущей безопасности наилучшее положение сделано будет»[3].

Согласно статье 22-й русско-французского договора о мире и дружбе, подписанного в Тильзите 25 июня (7 июля) 1807 г., Россия обязывалась прекратить военные действия с Турцией на суше и на море. Статья 23-я того же договора предусматривала вывод российских и турецких войск из Валахии и Молдавии. При этом войска России и Турции не должны были вступать в пределы этих княжеств вплоть, как указывалось в договоре, «до размена ратификаций будущего окончательного мирного трактата между Россией и Портою Оттоманскою»[4].

В рескрипте от 28 июня (10 июля) 1807 г. Александр I в связи с этим повелевал И.И. Михельсону установить связь с великим визирем и сообщить ему условия вышеназванных статей Тильзитского договора. В этом же рескрипте указывалось, что российские войска должны выводиться из Дунайских княжеств на следующих условиях: если Порта даст согласие на посредничество Франции в русско-турецких переговорах; если турки также выведут свои войска из Валахии и не будут занимать Молдавию в период ведения мирных переговоров; для ведения переговоров Порта должна назначить своих уполномоченных. В том же рескрипте сообщалось, что И.И.Михельсон наделяется полномочиями для ведения переговоров о перемирии с великим визирем и ему же предоставляется право подписать предварительный договор на вышеизложенных условиях. В случае отказа великого визиря одного из этих пунктов, российские войска не должны покидать занимаемых ими позиций[5].

Как выяснилось позже, последнее условие царского рескрипта создавало ряд осложнений для корпуса И.И. Исаева, взаимодействовавшего с отрядами сербских повстанцев на правом берегу Дуная. Из рапортов И.И. Исаева, относящихся к концу июня – началу июля 1807 г., видно, что после сражения у села Малайницы под неготинскую крепость пришло не более

inslav

6-ти тыс. сербских воинов. После отъезда Карагеоргия они постепенно стали самовольно разбегаться из-под осажденного Неготина. По оценке И.И. Исаева, в начале июля 1807 г. под Неготином оставалось не более двух тысяч сербских воинов. «Пандуры мои, – пишет И.И. Исаев, – также бегут; весь отряд мой состоит не более чем из 1500 человек. С сим малым числом не могу я идти далее, ибо на каждом шагу встречаются крепости. Первая – Неготин, Брегово и Флорентин. Неготин был бы уже взят, ежели бы имел я более регулярных войск». Из этих рапортов видно, что на обоих берегах Дуная у генерал-майора Исаева, действительно не хватало сил, боеприпасов и провианта, поскольку на правом берегу, где была гористая местность и войска были удалены от населенных пунктов, невозможно было наладить снабжение и получить подкрепление. Окрестные селения еще с весны были ограблены, а посевы сожжены турками. Что не успели забрать турки, то добрали сербы. В дополнение к этому, как русские солдаты, так и сербы, за неимением своих лекарей и лекарств, лечились в небольшом корпусном лазарете, явно не справлявшемся с таким количеством раненых и больных. Чтобы вести операции на обоих берегах Дуная, осаждать Неготин, наступать в направлении Видина, охранять Крайовский Банат и т. д., Исаев просил Михельсона и Милорадовича подкрепить его хотя бы небольшим числом регулярного войска, прислать одного лекаря и медикаменты[6].

Михельсон, в свою очередь, писал Родофиникину: «Прошу... совершенно уверить (сербских депутатов. – *В.Г.*), что генерал-майор Исаев находится в Крайовском округе и назад не отступит, но будет сербам содействовать по возможности и при первом от них извещении не оставит подать им нужную помощь. Стоять же ему в одном месте без всякого действия было бы бесполезно»[7]. В письме Исаеву от 4(16) июля 1807 г. Михельсон почти дословно повторил это распоряжение и отправил копию рескрипта царя от 28 июня (10 июля) 1807 г. – «для точного соображения и исполнения»[8]. Главнокомандующий повторно предупредил Исаева и о том, что во время

inslav

переговоров с великим визирем об условиях перемирия он будет настоятельно требовать, чтобы оно было распространено и на сербов[9]. В письме к Родофиникину Михельсон конкретизирует эту мысль: «Как бывшие уже у нас вообще с сербами действия противу турок, участь их нам общая, то следует, чтобы при перемирии нашем с турками сие имело распространение и на сербов. О чем не оставите ваше пр-во, елико возможно, стараться; равномерно как и я с моей стороны во всяком случае не оставлю иметь в виду жребий сего приверженного к нам народа»[10]. Приказ главнокомандующего Дунайской армией об отводе корпуса в Крайовой был доставлен к Исаеву 3(15) июля 1807 г. Генерал в тот же день известил об этом сербских начальников. «Они, – пишет Исаев, – усильно просили меня остаться, говоря, что отходя от них, оставлю сие малое число сербов на жертву, что очень несправедливо». Тогда же Исаев послал переводчика Лиготовича в Неготинскую крепость к Кусанджали Халилу (Гушанцу-Али). Предводитель кирджалиев, бывший комендант Белграда и лютый враг сербов, наотрез отказался вступать в переговоры и усилил обстрел позиций осаждавших крепость сербов и русских. Быстрее и проще было улажено дело на левом берегу Дуная. После первого же уведомления турок о начале переговоров о перемирии боевые действия в Крайовском Банате были приостановлены, и Исаев, воспользовавшись этим, решил на какое-то время оставить свой корпус под Неготином. Необходимость в этом объяснялась еще и тем обстоятельством, что греческий корпус к моменту его отправки к сербам насчитывал не 2500 легионеров, как об этом докладывали майор Пангалос и Родофиникин, а всего лишь 567 чел. В связи с этим так называемый греческий легион пришлось «укомплектовывать» за счет албанских наемников[11].

В сопровождении 2 тыс. албанских наемников К.К. Родофиникин прибыл в Крайову 6(18) июля 1807 г. и сразу же отправил посыльного под Неготин, чтобы уточнить место, где он мог бы соединиться с корпусом М. Стойковича. «Албанцы, которых я с собою веду числом до 2 тысяч, – пишет Родофиникин, – имеют

inslav

надобность непременно остаться в Крайове дня на четыре для исправления всего нужного около себя и для печения сухарей, а потом уже пойдут за Дунай, следственно, мы имеем время видеться, где назначите, учредить все и потом мне вернуться опять в Крайову, чтобы выпроводить тех албанцев»[12].

К. Ипсиланти 8 июля отправил из Фокшан Родофиникину письмо и газеты с известиями о последних событиях в Европе. Господарь Валахии сообщал, что он отослал Михельсону свои соображения о том, как лучше провести демаркационную линию на время перемирия с таким расчетом, чтобы облегчить населению Дунайских княжеств сбор нового урожая. «Турки явно спекулируют на этом, – пишет К. Ипсиланти, – и я убежден, что визирь только ради этого на какое-то время отложил решение этого дела (установление демаркационной линии. – *В.Г.*). Я сказал также генералу-аншефу, что обязательно следует учесть сербов в перемирии, ибо в противном случае все турецкие силы обрушатся на них. Я знаю, что Вы можете сделать немного, но, ради бога, сделайте все, что в Ваших силах по этой статье, дабы не дать погибнуть этому непокорному и воинственному народу, который является для нас верным и надежным другом»[13].

Прибывший 7(19) июля 1807 г. под Измаил маркиз Ф.О.Паулуччи передал главнокомандующему вместе с другими материалами и протокол «Собеседования» с Карагеоргием. По ознакомлении с ним Михельсон писал царю: «Сербы желают иметь всякого рода чиновников по военной и гражданской части, кроме греков, из чего сумнительно, будут ли довольны д.с.с. Родофиникиным, который есть совершенный грек»[14].

Между тем, 6(18) июля 1807 г. вернулся посланный Михельсоном к великому визирю инженер-полковник Гельмерсен. Он привез письмо, в котором великий визирь сообщал, что он согласен принять предложение о перемирии, но с условием, что оно будет продолжаться только до того, как будет получено окончательное решение Порты по этому вопросу. Окончательное решение Порты позднее доставит французский офицер, который ожидает его в ставке великого визиря.

inslav

Согласно приказу великого визиря, командующий турецкими войсками в Измаиле Пехливан-паша приостановил военные действия, но категорически отказался сдавать крепость.

К этому времени военные действия не прекращались только в Неготинской Крайне. Но посланное Исаевым письмо с предложением начать переговоры о перемирии видинский паша Молла не отвечал, а засевший в неготинской крепости Кусанджали Халил по-прежнему продолжал обстреливать позиции русских и сербов. Если бы видинские турки согласились заключить перемирие, писал Исаев Милорадовичу, то можно было бы отвести наш корпус от Неготина и переправиться на левый берег Дуная. «Сделав то при теперешнем положении, – пишет он, – оставлю сербов на жертву; число их не прибавляется, две тысячи не будут в состоянии держаться». В том же письме Исаев сообщил и о прибытии Родофиникина в Крайову, где он намеревался остаться 4 дня[15]. В ответ на эти рапорты Исаева Михельсон писал: «... Одобряю, что Вы не оставили сербов, коих отступление Ваше могло бы подвергнуть гибели. Вы получили уже предписание мое, чтобы стараться включить их в перемирие. При всем том нужно Вам иметь бдительное внимание и попечение о сохранении коммуникации с Крайовой, чтобы турки под видом перемирия не воспользовались случаем захватить оную»[16].

Вскоре Исаев все же получил ответ от Молла-паши, который писал, что до получения фирмана из Константинополя он лично не может дать согласия на переговоры о перемирии. Соответствующие ответы были получены и от начальников гарнизонов из Кладова и Адакале (Орсово).

Родофиникин переправился на правый берег Дуная 11(23) июля 1807 г. При встрече с Исаевым под Неготином он сообщил, что порох и свинец для сербов вскоре прибудут вместе с легионерами майора Пангалоса, но ядер для пушек еще не подвезли в Крайову. После свидания с Исаевым Родофиникин вновь возвратился в Крайову, обещая вскоре прибыть обратно вместе с греческим легионом Пангалоса.

inslav

Воспользовавшись некоторым затишьем с русской и сербской стороны, которое было вызвано поисками путей к установлению перемирия, войска видинского паши, располагавшиеся в крепостях Флорентина, Кладово и Адакале, занялись заготовкой продовольствия, отбирая у населения окрестных сел скот, хлеб и все, что попадалось под руку. Для защиты мирных жителей Исаев просил Родофиникина ускорить отправку из Крайовы 400 всадников из прибывших с ним албанцев[17]. К этому времени на помощь видинскому паше подоспел 15-тысячный корпус Исмаил-бея Серрского, половина которого 18 июля 1807 г. сходу атаковала позиции, на которых располагалась лишь часть корпуса Исаева. В ходе 4-часового сражения русские войска отбили три атаки превосходящего по численности противника. Окопавшиеся на левом фланге сербы по каким-то причинам в этом сражении не участвовали. После безуспешных атак корпус Исмаил-бея закрепился на высотах, расположенных в 4-х верстах от Неготина, и готовился к новому нападению на позиции русских[18]. В эти же дни Карагеоргий со своим войском вел бои с 5-тысячным корпусом босняков, которые пришли на помощь осажденным туркам в крепости Ужице. В ходе ожесточенных сражений, по свидетельству верховного вождя сербов, босняки потеряли до 1500 человек убитыми, 30 человек пленными, 40 повозок с боеприпасами и продовольствием, 400 лошадей и прочее. Из перехваченных у босняков документов выяснилось, что отправлявшаяся в Ужице помощь была последней, поскольку войска других боснийских аянов были вынуждены отражать нападение черногорцев.

14(26) июля 1807 г. в Бухарест к Милорадовичу прибыл турецкий полковник с письмом от Мустафа-паши Байрактара. Рущукский паша извещал, что приехавший из Константинополя генерал Сали-эфенди привез фирман султана, в котором объявлялось об установлении перемирия с русскими на всех фронтах войны. В фирмане сообщалось также, что турецкая сторона предлагает вести переговоры в местечке Слободзея, располагавшемся неподалеку от Журжи (Джурджу), и просит

inslav

направить туда российского полномочного, которому будет поручено вести переговоры об условиях перемирия[19]. Михельсон, в свою очередь, известил М.А. Милорадовича о том, что 14 июля 1807 г. французский полковник А.Ш. Гильемино отправился из Фурценешти, где тогда находился штаб Дунайской армии, к великому визирю в Браилов. В связи с этим Михельсон приказывал Милорадовичу отправить в Браилов полковника барона Гринштейна, который лично знал Гильемино, чтобы быть в курсе переговоров француза с великим визирем[20].

2. Ситуация под Неготином накануне русско-турецких переговоров о перемирии в Слободзее

Между тем в Фокшаны прибыл С.Л. Лашкарев, которому Александр I поручил вести переговоры с турецкими уполномоченными об условиях перемирия[21]. Перед отправкой в Слободзею, где должны были проходить переговоры, С.Л. Лашкарев заехал в Фокшаны к И.И. Михельсону, чтобы согласовать с ним общую позицию, которой должна придерживаться российская сторона, и выяснить требования главнокомандующего Дунайской армией, которые он предполагал предъявить туркам. Во время встречи с Лашкаревым Михельсон признался, что ему, как главнокомандующему, до сих пор остаются не ясными вопросы, касавшиеся вывода как российских, так и турецких войск за пределы Дунайских княжеств. Во-первых, из высочайшего рескрипта от 28 июня 1807 г. невозможно понять, должны ли турки выводить свои войска из Браилова, Джурджу, Турно-Северина и других укрепленных пунктов, располагавшихся на территории Валахии. Во-вторых, должны ли быть выведены турецкие войска из Измаила, а российские из Килии, Аккермана и Бендер, которые расположены в Бессарабии. Кроме того, Михельсон выражал опасения, что после вывода российских войск указанные крепости при возобновлении военных действий турки смогут занять быстрее, так как их позиции будут располагаться ближе позиций русских, которые

inslav

отойдут за Днестр. При такой диспозиции русским придется вновь штурмовать эти крепости, напрасно проливая много солдатской крови. Не был до конца ясным главнокомандующему и вопрос о сербах, поскольку о них в рескрипте от 28 июня 1807 г. вообще ничего не было сказано. Сам же Михельсон был уверен в том, что царь ни при каких обстоятельствах не оставит сербов на произвол турок. При отъезде Гильемино из Фурценешти в Браилов Михельсон напутствовал французского посредника словами: «Чтобы при постановлении перемирия стараться и сей народ (сербов. – *В.Г.*) включить в оное»[22]. После отъезда Гильемино из штаба Дунайской армии Михельсон сообщил Исаеву, что от великого визиря получено согласие на перемирие, переговоры о котором поручено вести тайному советнику С.Л. Лашкареву, и что в письме к верховному визирю он, главнокомандующий, требует включения в перемирие сербов. Следовательно, предписывал Михельсон Исаеву, он, Исаев, со своей стороны, должен требовать того же от Молла-паши, который, судя по всему, уже получил соответствующий приказ великого визиря[23].

Заключение мира между Россией и Францией в Тильзите, а также начавшиеся переговоры с Турцией о перемирии породили панические слухи и растерянность среди сербских повстанцев. Панические настроения подогревались и инсинуациями австрийских агентов. В частности, один из сербских купцов, проживавший в Австрии, сообщил Правительствующему Совету повстанческой Сербии о том, что при заключении договора между Россией и Францией Наполеон и Александр I якобы, договорились, что Турция в счет погашения своих долгов в 80 мил. пиастров должна уступить Австрии Сербию и Боснию. Члены Правительствующего Совета, в свою очередь, сообщили эту «информацию» воеводе М. Стойковичу, который в пылу «праведного» гнева заявил Исаеву, что сербы никогда не смирятся с этим и жестоко отомстят как тем, кто их продал австрийцам, так и тем, кто собирается купить сербов[24]. Письмо аналогичного содержания Стойкович отправил

inslav

и в адрес Михельсона. «Мы до сих пор не знаем, – писал М. Стойкович Михельсону, – что мы находимся под крылом российского императора..., что мы союзники Ваши. Поэтому просим Вас сообщить,... знаете ли Вы о том, что цесарь хочет нас купить. Если Вы знаете что-либо об этом, то сообщите и нам, чтобы и мы знали, что нам делать с нашим народом. Если же и такое случится, то лучше нашему народу совсем кануть в воду, нежели стать австрийскими подданными»[25].

По получении от великого визиря уведомления о согласии султана Мустафы IV на «трактование и заключение перемирия», переговоры о котором турецкая сторона поручила Мехмеду Саиду Галиб-эфенди, И.И. Михельсон 19 июля 1807 г. отправил С.Л. Лашкареву два указа Александра I и свою инструкцию. В этих официальных документах подтверждались полномочия Лашкарева на право ведения переговоров и заключения договора о перемирии, а также излагались основные принципы, на которых российская сторона соглашалась временно приостановить военные действия. В инструкции М ихельсона указывалось, что если турки под каким-либо предлогом не захотят выводить свои войска из крепостей, занимаемых в Валахии, Молдавии и Бессарабии, то Лашкарев ни под каким видом не должен соглашаться и на вывод из Дунайских княжеств российских войск, которые в таком случае будут оставаться на занимаемых ими позициях. В крайнем случае было бы желательно, чтобы войска Мустафа-паши отступили от реки Арджеш в пределы Джуржинской нахии, а российские войска не будут переправляться через ту реку и облегчат блокаду Измаила, отступив от крепости к урочищу Табану. Согласно инструкции Михельсона, С.Л. Лашкарев должен был требовать включения в договор о перемирии пункта о прекращении военных действий и «на границах Сербии, как с российским там корпусом, так и с сербами, яко действия последних имело уже соединение с действием первого»[26]. В предписании М.А. Милорадовичу главнокомандующий Дунайской армией писал по этому поводу: «О постановлении перемирия, как

inslav

здесь, так и с генерал-майором Исаевым и сербами, хотя я дал препоручение французскому полковнику Гильемино, и надеюсь, что сию пору приведено уже оное в действие, по рапорту однако... Исаева, что видинские турки от него перемирия не приняли, и что военные действия там происходят, можете, ваше превосходительство, отнестись отсюда к Мустафа-паше или к самому визирю, ежели от первого не зависит, чтобы остановлены были и там, на границах Сербии, военные действия, как с нашей стороны давно уже генерал-майору Исаеву предписано»[27].

Несмотря ни на предложения русских, ни на приказы турецких военачальников Молла-паша Видинский и Исмаил-бей Серрский по-прежнему не хотели прекращать военных действий под Неготином и отказывались от ведения переговоров. Корпус Измаил-бея располагался в 4-х верстах, а Молла-паши в 10-ти верстах от Неготина. Их войска с разных сторон нападали на позиции сербов и русских. Согласно рапорту Исаева, число остававшихся под Неготином сербов быстро сокращалось и к моменту отправки рапорта сравнялось с численностью отряда Исаева. Численность греческого легиона, приведенного Родофиникиным, составляла не более тысячи человек. В это число входили: 200 конных сербов, 80 арнаутов и 120 российских пехотинцев. В греческом легионе Пангало набиралось не более 500 пеших и конных легионеров, которые были оставлены на левом берегу Дуная для охраны Крайовы. И.И. Исаев жаловался на то, что присланное ему пополнение недостаточно вооружено и очень плохо подготовлено. Многие из присланных при одном только появлении турок прятались в укрытия и боялись вступать в бой. Защищаться с такими новобранцами от превосходящих сил турок, писал Исаев, будет крайне затруднительно. Сербы также не оправдали ожиданий Исаева. В частности, сербский отряд в 200 чел., которому было дано задание защищать дунайский остров Кербов, при появлении нескольких турецких лодок, оставил свои позиции и без боя уступил остров, через который осуществлялось снабжение российских и сербских войск, находившихся на правом берегу

inslav

Дуная, продовольствием и боеприпасами с баз, располагавшихся в Крайове. Из-за допущенной сербами оплошности казакам Исаева пришлось заново выбивать турок с острова.

25 июля 1807 г. на позиции перед Неготином прибыл К.К. Родофиникин[28]. Передав М. Стойковичу и П. Новаковичу 3 тысячи червонных, он в тот же день отправился в Белград[29]. По пути в Белград, в местечке Голубац, Родофиникина нагнал посыльный Исаева, который вручил ему письмо Михельсона. Главнокомандующий уведомлял Родофиникина о начале переговоров в Слободзее об условиях перемирия между российскими и турецкими войсками, которое должно распространяться и на сербов. Сообщенные Михельсоном сведения не удовлетворили Родофиникина, и он попросил снабдить его более подробной инструкцией: как он должен «сообразовать свое поведение» с сербами в Белграде, чтобы оно не оказалось «несоответствующим настоящему положению дел». «Хотя нетерпение сербов чрезвычайно велико видеть свое правительство образованным, – писал Родофиникин из Голубца, – но я все же воздержусь от всяких предприятий по сему предмету, доколе Ваше высокопревосходительство почтите меня уведомлением о том, что постановлено будет с полномочными, присланными от Порты Оттоманской»[30].

Между тем, к концу июля 1807 г. на позициях под Неготином в отряде И.И. Исаева оставалось не более 400 чел. регулярной пехоты, что было явно недостаточно для противостояния превосходящим во много раз силам противника. Исаев вновь просил подкрепить его регулярной пехотой, без которой невозможно было атаковать укрывавшихся в засаде турок[31]. В ответ на просьбы Исаева Михельсон отделывался отписками: «По получении приказа о перемирии Вы должны были прекратить военные действия». Но поскольку превосходящий по силам противник по своей инициативе продолжает угрожать позициям, которые занимают русские и сербы, то при таких обстоятельствах, пояснял Михельсон, российским войскам следует защищать сербов. Вместо помощи Михельсон утешал

inslav

Исаева тем, что он, со своей стороны, ведет переговоры с великим визирем, «чтоб и с вашей стороны сделаны были мироположении». Что же касается дополнительных подкреплений, пишет М ихельсон, то «пока не переменятся обстоятельства, Вы на новое подкрепление, кроме того, что к Вам отправлено, считать не можете, а потому и имеете брать свои меры к сохранению войск, Вам вверенных, и коммуникации вашей... Зависит от Вашего превосходительства и то, чтоб, оставя сербов, пандуров и ипсилантиевских казаков сколько заблагорассудите под именем российского войска при сербах, с батальоном и вашими казаками прикрыть остров и Крайову»[32].

Находившийся в Видине французский эмиссар, полковник Мерьяж, в последних числах июля 1807 г. прислал в штаб корпуса Исаева письмо, адресованное К.К. Родофиникину. Мерьяж предлагал организовать встречу для того, чтобы договориться об условиях перемирия на этом участке фронта. Поскольку Родофиникина уже не было в расположении российских войск, то Исаев пригласил французского посредника к себе. Их встреча состоялась 28 июля 1807 г. и продолжалась более 3 часов. Во время беседы Мерьяж сообщил, что турки согласны на перемирие с русскими, но категорически отказываются мириться с сербами. «Я дал ему знать, – пишет Исаев, – что оно (перемирие. – *В.Г.*) должно быть общее. Наконец, он (Мерьяж. – *В.Г.*) согласился на таких кондициях: чтоб кордон на правом берегу Дуная был из российских войск, комендант на острове (Кербов. – *В.Г.*) – российский, чтобы купеческим судам на Дунае был свободный ход, они должны быть осматриваемы нами; ежели найдутся на судне военные люди, военные припасы, пушки, ружья, таковые не пропускать». Мерьяж предупредил Исаева о том, что, согласно условиям русско-турецкого перемирия, которых он еще не имеет, российские войска должны быть выведены из Валахии, Молдавии и Сербии в пределы России. Эти условия, по наблюдениям Исаева, очень устраивают турок, но они не хотят мириться с сербами. После разговора с Исаевым французский посредник отправился

inslav

в расположение войск Исмаил-бея Серрского. После разговора с Мерьяжем Исмаил-бей 31 июля 1807 г. прислал письмо Исаеву, в котором писал, что он требует, чтобы на острове Кербов оставались не только российские, но и турецкие войска. Вслед за тем Молла-паша прислал к Исаеву своего переводчика, чтобы выяснить, согласен ли российский генерал вести переговоры и каким должен быть состав их участников. Исаев предложил провести их без французского посредника. Объясняя причину такого решения, он писал: «Французы стараются распустить слухи, что русские оставляют Сербию, Валахию и Молдавию; турки часто разговаривают из крепости с сербами, находящимися на батарее, которая довольно близко. Миленко (Стойкович. – *В.Г.*) в нас сомневается, и вчерашний день у меня напал на турок, приехавших ко мне с письмом, едва я мог остановить его, и на турецком языке не пощадил и меня, говоря, что все сии переговоры клонятся к тому, чтобы продать их (сербов. – *В.Г.*). Я полагаю, что ежели они (турки. – *В.Г.*) не получат строгого повеления визиря, то у нас, конечно, перемирия не будет, ибо французы, как мне кажется, много мешают. К тому же, во время наших переговоров (турки. – *В.Г.*) продолжают стрелять из пушек и ружей, не перестают делать набеги на ту (левую. – *В.Г.*) сторону Дуная»[33]. 1 августа 1807 г. Исмаил-бей сообщил Исаеву, что он получил приказ верховного визиря установить перемирие только с русскими. С сербами перемирия не будет, поскольку они являются подданными султана и рассматриваются Портой как бунтовщики и мятежники. И.И.Исаев отвечал на это: «Как русские войска стоят вместе с сербами, то в случае нападения их (турок. – *В.Г.*), я должен буду защищаться».

Обстановка под Неготином еще больше осложнилась, когда сербы сами напали на турок, которые вновь заняли остров на Дунае. Исаев отвечал по этому поводу туркам, что они не должны быть в претензии за это ни к русским, ни к сербам, поскольку турки сами не хотят заключать перемирие с сербами. «Я настою на этом, – пишет Исаев Милорадовичу, – то и считаю,

inslav

что у нас оно существовать совсем не будет, разве Ваше превосходительство настоите у визиря дать им повеление, чтобы оно распространилось и на них» (сербов. – *В.Г.*)[34].

По получении рапортов от Исаева и Милорадовича Михельсон поставил в известность С.Л. Лашкарева, что Молла-паша Видинский, Исмаил-бей Серрский и прочие турецкие начальники, воспользовавшись установлением перемирия на других участках фронта, сосредоточивают свои войска к Неготину и намереваются переправить их на левый берег Дуная, чтобы занять часть Крайовского Баната и разорвать коммуникацию русских. «Таковые действия и движения со стороны турецкой, – пишет Михельсон, – поелику показывают перемену токмо театра войны, а не перемирия, в каковом мы здесь постановились, и я, с моей стороны, принужденным нахожусь брать сообразно тому меры, вопреки общим желаниям нашим быть ближе к миру». В связи с этим Михельсон предписывал Лашкареву: «...Наипоспешнее объясниться по сему предмету с турецким начальством и требовать настоятельным образом, ежели перемирие с их стороны приемлется, то чтобы постановлено было оное совершенно взаимным образом как с нашей стороны существует повсеместно, чтобы в занятые нами места, так и в стороне Краевской, как в других до решительного постановления не входили, или в противном случае я должен буду обратиться к мерам, сообразным движениям турок видинских»[35].

3. Начальный этап русско-турецких переговоров в Слободзее об условиях перемирия

Русско-турецкие переговоры об условиях перемирия на придунайском фронте и в Сербии официально начались 1(13) августа 1807 г. в Слободзее. (Ныне г. Слободзея в Румынии на реке Яломица – притоке Дуная). Российскую сторону на переговорах представлял 68-летний дипломат в отставке, бывший начальник Азиатского департамента МИД России Сергей Лазаревич Лашкарев, а турецкую – тоже опытный дипломат,

inslav

бывший рейс-эфенди Мехмед Саид Галиб-эфенди. Посредником («медиатором») с французской стороны был назначен полковник Арман Шарль Гильемино. Несогласованность условий перемирия как среди российских дипломатов и командования Дунайской армией, так и среди чиновников Порты и местных пашей, нежелание турок прекратить военные действия против сербов, болезнь И.И. Михельсона, необъективность французского «медиатора» и ряд других причин способствовали тому, что переговоры в Слободзее и на участках, где российские войска воевали вместе с сербами, проходили трудно и с большими осложнениями. Предвзятость поведения французского посредника проявилась при первых же его встречах с Лашкаревым и Галиб-эфенди, которые состоялись 31 июля (12 августа) 1807 г. По свидетельству Лашкарева, он по прибытии в Слободзею прежде всего встретился с Гильемино и поставил его в известность о том, что турки нарушили условия тильзитских соглашений. Они, после отхода российских войск с некоторых участков фронта в Валахии, переправились через реку Сержис, самовольно начали собирать кукурузу, косить сено и требовать налоги с населения за прошлые годы. Гильемино, по словам Лашкарева, не придал этим фактам должного значения и отправился на встречу с турецким уполномоченным. Хотя суть разговора француза с турком Лашкареву узнать не удалось, однако по характеру их поведения опытный дипломат понял, что французское посредничество в предстоящих переговорах будет клониться не в пользу России.

Официальный визит турецкий уполномоченный нанес С.Л. Лашкареву 1(13) августа 1807 г. Утренняя часть переговоров проходила без участия французского «медиатора» и продолжалась более двух часов. За это время сторонам удалось договориться о порядке вывода российских и турецких войск с занимаемых ими позиций в Дунайских княжествах и Сербии. При этом Лашкарев, в порядке исключения, согласился на присутствие небольшого отряда Мустафы Байрактара в Слободзее в связи с тем, что в этом селе жил сам упомянутый

inslav

паша. По соглашению с Мустафой Байрактаром, основная часть его войска распускалась по домам. Галиб-эфенди, со своей стороны, соглашался на вывод части турецких войск из крепостей, располагавшихся на левом берегу Дуная. Но при этом он требовал оставить в левобережных крепостях гарнизоны, которые находились там до начала войны[36]. Российские же войска все без исключения должны были оставить свои прежние позиции и отойти к Днестру на территорию России. Во второй половине дня 1(13) августа 1807 г. в переговорах принял участие и французский посредник. Первым обсуждался вопрос о включении сербов в русско-турецкое перемирие. Галиб-эфенди объявил, пишет Лашкарев, что «сербы неоднократно государю их оказались в измене и воевали против него, брали города и убивали начальников их. Мы их не считаем ни за волохов, ни за молдован, а за супостатов. Итак, они не должны быть помещены в перемирие». Возражая на это, Лашкарев отвечал: «Везде, где российские войска находятся, должно, чтоб перемирие служило в равной силе...». Галиб-эфенди на это заявил, пишет Лашкарев, что «государь (султан. – *В.Г.*) и визирь никак на это согласиться не могут, и ежели паче чаяния приказано будет от визиря вступить в земли сих изменников и начнут их лишать жизни, неужели ваше войско в это вмешается?... Неужели из этого выйдет новая война?». Выход из создавшегося тупика уполномоченные видели лишь в разрешении сербского вопроса «в высочайших инстанциях», т. е. оставляли на усмотрение царя и султана. «Я уповаю, – пишет по этому поводу Лашкарев, – что оба государя легко найдут способ к сохранению сих невинных», т.е. сербов. После некоторых колебаний Галиб-эфенди все же согласился написать письмо султану и еще раз спросить его, как быть с решением сербского вопроса. Турецкий уполномоченный не упустил случая, чтобы поинтересоваться мнением Гильемино по поводу судьбы сербов. Французский посредник уклонился от прямого ответа, сказав, что «войска турецкие не должны касаться их (сербских. – *В.Г.*) земель»[37].

inslav

Тяжело болевший И.И. Михельсон, до кончины которого оставалось не многим более 2 недель, 2(14) августа 1807 г. писал Лашкареву: «Депешу вашего превосходительства сего числа в ночи я получил и теперь же в Петербург отправил. Сердечно поздравляю Вас со столь добрым дела началом, каковаго и окончания желаю. Особливо благодарю Вас, милостивый государь мой, за сербов; пусть там что будет с ними, то будет, но по крайней мере теперь, чтобы могли мы оставить их спокойно»[38]. В письме к царю Михельсон сообщал о прибытии из Константинополя в Бухарест французского сенатора Понтекулана, который встречался там с сербским депутатом Е. Гагичем. Понтекулан настоятельно внушал Е. Гагичу мысль о том, чтобы сербы просили покровительства у Наполеона. При встрече с Михельсоном Гагич подтвердил факт своей встречи с французским сенатором, добавив к этому, что Понтекулан предложил ему, Е. Гагичу, самому обратиться к Наполеону и просить у него покровительства для своей нации. Но поскольку у Е. Гагича не было на то полномочий, то французский сенатор советовал, чтобы такое обращение было сделано от имени Правительствующего Совета Сербии[39].

Переписка И.И. Исаева с Молла-пашой Видинским и Исмаил-беем Серрским по поводу включения сербов в перемирие не дала желаемых результатов. Прибывший к Исаеву диван-эфенди видинского паши предупредил русского генерала, что объединенные силы Молла-паши и Исмаил-бея готовятся к нападению на сербов, но русские войска не должны вмешиваться в это дело и защищать сербских мятежников. «На таковые предложения, – пишет Исаев, – мне согласиться было нельзя и я сказал ему прямо, что сего не сделаю».

Узнав о готовившемся нападении превосходящих сил противника, сербы постепенно стали покидать позиции под Неготином, на которых к 4(16) августа 1807 г. оставались лишь русские войска. «И как ни больно мне было оставить занимаемую мною позицию, – пишет Исаев, – принужден отступить в остров (Кербов. – *В.Г.*), куда, переправясь вчерашний день

inslav

(т. е. 4(16) августа. – *В.Г.*) поутру, писал к паше Мулле прислать ко мне кого-нибудь для назначения пунктов перемирия»[40].

Михельсон тем временем в очередной раз напоминал С.Л. Лашкареву: «Пока не будет перемирия для сербов, до тех пор нельзя считать и здесь перемирия, ибо наш корпус там находится, которого не могу взять оттуда без перемирия. Сего честь оружия нашего… требует. А пока корпус там находится, натурально я должен буду иметь об нем попечение». Смертельно больной и доживавший последние дни главнокомандующий Дунайской армией в постскриптуме к письму от 4(16) августа 1807 г. дрожащей рукой сделал приписку: «Нужно сделать что-нибудь для сербов в облегчение мне, чтобы я без стыда нам мог вывести войска. Впрочем, поступите по лучшему усмотрению Вашему, и я бы рад был, чтобы лучше меня побранили, как оставаться без ответа, но я к сему уже привык. Благодарю, что избавили меня от пунктов, к миру принадлежащих, до коих нам дела нет, да и полномочия не имеем, тоже от того, что не касается до моей армии»[41].

В донесении от 5(17) августа Михельсон сообщал царю, что турки, по его словам, согласны «на очищение крепостей по сю (левую. – *В.Г.*) сторону Дуная» и полагают 35 дней сроку на вывод своих и российских войск из Дунайских княжеств. Только для сербов они не соглашаются принять перемирия. «Руководствуясь честью оружия в.и.в-ва, – пишет Михельсон, – решился сообщить тайному советнику Лашкареву, чтобы настаивать о перемирии и для сербов, представив (турецким. – *В.Г.*) полномочным, что без перемирия мы не можем корпуса нашего взять оттуда, и что, впрочем, перемирие не будет мешать дальнейшим последствиям, кои будут зависеть от постановлений мира»[42].

Чтобы снабдить Лашкарева дополнительными аргументами, которые могли бы повлиять на решение вопроса о включении сербов в перемирие, из штаба Дунайской армии в Слободзею 6(18) августа был срочно отправлен полковник Гринштейн с последними рапортами И.И. Исаева и письмами Михельсона.

inslav

В рапортах Исаева сообщалось, что под Неготином войска Молла-паши и Исмаил-бея совершили нападение на позиции сербов и русских войск. Однако в ходе сражения нападение было отбито с большими потерями для нападавших, и русские взяли в плен 27 турок. В доказательство доброго расположения к противнику Михельсон приказал Исаеву отправить пленных турок к Мустафа-паше Байрактару. Основываясь на этих фактах, Михельсон предписывал Лашкареву, чтобы он на этом примере дал понять турецким уполномоченным, что если бы сербы были включены в перемирие, то сражения под Неготином не было бы[43]. По получении этих документов Лашкарев 7(19) августа отвечал Михельсону: «Касательно Сербии мы беспрестанно хлопочем. Наконец, употребив все способы, принужден я был предложить им… артикул, на который и буду ожидать их ответа, но не отступлю ни на шаг. Впрочем, предлагаю сие на рассмотрение вашего высокопревосходительства. Делайте как хотите. Прошу покорнейше дать знать о сем упорстве их нашему двору, что они (турки. – *В.Г.*) никак не хотят выводить войск из Сербии. Об Молдавии и Валахии я хлопочу так, чтобы оба княжества управлялись их диванами до прибытия полномочных для мира, и ни за что не соглашусь, чтоб ни князь Суцо и никто из его каймакамов не мог вступить до тех пор в управление оных»[44]. На следующий день российский уполномоченный сообщил главнокомандующему: «На артикул о Сербии, который я имел честь представить Вам вчера, турецкий полномочный никак не хочет согласиться, говоря, что они, будучи бунтовщики, Турция имеет право их наказать, что Россия не может мешаться в дела, которые касаются до внутреннего управления Турции». В связи с этим Лашкарев предлагал, чтобы Михельсон, как главнокомандующий Дунайской армией, попытался разрешить это зашедшее в тупик дело путем переписки с великим визирем. «Может быть он (визирь. – *В.Г.*) согласится на предложение Ваше, – пишет Лашкарев, – и тем скорее дело приведено будет к концу». В том же письме Лашкарев еще раз напоминал находившемуся на предсмертном одре Михельсону, чтобы он уведомил об этом затруднительном

inslav

положении петербургский двор, «дабы он мог видеть, сколь трудно и невозможно согласить их (турок. – *В.Г.*) на том, чтоб Сербия оставалась в тишине до заключения мира»[45]. В тот же день, т. е. 8(20) августа 1807 г., в штаб Дунайской армии были доставлены из Слободзеи два варианта решения сербского вопроса: один, который был предложен Лашкаревым, другой – турецким уполномоченным. После знакомства с ними заменявший Михельсона генерал-лейтенант К.И. Мейендорф писал: «Упорство со стороны турков велико. Но ежели они уже никак не согласятся распространить перемирия на всю Сербию, то, по крайней мере, нужно, чтобы таковое распространено было на ту часть Сербии, где наши войска находятся, дабы я мог корпус Исаева взять без стыда нашему оружию. Пускай постановят, что военные действия до окончательного мира прекращаются во всех местах, где только наши войска действовали; то я и сим доволен буду и прикажу корпусу Исаева следовать сюда (в Бухарест. – *В.Г.*). Иначе же, каково нам смотреть будет, ежели они в глазах наших начнут истреблять наших союзников! ...К великому визирю писать о сем от себя я нахожу неприличным, ибо тем я стал бы компрометировать особу Вашу»[46].

В тот же день, т. е. 9(21) августа 1807 г., И.И. Михельсон «впал в горячку» и, не приходя в сознание до самой смерти, умер 19(31) августа 1807 г.[47].

4. Прибытие российской миссии во главе с К.К. Родофиникиным в Белград

Как уже отмечалось выше, Родофиникин, задержавшись на несколько дней в Крайове и на острове Кербов, который занимали сербы, отправился в Сербию в сопровождении охраны, состоявшей из 20 конных сербов. В состав его свиты входили: надворный советник Петр Пизани, титулярный советник Моснер, представитель господаря Валахии К. Ипсиланти, валашский боярин Рати, который должен был вести переписку с турками, и коллежский регистратор Поповников. Выехав из села Голубац 29 июля

inslav

1807 г., Родофиникин 1 (13) августа 1807 г. прибыл в Смедерево, а затем отправился в Белград, куда прибыл 2 (14) августа 1807 г. Предупрежденный заранее о прибытии российского представителя, комендант Белграда Младен Милованович с почетным эскортом выехал навстречу российской миссии. Торжественный въезд в Белград посланцев России сопровождался пушечной пальбой, прибывшим были оказаны самые высокие почести. По этому случаю 4(16) августа прибыл в Белград и сам верховный вождь, который, судя по сообщениям французской и австрийской прессы, был не очень доволен приездом российских представителей и раздражен намерением командования Дунайской армии отвести российские войска из-под Неготина и малой помощью, которую оно оказало сербам[48]. То же самое подтвердил и сам Родофиникин в одном из своих писем. «Появление мое здесь, – пишет он, – не было приятно ни Черному Георгию, ни другим начальникам, один токмо народ обрадовался в надежде, что с моим прибытием все устроится и как жизнь, так и имущество каждого обеспечится. Начальники и не думали поручать полномочным, бывшим в Букоресте, требовать меня или другого; сие учинили то сами, пользуясь властию им данною… Начальствующие желали бы иметь военную помощь, которая бы, не входя внутрь их земли, поразила бы неприятеля и оградила владычество их». В день прибытия Карагеоргия, т. е. 4(16) августа 1807 г., Родофиникин послал к нему боярина Расти, чтобы поздравить с приездом и условиться о встрече. «Посланному моему, – пишет Родофиникин, – (Карагеоргий. – *В.Г.*) наговорил тьму грубостей и кончил словами: «Всех бы вас должно порезать; мне нужны войска, а я их вовсе не вижу, какая мне польза будет от присланного сюда, с чем и зачем он приехал». Посланный мой боярин Рати, данный мне от князя Ипсиланти для турецкой переписки, возвратился домой полумертвый…». Прибывшие через некоторое время к Родофиникину сербские старейшины сообщили, что члены Правительствующего Совета, узнав о необдуманном поступке верховного вождя, потребовали от Карагеоргия, чтобы он не только «приличным образом» принял Родофиникина,

inslav

но и следовал бы его советам. Только после этого Родофиникин решился поехать на прием к верховному вождю. «Свидание наше началось холодностию, – пишет Родофиникин, – подали водку, и я увидел себя принужденным пить столько же, сколько и он, дабы снискать его дружбу, которая действительно и установилась с сей минуты; ибо после сего всякий день у меня бывает, спрашивает о всем и требует совета». Во время бесед с верховным вождем и членами Правительствующего Совета о дальнейшей судьбе Сербии Родофиникин, по его словам, «...не преминул объяснить им, что совершенной независимости на первый раз ожидать трудно и что преимущественнее, и для их самих, лучше остаться до времени под верховною властию Порты, имея своего князя и свое правительство; сначала все отзывались, что они скорее умрут с оружием в руках, нежели покорятся Порте но мало-помалу утихли...».

Опасаясь неожиданных поступков Карагеоргия, Родофиникин отправил это и некоторые другие донесения Будбергу и Михельсону с нарочным Пизани. В этих донесениях Родофиникин сообщал сведения о численном составе населения в Сербии. Согласно сообщенным ему сведениям, в Сербии насчитывалось до 200 тыс. душ мужского пола, из которых 60 тыс. были вооружены. Белградская и другие крепости, входившие в состав повстанческой Сербии, требуют «значительных починок», крепостные пушки в Белграде и Смедереве также неисправны, годных же «весьма мало». В связи с этим Родофиникин поддержал просьбу сербских начальников о присылке в Сербию офицера по инженерной и чиновников по горной части; последние необходимы, по его словам, «для рудокопных золотых заводов»[49]. Вместе с донесениями Родофиникин отправил с Пизани и саблю, которую Карагеоргий и члены Правительствующего Совета подарили министру иностранных дел России А.Я. Будбергу[50].

В следующих донесениях из Белграда Родофиникин сообщил, что со стороны Боснии против сербов сосредоточиваются большие силы: около Сокола собралось до 30 тыс., у Ужице – до 40 тыс., к Нишу, для освобождения крепости от осаждающих

inslav

ее сербов, подошло до 15 тыс. турецкого войска. Сербы же в этих районах имеют не более 40 тыс. человек, которые к тому же испытывают нужду в порохе, свинце и прочих боеприпасах. Памятуя советы К.Ипсиланти, Родофиникин писал: «Если перемирие будет существовать только с нами, а сербы не будут в оное включены, то нет сомнения, что турки ворвутся внутрь земли, и тогда никакое спасение не останется». Несмотря на нависшую со всех сторон угрозу, «сербы, – пишет Родофиникин, – ласкают себя надеждою, что при заключении мира вся Сербия будет очищена от турков, в оной заключаются и крепости Нисса, Сокол и Скопия, кои еще в турецких руках». Не хотели сербы возвращать туркам Неготинскую Крайну и остров Кербов на Дунае, без которых невозможно будет поддерживать связь с российскими войсками[51].

Чтобы хоть как-то помочь сербам сдержать готовившееся нападение турок, Родофиникин просил российского посла в Вене А.К. Разумовского убедить венский двор снять запрет на продажу сербам продовольствия. Тогда же Родофиникин написал и отправил в Травник боснийскому визирю письмо, в котором писал: «Прошу покорнейше приказать Вашим войскам, чтоб не делали никаких воинских действий против сербов, пока не приведется к окончанию и в порядок после мира, между сих двух держав сделанное... Я дал знать начальнику сербов Черно-Георгию мнение России и уверяю Вас, что ни малейшего воинского движения не предприму, поступками моими, уверяю Вас, будете довольны»[52].

Тем временем в Белград со всех сторон продолжали поступать все более и более тревожные известия. М. Стойкович и П. Добринац сообщали, что с уходом российских войск из-под Неготина и с острова Кербов сербские войска будут не в состоянии удерживать свои прежние позиции и будут вынуждены отступить. Более того, П. Добринац писал, что после ухода русских с острова связь с ними прервалась, и он с отрядом в 500 человек не сможет соединиться с отрядом М. Стойковича, не оставив пушки на острове. Он же сообщал, что

inslav

Россия уже подтвердила свое согласие на то, чтобы Австрия присоединила к себе Сербию[53].

Подобные донесения, в которых содержались не только реальные факты, но и панические слухи, распространяемые австрийскими и французскими агентами, а также турками, еще больше осложняли и без того тревожную ситуацию в Сербии. В письмах к Михельсону и Исаеву Родофиникин сообщал, что сербы «до крайности встревожились» известиями из Боснии и о намерении Исаева вывести российские войска из-под Неготина и с острова Кербов. «Здесь почти все в волнении, – пишет он, – и явно говорят, что россияне хотят их пожертвовать. Если в скорости не будут они успокоены каким-либо ощутительным образом, то, без сомнения, впадут в отчаяние и на все посягнут. Сего дня дошло известие из Боснии, что там везде провозглашен мир с Россиею, а потому приглашают всякого магометанина принять оружие и итить на истребление сербов. Земля сия со стороны Боснии находится в крайней опасности, что и заставляет всех представляющих здесь народ и вождей их просить ваше высокопревосходительство об оставлении г-на генерал-майора Исаева при настоящей его позиции»[54]. Родофиникин, со своей стороны, просил Михельсона оставить в Сербии и греческий легион майора Панголоса. Кроме того, он убеждал Правительствующий Совет набрать дополнительно и отправить на помощь М.Стойковичу отряд сербских войск в тысячу человек[55].

5. Русско-турецкое соглашение о перемирии от 12(24) августа 1807 г. и неопределенность положения сербских повстанцев после его заключения

На заключительном заседании русско-турецких переговоров в Слободзее 12(24) августа 1807 г. состоялся акт подписания соглашения «О немедленном установлении перемирия» между российскими и турецкими войсками на всех участках придунайского фронта. Соглашение состояло из 7 основных и одной особой статьи. Эта особая статья о сербах гласила:

inslav

«Поскольку следует, что в соответствии с перемирием, подписанным сегодня, военные действия прекращают повсюду, оттоманские войска вплоть до прибытия полномочных представителей для переговоров о мире не будут совершать никаких враждебных действий в окрестностях Видина и Фет-Ислама (Кладово. – *В.Г.*), где российские войска соединились с сербами». В заключительной части документа указывалось, что данное соглашение «совершено и согласовано в замке Слободзея около Журжева 20-го дня луны джумада-айр года хиджры 1222 и 12 августа по старому стилю или 24 августа по новому стилю 1807 года христианской эры». Соглашение подписали: Сергей Лашкарев, Мехмед Саид Галиб-эфенди, полковник, адъютант и комендант А.Ш. Гильемино[56].

После торжественного акта подписания Лашкарев в тот же день отправил текст договора в Петебург с нарочным К.И.Фацарди. В сопроводительном письме он писал Будбергу: «Не могу не признаться..., что неизвестность, в которой я нахожусь о видах и желаниях высочайшего двора в рассуждении здешних обстоятельств, весьма затруднила наши переговоры... Я всегда надеялся получить дополнительные наставления Вашего превосходительства между тем пока переговоры продолжаются; однако, не видя оных, должен был заключить перемирие. С детьми моими, прибывшими сюда за несколько дней перед сим, думал я получить те бумаги, коих я столь нетерпеливо ожидаю, тогда как со всех сторон спешат к скорейшему заключению мира, а наиболее с французской стороны весьма на то налегают...»[57].

Как опытный дипломат, Лашкарев понимал, что подписанные им условия перемирия вряд ли можно было считать выгодными во всех отношениях как для России, так и для сербов в особенности. Предвидя недовольство петербургского двора условиями перемирия, Лашкарев всячески пытался оправдать свои решения. Уже на следующий день он писал Будбергу: «Вчера подписали мы перемирие, которое я отправил сегодня (т. е. 13(25) августа 1807 г. – *В.Г.*) к главнокомандующему

inslav

для ратификации. Прошу покорнейше в.в.пр-во испросить мне от августейшего монарха милостивейшего прощения, если я что-либо подписал противу видов двора нашего. Вам небезызвестно по прежним моим донесениям, сколько трудов стоило мне трактовать об оном, наиболее же потому, что до сих пор не имел известия получить от Вас ни дополнительных наставлений, ни полной мочи, по коим бы мог я вернее основывать свои переговоры... Если же что-нибудь противу мыслей двора нашего и подписал, то (так) как я почти во всех пунктах отношусь на мирные переговоры, то легко можно все сие исправить без всякого ущерба интересам нашим»[58]. По поводу сербов Лашкарев писал царю: «Здесь несется скрытное ехо, что французский император всячески ищет присовокупить к себе всю Сербию, которая почти на одном кряже с Албаниею, а потом и Морею»[59]. В том же письме подробнее характеризуется настроение населения в Дунайских княжествах. Пословам Лашкарева, валашские и молдавские бояре пребывают в «великом унынии и плаче», так как теряют надежду быть под властью России. Александр Суцо сообщил Порте имена тех, которые, по его мнению, обнаружили себя изменниками. За это Порта назначила А. Суцо господарем Валахии и отправила в армию верховного визиря. Побывав у визиря, он переехал в Рущук и уже назначил своих наместников в княжестве. Из Рущука А. Суцо рассылает свои прокламации, в которых призывает бояр на свою сторону, обещает им всяческие милости. По свидетельству Лашкарева, А. Суцу поддерживает теснейшие связи с французами. После казни турками старого князя Ипсиланти, отца К.Ипсиланти, А. Суцо за 400 тыс. левов купил дом в Тарапии, который передал французскому послу Г. Себастиани. Если Дунайские княжества вновь отойдут Турции, пишет Лашкарев, то необходимо принять любые меры, чтобы не допустить к власти А. Суцо и Калимахи. Другие же князья должны править не более 5–6 лет. Давая характеристику великому визирю, Лашкарев пишет, что он – человек простой, добрый, «весьма наклонен к миру», крайне недоволен

inslav

посредничеством «вилеватых» французов и не любит князя А. Суцу[60]. Вскоре после этого С.Л. Лашкарев получил письмо из Бухареста от генерала К.И. Мейендорфа, который по случаю тяжелой болезни главнокомандующего Дунайской армией И.И. Михельсона счел необходимым отправить в Слободзею на усмотрение Лашкарева письма К.К. Родофиникина по поводу удовлетворения просьб сербских повстанцев. Не имея официального приказа о назначении на должность главнокомандующего, К.И. Мейендорф в письме от 17(29) августа 1807 г. писал, что он готов отправить сербам порох и свинец. Более того, Мейендорф рекомендовал Лашкареву оставить на прежних позициях корпус И.И. Исаева, который можно было бы использовать для охраны острова на Дунае. «Сей отряд, – пишет Мейендорф, – в совершенной моей команде, и я бы приказать ему сие мог. Тем более, что до возвращения курьера, посланного в Санкт-Петербург, все дела остановились и войска могут быть в нынешнем их расположении»[61]. Из письма генерал-лейтенанта М.А. Милорадовича С.Л. Лашкареву от 20 августа 1807 г. известно, что из Бухареста к И.И. Исаеву для сербов отправлено 200 пудов пороха и 500 пудов свинца. Вскоре им же будет отправлено еще 800 пудов пороха. «Генерал-майору Исаеву, – пишет Милорадович, – предписал я остаться в нынешней его позиции впредь до повеления»[62].

Весть о «смертельной болезни» Михельсона заставила Лашкарева покинуть Слободзею, но по прибытии в Бухарест он уже не застал главнокомандующего в живых[63].

Привезенные тексты Слободзейского соглашения о перемирии с Турцией Лашкарев вручил генерал-майору, барону К.И. Мейендорфу, который в связи со смертью Михельсона, как старший по званию, временно принял на себя командование Дунайской армией. Ознакомившись с текстами Слободзейского соглашения, К.И. Мейендорф, не имея на то полномочий Александра I, 23 августа (4 сентября) 1807 г. ратифицировал их. 25 августа (6 сентября) 1807 г. С.Л. Лашкарев и Галиб-эфенди обменялись текстами ратифицированных договоров.

inslav

Тем временем из Сербии в штаб Дунайской армии начали поступать тревожные известия о недовольстве верховного вождя и членов Правительствующего Совета фактом заключения перемирия с Турцией и о разраставшейся панике среди населения. Родофиникин приписывал это деятельности французских и австрийских агентов, которые активно распространяли слухи среди народа Сербии, Боснии и Далмации о том, что после вывода российских войск Сербия и Босния будут переданы Австрии[64]. В подтверждение своей версии Родофиникин переслал в штаб Дунайской армии копию перехваченного им письма французского эмиссара Мурбаха командующему французскими войсками в Далмации маршалу О.Мармону. В письме эмиссара от 12 августа 1807 г. (н.с.) сообщалось, что он, Мурбах, выполняя поручение Мармона в Сербии, во многом преуспел. Ему удалось привлечь к сотрудничеству с Францией еще трех сербских воевод. «Эти люди, – пишет Мурбах, – на все идут, чтобы служить Вам (Мармону. – *В.Г.*), но они хотят получить за это чины полковников и пансион по 3 тысячи червонных в год. При другом более верном случае я пришлю Вам их имена...». Среди сербских воевод есть и другие, которые хорошо относятся к Франции. Народу Сербии, уверял Мурбах, уже давно надоела эта многолетняя война, и он воюет с Турцией только потому, что боится своих воевод[65].

Отсутствие информации о результатах русско-турецких переговоров и слухи, распространяемые французскими и австрийскими эмиссарами в Сербии, побудили Правительствующий Совет потребовать от своего депутата Е. Гаговича, который в тот период находился в Бухаресте, более решительных действий. Е. Гагович, в свою очередь, отправил письмо министру иностранных дел России А.Я. Будбергу, в котором писал: «Народ сербский, надеясь на Россию, за свою и всеобщую пользу христианского народа с великими подвигами устремлялся и устремляется против врагов православной веры, теперь на поле отчаяния находится наипаче для того, что во время перемирия и действования в миру помежду высочайшим российским двором

inslav

и Портою Оттоманскою никакого уведомления о своей участи не имеет. Несчастный сей случай заставляет нас больше всего в отчаянии быть, и решительности немедленной от е.и.в-ва заслуживает ли народ сербский в отечестве своем быть под покровительством и защищением высочайшего двора российского или вечной погибели предатися»[66].

Вскоре после этого в штаб Дунайской армии начали поступать сообщения о нападениях турецких войск на сербов на разных участках. По свидетельству Родофиникина, 3-тысячный турецкий корпус, обойдя позиции сербов, вторгся в Сербию со стороны Ниша. Турки ограбили несколько сербских сел и увели с собой большое число жителей. Но сербским войскам удалось отбить крестьян и изгнать прорвавшихся турок[67]. Не прекращались военные действия и в Неготинской Крайне. Войска Молла-паши и Исмаил-бея по-прежнему продолжали грабить население в окрестностях Пореча, Кладова и других населенных пунктов. На какое-то время им удалось выбить сербов с дунайского острова Кербов, через который шло снабжение российских и сербских войск из Крайовского Баната. Но вскоре турки были выбиты казаками из корпуса Исаева, и на острове Кербов занял оборонительную позицию сербский отряд под командой П. Теодоровича Добринца. Правительствующий Совет Сербии 9(21) августа 1807 г. отправил ему приказ удерживать до последней возможности занимаемую его отрядом позицию. Согласно приказу, отряд П. Добринца мог покинуть остров лишь в крайнем случае. Если это случится, то он должен переправиться на левый берег Дуная и отступить на территорию Крайовского Баната в расположение российских войск, а затем искать путь к возвращению в Сербию[68]. Понимая невозможность удерживать остров силами одного сербского отряда в 500 человек, генерал-майор Исаев привел часть своего корпуса к левому берегу Дуная у с. Гогош для того, чтобы при необходимости можно было прикрыть переправу сербов на левый берег. «Мы очень обрадовались, когда узнали, что Вы с отрядом вашим находитесь в Гогоше, но особенно

inslav

обрадовались, когда узнали, какой Вы ответ дали туркам на их вопрос, – писал М. Стойкович. – Мне это особенно дорого было»[69].

По получении рапортов Исаева об отходе сербских войск М. Стойковича от Неготина К.И. Мейендорф писал Исаеву, что М. Стойкович, отведя свое войско в горы, поступил весьма благоразумно, и поэтому Исаев не должен удерживать сербов ни под Неготином, ни на острове Кербов. «Здесь (в Бухаресте. – *В.Г.*) ожидаем окончания перемирия, – пишет Мейендорф, – и я надеюсь вскорости Вас с корпусом отозвать сюда. До того же извольте оставаться в настоящей позиции. Майору Пангелу подтвердите, чтобы людей, кои возвращаться будут с Вами сюда, содержал в строгой дисциплине и удерживал от грабежей, каковыми они наносят бесславие российским войскам, и что в противном случае поступлено будет с ним по всей строгости, впрочем, кто хочет, могут идти за Дунай»[70]. Отвечая Родофиникину по поводу слухов о том, что отвод российских войск за Дунай нужно рассматривать как согласие России уступить Сербию австрийцам, Исаев с сожалением отвечал: не он лично является первопричиной. Ему приказано ограничиться тем, чтобы турки не напали на Крайову и не разорвали коммуникацию с сербами. «Но я им (сербам. – *В.Г.*) сказал, – пишет Исаев, – что не отступлю без крайней надобности, что и сделал. И ежели б где Миленко мог долее держаться, я и теперь был бы еще там же (под Неготином. – *В.Г.*). О причине отступа обоих нас уведомил я уже ваше превосходительство сего августа от 9-го дня, но как он (М.Стойкович. – *В.Г.*) имел людей мало, и выстрелы неприятельские обратились все на него, он удержать своей позиции не мог. Мне же идти к нему на помощь, оставя мою позицию, было бы для обоих нас пагубно, ему соединиться со мною также, ибо из укреплениев его нас бы били. Уверьте, ваше превосходительство, сербов, что они ничего опасаться не должны, ибо Миленко занял такую позицию, что неприятель ничего сделать ему не может. Сверх того я отвлекаю его от них...»[71].

Вскоре М. Стойкович получил приказ из Белграда противодействовать силами своего корпуса вылазкам Кусанджали

inslav

Халила и занять позицию, которая позволяла бы восстановить связь с Крайовским Банатом, откуда поступают в Сербию продовольствие и боеприпасы. Такой приказ был отдан потому, пишет Родофиникин, что «ныне опять австрийцы стали строго смотреть, чтоб ничто в Сербию провозимо не было, следственно одна надежда, при крайности, получить за деньги хлеб из Валахии»[72].

Однако незадолго до поступления приказа из Белграда М. Стойкович получил письмо от воеводы П. Теодоровича Добринца, который со своим отрядом охранял остров Кербов. В связи с подготовкой корпуса Исаева к отходу в Бухарест П. Добринац просил Стойковича прислать на помощь до 2 тыс. храбрых воинов, в противном случае его отряд, состоящий из 500 человек, не сможет выполнить приказ Правительствующего Совета, предписывающий удержать остров Кербов. Воевода сообщал также, что ему стало известно о подготовке турок к нападению на защищаемый им остров. Делясь своими впечатлениями по поводу заключенного в Слободзее договора о перемирии, П. Добринац с обидой и горечью писал М. Стойковичу, что русские заключили с турками мир, а для сербов мира нет. Войска Молла-паши и Исмаил-бея теперь ходят по селениям Неготинской Крайны, у Калофата и Правово и собирают десятину с нового урожая. «Из этого ясно, – пишет воевода, – что вся турецкая сила соберется против нас. Тяжко нашим душам, что мы столько народу ради известного имени (Александра I. – *В.Г.*) взяли на нашу голову, а теперь совсем по-другому обернулось. Пиши, брат, во все стороны, как мы теперь под турками останемся и пропадем, и сообщи нашим старейшинам, чтобы они трудились и поискали лекарство во внешнеполитических обстоятельствах, чтобы мы так просто не пропали»[73].

Между тем, К.И. Мейендорф 22 августа (3 сентября) 1807 г. сообщил И.И. Исаеву и К.К. Родофиникину, что он по случаю кончины И.И. Михельсона «вступил в звание» главнокомандующего Дунайской армией. А по сему случаю и в связи с условиями Слободзейского перемирия, которое им еще не ратифицировано, предписывает корпусу Исаева возвратиться

inslav

в Бухарест. «Если сербы находят для себя полезным и возможным держаться на острове, то сие предоставить их воле. С нашей же стороны при заключении с турками перемирия, какое сделано постановление и в рассуждении сербов, прилагаю при сем в копии для доставления к их сведению. На основании заключенного перемирия, которое только что еще не ратифицировано, потому еще не исполняется, Вы должны будете немедленно сюда выступить, почему и имеете на готовой к тому ноге держаться и о сем заблаговременно дать знать сербам». Согласно приказу Мейендорфа, Исаев должен был произвести с Молла-пашой Видинским обмен военнопленными и предупредить его, чтобы турецкие войска не переходили на левый берег Дуная и не вступали на территорию Дунайских княжеств до подписания окончательного мира между Россией и Турцией. «Переход же их на сю сторону Дуная, – пишет Мейендорф, – может родить новые затруднения к выходу нашему отсюда»[74]. Уходя из Крайовского Баната, Исаев должен был оставить сербам 6 пушек, порох, свинец и ядра, а также тех людей из команды майора Пангало, которые пожелают остаться на службе у сербов. «Мне хотелось бы, – пишет Мейендорф Родофиникину, – чтобы и все они (люди из греческого легиона. – *В.Г.*) там остались»[75].

23 августа (4 сентября) 1807 г. Мейендорф, не имея на то полномочий царя, ратифицировал договор о перемирии, который был заключен С.Л. Лашкаревым в Слободзее 12(24) августа 1807 г.[76].

В Петербурге к этому времени стали трезво осознавать, что при заключении Тильзитского мирного договора с Францией российские дипломаты во главе с царем допустили весьма существенные просчеты, которые дали о себе знать вскоре после подписания. Одним из таких просчетов было поспешное согласие Александра I на отвод Дунайской армии за Днестр, т.е. на ее исходные позиции, которые армия Михельсона занимала перед началом войны с Турцией. В связи с этим А.Я. Будберг 19(31)августа 1807 г. предложил царю пойти на

inslav

некоторые отступления от условий Тильзитского договора и под благовидным предлогом не отводить российские войска из Дунайских княжеств до заключения окончательного мира с Турцией[77]. Ссылаясь на рапорт Михельсона от 5(17) августа 1807 г., Будберг утверждал, что при возобновлении военных действий турецкие войска, вне всякого сомнения, смогут быстрее войти в Дунайские княжества и занять их. Александр I был вынужден признать этот просчет, и Будберг, отвечая на рапорт Михельсона от 5(17) августа, уже от имени царя писал: «Е.и.в-во совершенно согласен с замечаниями… о неудобности… отступления наших войск по сю сторону Днестра. Первоначальные о перемирии наставления в сем смысле, данные в.в.пр-ву… в рапорте от 28 июня, были основаны на 22 статье мирного нашего трактата с Франциею, но крайнее для нас неудобство меры сей неоспоримо доказывается несообразным расстоянием, в каковом обоюдные армии по их отступлении будут находиться от мест, ныне ими занимаемых. Турецкие войска при первой решимости успеют, перейдя Дунай, овладеть всеми найвыгоднейшими местами и даже большей частью крепостей, где ныне находятся наши войска, прежде нежели оные еще через Днестр опять переправятся. Главный пункт перемирия состоять должен в том, чтобы военные действия повсюду прекращены были, и чтоб вслед за тем переговоры об окончательном мире начались». Александр I особо настаивал на том, чтобы «дать большее пространство» первому пункту договора: «Включить в перемирие и сербов, или постановить о том особую статью». В пункте о выводе российских войск из Дунайских княжеств следовало бы «совсем умолчать». «Пусть турецкие войска остаются там, где до перемирия они были, – поясняет Будберг, – лишь бы и мы сохранили нами занимаемые места, хотя бы то было с уменьшением ныне там находящегося числа войск. Ежели однако же (что крайне было бы сожалительно) сделано уже

inslav

о том постановление и переменить того нельзя, то стараться, по крайней мере, под разными сколь можно благовидными предлогами длить совершенный вывод войск до окончательного мира, что для нас, конечно, необходимо». Если перемирие еще не подписано, продолжает инструктировать Будберг, то его условия было бы желательно ограничить двумя уже подписанными статьями, непременно включив в перемирие и сербов. В этом же письме Будберг сообщал желание Александра I изменить и статью о сроке перемирия. Согласно статье проекта соглашения, военные действия на русско-турецком фронте не должны были возобновляться ранее весны 1808 г. В Петербурге полагали, что установленный в проекте Слободзейского соглашения срок перемирия более выгоден для Турции, чем для России. За столь длительный период, поясняет Будберг, Порта успеет значительно пополнить численность своей армии за счет войск из ее азиатских провинций. Чтобы лишить Турцию этого преимущества, Будберг предлагал не указывать в договоре срок окончания перемирия, а ограничиться постановлением, которое предусматривало бы, что договаривающиеся стороны должны предупредить друг друга о возобновлении военных действий на русско-турецком фронте за 30 дней до их начала[78].

Сербский отряд П. Теодоровича смог удерживать позиции на острове Кербов лишь до 21 августа 1807 г. Вопреки первоначальным предположениям отступить на территорию Крайовского Баната в расположение русских войск, П. Теодорович принял иное решение. В ночь на 22 августа 1807 г. его отряд переправился на правый берег Дуная и пошел на соединение с корпусом М. Стойковича, который к тому времени находился неподалеку от Дуная[79]. Получив известие о соединении отряда П. Теодоровича с корпусом М. Стойковича, И.И. Исаев просил сербских воевод забрать у него часть необходимых им боеприпасов.

inslav

6. Невыполнение условий Слободзейского перемирия договаривающимися сторонами во время русско-турецкого перемирия и беспокойство сербов по поводу неопределенности их положения

Подписание и ратификация обеими сторонами статей русско-турецкого договора о перемирии изначально не удовлетворили полностью ни правительство России, ни Порту, ни большинство местных пашей в балканских владениях Османской империи. Как местные паши, так и сама Порта по-прежнему отказывались распространить перемирие на сербов, считая это внутренним делом своего государства. Кроме того, часть придунайских пашей и турецких военачальников, которые по-прежнему находились в оппозиции к Порте, после отвода российских войск с территории Дунайских княжеств самовольно засылали туда свои отряды для сбора хлеба, скота и других продуктов питания. В этой связи генерал-майор И.И. Исаев уже 27 августа 1807 г. рапортовал из Крайовы о том, что Молла-паша Видинский прислал письмо крайовскому каймакаму, в котором требовал прислать хлеб и прочее продовольствие для его войска, поскольку, по уверению видинского паши, Малая Валахия принадлежит султану. «Я имею рапорты от аванпостов моих, – пишет И.И. Исаев, – что турки уже в некоторых побережных деревнях забрали провизию и силуются везде, где можно. Я удерживаю их от сего… На письмо мое к паше Мулле, которым требовал, чтобы турки не переходили на сю сторону (т. е. левый берег Дуная. – *В.Г.*), ответа еще не имею. Жители здешние и купцы, получа уведомление из Бухареста, хотя и не совсем верное, что российские войска оставят пределы Валахии и Молдавии, и страшась не без причины совершенного разорения, а может быть и истребления от турков, готовы все оставить здешний край, как скоро корпус мне вверенный тронется»[80].

Нарушение условий Слободзейского перемирия имело место и в ряде других районов Валахии: в Видине, Рымнике,

inslav

Браилове, Слободзее, в Яломницком округе. Небольшие отряды придунайских пашей и аянов после отвода российских войск самовольно вторглись в населенные пункты, отбирали у местного населения все, что можно, захватывали оставленный русскими войсками на складах провиант и фураж, попутно убивая или уводя с собой охранников и местных жителей. «По необузданности и безначалию бунтовщиков турецких», писал К.И. Мейендорф в Петербург, «дерзость турков» может дойти до вооруженных стычек и с российскими войсками. «Все сие служит новою причиною, – продолжал он, – что я остаюсь здесь (в Бухаресте. – *В.Г.*) с войсками вплоть до высочайшего повеления... Что же касается российских войск, то, по крайней мере, турки не могут сказать, что мы нарушили перемирие»[81].

С.Л. Лашкарев, со своей стороны, извещал А.Я. Будберга: «Я не жалуюсь на Мустафа-пашу, но из Браилова, Видина и прочих мест выходят вооруженные люди, бродят по всему Валахскому и Молдавскому княжеству, уводят людей и убивают, а некоторые, переодевшись в молдавское платье и имея скрытное оружие, приводят с собою... переводчиков и с угрозами берут, что им угодно». Турецкий уполномоченный Галиб-эфенди, признавая перечисленные выше факты, оправдывался тем, что этим занимаются не турецкие военные, а греческие купцы, которые ведут торговлю с местным населением. Однако прибывший с письмом Галиб-эфенди врач Роллис, с которым Лашкарев, по его словам, был весьма коротко знаком», сообщил российскому уполномоченному, что Галиб-эфенди и Мустафа-паша пытаются пресекать подобные действия местных турок, так как хорошо понимают, что подобные поступки являются одной из причин, дающей право русским приостановить вывод своих войск из Дунайских княжеств. Роллис сообщил также, что император Наполеон активно настаивает на том, чтобы русско-турецкие переговоры о заключении мирного договора состоялись в Париже. Однако Порта, не менее активно пытается противодействовать этому, поскольку крайне заинтересована в том, чтобы

inslav

эти переговоры проходили в пределах Османской империи, что «пристойно за благо примется обеими державами»[82].

Приостановка широкомасштабных операций на русско-турецком фронте была использована турецким командованием для более активных действий против сербов на всех направлениях. Под г. Ниш создавалась большая группировка турецких войск для ведения наступательных операций против сербов. С подходом новых войск из-под Видина и Албании нишская группировка была разделена на два лагеря, которые располагались по обоим берегам реки Моравы недалеко от позиций сербских войск. Для отражения готовившегося наступления в пределах повстанческой Сербии была объявлена всеобщая мобилизация. «Из Белграда, – писал по этому поводу К.К. Родофиникин 26 августа 1807 г., – вчера пошли все, кои носили оружие. Несмотря на все сии усилия, сербское войско при Ниссе не может быть так сильно, как турецкое, ибо сербы большую часть сил своих имеют на границе Боснии. Если турки при Ниссе будут побеждены, то Сербию я считаю спасенною, буде напротив того, турки останутся победителями, – дорога им открыта до самой Семендрии (Смедерева – *В.Г.*) и Белграда, коими без труда овладеть можно, как по неимению гарнизонов, кроме небольшого корпуса у ворот, так и по недостатку в порохе и в хлебе. Сего последнего я надеюсь на сих днях успеть купить от австрийцев на их стороне до тысяч четвертей, что на первый раз достаточно будет; завтра оттуда же ожидаю я две тысячи пушечных ядер»[83]. «По самовернейшим известиям», сообщал тогда же Родофиникин главнокомандующему Дунайской армией, во всей Сербии насчитывается до 200 тыс. жителей мужского пола, из которых имеют оружие около 60 тыс. человек. Из указанного числа людей, имеющих какое-либо оружие, только 20 тыс. человек вооружены ружьями. Остальные вооружены либо пистолетами, либо кинжалами, либо одной саблей. Большинство сербов, уверял Родофиникин, привержено к России и «питает вражду» к австрийцам. Попытки французов «обольстить» сербский народ оказались

inslav

тщетными. «На сей раз, – пишет Родофиникин, – виды сербов ограничиваются к достижению первоначальной своей цели, то есть к утверждению своей вольности, не распространяя владычества своего далее, но если бы имели достаточное число пороху, олова, пушечных ядер и несколько тысяч ружей, тогда легко убеждены быть могут ворваться в Боснию». Для нужд народа, убеждал Родофиникин командование Дунайской армией, еще больше нужны деньги, поскольку собираемые в Сербии доходы незначительны и, как правило, остаются в руках «владеющих провинциями». Деньги, поступающие из России, по словам Родофиникина, также «употреблены больше в пользу частную, нежели общую». Значительный вред народу наносится и со стороны венского двора, поскольку австрийские власти по-прежнему запрещают отдавать сербам купленные ими ранее оружие и боеприпасы[84].

В надежде предотвратить нависшую над Сербией угрозу турецкого нападения К.К. Родофиникин написал великому визирю Ахмед Хуршид-паше письмо, в котором, ссылаясь на решения Слободзейского договора о перемирии, настаивал на отмене карательного похода на сербов. В ответ на это великий визирь писал: «Обеим договаривающимся державам ясно, что дело сербов существует само по себе и не входит ни в условия перемирия, ни в предстоящий договор о мире между двумя государствами. Только одна Порта имеет законное право заниматься урегулированием дел с упомянутым народом». В этом же письме Ахмед Хуршид-паша сообщал, что обязанность следить за враждебными действиями мятежных сербов Порта возложила на бейлербея Румелии, который по своему усмотрению вправе принимать любые решения как ему поступать с непокорным султану народом. Если же у сербов возникнет надобность подать султану прошение, то в этом случае они обязаны обратиться непосредственно к бейлербею Румелии. Найдя их просьбу соответствующей желанию Порты, бейлербей Румелии должен поддержать ее и известить о своем решении предводителя сербских мятежников[85].

inslav

Правительствующий Совет Сербский, со своей стороны, решил послать в штаб Дунайской армии своего секретаря Ивана Юговича «для узнания истины» о жребии сербского народа[86]. В привезенном им письме члены Правительствующего Совета писали, что во всей Сербии царит крайнее отчаяние, а вину за случившееся несчастие народ возлагает на своих руководителей. «А мы ли в этом виноваты? – вопрошают авторы письма. – Народ, действительно, мог бы быть спокойным доныне, если бы мы приняли те вполне приемлемые предложения, которые нам сделал в прошлом году султан. Но мы из любви к отечеству и народу их отвергли, когда получили известия, сообщенные в письмах... г-на Родофиникина и тех присланных к нам людей, которые сообщили, что русские войска вступили в Молдавию. Все люди, которые приезжали в Сербию, обнадеживали нас, что мы в скором времени получим помощь. Наконец, мы удостоились получить и Ваш манифест, в котором Вы смело призывали, чтобы мы решились и поднялись против врагов веры и обещали нам всякую помощь и защиту и утверждение нашей свободы. До того времени мы боролись только с турецкими бунтовщиками, а когда получили Ваш манифест, то мы начали воевать и против самого султана». Авторы послания недвусмысленно обращали внимание на то, что до начала русско-турецких переговоров дела у сербских повстанцев шли успешно. Но с началом этих переговоров в Сербию стали поступать с разных сторон неблагоприятные известия: о невключении их в перемирие, о сосредоточении больших турецких сил под Нишем и со стороны Боснии, великий визирь Хуршид-паша даже угрожал истребить под корень весь сербский род и т. д. «Чтобы мы не пали от слепой ярости народа, – пишут члены Правительствующего Совета, – ...мы вынуждены просить, чтобы Вы ради успокоения сербского народа приказали генералу Исаеву подойти к острову и к нашей стороне (Дуная. – *В.Г.*) ради охранения, а в случае необходимости и для помощи нашим войскам до установления перемирия с турками. После того, как перемирие и нас охватит,

inslav

то турки оставят нас в покое и будут ждать, что за чем последует и какой мир будет установлен»[87].

В Крайову, где находился штаб корпуса И.И. Исаева И. Югович прибыл 4 сентября, а в Бухарест – 6 сентября 1807 г.[88]. При встречах с сербским делегатом 6–8 сентября 1807 г. К.И. Мейендорф, как временно исполняющий обязанности главнокомандующего Дунайской армией, отказался дать письменный ответ на послание Правительствующего Совета, пояснив, что он, по его словам, «не... разрешен в обстоятельствах касательно сербского народа». По этой же причине Мейендорф предложил И. Юговичу остаться в Бухаресте до прибытия нового главнокомандующего Дунайской армией. Поскольку И. Югович отклонил это предложение, то Мейендорф, заверяя в «неизменном покровительстве» российского государя в отношении сербского народа, обещал дать сербам одну тысячу пудов пороха и 500 пудов свинца. Кроме того, он отправил с Юговичем письмо Родофиникину, в котором предписывал ему приложить все возможные усилия, чтобы убедить венский двор в необходимости отдать сербам оружие, которое ими было закуплено ранее в пределах Австрийской империи[89].

Ответы К.И. Мейендорфа И. Юговичу не внесли успокоения в ряды сербских повстанцев. В письме И.И. Исаеву К.К. Родофиникин писал по этому поводу: «Сербы мои все неспокойны; кричат, что грозит им большая опасность... Дай бог, чтобы турки нас (русских. – *В.Г.*) рассердили и тем доставили бы нам удовольствие бить их по-русски»[90]. Для успокоения сербских старейшин Родофиникин 12(24) сентября 1807 г. передал Правительствующему Совету 4250 голландских дукатов[91]. Тогда же он просил К.И. Мейендорфа прислать в Сербию опытного артиллерийского офицера для налаживания работы имевшегося у повстанцев небольшого порохового завода. Снабжение повстанцев боеприпасами и присутствие среди них русского офицера, по словам Родофиникина, «приняли бы... за знак особого внимания к ним» правительства России[92]. Часть боеприпасов сербы получили в конце сентября 1807 г.[93], а одна

inslav

тысяча пудов пороха и 500 пудов свинца были переправлены им через Дунай 7(19) ноября 1807 г.[94].

7. Решение петербургского двора о приостановке вывода российских войск из Дунайских княжеств и приказ царя Александра I изменить содержание некоторых статей Слободзейского договора о перемирии

Распоряжение царя приостановить под благовидным предлогом вывод российских войск с занимаемых ими позиций в штабе Дунайской армии получили ночью 30 августа (11 сентября) 1807 г. В ответ на это Мейендорф 31 августа сообщал, что такие предлоги уже имеются. В частности, на следующий день после ратификации им Слободзейского соглашения о перемирии, т.е. 24 августа 1807 г., турки, по словам Мейендорфа, «распространили свою власть по деревням» придунайской Валахии и запрещают их жителям подчиняться валашским властям. Рапорты аналогичного содержания были получены и от генерал-майора И.И. Исаева из Малой Валахии. «Сие побудило меня, – пишет Мейендорф, – остановить выступление корпуса генерал-майора Исаева из Крайовы, равномерно и здесь часть войск оставить, пока с турецкой стороны не перестанет нарушаться постановление заключенного перемирия и жители не будут успокоены. О чем препоручаю от меня тайному советнику Лашкареву иметь с турецким полномочным сношение»[95]. С.Л. Лашкарев, со своей стороны, писал А.Я. Будбергу, что его предписание от 20 августа 1807 г. он получил после того, как текст Слободзейского соглашения о перемирии был ратифицирован К.И. Мейендорфом и разменен с турецким полномочным. Оправдывая поспешность подписания Слободзейского соглашения, Лашкарев ссылался на то, что к этому его энергично подталкивали французские посредники, которые говорили, что они якобы по требованию Наполеона должны как можно скорее доставить текст соглашения в Париж. Однако после подписания и ратификации Гильемино продолжал

inslav

оставаться в Бухаресте и не спешил с отъездом в Париж. «Теперь нет никакой надобности, чтобы войско наше выходило и опорожняло крепость, – пишет Лашкарев, – и оное может оставаться, пока обстоятельства потребуют, ибо мне есть отговорка, потому что турки начали врываться почти во все крайние деревни Валахии и Молдавии, объявляя бедным жителям, что теперь уж мир и они по-прежнему остаются в подданстве султана, и требуя с них разную провизию, яко с подданных, и деньги за прошедшее будто бы время, особливо же видинский Мулла-паша». По поводу этих инцидентов Лашкарев обещал начать переписку с Галиб-эфенди и Мустафа-пашой Байрактаром, чтобы предупредить их о том, что пока их войска нарушают условия перемирия, российские войска останутся на прежних позициях. После подписания и ратификации Слободзейского соглашения, пояснял Лашкарев, большая часть турецких войск распущена, часть которых самовольно разошлась по домам. «Теперь, – пишет Лашкарев, – если и надобно будет собирать, то весьма трудно их к тому принудить»[96].

Согласно первоначальному расписанию вывода российских войск из Дунайских княжеств первым должен был выступить из Бухареста 31 августа (12 сентября) 1807 г. корпус генерал-лейтенанта М.А. Милорадовича. Но как только в ночь с 30 на 31 августа 1807 г. было получено письмо А.Я. Будберга от 20 августа 1807 г. с указом Александра I о приостановлении вывода войск из Дунайских княжеств, 31 августа в Малую Валахию к Исаеву был послан нарочный с приказом оставаться в Крайовой до особого распоряжения. Причиной приостановки вывода российских войск из Крайовского Баната, писал Исаев по этому поводу Родофиникину, является «наглость (турецких войск. – *В.Г.*) и самовольное их вторжение в землю, которую по перемирию они должны очистить и не входить в оную до окончательного мира»[97]. Таким образом, в первых числах сентября 1807 г. вывод российских войск из Дунайских княжеств был приостановлен до особого распоряжения из Петербурга.

inslav

В начале сентября 1807 г. в Петербурге произошла смена министра иностранных дел России. Вместо заболевшего А.Я. Будберга управляющим Министерством иностранных дел России был назначен граф Н.П. Румянцев. В письме к А.А. Прозоровскому от 4(16) сентября 1807 г. Н.П. Румянцев писал: «Е.и.в-ву благоугодно было до выздоровления... (А.Я. Будберга. – *В.Г.*) поручить в мое управление Министерство иностранных дел. Я особым поставляю для себя удовольствием вступление мое в сию должность начать сношением с Вами, милостивый государь, яко с главнокомандующим заграничною армиею, и сообщить Вам, что уполномочия, сделанные предместнику Вашему относительно мирных переговоров с Портою Оттоманскою, е.и.в-во в полной мере передает Вам». По поводу условий перемирия с турками, заключенного Лашкаревым в Слободзее 12(24) августа и опрометчиво ратифицированного К.И. Мейендорфом 23 августа (4 сентября) 1807 г., Н.П. Румянцев обращал внимание Прозоровского на то, что две статьи этого договора – о возвращении захваченных у турок кораблей и о установлении срока прекращения перемирия весной 1808 г. – царь не утвердил. «Кроме сих двух статей, – пишет Румянцев, – государю императору весьма также угодно, чтобы всемерное старание приложено было, дабы и о сербах сделать постановление более определительное, то, чтобы военные против их действия остановлены были не до прибытия только обоюдных полномочных (для заключения мира между Россией и Турцией. – *В.Г.*), как то в перемирии сказано, но на все время, пока мирные переговоры будут продолжаться».

В том же письме новый управляющий МИД сообщал Прозоровскому о том, что царь поручает С.Л. Лашкареву сделать турецким уполномоченным следующее заявление: «Заключенное перемирие его величество соглашается оставить в своей силе не иначе, как с изъятиями, в сей депеше упомянутыми... Ежели же бы акт перемирия и был утвержден генералом Мейендорфом, то как он от высочайшего двора к нему не был уполномочен, ибо по кончине главнокомандующего армиею

inslav

заступил он его место единственно по старшинству своему, не имея отнюдь никаких поручений относительно мирных переговоров, потому и утверждение его не может быть действительно». Если турецкие уполномоченные согласятся с этими изменениями, уведомлял Румянцев нового главнокомандующего, то в этом случае царь предоставлял Прозоровскому полномочия на право ратификации обновленного акта о перемирии. «Ежели в силу постановленных условий нельзя уже будет войск наших удержать там, где они находилися, – пишет Румянцев, – то по крайней мере, сколь можно длить отступление оных, особливо же по сю сторону Днестра не переправляться, изыскивая к тому предлоги, какие Вы за наилучшие признать изволите». На случай возобновления переговоров об условиях перемирия и заключения мира с Турцией царь назначил новых уполномоченных. Первым уполномоченным с российской стороны назначался князь А.А. Прозоровский, вторым – С.Л. Лашкарев, третьим – действительный статский советник Н.Пизани[98]. После отправки этого рескрипта, в тот же день, т. е. 4(16) сентября 1807 г., было решено изменить состав уполномоченных, которые будут представлять Россию на переговорах о заключении мирного договора между Россией и Турцией. Вдогонку отправленному был послан новый рескрипт с пометой «Перемена». Вместо князя А.А.Прозоровского первым уполномоченным представителем России «для трактования о мире и подписании мирного трактата» назначался генерал-лейтенант М.А.Милорадович. Фельдмаршалу А.А.Прозоровскому, как главнокомандующему Дунайской армией, было поручено утвердить договор о мире личной подписью и печатью[99].

Пока А.А. Прозоровский находился в пути к месту назначения, сераскер придунайской группировки турецких войск Мустафа-паша Байрактар 13(25) сентября 1807 г. направил К.И. Мейендорфу письмо, в котором сообщал, что Порте стало известно об отправке к сербам из расположения российских войск артиллерии, боеприпасов и вооруженных людей, а это явно противоречит условиям Слободзейского договора о перемирии[100]. Из других источников стало известно, что

inslav

Порта отправила Мустафе-паше Байрактару приказ продолжать военные действия против сербов на тех участках, где они воевали вместе с русскими[101]. В ответ на это К.И. Мейендорф 15(27) сентября 1807 г. писал, что отказ от вывода российских войск с занимаемых ими позиций вызван проникновением вооруженных отрядов турок в пределы Дунайских княжеств и отказом Порты распространить перемирие на сербов даже в тех местах, где они воевали вместе с русскими. Кроме того, в письме Мейендорфа упоминались факты нарушения турками и других статей Слободзейского договора[102].

В то же время из Вены и других мест стали поступать известия о том, что военные действия турок против сербов подстрекались французами, которые официально являлись посредниками в переговорах о мире между Россией и Турцией. Этим занимались генерал О. Мармон из Адриатики, представитель Франции в Видине Мерьяж и другие. В частности, российский посол в Австрии А.Б. Куракин, ссылаясь на информацию российского генерального консула в Триесте Ц. Пеллегрини, сообщал из Вены о намерении генерала Мармона ввести в Боснию до 10 тыс. французских войск[103].

Примечания

[1] Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. М., 1980. С. 385. Примечание № 1 к документу № 259; РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/153-А. Св. 82. Ч. 5. Л. 43. Александр I – И.И. Михельсону 15(27) июня 1807 г.

[2] Первое сербское... Кн. 1. С. 384–385; РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-б. Св. 29. Д. 9. Л. 5. И.И. Михельсон – И.И. Исаеву, 28 июня (10 июля) 1807 г.

[3] Первое сербское... Кн. 1. С. 300. И.И. Михельсон – К.К. Родофиникину, 28 июня (10) июля 1807 г.

[4] Внешняя политика России XIX – начала XX в. Серия первая (Далее – ВПР). Т. III. М., 1963. С. 640. Статьи 22 и 23 русско-французского договора о мире и дружбе от 25 июня (7 июля) 1807 г.

[5] Сборник РИО. Т. 89. С. 131–132. Александр I – И.И. Михельсону, 28 июня (10) июля 1807 г. Подробнее об этом см.: *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 1. СПб., 1885. С. 409–410.

inslav

[6] Первое сербское... Кн. 1. С. 390–391. Исаев – Михельсону, 1(13) июля 1807 г.; РГВИА. Ф. 14209. Оп. 2/163-а. Св. 85. Д. 7. Л. 35–36. Исаев – Милорадовичу, 1(13) июля 1807 г.
[7] Первое сербское... Кн. 1. С. 391. Михельсон – Родофиникину, 2(14) июля 1807 г.
[8] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-б. Св. 29. Д. 9. Л. 54. Михельсон – Исаеву, 4(16) июля 1807 г.
[9] Первое сербское... Кн. 1. С. 392. Михельсон – Исаеву, 4(16) июля 1807 г.
[10] АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д.165. Л.100. Михельсон – Родофиникину, 4(16) июля 1807 г.
[11] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д.1886. Л.49–50. Михельсон – Александру I, 6(18) июля 1807 г.
[12] РГВИА. Ф.14209. Оп.3/163-б. Св.30. Д.21. Л.28. Родофиникин – Исаеву, 6(18) июля 1807 г.
[13] АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 156. Л. 71–72. К. Ипсиланти – Родофиникину, 8(20) июля 1807 г.
[14] Первое сербское... Кн. 1. С. 393–394. Михельсон – Александру I, 7(19) июля 1807 г.
[15] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 2/163-А. Св. 85. Д. 7. Л. 38, Исаев – Милорадовичу, 9(21) июля 1807 г.; там же. Оп. 165. Св. 23. Д. 41. Л. 34. Исаев – Милорадовичу, 9(21) июля 1807 г.
[16] Первое сербское... Кн. 1. С. 394. Михельсон – Исаеву, 11(23) июля 1807 г.
[17] Там же. С. 394–395. Исаев – Милорадовичу, 13(25) июля 1807 г.
[18] Там же. С. 397. Исаев – Михельсону, 19 июля (1 августа) 1807 г.
[19] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 24. Д. 55. Ч. 4. Л. 41. Милорадович – Михельсону, 14(26) июля 1807 г.
[20] Там же. Оп. 2/163-а. Св. 94. Д. 3. Ч. 3. Л. 16. Михельсон – Милорадовичу, 14(26) июля 1807 г.
[21] О жизни и деятельности видного российского дипломата конца XVIII – начала XIX вв. С.Л. Лашкарева см.: *Кессельбреннер Г.Л.* Хроника одной дипломатической карьеры. М., 1987.
[22] Первое сербское... Кн. 1. С. 395–396. Михельсон – Александру I, 14(26) июля 1807 г.
[23] Там же. С. 397–398. Михельсон – Исаеву, 19(31) июля 1807 г.
[24] Там же. С. 398. Исаев – Михельсону, 19(31) июля 1807 г.; Први српски устанак. Књ. 1. С. 278–279. Правительствующий Совет – М. Стойковичу, 16 июля 1807 г.
[25] Там же. С. 398–399. М. Стойкович – Михельсону, 20 июля (1 августа) 1807 г.
[26] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1886. Д. 92–93. Михельсон – Лашкареву, 19(31) июля 1807 г.
[27] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 24. Д. 5. Ч. 4. Л. 58. Михельсон – Милорадовичу, 20 июля (1 августа) 1807 г.
[28] Там же. Оп. 10/170. Св. 25. Д. 63. Л. 154. Исаев – Михельсону, 27 июля (8 августа) 1807 г.

inslav

[29] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-с. Д. 20. Л. 298. Расписка М. Стойковича и П. Новаковича в получении от Родофиникина 3 тыс. червонных.
[30] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 395. Л. 156–157. Родофиникин – Михельсону, 29 июля (10 августа) 1807 г.
[31] Первое сербское… Кн. 1. С. 400. Исаев – Милорадовичу, 31 июля (12 августа) 1807 г.
[32] Там же. С. 400–401. Михельсон – Исаеву, 31 июля (12 августа) 1807 г.
[33] Там же. С. 401–402. Исаев – Михельсону, 31 июля (12 августа) 1807 г.
[34] Там же. С. 402. Исаев – Милорадовичу, 1(13) августа 1807 г.
[35] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 23–24. Михельсон – Лашкареву, 28 июля (9 августа) 1807 г.
[36] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 1893. Л. 14–15 об. С.Л. Лашкарев – А.Я. Будбергу, 1 (13) августа 1870 г. Подробнее об этом см.: *Кессельбреннер Г.Л.* Хроника одной дипломатической карьеры. М., 1987. С. 235–248.
[37] Первое сербское… Кн. 1. С. 402–404. Лашкарев – Михельсону, 1(13) августа 1807 г.
[38] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 23–28. Выписка из писем Михельсона – Лашкареву, 2(14) августа 1807 г.
[39] Первое сербское… Кн. 1. С. 405. Михельсон – Александру I, 3(15) августа 1807 г.
[40] Там же. С. 405–406. Исаев – Михельсону, 5(17) августа 1807 г.
[41] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 25–27. Михельсон – Лашкареву, 4(16) августа 1807 г.
[42] Там же. Д. 1886. Л. 104–105. Михельсон – Александру I, 5(17) августа 1807 г.
[43] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 27. Д. 84. Ч. 1. Л. 27. Михельсон – Лашкареву, 6(18) августа 1807 г.
[44] Там же. Л. 31 и об. Лашкарев – Михельсону, 7(19) августа 1807 г.
[45] Первое сербское… Кн. 1. С. 408–409. Лашкарев – Михельсону, 8(20) августа 1807 г.
[46] Там же. С. 1410. Мейендорф – Лашкареву, 9 августа 1807 г.
[47] *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 1. СПб., 1885. С. 276, 278; Там же. Т. II. СПб., 1887. С. 9.
[48] *Вукићевић М.* Карађорђе. Београд, 1912. II. С. 586–587.
[49] *Богишич В.* Разбор сочинения Н.А. Попова. С. 114–118. Родофиникин – Будбергу, 12(24) августа 1807 г.
[50] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1904. Л. 110. Родофиникин – Будбергу, 12(24) августа 1807 г.
[51] Первое сербское… Кн. 1. С. 406–407. Родофиникин – Михельсону, 5(17) августа 1807 г.
[52] Там же. С. 407. Родофиникин – Травницкому паше, не позднее 5(17) августа 1807 г.
[53] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 13. Л. 23–24. Родофиникин – Михельсону, 9(21) августа 1807 г.

inslav

[54] Первое сербское... Кн. 1. С. 408. Родофиникин – Михельсону, 7(19) августа 1807 г.
[55] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 163б. Св. 30. Д. 21. Л. 22. Родофиникин – Исаеву, 7(19) августа 1807 г.
[56] *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. XI. СПб., 1895. С. 456. Русско-турецкий договор о перемирии, подписанный в Слободзее 12(24) августа и ратифицированный бароном Мейендорфом 23 августа (4 сентября) 1807 г. *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 1. СПб., 1885. С. 405–408; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1895. Л. 4–6. Копия договора на французском языке.
[57] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1893. Л. 18. Лашкарев – Будбергу, 12(24) августа 1807 г.; *Кессельбреннер Г.Л.* Хроника... С. 237.
[58] Там же. Д. 2092. Л. 53–54, 57об. Лашкарев – Будбергу, 13(25) августа 1807 г. *Кессельбреннер Г.Л.* Хроника... С. 247.
[59] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1892. Л. 11–14. Лашкарев – Александру I, 13(25) августа 1807 г.
[60] Там же.
[61] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 2092. Л. 119. К.И. Мейендорф – С.Л. Лашкареву, 17(29) августа 1807 г.
[62] Первое сербское... Кн. 1. С. 414–415. М.А. Милорадович – С.Л. Лашкареву, 20 августа 1807 г.
[63] По поводу даты смерти И.И. Михельсона в историографии существуют различные мнения. А.И. Михайловский-Данилевский, например, считает, что Михельсон умер 5(17) августа 1807 г. А.Н. Петров оспаривает эту дату, полагая, что он скончался 19(31) августа 1807 г. Однако А.Н. Петров признает, что последнее донесение Михельсона царю датировано 5(17) августа 1807 г. Начиная с 10(22) августа 1807 г. и до самой кончины, Михельсон, по мнению А.Н. Петрова, в течение 9 дней находился без сознания и поэтому не мог ни диктовать, ни подписывать приказы, письма и прочие документы. (*Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 1. СПб., 1885. С. 265, 281. Т. II. СПб., 1887. С. 9). Точка зрения А.Н. Петрова, на наш взгляд, более предпочтительна, поскольку она подтверждается как письмом К.И. Мейендорфа С.Л. Лашкареву от 17(29) августа 1807 г., так и свидетельством нового главнокомандующего Дунайской армией фельдмаршала, князя А.А. Прозоровского. В письме к К.И. Мейендорфу от 7(19) октября 1807 г. Прозоровский писал, что Михельсон «...в течение первой половины августа тяжело заболел и, как слышу, 9 дней от горячки был в беспамятстве, почему и не думаю, чтобы повеления его в то время исполнялись». (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1915. Л. 34–36. А.А. Прозоровский – К.И. Мейендорфу, 7(19) октября 1807 г.).
[64] *Богишич В.* Разбор... С. 125–126. Родофиникин – Михельсону, 12(24) августа 1807 г.

inslav

[65] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 66. Французский эмиссар Мурбах – маршалу Мармону, 12 августа (н.с.) 1807 г.
[66] Первое сербское… Кн. 1. С. 412–413. Е. Гагич – Будбергу, 16(28) августа 1807 г.
[67] Там же. С. 414. Родофиникин – Михельсону, 19(31) августа 1807 г.
[68] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 163б. Св. 30. Д. 21. Л. 19. Родофиникин – Исаеву, 9(21) августа 1807 г.
[69] Первое сербское… Кн. 1. С. 410–411. Први српски устанак… Књ. 1. С. 288. М. Стойкович – Исаеву, 9(21) августа 1807 г.
[70] Там же. С. 411. К.И. Мейендорф – И.И. Исаеву, 11(23) августа 1807 г.
[71] Там же. С. 412. Исаев – Родофиникину, 12(24) августа 1807 г.
[72] Там же. С. 414. Родофиникин – Михельсону, 19(30) августа 1807 г.
[73] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1895. Л. 37–38. Добринац – М. Стойковичу, 19(31) августа 1807 г.
[74] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 30. Д. 24. Мейендорф – Исаеву, 22 августа (3 сентября) 1807 г.
[75] Первое сербское… Кн. 1. С. 415–416. Мейендорф – Родофиникину, 22 августа (3 сентября) 1807 г.
[76] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1895. Л. 4–6. Русско-турецкий договор о перемирии от 12(24) августа 1807 г., ратифицированный Мейендорфом 23 августа (4 сентября) 1807 г.
[77] Сборник РИО. Т. 89. С. 86. А.Я. Будберг – Александру I, 19(31) августа 1807 г.
[78] Там же. С. 133–134. Будберг – главнокомандующему Дунайской армией, 20 августа (1 сентября) 1807 г. Предписание аналогичного содержания было дано и С.Л. Лашкареву // АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1807. Д. 2092. Л. 19–21. А.Я. Будберг – С.Л. Лашкареву, 20 августа 1807 г.
[79] Первое сербское… Кн. 1. С. 416. Исаев – Мейендорфу, 24 августа (5 сентября) 1807 г.
[80] Там же. С. 417. Исаев – Мейендорфу, 25 августа (6 сентября) 1807 г.
[81] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1895. Л. 26–27. К.И. Мейендорф – А.Я. Будбергу, 8(20) сентября 1807 г.
[82] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1893. Л. 36–38. С.Л. Лашкарев – А.Я. Будбергу 8(20) сентября 1807 г.
[83] *Богишич В.* Разбор … С. 127–128. К.К. Родофиникин – А.Я. Будбергу, 30 августа 1807 г. Это и другие письма Родофиникин отправил из Белграда валашским боярином Расти 26 августа 1807 г., пометив их отпуски, оставленные у себя 30 августа 1807 г.
[84] Первое сербское… Кн. 1. С. 417–418. К.К. Родофиникин – главнокомандующему Дунайской армией, 30 августа 1807 г.
[85] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 11 и об. Великий визирь Ахмед Хуршид-паша – К.К. Родофиникину, начало сентября 1807 г. (начало сентября месяца 1222 г. хиджры). См. также «Приложение» к письму и само письмо А.А. Прозоровского – Н.П. Румянцеву, 24 сентября 1807 г. (Там же. Л. 7–8об.).

inslav

[86] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 395. Л. 161. Родофиникин – главнокомандующему Дунайской армией, 26 августа (7 сентября) 1807 г.
[87] Први српски устанак. Књ. 1. С. 292–293. Правительствующий Совет Сербский – И.И. Михельсону, 27 августа (8 сентября) 1807 г.
[88] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Д. 63. Л. 147. И.И. Исаев – К.И. Мейендорфу, 4(16) сентября 1807 г.
[89] АВПРИ. Ф. Канцелярия в Яссах. Д. 166. Л. 23–24. К.И. Мейендорф – К.К. Родофиникину, 10 сентября 1807 г.
[90] Первое сербское... Кн. 1. С. 42. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 11(23) сентября 1807 г.
[91] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 90. Л. 299. Расписка Правительствующего Совета от 12(24) сентября 1807 г. в получении от Родофиникина 4250 голландских дукатов.
[92] Первое сербское... Кн. 1. С. 422–423. К.К. Родофиникин – К.И. Мейендорфу, 11(23) сентября 1807 г.
[93] Там же. С. 423. И.И. Исаев – М. Стойковичу, 25 сентября 1807 г. Расписка М. Стойковича в получении 50 бочек пороха и 201 слитка свинца.
[94] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 7. Л. 16. И.И. Исаев – А.А. Прозоровскому, 7(19) октября 1807 г.
[95] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Д. 84. Ч. 4. Св. 27. Л. 8. К.И. Мейендорф – Александру I, 31 августа (12 сентября) 1807 г.
[96] Первое сербское... Кн. 1. С. 418–419. Лашкарев – Будбергу, 31 августа (12 сентября) 1807 г.
[97] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 673. Л. 14. Исаев – Родофиникину, 3(15) сентября 1807 г.
[98] Сборник РИО. Т. 89. С. 134–137. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 4(16) сентября 1807 г.
[99] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1914. Л. 13–14. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 4(16) сентября 1807 г.
[100] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Campagne Turquie. Д. 1895. Л. 44–45. Сераскер придунайской группировки турецких войск Мустафа-паша Байрактар – К.И. Мейендорфу, 13(25) сентября 1807 г.
[101] АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1807. Д. 170. Л. 30–31. «Известия из Константинополя, Придунайских земель и Бухареста» за 11 сентября 1807 г.
[102] Там же. Д. 1895. Л. 46–48. К.И. Мейендорф – Мустафе-паше Байрактару, 15(27) сентября 1807 г.
[103] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена, 1807. Д. 11558. Л. 215–261. А.Б. Куракин – Н.П. Румянцеву, 15(27) сентября 1807 г. Там же. Д. 11546. Л. 206–207. Пико – герцогу Веймарскому, 15 сентября 1807 г.

inslav

Глава IV

Назначение А.А. Прозоровского главнокомандующим Дунайской армией и его старания добиться распространения условий перемирия на всю повстанческую Сербию

1. Попытки А.А. Прозоровского изменить условия Слободзейского договора

Приказ о назначении князя А.А. Прозоровского главнокомандующим Дунайской армией был подписан царем в начале сентября 1807 г. До этого он был начальником милиции южных областей России в городе Умань. При назначении на новую должность 75-летний князь был произведен в звание генерал-фельдмаршала[1]. Вместе с тем указывалось, с одной стороны, на важность возлагаемой на князя миссии, а с другой, на то, что петербургский двор в ближайшем будущем не планировал проведение активных наступательных операций на русско-турецком фронте.

Ко времени назначения Прозоровского снабжение Дунайской армии продовольствием заметно улучшилось. Если в неурожайный 1805–1806 гг. в Подольской губернии мера хлеба в зерне стоила 9 руб., то в 1807 г. урожай был изобильным, а зерно продавалось по 3 руб. за меру[2].

С прибытием в штаб-квартиру Дунайской армии, находившуюся в Бухаресте, Прозоровский не спешил. Причину медлительности он объяснял в своих письмах пожилым возрастом, который якобы не позволял ему совершать быстрых переездов и вынуждая делать длительные остановки для отдыха. Но судя по всему, такая отговорка была нужна лишь для того, чтобы разобраться в ситуации, сложившейся после отказа Александра I утвердить опрометчиво ратифицированный К.И. Мейендорфом Слободзейский договор о перемирии между Россией и Турцией, и найти оптимальный вариант решения поставленной перед ним царем задачи – склонить турок и французов к возобновлению переговоров об изменении не устраивавших российского монарха статей Слободзейского договора и добиться распространения перемирия на всю повстанческую Сербию.

inslav

23 сентября (5 октября) 1807 г. Прозоровский прибыл в Яссы, где его ожидали российский уполномоченный на переговорах в Слободзее С.Л. Лашкарев и переписка предшественников нового главнокомандующего с турецкими военачальниками и французскими дипломатами, которая требовала срочной отправки в Петербург. С.Л. Лашкарев подробно рассказал Прозоровскому о ходе переговоров в Слободзее, познакомил его с письмами турецкого уполномоченного Галиба-эфенди, доставленными после получения известий об отказе Александра I утвердить ратификацию Слободзейского договора. При этом Лашкарев обратил особое внимание генерал-фельдмаршала на то, что Порта, узнав о требованиях российского царя, предписала своему уполномоченному Галибу-эфенди решительно отказаться от возобновления переговоров об изменении статей Слободзейского договора. После встреч с Лашкаревым Прозоровский, по его оценке, не нашел у российского уполномоченного на русско-турецких переговорах «ни малейшей способности к столь важному государственному делу», а заключенное им перемирие определил как ни в коей мере не соответствующее ни чести, ни славе российского оружия. «Не скрою, – писал Прозоровский по этому поводу Н.П. Румянцеву, – что он, может быть, хорошо разумеет восточные языки, но это не составляет еще всех достоинств, которые нужны для государственного полномочного. Господин Лашкарев и прежним министерством иначе не был разумен». Прозоровский предлагал отстранить Лашкарева и от участия в переговорах о заключении окончательного мира между Россией и Турцией[3].

В Яссах Прозоровскому удалось просмотреть лишь наиболее важную корреспонденцию, которая подлежала срочной отправке в Петербург[4]. После знакомства с ней он писал Н.П. Румянцеву: «Сколько я могу с первого взгляда видеть, ничего не остается теперь делать, как или исполнить уничижительные для России пункты перемирия, или опять начать войну. Но, по моему мнению, лучше последнее, нежели первое»[5].

inslav

Для убеждения турок в необходимости начать переговоры об изменении не устраивавших Александра I пунктов Слободзейского договора в Рущук был отправлен все тот же С.Л. Лашкарев. По поручению Прозоровского он должен был передать Галиб-эфенди ультимативное требование: если Порта откажется от переговоров или от изменения указанных пунктов, то российский монарх не сможет признать и весь Слободзейский договор о перемирии, а это значит, что «столь жизненное для пользы обоих государств... скорое заключение мира иметь не может». Если же Порта согласится на предлагаемые изменения, то новый договор мог бы стать основой договора об окончательном мире между Россией и Турцией[6].

В письме к К.И. Мейендорфу Прозоровский перечислил все действительные и мнимые прегрешения и просчеты, которые были сделаны им как при фиксации Слободзейского договора, так и при выводе российских войск с участков придунайского фронта. Согласно принятым в Европе правилам, писал умудренный многолетним опытом генерал-фельдмаршал, полномочия на право ратификации трактатов подобного рода предоставляются не главнокомандующему армией вообще, а конкретному лицу. Поскольку К.И. Мейендорф не получал таких полномочий от царя, то он не имел никакого права ратифицировать, по словам Прозоровского, «столь постыдное для отечества нашего перемирие, в котором утрачены и величие, и важность империи, память и следы выгод, в прежнее и настоящее время славным оружием российским над турками приобретенных». Все статьи Слободзейского перемирия, упрекал новый главнокомандующий Мейендорфа, оказались обращенными «в единственную пользу оных (турок. – *В.Г.*) и во вред России». Смерть И.И. Михельсона указывала «вернейший способ не приступать к утверждению столь постыдных пунктов» и оправдывала бы необходимость их отправки в Петербург на утверждение царя. Тем более, что такая идея была предложена генерал-лейтенантом М.А. Милорадовичем. «Но вы, – укорял князь К.И. Мейендорфа, – рассудили за благо отнять у курьера

inslav

его депеши, а вместо оных отправить свои, означенное перемирие утвердить и тем самым нанести оружию нашему стыд, который теперь изгладить трудно». Поспешный вывод российских войск с занимаемых ими позиций на правой стороне Дуная после получения царского рескрипта от 20 августа 1807 г., по мнению Прозоровского, неблагоприятно отразился и на положении сербов. «Какие же от всего того для сербов, союзников и единозаконников наших, могут произойти пагубные последствия, – гневно восклицал князь, – о том я умалчиваю!»[7].

К.И. Мейендорф, по-видимому, еще не зная о приказе от 19 сентября 1807 г. об отстранении его от службы, был возмущен содержанием и тоном писем нового главнокомандующего. 3 октября 1807 г. он написал рапорт с просьбой об отставке и самовольно уехал их Бухареста в Берлат[8] . Однако, одумавшись, явился к Прозоровскому с повинной в Фокшаны, признал свои ошибки и забрал свой рапорт об отставке обратно[9].

Из Ясс же Прозоровский 1 октября 1807 г. написал письмо великому визирю Ахмед Хуршид-паше, в котором пытался обосновать незаконность ратификации К.И. Мейендорфом Слободзейского договора: «Не располагая какими-либо полномочиями со стороны моего... государя, он (Мейендорф. – *В.Г.*) осмелился ратифицировать перемирие, присвоив себе звание уполномоченного. За эту дерзость он будет держать ответ перед своим императором». В письме сообщалось также, что полномочия на заключение и ратификацию «окончательного договора» о перемирии Александр I поручил ему, то есть Прозоровскому. Поэтому, писал он, «я назначу лиц для согласования статей, которые должны способствовать благу человечества и счастью обеих империй». Среди статей, подлежащих пересмотру, Прозоровский называет и статью о сербах: «Особая статья, добавленная к пунктам перемирия, ограждает судьбу сербов только до прибытия уполномоченных на конгресс», на котором будут вестись переговоры о заключении окончательного мира между Россией и Турцией. «Гуманность моего государя и интерес, проявленный им к сей нации того же

inslav

вероисповедания, что и мы, требует не подвергать ее бедствиям из-за того, что обстоятельства войны или политики связали ее с интересами России». Чтобы ускорить путь к заключению окончательного мира, Прозоровский категорически настаивал на принятии предложений петербургского двора, ибо только измененные статьи нового договора о перемирии могут составить основу договора об окончательном мире между Россией и Турцией. Предлагая визирю прислать своего уполномоченного для возобновления переговоров о новых условиях перемирия, Прозоровский рекомендовал Ахмеду Хуршид-паше снабдить его такими инструкциями, которые должны соответствовать новым требованиям российского монарха.

Письма, адресованные Г. Себастиани, Александру I, Н.П. Румянцеву, К.И. Мейендорфу и другим, были написаны Прозоровским уже в Фокшанах в период с 7 по 9 октября 1807 г. Письмо французскому послу в Турции Г. Себастиани повез в Константинополь личный капитан-адъютант Прозоровского И.Ф. Паскевич. Генерал-фельдмаршал просил французского посла склонить Порту к принятию новых предложений союзного Франции петербургского двора, поскольку только измененные условия перемирия могут стать, по словам Прозоровского, «единственным средством приближения к заключению окончательного мира между Россией и Турцией». Если же Порта откажется принять новые требования, то перемирие «никогда не будет принято» Александром I. Прозоровский ставил Г. Себастиани в известность о том, что об условиях и содержании этих изменений МИД России уже предупредил представителя Наполеона I в Петербурге А.Ж. Савари и посредника на переговорах в Слободзее А.Ж. Гильемино. Несмотря на это, жаловался Прозоровский, Гильемино, хотя и был своевременно оповещен о прибытии нового главнокомандующего в штаб Дунайской армии, однако срочно покинул Бухарест и уехал в Париж. «Что же касается сербов, – уговаривал Прозоровский Себастиани, который недружелюбно относился к этому народу, – то они несомненно будут истреблены

inslav

(турками. – *В.Г.*). Разве может статься, чтобы Его Величество, мой милостивейший Государь, мог безучастно взирать на несчастье целой нации, как и любое правительство, хотя бы только по причине гуманности. По меньшей мере следует оградить судьбу сербов до заключения окончательного мира. Его превосходительство (Себастиани. – *В.Г.*) придерживается, конечно, такого же мнения»[10].

В письме Н.П. Румянцеву Прозоровский сообщал, что в своих письмах к К.И. Мейендорфу Г. Себастиани ставил его в известность об освобождении турками русских пленных и предлагал главнокомандующему Дунайской армией поступить так же и с турецкими военнопленными. Прозоровский нашел это предложение вполне уместным, тем более, что это, по его мнению, поможет добиться согласия Порты и Франции на изменение двух пунктов Слободзейского договора о перемирии. Судя по письму Г. Себастиани, пишет Прозоровский, французы и турки «весьма склонны и готовы исполнить столь неприемлемое для России перемирие, дабы тем принудить и наш Двор к исполнению оного». Однако, полагал он, от этого следует уклоняться, потому что «статьи перемирия должны служить основанием к заключению окончательного мира»[11].

Как показали последующие события, Прозоровский был недалек от истины, но реальное положение дел оказалось значительно сложнее.

По свидетельству К.К. Родофиникина, он по приказу К.И. Мейендорфа после ратификации Слободзейского перемирия написал из Белграда письма турецким военачальникам в Нише и в Боснии. В своих отношениях Родофиникин, по его словам, «приглашал их прекратить бесполезные военные действия доколе по общему миру постановлено будет и об участи сербов». Сербам же Родофиникин «наистрожайше воспретил... делать какие-либо происки противу турков», ограничившись «бдительным охранением своих пределов»[12].

Упомянутые турецкие военачальники по-разному отреагировали на отношения Родофиникина. Бейлербей Румелии

inslav

Исмаил-паша, командовавший группировкой войск под Нишем, ответил согласием и распустил свои войска. В первых числах октября 1807 г. Родофиникин, оценивая общую ситуацию в повстанческой Сербии, писал новому российскому послу в Вене А.Б. Куракину: «Сербы здесь, слава богу, не терпят ни в чем недостатков; урожай был наилучший. Пороховой же завод их приведен в должный порядок, так что они могут довольствоваться одним своим порохом; ружья имеют все ратники. Но, желая снабдить таковыми и уезды вновь приобретенные, они было купили на австрийской стороне, заплатили за оные деньги, как между тем последовало запрещение ружья оттудова вывозить, по поводу коего ружей им не отпустили, а купцы денег не возвратили»[13].

Между тем боснийский визирь Хассан-паша, вопреки распоряжениям верховного вождя и предложениям К.К. Родофиникина, решил обсудить свое отношение к сербским повстанцам с французским консулом в Травнике Давидом. Последний во время беседы, как бы между прочим, намекнул, что боснийскому визирю никто не помешает наказать мятежных сербов, если они подадут к этому повод[14]. Намек французского консула был принят к сведению, и 29 сентября 1807 г. 4-тысячное войско Хассан-паши, переправившись через реку Дрину, напало на сербские села в районе Мачвы. Предупрежденные заранее о нападении босняков, сербы успели укрепиться на этом участке фронта и под командой протоиерея Матвея Ненадовича, по свидетельству К.К. Родофиникина, «приняли турок с неустрашимой храбростью, поразили их и принудили бежать в беспорядке». В этом сражении босняки потеряли убитыми 1–4 человека, не считая тех, которые утонули в реке при отступлении[15]. 4(16) октября 1807 г. уже 15-тысячный корпус боснийского паши переправился через реку Дрину в районе села Сикирич. Охранявшие этот район сербские ополченцы под командой архимандрита Хаджи Мелентия Степановича, потеряв в бою более 40 ратников, были вынуждены отступить под натиском превосходящих сил противника. Прорвавшиеся

inslav

босняки сожгли несколько соседних сел и стали вывозить недавно собранный урожай зерновых, скот и сено. На помощь Хаджи Мелентию вскоре подошли: отряд протоиерея Матвея Ненадовича, «храбрые сербы» из-под Ниша и других соседних нахий. Объединенные силы сербов численностью до 13 тыс. ратников под командой Бея Новокрещеного, капитана на русской службе, 14 октября 1807 г. неожиданно напали на босняков, которые, потеряв большое число убитыми и 28 человек пленных, были вынуждены отступить за Дрину. Сербский отряд под командой местного священника Луки, переправившись через реку, вошел на территорию Боснии. Появление отряда сербских повстанцев в Боснии способствовало тому, что более тысячи боснийских христиан со своим имуществом и скотом переправились на территорию повстанческой Сербии. По свидетельству К.К. Родофиникина, они привели с собой 1500 волов и коров, 1000 овец и до 300 лошадей.

После поражения и изгнания босняков из пределов Сербии была разорвана коммуникация между войсками боснийского визиря и турецким гарнизоном крепости Сокол, состоявшей из 200 человек. Сообщая об успехах сербов при отражении агрессии войск боснийского визиря, К.К. Родофиникин писал: «Сербы хотели распространить свое мщение еще далее, но я пригласил их воздержаться от сего, а между тем написал вторично к визирю, командующему в Боснии, прося его, дабы он положил конец тщетным нападениям турок, которые обращаются ко вреду их, а не сербов. Я надеюсь, что визирь сей, видя поражение, которое претерпевало его войско, оставит Сербию спокойною, доколе дела ее учредятся высокодоговаривающимися дворами»[16]. В связи с победой сербов над войском боснийского визиря К.К. Родофиникин просил Прозоровского наградить «духовными крестами» архимандрида Хаджи Мелентия Стефанова Николаевича и протоиерея Матвея Ненадовича за храбрость и труды «подъемлемые ими на защиту веры и отечества своего». Верховному вождю Карагеоргию Родофиникин предлагал пожаловать соболью шубу[17].

inslav

На отдельных участках Придунайского фронта турецкие военачальники по-прежнему продолжали нарушать условия Слободзейского договора вплоть до конца 1807 г. Прежде всего этим отличались так наз. непокорные Порте паши и аяны. Например, отряд Молла-паши Видинского занял территорию одного из дунайских островов, а Кусанджали Халил, по приказу того же паши, занял крепость Кладово, где сербские войска воевали вместе с русскими. А это явно противоречило условиям Слободзейского договора.

Обеспокоенный неопределенностью ситуации, сложившейся после заключения Слободзейского перемирия, Правительствующий Совет повстанческой Сербии направил в штаб Дунайской армии своего депутата Ивана Юговича, чтобы выяснить отношение петербургского двора к дальнейшей судьбе сербских повстанцев. Встреча И. Юговича с А.А. Прозоровским состоялась в Бухаресте в середине октября 1807 г. Депутат настойчиво требовал снабдить его «утешительным письмом» к сербскому народу, который, в столь критических для него обстоятельствах, опасается быть лишенным покровительства России, когда сербы окружены турками и у них, по словам Прозоровского, «имеется крайний недостаток в оружии и амуниции для защиты и обороны своей». В ответ на требование И. Юговича Прозоровский заявил, что при теперешних неопределенных отношениях России с Турцией он лично не может дать письменного ответа сербскому народу по следующим причинам: «Хоть перемирие, [заключенное] тайным советником Лашкаревым с Портою Оттоманскою, – пишет Прозоровский Родофиникину, – ни мною не утверждено, ни же государем императором не принято, и я по сим обстоятельствам произвожу еще переписку, однако же, дабы иметь открытую переписку с народом сербским, не подав правительству Порты повода к заключениям о неприязненном якобы нашем к оной расположении и о явном покровительстве, даваемом сербам, не могу я его (И. Юговича. – *В.Г.*) снабдить письмом к народу…». На словах же Прозоровский поручил И. Юговичу

inslav

объявить сербскому народу: «Чтобы все и каждый... ожидал бы развязки их жребия, не упуская при том из виду ничего, что по благоразумию их вождей к существенному благу... народа служить может; между тем удостоверены бы были, что его величество всемилостивейший государь наш..., не лишая и ныне сербов высокого и мощного своего покровительства не престанет пещись о их благоденствии». Кроме того, Прозоровский обещал давать сербам «все пособия», которые окажутся в его власти и «по соображениям настоящих обстоятельств могут быть предоставлены»[18].

Неопределенность уклончивых ответов, данных сербскому депутату, явно контрастировала с тем, что хотел узнать Прозоровский для «соображений своих» о положении дел в повстанческой Сербии. В том же письме главнокомандующий требовал от Родофиникина предоставить сведения по ряду следующих вопросов: «Нужно мне необходимо знать: продолжается ли в них (сербах. – *В.Г.*) приверженность и полное доверие к престолу российскому или же не ослабло ли оное и не предпринимаются ли потаенным образом какие-либо политические отношения с двором австрийским или французским? Не меньше того, для соображений моих потребно мне ведать, царствует ли в народе совершенное единодушие, особливо же между митрополитом и военачальниками, или же не возродились ли между ними внутренние раздоры и несогласия, что могло причинить оные, и к какой цели обращены напряжения той или другой партии...». Особенно Прозоровский настаивал на присылке ему «формальных актов с сим народом поставленных» и всех обещаний, которые были даны сербам от имени петербургского двора. Главнокомандующий Дунайской армией хотел, в частности, знать, какая помощь может быть оказана сербам «потаенным образом» с таким расчетом, чтобы о ней не узнали турецкие власти. При существующих напряженных отношениях с Турцией, поясняет Прозоровский, «во всех случаях должно обнаруживать доброе наше к Порте расположение и желание к постановлению твердого и окончательного мира»[19].

inslav

Наиболее обстоятельно, но с преувеличением своей роли, А.А. Прозоровский описал развитие событий до конца 1807 г. и дал им свою оценку в письме к главнокомандующему российскими войсками на Кавказе И.В. Гудовичу от 26 декабря 1807 г.[20].

2. Переписка А.А. Прозоровского с турецким визирем и французским дипломатом в Турции Г. Себастиани об изменении статей Слободзейского договора

В середине октября 1807 г. из Адрианополя было доставлено в штаб Дунайской армии письмо великого визиря. Отвечая на послание А.А. Прозоровского от 1(13) октября 1807 г., Ахмет Хуршид-паша сообщал, что он был крайне удивлен отказом российского государя утвердить ратификацию Слободзейского договора о перемирии. Великий визирь признавался, что и он сам также неудовлетворен рядом положений этого договора, однако ради скорейшего заключения окончательного мира между Россией и Турцией все же согласился ратифицировать все его статьи без исключения. В письме сообщалось также о том, что поскольку уже имеется договоренность о проведении переговоров в Париже по вопросу заключения окончательного мира между Россией и Турцией, то уполномоченный Порты на переговорах в Слободзее Галиб-эфенди уже утратил свои прежние полномочия, отозван из Рущука и получил новое назначение. «Одним словом, – заключает великий визирь, – я ничего не могу сказать Вам другого, господин фельдмаршал, как только дать совет выполнять договор о перемирии самым официальным образом». Хуршид-паша, в свою очередь, упрекал Прозоровского за то, что российские войска, спустя месяц после подписания договора, по-прежнему продолжают оставаться в Дунайских княжествах. В связи с этим Порта приняла решение тоже не отводить свои войска с занимаемых ими позиций. Они будут отводиться по мере вывода российских войск. По поводу усиления крепостных гарнизонов Хуршид-паша указывал на то, что для защиты своих

inslav

крепостей Порта имеет право размещать в них, как в мирное, так и в военное время, необходимое для их защиты число войск, и никто не может возражать ей по этому поводу.

«Что же касается сербов, – писал великий визирь, – то они являются подданными Блистательной Порты, которая по своему усмотрению может либо наказывать их, либо помиловать. Следовательно, никакой договор, никакие другие мотивы не дают права российскому двору вмешиваться в это дело»[21].

Назначение Александром I новых уполномоченных России для ведения переговоров в Париже о заключении мира с Турцией и сообщение великого визиря об утрате полномочий Галиб-эфенди, по-видимому, послужили Прозоровскому основанием для отстранения С.Л. Лашкарева от порученной ему ранее миссии. В связи с этим Прозоровский 14(26) октября 1807 г. писал Лашкареву: «Запрещаю Вам отныне без позволения моего приступать к каким-либо подобным самовольным распоряжениям», которые касаются переговоров с турецкими и французскими представителями[22].

Подготовка к русско-турецким переговорам о заключении мира вызвала определенные отклики и в Австрии. В австрийской прессе стали появляться прогнозы, которые, совершенно очевидно, выражали претензии венского двора. Например, в одной из австрийских газет за 12 октября н.с. 1807 г. сообщалось, что по условиям русско-турецкого договора о мире Турция должна уступить Австрии Сербию и Боснию[23].

Письмо французского посла в Турции Г. Себастиани от 8 ноября н.с. 1807 г. из Константинополя было доставлено в Фокшаны 5(17) ноября 1807 г. полковником И.Ф. Паскевичем, который с письмом А.А. Прозоровского был отправлен в столицу Османской империи 9(21) октября 1807 г. Посол Франции писал, что он внимательно изучил текст письма Прозоровского и ознакомил с ним чиновников Порты.Турецкий диван, по словам Себастиани, «с удивлением и огорчением» узнал о том, что русский царь категорически отказался утвердить ратификацию Слободзейского договора, и что российские войска

inslav

до сих пор остаются в Молдавии и Валахии. И это несмотря на то, что Порта отвела свою армию на правый берег Дуная и освободила всех русских пленных. Кроме того, отказ царя наносит оскорбление и самой Франции, представитель которой в качестве официального посредника участвовал в заключении Слободзейского договора. Это недопустимо и потому, что вывод российских войск из Дунайских княжеств был предусмотрен еще Тильзитским договором, заключенным между Россией и Францией. При обсуждении создавшейся ситуации с Портой французскому послу, по словам Себастиани, удалось склонить турецкий Диван к отмене лишь одной статьи Слободзейского договора, предусматривавшей взаимное возвращение кораблей, захваченных во время войны обеими сторонами. Поскольку полномочия, данные Галиб-эфенди, уже отозваны, а он сам получил новое назначение, писал Себастиани, то Порта предлагает оформить изъятие из договора статьи о кораблях без проведения официальных переговоров путем «подписания перемирия, в котором не будет содержаться упомянутой статьи». Признавая по существу, что занятие войсками Молла-паши острова на Дунае и крепости Кладов, где сербы воевали вместе с русскими, является нарушением условий перемирия, Себастиани сообщал, что Порта уже отдала приказ освободить указанные пункты, но только после того, как русские войска покинут Молдавию и Валахию. По уверению Себастиани, Порта уведомила всех начальников турецких войск, расположенных на правом берегу Дуная от Орсова до Черного моря, чтобы они под страхом смерти запретили своим войскам переходить на левый берег. Поэтому российский главнокомандующий может смело заверить жителей Дунайских княжеств, что турецкие войска не войдут на их территорию, а Порта будет соблюдать все условия не только Слободзейского, но и Тильзитского договоров.

Далее Себастиани сообщал, что турецкий султан Мустафа просил Наполеона о том, чтобы «его посредничество о мире между Блистательной Портой и Россией осуществлялось в Париже». В связи с этим посланник султана во Франции Мугиб-эфенди получил соответствующие полномочия на право ведения

inslav

переговоров и заключения мира. «Что же касается сербов, – пишет Себастиани, – то Его Высочество (так французы называли турецких султанов. – *В.Г.*) намерен использовать все средства умиротворения и отеческого покровительства для того, чтобы вернуть этот народ к покорности и его долгу...». Султан и Порта, уверял Себастиани Прозоровского, уже предприняли необходимые меры для их умиротворения, и поэтому «никакие враждебные действия не будут совершены против сербов до заключения окончательного мира». При этом Себастиани обращал внимание на то, что «...султан считает несовместимым с его честью и достоинством заключать договор, в котором могла бы идти речь о судьбе его подданных». Если бы сербы на самом деле намеревались прекратить свой мятеж, а Франция согласилась бы быть посредником в этом деле, то Порта, со своей стороны, могла бы обещать не применять против них военную силу до окончательного подписания мира между Россией и Турцией. Она попыталась бы найти другие, мирные средства для умиротворения сербского мятежа. Эти благие намерения султан Мустафа, по уверению Г. Себастиани, обещал довести до сведения российского посла в Париже П.А. Толстого[24].

Прибывший из Константинополя полковник И.Ф. Паскевич привез для бывшего российского консула в Бухаресте Л.Г. Кирико письмо датского посланника в Турции барона Г. Гипша, в котором содержалась информация о положении дел в столице Османской империи и некоторых ее провинциях. Л.Г. Кирико, в свою очередь, 6(18) октября 1807 г. писал по этому поводу К.К. Родофиникину: «Переговоры о мире (между Россией и Турцией. – *В.Г.*) определенно состоятся в Париже. Есть основание думать, что они будут затяжными». В том же письме сообщалось, что сопровождавший И.Ф. Паскевича французский инженер Буде и другие французские агенты распространяют в Валахии слухи о том, пишет Кирико, что «Франция непременно навяжет мир России (с Турцией. – *В.Г.*), который полностью удовлетворит Порту, а Россия в силу обстоятельств будет вынуждена вывести свои войска из этих

inslav

(Дунайских. – *В.Г.*) провинций в течение месяца...». По информации барона Гипша, пишет Л.Г. Кирико, в Константинополе «русское дело еще не распутано; остается ждать, дабы все уладилось и небо даровало всеобщий мир». Согласно той же информации, Порта заинтересована в установлении дружественных отношений с Пруссией и желает возвращения в Константинополь прусского посланника барона Зенефта[25]. Эта информация была передана и в штаб Дунайской армии.

А.А. Прозоровский ответил на письмо Г. Себастиани 8(20) ноября 1807 г. Он обращал внимание на то, что посол, по-видимому, не знает ни об агрессии боснийских турок против сербов на реке Дрине, ни о непрекращающемся до последнего времени курсировании турецких судов вверх и вниз по Дунаю от Рущука до Черного моря. Турецкие гарнизоны в Измаиле и Браилове продолжают пополняться свежими войсками и боеприпасами. Комендант Измаила Пехливан-паша и Мустафа-паша Байрактар, вопреки приказам Порты, весьма часто действуют по собственному капризу, из чего вытекает необходимость всегда быть начеку. «Что же касается меня, – пишет Прозоровский, – то я желаю более чем кто-либо быстрого заключения мира, будучи вынужденным на занимаемом мною посту объединить дипломатические тонкости с военным искусством». По поводу сербского вопроса Прозоровский отозвался в этом письме так: «Каково бы ни было враждебное предприятие против сей нации, оно мне кажется тем более бесполезным, потому что мирный договор, заключение которого не должно откладываться, неизбежно подчинит их (сербов. – *В.Г.*) какому-либо порядку вещей, не разрешая им излишних претензий, и возвратит их к спокойствию без пролития крови с обеих сторон»[26].

Неопределенные и расплывчатые высказывания Прозоровского по сербскому вопросу, видимо, следует расценивать как одну из «дипломатических тонкостей» престарелого князя, предназначенную исключительно для успокоения французского союзника.

Между тем, 12(24) ноября 1807 г. Н.П. Румянцев отправил А.А. Прозоровскому две депеши. В первой сообщалось о том,

inslav

что царь Александр I, познакомившись с ответом верховного визиря Турции и содержанием писем Прозоровского от 19, 21 и 23 октября 1807 г., окончательно убедился в нежелании Порты изменять известные статьи Слободзейского договора. В связи с этим он соизволил объявить верховному визирю о том, что «перемирие сие с нашей стороны почитается несуществующим», а С.Л. Лашкарев и барон К.И. Мейендорф за их опрометчивый поступок исключены из службы[27].

Вводя А.А. Прозоровского в курс русско-французских переговоров «по делам турецким», Румянцев в тот же день отправил ему другую депешу, к которой прилагалась копия секретной инструкции МИД России послу во Франции П.А. Толстому для того, чтобы главнокомандующий Дунайской армией знал «все тайные виды и намерения» петербургского двора и «мог лучше соизмерять» как военные дела, так и свою дипломатическую переписку.

Касаясь специфики дальнейших отношений с Турцией в столь неопределенной ситуации, Н.П. Румянцев дал следующий совет: «Нужно бы весьма для нас было не начинать никаких военных предприятий противу турок, пока на сию депешу не получим мы ответа из Парижа». При этом Румянцев ссылался на указание царя, который соизволил, чтобы Прозоровский по объявлении верховному визирю об отказе признать условия Слободзейского договора в то же время воздержался от ведения военных действий насколько это позволит ситуация. Если же турки первыми подадут к этому пример, то царь разрешал, по словам Румянцева, «отразить силу силой», а в дальнейшем действовать по усмотрению главнокомандующего, не дожидаясь предписания из Петербурга. В случае возобновления военных действий Александр I разрешал перевести за Днестр дивизию генерала Апраксина и корпус донских казаков. В целях сохранения секретности Н.П. Румянцев настоятельно просил А.А. Прозоровского хранить посланную ему копию инструкции МИД России послу во Франции П.А. Толстому отдельном от других бумаг, поскольку некоторые из ее

inslav

статей «требуют непроницаемой тайны»[28]. в письме от 2(14) декабря 1807 г. Н.П. Румянцев писал Прозоровскому, что поведение, по его словам, «славного партизана» Мустафа-паши Байрактара, назначенного Портой сераскиром над всеми крепостями, расположенными по Дунаю, свидетельствует о том, до какой степени должно доверять обещаниям турок, удостоверявших в своих письмах о расположении их к миру. Неповиновение Мустафа-паши распоряжениям Порты, его разногласия с великим визирем, усиление крепостных гарнизонов и набор людей в его войска дают основание предполагать, что в случае вывода российских войск из Молдавии, Валахии и Бессарабии эти области станут, по словам Румянцева, «предметом его тиранства и нападений». Что же касается вывода российских войск из Дунайских княжеств, то этого, пишет Румянцев, «признаюсь с моей стороны, не только не желаю, но даже и возможным себе представить не могу…»[29].

Поскольку Александра I в этот период не было в Петербурге, то Румянцев пересылал письма Прозоровского царю, на которые к тому времени еще не получил его «повелений по политической части». Видимо это обстоятельство не позволяло Румянцеву дать более определенные инструкции «по политической части» и главнокомандующему Дунайской армией, что, в свою очередь, отражалось и на советах Прозоровского Родофиникину и сербам.

В данной связи будет уместным отметить и об изменении статуса К.К. Родофиникина, Л. Кирико и других дипломатических чиновников, находившихся ранее в Дунайских княжествах и в Сербии. Отвечая на запрос Прозоровского, в каком «положении» находится действительный статский советник К.К. Родофиникин и на его же просьбу передать всех чиновников без исключения, «в том крае употребляемых», в полное и неограниченное подчинение, Н.П. Румянцев 3(15) декабря 1807 г. со ссылкой на «высочайшее повеление» предписал К.К. Родофиникину, чтобы «впредь ни по каким предметам не относился он к министерства (МИД России. – *В.Г.*), но чтобы

inslav

по всем частям доносил» Прозоровскому и исполнял все его повеления в точности.

Аналогичное предписание было дано и о бывшем консуле в Бухаресте Л.Г. Кирико, который после занятия города турками был арестован Мустафа-пашой Байрактаром и отправлен в Константинополь. Во время русско-турецких переговоров в Слободзее он был освобожден и остался не у дел. А.А. Прозоровский в своих представлениях просил наградить Л.Г. Кирико за его «страдания» и вновь назначить на пост консула в Бухаресте. Н.П. Румянцев считал, что при сложившейся ситуации не имеет смысла назначать Л.Г. Кирико на эту должность. «Он по связям своим в Царьграде и вообще в тамошнем крае не без пользы может употребляться при Вашем сиятельстве (т. е. при главнокомандующем Дунайской армией А.А. Прозоровском. – *В.Г.*), а потому не угодно ли будет Вам при себе его оставить». Что же касается до вознаграждения за «страдания», которые претерпел Л.Г. Кирико в бытность его в плену у турок, и за нанесенные ему убытки, то и этот вопрос должен был решать сам Прозоровский. «Я только то долгом моим почитаю заметить, да и Вы, надеюсь, со мною изволите согласиться, что теперь, конечно, не время испрашивать большие денежные награждения», – недвусмысленно напоминал Н.П. Румянцев[30].

Из этого письма управляющего МИД России видно, что все дипломатические представители и чиновники МИД, «в том крае находившиеся», передавались в непосредственное подчинение главнокомандующего Дунайской армией. Они были обязаны решать с ним все вопросы, касавшиеся отношений России с населением Дунайских княжеств и Сербии. Таким образом, от решений Прозоровского в большей мере зависела и судьба сербских повстанцев. В частном письме к Н.П. Румянцеву от 6(18) декабря 1807 г. Прозоровский признавался: «Нет ни нужды, ни пользы в настоящее время начинать войну (с Турцией. – *В.Г.*), ибо надлежит сперва всем исправиться, а я доныне не имел достаточного времени войти во все подробности, к тому относящиеся...». Возобновить военные действия

inslav

Прозоровский обещал только в том случае, если их начнут сами турки. «Но я почти уверен, – пишет он, – что турки зимою ничего не предпримут, а по обыкновению их соберутся к июню месяцу; но на всякий случай однако же постараюсь я ко всему быть готовым». Чтобы не провоцировать турок к возобновлению военных действий, Прозоровский в своих письмах к великому визирю даже приостановил напоминания по поводу несогласия Александра I утвердить ратификацию Слободзейского договора о перемирии[31].

Свои соображения о положении дел в Дунайской армии и планах ее использования в первой половине 1808 г. Прозоровский наиболее обстоятельно сообщил 21 декабря 1807 г. (2 января 1808 г.) в особой записке, озаглавленной «Мнение генерал-фельдмаршала князя Прозоровского». В ней излагались и его представления о возможных действиях турецких войск в тот же период. В этой связи Прозоровский писал: «Поднятие магометова знамя, которое есть знак призыва всех правоверных или магометанов, кто только в силах носить оружие, идти оборонять веру и отечество, равны и другие приготовления, предвещают отчаянные намерения Порты стараться силою оружия одержать поверхность над российским и французским императорскими дворами». Однако, полагал генерал-фельдмаршал, из-за внутренних неурядиц и междоусобий турки не в состоянии возобновить военные действия против России до лета 1808 г. «Хотя турецкое правительство и стращает (Россию. – *В.Г.*) фирманами своими о собрании войск, – пишет Прозоровский, – но ни дальнейшего по сему действия, ни же какого-либо военного приготовления в настоящее время ожидать не можно. Осторожность однако же противу того со стороны нашей вся принята будет». Поскольку у турок существовал обычай распускать зимой свои войска по домам, то Прозоровский считал наиболее выгодным начинать войну против них в марте или осенью. Следовательно, делал он вывод, если бы турки и подали повод к возобновлению военных действий, то русским войскам «надлежало удерживаться до марта месяца»,

inslav

а в марте быть готовыми к войне. Исходя из таких соображений, Прозоровский принял решение разместить основную часть Дунайской армии «по кантанир-квартирам». Два полка, находившиеся в Бессарабии, «по совершенному ее разорению» вынуждены размещаться в землянках. Располагавшиеся в Килии и ее окрестностях полки также испытывали неудобства от воды и воздуха, которые, по словам Прозоровского, были «не так здоровы». Вся Дунайская армия, по свидетельству ее главнокомандующего, в зимние месяцы испытывала недостаток в продовольствии, боеприпасах и амуниции. Часть воинских подразделений не имела даже надлежащего вооружения. Например, 16-я дивизия была снабжена «только старым и всегдашней починки требующим» оружием. Из этого главнокомандующий делал следующий вывод: если к первым числам марта 1808 г. мир с Турцией не будет заключен, то военные действия против турок можно будет начинать только при условии устранения вышеназванных недостатков в снабжении продовольствием, вооружением и боеприпасами. Кроме того, чтобы добиться «славных успехов», сухопутные силы Дунайской армии должны находиться в тесном взаимодействии с речной флотилией, так как по берегам Дуная находятся три крепости, в том числе и Измаил, которую без флотилии даже блокировать невозможно. «Суда же флотилии нашей, – пишет Прозоровский, – только для медленного ходу, и кроме парусов на веслах употребляться не могут, так что даже со способным ветром противу течения реки плыть не в состоянии, а тянут их бичевою...». При этом следует иметь в виду, что флотилия может стать боеспособной, если на бортах ее кораблей будут находиться не менее четырех батальонов пехоты. Прозоровский напоминал, что в прошлую войну с Турцией флотилия оставалась без действия только потому, что в ее распоряжении не было полагавшегося по уставу числа пехоты. «Таким образом, – заключает главнокомандующий, – вверенная мне армия должна с весны действовать не наступательно, а оборонительно и заниматься осадою крепости. Между крепостями же

inslav

перейти армии через Дунай опасно, ибо зад у нее не будет обеспечен, и для такого неосновательного движения предпринять нельзя....». «Итак, армия должна приступить к братию крепостей, поскольку другого неприятеля до июня, или, конечно, не ранее, как в исходе мая месяца, ожидать нельзя, а к тому времени прибудет турецкая армия к крепости Силистрии и оттуда станет искать способов переправиться на левый берег Дуная, думаю, между Джуржею и Браиловым». Прозоровский исходил из того, что осада всех трех крепостей невозможна, а блокировать их по отдельности не имеет смысла. Он предложил в марте 1808 г. начать с осады Измаила, сосредоточив там «знатную часть войск» Дунайской армии, особенно пехоты. Если же до сосредоточения турецкой армии Измаил не будет взят, то осада должна быть снята, а освободившиеся войска следует направить против главных сил визиря. Такую тактику диктует «генеральное правило», согласно которому, пишет Прозоровский, «доколе армия в поле, то брать крепостей невозможно, разве только когда имеются две армии, из коих одна будет брать крепости, а другая ее прикрывать». Не заняв Измаила и Браилова, полагал он, «на другую сторону Дуная против визиря преследовать не можно, да и когда Тульча и Измаил взяты не будут, то и флотилии иметь нельзя и переправиться будет не на чем».

По замыслу главнокомандующего Малая Валахия «неминуемо должна быть занята» отрядом российских войск, поскольку в противном случае ее займут турки, что пресечет связь российских войск с сербами. Более того, при занятии турками Малой Валахии их войска, усиленные воинами Молла-паши Видинским, окажутся на правом фланге Дунайской армии. Когда же Малая Валахия будет занята отрядом российских войск, то они могут стать «большой подпорою сербам», даже в том случае, если этот отряд не сможет переправиться на правый берег Дуная. Сербы же, по словам Прозоровского, «по приверженности их к России и ненавистью к туркам приобретут через то большую способность согласно с нами действовать противу врагов своих и наших».

inslav

Для скорейшего окончания русско-турецкой войны, по расчетам Прозоровского, необходима армия, состоящая не более чем из 40 тыс. человек, поскольку «в большем числе не может она способна маневрировать». К этому предположению присовокупить еще два корпуса, состоящих из 20-ти, но не более 25 тыс. человек, которые будут находиться на фронтах Дунайской армии. По необходимости эти корпуса могут удаляться от основных сил на 10, 15 и даже на 30 верст. Их командиры, не дожидаясь указаний главнокомандующего, должны «сами разуметь пользоваться положением земли и, применяясь к оному, делать построение войск». Эти корпуса должны не только прикрывать фланги Дунайской армии, но и атаковать фланги турецких войск.

Для переправы армии за Дунай, как указывалось выше, необходима флотилия. Однако командир речной флотилии капитан 2-го ранга Микропов сообщил, что она нуждается в пополнении новыми судами и не может подойти к Галацу в связи с тем, что Измаил и Тульча находятся в руках турок. «Теперь же, – пишет Прозоровский, – к построению судов никак приступить нельзя в рассуждении настоящего положения политических дел, ибо не только раздражаются тем турки, но и медиатор Наполеон оным доволен не будет, а потому и надлежит взять терпение, пока дело решается к миру или к войне».

Чтобы быть готовым к возобновлению войны, Прозоровский предпочел «доставить большое число мастеровых от флота» и нанять плотников в Минской губернии из прибрежных районов реки Припять для быстрой постройки речных судов. Для перехода армии на правый берег Дуная, писал Прозоровский, кроме флотилии, денег, понадобится продовольствие для людей и фураж для лошадей, которые можно доставить из Подольской губернии, Одессы, Очакова, Николаева и Херсонской губернии. В связи с этим Прозоровский писал: «Никак полагаться не можно, чтобы армия сия на правом берегу Дуная могла довольствоваться от обывателей» Дунайских княжеств. После вступления российских войск в Молдавию и Валахию

inslav

население этих княжеств было обязано давать натуральную подать для прокорма армии из расчета по 1 ока (или 3 фунта) мяса на каждого воина в неделю. Вместо натуральной подачи Прозоровский определил платить по 8 пара (т.е. по 12 копеек) медными деньгами. В случае перехода армии на правый берег Дуная такую плату, по мнению Прозоровского, уже невозможно будет взимать с населения Дунайских княжеств, которые, по его словам, «примут на свое попечение другую армию».

Переправившись на правый берег Дуная, российские войска, по замыслу Прозоровского, не должны располагаться в горной местности. Она должна быть занята сербами и болгарами, которые «к тому весьма способны и знают в горах даже все тропинки». Однако их необходимо подкрепить легкой пехотой и небольшим числом казаков. Российские же войска должны будут двигаться к Тульче, которую Прозоровский надеялся взять с ходу. Для обеспечения безопасности тыла основной армии генерал-фельдмаршал предлагал сформировать еще одну вспомогательную армию из 60 тыс. жителей Молдавии и Валахии, которой будет помогать местная милиция. «Сия молдавская и валахская армия, – пишет Прозоровский, – должна однако же состоять под генеральным моим распоряжением... Она займет находящиеся в руках наших крепости достаточными гарнизонами, тако же отрядом Малую Валахию, столь для нас, как сказано выше, нужную...». Местная милиция «будет содержать в почтении австрийскую границу, в чем доброе расположение венского двора к нашему не препятствует...».

После занятия придунайских крепостей русскими войсками Прозоровский предполагал двинуть основные силы Дунайской армии в направлении Адрианополя. Заняв Варну, российские войска могли бы беспрепятственно двигаться по берегу Черного моря в Румелию. При этом Прозоровский предусматривал и возможное противодействие со стороны английского флота. Если англичане к тому времени успеют заключить союз с турками и попытаются прислать свои корабли к Одессе, Килии и Аккерману, то в целях обороны российский флот должен

inslav

находиться в Черном море; в упомянутых городах нужно иметь соответствующие гарнизоны и артиллерию. Для охраны черноморских берегов Прозоровский предлагал формировать «войска отрядами, а не мелкими постами», поскольку «вред, от сего проистекающий, – по его мнению, – доказан покойным императором Иосифом II противу турков в его пределах»[32].

Насколько можно понять из переписки Прозоровского с Н.П. Румянцевым и особенно из его последней записки, новый главнокомандующий еще недостаточно уяснил международную ситуацию и расстановку политических сил в Европе и на Балканах. Судя по последней записке, он не сомневался в прочности и надежности союза России и Франции, полагая, что Турция готовится к войне не только против России, но и против Франции. Исходя из этого, Прозоровский надеялся, что французские дипломаты в Турции: Г. Себастиани, Гильемино и другие – в качестве посредников будут отстаивать интересы русских союзников. Насколько можно понять по беглым замечаниям автора записки, он пока не сомневался и в «добром расположении венского двора» к России, а также в принятии растерявшейся Портой требований Александра I изменить не устраивавшие Россию пункты Слободзейского договора, среди которых было условие распространить перемирие на всю территорию повстанческой Сербии.

3. Подготовка турецких войск к зимнему наступлению на сербов

Не успели в Сербии оправиться от нападения войск боснийского визиря, как во второй половине октября 1807 г. А.А. Прозоровский по прибытии в Крайову получил сообщение о том, что турецкий султан издал фирман, в котором требовал от верховного визиря начать наступление на мятежных сербов и до рамазана прислать ему ключ от Белграда[33]. Тогда же константинопольский патриарх Григорий 24 октября 1807 г. отправил в Сербию три обращения к сербскому народу,

inslav

в которых уговаривал повстанцев прекратить сопротивление и признать его верховную власть[34]. Бывший российский консул Л.Г. Кирико также сообщал из Бухареста, что румелийские аяны собираются под знамена Мустафа-паши Рущукского, который в связи с этим начал переформирование своего войска, а часть румелийских и боснийских аянов уже начала военные действия против сербов. В начале ноября 1807 г. корабли дунайской флотилии Турции подошли к Рущуку и готовились идти к Белграду. Судя по характеру готовившихся приготовлений, заключал Л.Г. Кирико, «Порта, видимо, решила всерьез начать военные действия против сербов»[35]. В тот же день генерал-майор И.И. Исаев рапортовал из Прагова о том, что Молла-паша Видинский, вопреки постановлениям Слободзейского договора о перемирии, по-прежнему не выводит отряд своих войск с острова на Дунае, расположенного между Прагово и Берда. А это означало, что при возобновлении военных действий Молла-паша будет иметь возможность для быстрого накопления своих сил на острове, который крайне необходим российским войскам для установления связи с сербами[36]. Предшествующие попытки Прозоровского урегулировать этот вопрос с видинским пашой оказались безрезультатными. После назначения Молла-паши сераскером, пишет Прозоровский, «он имеет совершенно неограниченную власть в занимаемых им областях... и ни на какие предложения со стороны нашей согласиться не может»[37]. И.И. Исаев из Прагова, а К.К. Родофиникин из Белграда сообщали, что непримиримый враг сербского народа Кусанджали Халил, находившийся на службе у видинского паши, после занятия турками Кладово получил повышение по службе и в звании двухбунчужного паши назначен Портой командовать группировкой турецких войск, формирующейся под Нишем. После отъезда Кусанджали Халила из Кладова его преемник начал строить в Бырзопаланке укрепления, которые должны помешать установлению связи сербов с Малой Валахией, где располагались основные силы корпуса генерал-майора И.И. Исаева[38].

inslav

Между тем прибывший вместе с И.Ф. Паскевичем из Константинополя французский инженер-капитан Бутень (Boutin), вопреки очевидным фактам, старался убедить командование Дунайской армией в том, что «до заключения мира все будет спокойно и (турки. – *В.Г.*) сербов тревожить не станут, и что нынешнее нападение на них произведено частными начальниками без ведома вышнего правительства»[39]. Другие французские и австрийские агенты активно распространяли по всей Сербии слухи о том, что по условиям готовившегося договора о мире между Россией и Турцией сербам предстоит вернуться под власть Османской империи на условиях, которыми до войны пользовались Молдавия и Валахия. Эти слухи, впрочем, как и другая подобного рода дезинформация, очень тревожили сербских повстанцев. Так, однажды при встрече с К.К. Родофиникиным их верховный вождь Карагеоргий в порыве откровенности признался: «Султан предложил мне 200 тыс. пиастров с тем, чтобы я, оставив сербов, перешел в Австрию для жительства, я на то не согласился, ибо не хотел оставлять братию свою; султан предлагал мне потом прощение всем сербам и вольность под его верховною властью управлять нам самим собою. Вы приказали на то не согласиться, я выполнил. Теперь вся участь сербов зависит от царя вашего Александра, что скажете, то выполнится; но, клянусь богом, что Черный Георгий не увидит турков в своей земле, ибо не иначе пройдут, как через его тело», – так писал Родофиникин Прозоровскому, передавая «от слова до слова» это откровение Карагеоргия. В связи с опасностью турецкого нападения на сербских повстанцев К.К. Родофиникин советовал Карагеоргию усилить пограничные посты и закупить в Австрии зерно. Для этих целей Родофиникин просил Прозоровского прислать сербам на первое время до 40 тыс. пиастров, Воеводе М. Стойковичу, отряд которого находился в Порече, Родофиникин предложил установить связь с корпусом генерал-майора И.И. Исаева и договориться о месте, где было бы удобнее передать сербам порох и свинец[40]. Как отмечалось ранее, эта просьба Родофиникина

inslav

была не единственной. Откликаясь на предшествующие просьбы сербов, Н.П. Румянцев 6(18) ноября 1807 г. писал А.А. Прозоровскому, что Александр I уже распорядился отправить в Сербию «на короткое время» артиллерийского офицера «для установления» у сербов порохового завода[41].

Отвечая на вопрос Прозоровского – не существует ли каких-либо политических отношений между сербами и французами – Родофиникин писал: «...между главным вождем здешним (Карагеоргием. – *В.Г.*) не существует, но таковые должны быть между другими старейшинами и французами, ибо были сербы, кои советовали Черному Георгию, чтоб обратиться к французам...». В подтверждение этому Родофиникин привел два конкретных факта. В одном случае к Родофиникину обратился французский эмиссар Яков Берста, который объявил, что он наделен полномочиями предлагать высокие чины и большие пенсии от правительства Франции сербам, которые согласятся «действовать противу своего отечества». От имени великого визиря Турции тот же эмиссар обещал таким сербам «большие милости»[42]. В другом случае к Родофиникину неоднократно обращался французский подполковник Дебое с просьбой выдать пропуск для въезда в Сербию, где он хотел бы служить «при войске здешнего края», т.е. в Сербии. 28 октября (9 ноября), пишет Родофиникин, «оный подполковник Дебое и француз Роберт появились здесь в Белграде, пришли ко мне с просьбой о представлении их Черному Георгию для определения в здешнюю службу»[43].

Из других источников стало известно, что в Морее и у г. Ниша по указанию Порты тайно формируются две большие группировки войск. Однако из-за недостатка денег и других средств дело продвигалось медленно. В готовившейся для наступления на сербов нишской группировке к 20 октября 1807 г. насчитывалось только 15 тыс. человек, что явно не устраивало великого визиря. Чтобы ускорить подготовку к наступлению на сербов, Порта предписала Молла-паше Видинскому увеличить численность его войска с 6 до 26 тыс. человек.

inslav

Указанное число воинов было собрано к 16 ноября 1807 г., и Молла-паша выплатил им жалование за месяц вперед[44]. Таким образом, непокорные ранее Порте Молла-паша Видинский и Мустафа-паша Байрактар Рущукский к осени 1807 г. окончательно подчинились ей. Другие же непокорные аяны и предводители кирджалийских отрядов в Румелии, по свидетельству К.К. Родофиникина, были либо обласканы Портой, либо истреблены[45]. Например, известный предводитель кирджалийского отряда, насчитывавшего свыше 800 человек, Дели Кадри и подчинявшиеся ему 26 начальников, по свидетельству И.И. Исаева, «были задавлены», а прочие кирджалии рассеялись по разным местам[46].

Сосредоточив в Боснии, у Ниша и в Видинском пашалыке войска, турки, по словам Родофиникина, в ноябре 1807 г. «...могут противопоставить сербам такую массу сил, которую не были в состоянии в прежние времена послать противу их, а потому и полагают неизбежную гибель Сербии, если лишиться покровительства...» российского императора Александра I[47].

Через 5 дней Родофиникин вновь направляет в штаб Дунайской армии сообщение о нападении войск боснийского визиря на сербов в разных местах на Дрине, которые, однако, были отброшены сербами за реку[48].

Между тем 13 ноября 1807 г. в Белград прибыли из Константинополя посланцы Порты – митрополит Авксентий и его секретарь, уроженец г. Видина, Попович. Они привезли письма, адресованные Карагеоргию, белградскому митрополиту Леонтию и всему сербскому народу. Первое и второе были подписаны константинопольским патриархом, а последнее великим драгоманом Караджой. В этих письмах, сообщает Родофиникин, «приглашаются сербы к покорности с обещанием милости и забвению прошедшего». Устно же Авксентий объявил, «что он (митрополит. – *В.Г.*) имеет поручение обнадежить народ в милости и благоволении султана, который соизволяет дать земле сей устройство, какое пожелают сербы». В связи с этим Правительствующий Совет Сербский, не зная в каком

inslav

положении находятся русско-турецкие отношения, просил узнать у Прозоровского, какой ответ следовало бы дать сербам на предложения Порты[49]. Чтобы выиграть время, необходимое для получения ответа Прозоровского, Карагеоргий, по совету Родофиникина, сказал посланцам Порты, что он без совета со старейшинами не может принять решения по столь важному делу. Следовательно, ответ может быть дан только через несколько дней. От секретаря Поповича Родофиникин узнал, что Порта, помимо прочего, поручила митрополиту Авксентию склонить сербов к присылке их депутата в Константинополь[50].

Между тем из Вены поступили известия иного характера. Ссылаясь на сведения, почерпнутые из письма, адресованного некому греку по имени Ставро Ян, который был доверенным лицом и другом Али-паши Янинского, российский посол в Вене А.Б. Куракин сообщал в Петербург о том, что Порта отдала приказ собрать в Морее большую армию, и что в войске Мустафа-паши Байрактара к 18 ноября насчитывалось от 25 до 26 тыс. человек. Великий визирь также получил предписание султана подготовить свою армию к зимнему наступлению на сербов, но для этого у визиря нет необходимых денег. Под командой Молла-паши Видинского, по данным того же источника, находится не более 6 тыс. человек. Сам же Молла-паша опасается гнева Порты, в связи с тем, что он не отдал полагающуюся ей часть наследства Пазванд-оглу. Кроме того, он еще больше боится населения его пашалыка и своих соседей, белградских сербов. Если сербы нападут на его владения, то возможно он будет искать убежища у русских[51]. Сведения аналогичного характера о поведении Молла-паши Видинского были получены и от генерал-майора И.И. Исаева, который в рапорте от 28 ноября 1807 г. сообщал следующее. К нему в штаб корпуса прибыл нарочный от Молла-паши с сообщением о том, что в случае возобновления войны с Турцией он не намерен воевать с русскими. Более того, паша соглашался сдать Видин и другие крепости только русским, но не сербам при условии, если принадлежащие ему и его подданным владения

inslav

будут в целости сохранены за ними. Комментируя заявление Молла-паши, И.И. Исаев, не без основания, расценил этот его ход как хитрый вымысел, рассчитанный на то, чтобы усыпить бдительность русских и добиться от них того, чтобы сербы прекратили набеги на его владения. В переданных Исаеву письмах Молла-паша жаловался, что сербы уводят из его владений людей, скот и прочее добро. В частности, этим занимался сербский булюк-баша Голе, который, помимо прочего, требует с проезжих купцов деньги, как на сухом пути, так и плывущих по Дунаю на судах. Чтобы не обострять отношения с Молла-пашой, И.И. Исаев послал своего офицера к Голе, чтобы он убедил его вернуть видинскому паше отобранные у купцов деньги. Об этих поступках соседних с Видинским пашалыком сербов Исаев сообщил К.К. Родофиникину и сербскому воеводе из Поречья Миленко Стойковичу и просил последнего «возвратить все взятое и запретить впредь сие согласно перемирному положению делать»[52].

В середине декабря 1807 г. А.Б. Куракин сообщал из Вены, что разведка российской армии на Дунае, по его определению, «недостаточно активна», а сведения путешественников слишком неопределенны. В связи с этим он рекомендовал активизировать сбор сведений как в Дунайских княжествах, так и по всем городам, расположенным на Дунае. Главным образом необходимо следить за Рущуком и Видином, поскольку первый является «средоточием агентства Суцо, а второй – резиденцией Мерьяжа, который имеет широкую сеть корреспондентов и информаторов». «Есть весьма основательные предположения, – предупреждал Куракин, – что он (Мерьяж. – *В.Г.*) старается привлечь на свою сторону сербов». Сам Мерьяж, по словам Куракина, передал ему информацию о том, что сообщил Карагеоргию о «демарше» Порты, которая намерена призвать сербов к порядку[53]. По-видимому, Куракин имел в виду миссию митрополита Авксентия в Белград. Если это так, то его сведения о ней оказались запоздавшими и не очень ясными.

Между тем 17 января 1808 г. из Константинополя возвратился флигель-адъютант Александра I И.Ф. Паскевич, который

inslav

повторно был послан Прозоровским к французскому послу в Турции Г.Себастиани, с объявлением о том, что российский император принял решение освободить всех турецких пленных и возвратить их домой. Он привез письма рейс-эфенди, Себастиани и датского посланника барона Гипша, в которых, по словам Прозоровского, «все изъяснения ... для нас весьма благоприятны». Миролюбивые отношения Порты подтверждались, по мнению Прозоровского, еще и тем, что султан пожаловал Паскевичу турецкий орден Круасана третьего класса. На придунайском фронте до 20-х чисел января 1808 г., по оценке Прозоровского, также «никаких достопримечательных приключений не случилось»[54].

Однако уже через 5 дней произошло неожиданное, но весьма примечательное событие, которое несколько озадачило главнокомандующего. 25 января 1808 г. в Яссы прибыл посыльный Мустафы-паши Байрактара с подарками для Прозоровского. При передаче даров посыльный сообщил, что Мустафа-паша предлагает главнокомандующему Дунайской армией «войти в беспосредственное с ним сношение без всякого другого с которой либо стороны влияния для постановления мирного трактата» между Россиею и Портою. «Из такого странного для меня предложения, – пишет Прозоровский Куракину, – принужден я был дать гадательные мои заключения». Усмотрев в этом предложении некую хитрость Порты, рассчитанную на то, чтобы поссорить между собой Россию и Францию, веривший в непоколебимость соглашений двух императоров Прозоровский, как сказано в его письме Куракину, дал на это следующий ответ Мустафе-паше: «...Я не предвижу никакой возможности приступить с ним (Мустафа-пашой. – *В.Г.*) к негоциации о мирном трактате между обеими империями с исключением посредничества Франции», как это предусмотрено Тильзитским договором.

Прозоровский полагал, что на эту хитрость Порту склонили англичане в расчете возобновить ее союз с Россией и Англией. В связи с этим он писал Куракину: «Соединение с Англиею

inslav

в таковых случаях мало уважительно», поскольку «сила ее на твердой земле ничтожна». В заключение беседы Прозоровский просил передать Мустафа-паше: «...не остается нам ничего более делать, как ожидать благополучного окончания постановления мира от посредничества французского». Взамен полученного подарка главнокомандующий передал для Мустафа-паши Байрактара соболий мех стоимостью в три тысячи рублей[55].

Вопреки информации Прозоровского об отсутствии происшествий на придунайском фронте, на отдельных его участках все же прослеживалась некоторая скрытная деятельность как с турецкой, так и с русской стороны. Например, в 20-х числах января 1808 г. в Кладово была произведена замена гарнизона: вместо сотни конных воинов, которые ушли в Видин, туда прислали 200 пехотинцев. Двухбунчужный паша Кусанджали Халил со своим отрядом из Кладово ушел в Боснию по рущукской дороге[56]. Во второй половине января 1808 г. Порта направила в Малую Валахию специальную депутацию, которой было поручено наблюдать, как выполняются сторонами условия Слободзейского договора о перемирии. Накануне прибытия турецких депутатов в Крайову снабженцы из корпуса генерал-майора И.И. Исаева подвозили к берегу Дуная две тысячи ружей для передачи сербам. Получив известие о приезде турецкой депутации во главе с рейс-эфенди, И.И. Исаев был вынужден под разными предлогами задержать прибытие депутации в Крайову, чтобы турки не могли зафиксировать факт передачи оружия сербам[57]. По той же причине, по-видимому, прибывший в Белград 14 декабря 1807 г. русский майор Лавров был вынужден срочно выехать из повстанческой Сербии, а К.К. Родофиникин обратился с просьбой прибыть в Крайову для поправления здоровья[58]. В связи с этим Прозоровский писал Родофиникину: «Не могу Вам отказать и в просимом Вами позволении переехать в Крайову, так как того требуют обстоятельства для поправления Вашего здоровья сколько лечением, столько и переменою места для воздуха». При этом Прозоровский намекал, чтобы Родофиникин не спешил

inslav

с отъездом из Белграда. «Впрочем, – пишет он, – я не понимаю, чтобы в скорости последовало от Порты Оттоманской разрешение об отправлении (сербских.– *В.Г.*) депутатов ко мне и к генералу Себастиани в Константинополь. Тогда же могли бы Вы отправиться в Крайову; но при сем случае прошу Вас, милостивый государь мой, распорядиться так, чтобы не случилось еще какой новой проказы от Черного Георгия, которая может иногда повредить делам их нации без поправления»[59].

Под предыдущей «проказой» Карагеоргия Прозоровский имел в виду письмо верховного вождя к эрц-герцогу Карлу от 10(22) января 1808 г. о закупке в Австрии боеприпасов для сербских повстанцев.

4. К.К. Родофиникин о положении в повстанческой Сербии

На вопросы А.А. Прозоровского, поставленные в письме от 19 октября 1807 г., К.К. Родофиникин ответил 9(21) ноября 1807 г. Вводя нового главнокомандующего Дунайской армией в курс сербских дел, Родофиникин сообщал, что сербы, находясь под властью Турции, «были порабощены до высочайшей степени». В связи с этим среди сербского народа не было ни дворянства, ни купечества. В городах и селах управляли кнезы, а в нахиях (уездах) – обер-кнезы, то есть старосты. Обер-кнезов выбирал народ, а утверждал турецкий паша. Городских и сельских кнезов утверждали обер-кнезы. Обязанностью кнезов был сбор податей. Среди сербского народа, по словам Родофиникина, «не было ни же следов просвещения». Как и в других областях Османской империи, в Сербии было много разбойников. Используя повсеместное недовольство населения вводимыми реформами в Турции, предводители разбойников принуждали сербский народ к восстанию против турецкого ига. Поэтому большую часть низших и средних (субальтерных) сербских начальников составляли наиболее храбрые разбойники. Такие начальники, по уверению Родофиникина, кроме личных интересов ничего более не преследовали. По этой

inslav

причине, полагает Родофиникин, их вполне устраивает то смутное положение, которое господствует в Сербии. Они, как правило, «весьма желают видеть устройство земли и существование законов». Под командой таких начальников находятся отряды, состоящие от 20 до 100 человек, сформированные чаще всего из беженцев. Общая численность беженцев к концу 1807 г., переселившаяся в Сербию из Боснии и Болгарии, по данным Родофиникина, не превышала 3 тыс. человек. Не имея средств к существованию, эти люди, как правило, живут за счет грабежей. Чтобы устранить причины, побуждающие беженцев к грабежам, Родофиникин предложил Карагеоргию собрать разрозненные мелкие отряды в один большой корпус, дав людям необходимое пропитание и небольшое жалование. Эта идея, по словам Родофиникина, была одобрена верховным вождем. Главными начальниками в повстанческой Сербии Родофиникин назвал: Карагеоргия, Якова и протоиерея Матвея Ненадовичей в Шабаце, Миленко Стойковича в Поречье, архимандрита Мелентия в Сокольской нахии. Названные люди, пишет Родофиникин, «желают добра своей земле», народ их уважает повсеместно. По военным делам верховным вождем все признают Карагеоргия. По другим делам всякий комендант в своей нахии делает все, что хочет. «Черный Георгий, – пишет Родофиникин, – теперь в полной мере предан России, ибо понимает, что без ее сильной помощи все им сделанное поныне будет тщетно. Народ весь привержен к России, искренне любит российское имя и на единую Россию возлагает всю свою надежду, которая одна токмо и поддерживает оный. Если бы не надеялись на Россию, от которой ожидают скорый конец настоящему своему положению, то большая часть разбежалась бы в Цесарию, хотя австрийцев не любят нимало».

По поводу раздоров, которые были среди сербских повстанцев, Родофиникин прежде всего отметил «несогласия» между белградским митрополитом Леонтием Ламбровичем и сербскими старейшинами. Последних, по словам Родофиникина, митрополит старался «воздерживать... от свирепых поступков». Старейшины же обвиняли Леонтия в том, что он

inslav

«не всегда соблюдает правила своего сана», вмешиваясь в их мирские дела. Верховный вождь Карагеоргий тоже не любит митрополита и «весьма желает его сменить». И, тем не менее, уверяет Родофиникин, несмотря на все внутренние раздоры и неустройства, сербы уже сумели «вперить туркам великий страх». В случае возобновления военных действий между Россией и Турцией, писал Родофиникин, «от сербов можно извлечь немалую пользу, ибо на войну, подкрепленную российским оружием, охотно все начальники пойдут, имея надежду обогатиться грабежом турецких селений и городов». Русскому командованию «останется тогда ими руководствовать и направлять их, удерживая поколику возможно от зла». Материальные нужды сербских повстанцев «простираются почти на все предметы». У сербов нет ни оружия, ни пороха, ни свинца, ни пушечных ядер, ни денег, ни запасов хлеба. «Доходы земельные, – пишет Родофиникин, – здесь все расходятся по карманам поглаварей сербских, так что нет никогда ни копейки на нужные издержки». Вследствие этого каждый сербский воин, собираясь на войну, вынужден брать из дома столько кукурузной муки, сколько сможет унести. Когда же мука кончается, тогда он возвращается с позиций домой.

Ссылаясь на просьбы верховного вождя Карагеоргия, Родофиникин предлагал Прозоровскому прислать для сербов несколько тысяч ружей со штыками, пять или шесть тысяч червонных для покупки провианта и пушечных ядер. Для восстановления разрушенных и возведения новых оборонительных сооружений, для постройки пороховых заводов и рудников, а также для выплавки серебра и олова просил прислать в Сербию военных инженеров и мастеров горного дела. «Здесь, – пояснял Родофиникин, – открыты рудники серебряные, и в оных производятся работы, немалое количество металла сплавлено, но не имеют мастера, чтобы очистить серебро, а рудники, по словам всех, весьма богатые».

Не был удовлетворен Родофиникин и деятельностью Правительствующего Совета Сербского, который по рекомендации

inslav

МИД России был создан в 1805 г. «Совета Сербского, – писал Родофиникин Прозоровскому, – я нашел одну токмо тень. Ныне, однако, оный мало-помалу берет силы и входит в дела».

По поводу отношения сербов к заключенному перемирию между Россией и Турцией и, соответственно, к отводу русского корпуса генерал-майора И.И. Исаева от Неготина в Малую Валахию, Родофиникин писал, что как одно, так и другое взволновало сербов до крайности и настроило их против России. В связи с этим, пишет он, «сам я был подвержен опасности соделаться жертвой отчаяния сербов и еще успел сам и посредством приверженных мало-помалу успокоить умы, и оные обратить по-прежнему на прямой путь». Несмотря на отчаянное положение сербских повстанцев, они, по уверению Родофиникина, по-прежнему не поддерживают политических отношений ни с Австрией, ни с Францией[60].

Еще до получения ответа от Прозоровского Родофиникин 12(24) ноября 1807 г. передал Правительствующему Совету 1070 голландских дукатов и 1300 грошей[61]. В тот же день в Петербурге инспектор артиллерии А.А.Аракчеев по указанию Александра I выделил для посылки в Сербию офицера, «сведущего в учреждении пороховых заводов»[62].

Деятельность дипломатического представителя России в Сербии не ограничивалась только координацией взаимодействия с повстанцами Белградского пашалыка. К.К. Родофиникин пытался установить связь и с народом соседней Боснии, где, по его данным, насчитывалось до 50 тыс. вооруженных христиан, которые готовы не только восстать против Порты, но и занять Баньялуку, Сокол и другие крепости. Более того, по свидетельству Родофиникина, восставших сербов соглашались поддержать даже некоторые боснийские турки. В частности, боснийский аян Хаджи Сали-бей, племянник Гассан-паши Сребреницкого, по словам Родофиникина, «показывает себя наклонным быть в тесной дружбе» с сербами и даже согласен заключить с ними оборонительный и наступательный договор. По мнению Родофиникина, к союзу с сербами можно было бы

inslav

привлечь и других боснийских турок. «Но все сие не иначе может иметь место, как в случае, если бы возгорелась опять война с Портою Оттоманскою и ваше сиятельство (т.е. Прозоровский. – *В.Г.*) предпишете действовать сербам предпочтительно со стороны Боснии, а не с Болгарии»[63].

В ответ на это Прозоровский предписал Родофиникину довести до сведения верховного вождя и членов Правительствующего Совета следующее. Во-первых, Александр I непременно будет извещен о преданности сербского народа императору и правительству России. Во-вторых, главнокомандующий Дунайской армией знает о том, что турки пытаются накапливать свои войска в районах Кладова, Видина, Журжи, Браилова и других мест, но это не должно пугать сербов, поскольку турки, как правило, не воюют зимой. Следовательно, их военачальники не смогут собрать нужное число воинов вплоть до Георгиева дня, т.е. до 23 апреля. В-третьих, переговоры о заключении окончательного мира между Россией и Турцией решено проводить в Париже. В связи с этим верховный вождь, члены Правительствующего Совета и весь сербский народ должны надеяться, что император Александр I, по словам Прозоровского, «...конечно, пещись не оставит о том, чтобы сербы, Валахия и Молдавия имели при поставлении мира лучшую противу прежнего участь». Информируя Родофиникина о характере русско-турецких отношений в период неутвержденного царем перемирия, Прозоровский писал: «Мне высочайше повелено никакого неприязненного вида туркам не показывать, а оборонять себя должно. Я остаюсь здесь (в Дунайских княжествах. – *В.Г.*) под разными претекстами, которых щедро преподают мне турки, яко народ правительством необузданный. На сем основании и Вам с сербами располагать должно». Прозоровский советовал и сербам соблюдать осторожность, усилить пограничную стражу. «Но далее, – наставлял главнокомандующий Родофиникина, – не должно ничем обнаруживать туркам злости или раздражения, а основать себя в сем случае на правилах политики, паче же оставить всякие вновь

inslav

военные приготовления» и, следовательно, отказаться от предполагавшегося нападения сербов на Бырзо-Паланку и Боснию.

Согласно существующему политическому положению, писал Прозоровский, «французский двор должны мы разуметь дружеским», но, тем не менее, и в этом вопросе следует соблюдать осторожность. Этого требует благоразумие и истинное поведение французов. В заключение Прозоровский писал Родофиникину: «Если Вы можете крайне скрытно и то от лица сербов удерживать в Боснии часть людей, приверженных к ним, то признаю я полезным удерживать их в том положении, как Вы об оных меня уведомляете, и буде можно даже приумножить их число»[64]. Позже Прозоровский сообщил Родофиникину, что в Белград направляется артиллерист майор Лавров для устройства порохового завода. Он везет с собой два наградных креста для протоиерея Матвея Ненадовича и архимандрита Мелентия, а также соболью шубу для Карагеоргия[65]. В письме к Карагеоргию Прозоровский выражал надежду, что верховный вождь признает его советы «основательными и с положением дел сообразными», и поэтому они будут исполнены сербами. Кроме того, он просил Карагеоргия убедить сербский народ верить российскому монарху, который при заключении мира с Турцией, по словам Прозоровского, «не упустит из виду ничего, что только может назидать благоденствию» сербской земли[66].

В начале второй декады ноября 1807 г. в Белград прибыл митрополит Кюстендильский Авксентий, которого прислала к сербам Порта в качестве ее полномочного представителя. Он передал им письма константинопольского патриарха Григория и первого драгомана Порты. Оба автора убеждали сербских повстанцев, как сказано в документе, «отстать от россиян и примириться с Портою», которая «дает им все желаемые права и преимущества»[67].

О миссии Кюстендильского митрополита Авксентия К.К. Родофиникин сообщил Прозоровскому в письме от 14(26) ноября, которое главнокомандующий получил 26 ноября (8 декабря) 1807 г. Хотя Прозоровский и нашел «весьма

inslav

кичливым» предложение Порты, однако рекомендовал Родофиникину при составлении ответа «употребить умеренность», соответствующую неопределенности русско-турецких отношений. Прозоровский предлагал Родофиникину склонить сербов дать уклончивый ответ на все предложения Порты. В их ответе, наставлял он Родофиникина, во-первых, нужно сказать, что сербы «принимают султанские предложения с чувствительною признательностью и с благодарностью согласились бы воспользоваться его милостью». Но, с другой стороны, сербы опасаются мести тех военачальников, которым они причинили значительный вред во время военных действий. Лишь только по этой причине сербы не могут распустить свои войска. Чтобы удостовериться в милосердии султана и устроить благосостояние народа на «незыблемом основании» сербы должны настаивать на том, чтобы обещания Порты были подкреплены ручательствами российского и французского монархов. Для получения согласия на ручательство правительств этих государств Порта должна дать разрешение на посылку сербских депутатов в Константинополь к французскому послу Г. Себастиани и в Яссы к российскому главнокомандующему Дунайской армией. Если эти условия будут приняты Портой, то сербы, по словам Прозоровского, «будут пребывать верными подданными» турецкого султана[68].

Разъясняя Н.П. Румянцеву замысел своих советов сербам, Прозоровский исходил из предпосылки, что «действующей пружиной» этого посольства был французский посол в Константинополе Г. Себастиани. Поэтому Прозоровский советовал сербам не отказываться от предложений Порты, поскольку отказ, безусловно, раздражит Порту и тем самым может ввергнуть весь народ «в неизбежную погибель». С другой стороны, давая сербам совет согласиться на предложение Порты, Прозоровский рассчитывал, по его словам, «не выпускать из виду и собственных государственных видов наших, особливо по незаключению еще мирного договора между Россиею и Портою». Требуемая гарантия или ручательство со стороны России

inslav

и Франции, полагал князь, ни в коей мере не может быть противной Наполеону I. Если это требование сочтут исходящим от самих сербов, то оно должно льстить Франции. Если же признают его исходящим от России, то и в этом случае, по мнению Прозоровского, оно послужит доказательством искреннего расположения петербургского двора к императору Франции. Следовательно, делал вывод Прозоровский, требование гарантий или ручательства будет поддержано в Константинополе Г. Себастиани. Если же Порта отвергнет это требование, то и в этом случае сербы выиграют время, может быть, даже до окончания мирных переговоров в Париже. «Буде возобновится война, – писал он, – то все настоящее положение дел переменится, и сербы, не дав еще решительного своего согласия на помянутое предложение, в состоянии будут единодушно действовать с нами противу турков»[69].

Это письмо Прозоровского Родофиникину вручил майор Лавров, который прибыл в Белград 14(26) декабря 1807 г. Поскольку Карагеоргий в тот же день уехал из Белграда, Родофиникин принял решение написать от имени верховного вождя сербских повстанцев проект ответа константинопольскому патриарху с учетом вышеуказанного предписания Прозоровского. Составленный им проект ответа Родофиникин передал секретарю Карагеоргия для пересылки его верховному вождю. Ознакомившись с проектом, секретарь сказал, пишет Родофиникин, что «Черный Георгий не подпишет бумагу, если останутся слова «пребудем верными подданными его султановского величества». Здравомыслящие сербы, присовокупил он, легко понимают, что Сербия не останется самодержавною, что даже она имеет нужду быть подчинена верховной власти, но сие должно привести в исполнение мало-помалу, когда уже депутаты будут отправлены в Молдавию. Теперь же, заведя о том (речь. – *В.Г.*), дело испортило все, ибо умы довольно расстроены от нелепых внушений, имевших место на прошедших днях». Доводы секретаря Родофиникин признал «весьма основательными» и отказался от внесения в проект слов «пребудем

inslav

верными подданными Порты». Опасаясь, чтобы Сербию вновь «не подвергли под иго турецкое», Карагеоргий 5(17) декабря 1807 г. возвратился в Белград и по наущению некоторых «поглаварей» предложил отправить письмо константинопольскому патриарху через австрийскую почту, а присланного Портой митрополита Авксентия задержать в Сербии как заложника, на случай, если она предпримет враждебные действия против сербов. После переговоров с Родофиникиным, состоявшихся 6 и 7 декабря 1807 г., Карагеоргий, успокоившись, обрушил свой гнев на «поглаварей, внушавших ему нелепости», и обласкал митрополита Леонтия, позволив ему собрать с населения причитавшиеся ему доходы, которые он не получал более 18 месяцев[70].

Переговоры сербов с митрополитом Авксентием продолжались четыре дня, по завершении которых верховный вождь, Правительствующий Совет Сербский и белградский митрополит Леонтий Ламбрович написали три письма на имя константинопольского патриарха[71]. В письме от 19(31) декабря 1807 г. за подписью Карагеоргия сообщалось: «Весь свет знает причины, побудившие нас поднять оружие. Причины сии столь справедливы, что никто противу учиненного нами не может ничего сказать... Достигши до желанного конца, т.е. изгнавши угнетавших и мучивших нас (мятежных и непокорных Порте и султану янычар. – *В.Г.*), мы ограничились охранением домов наших, не позволяя себе никакого нападения на соседние земли... Более 100 тыс. вооруженных сербов охотно бы последовали за мною всюду, но я обуздал их пылкость, желая удостоверить Его султаново величество и весь свет, что мы единственно для спасения себя восстали, а не для возбуждения других к восстанию»[72]. Это письмо Карагеоргий прислал в Белград из Тополы, где он чаще всего находился. Правительствующий Совет Сербский и митрополит Леонтий также написали письма на имя константинопольского патриарха, в основу которых было положено содержание письма верховного вождя. А оно состоит в том, пишет Родофиникин, «он (Карагеоргий. – *В.Г.*) и старейшины народа сербского приемлют предлагаемые им милости султана

inslav

с чувствительною признательностью, но просят, чтобы доставить им ручательство всеавгустейшего государя императора Александра I, яко единую православную веру с ними исповедывающего, и французского императора, яко посредника в восстановлении мира между Россиею и Портою Оттоманскою, и на сей конец позволить сербам послать своих депутатов к главнокомандующему войсками в Молдавии и Валахии и к французскому послу в Константинополе».

Отправляясь из Белграда, митрополит Авксентий, по словам Родофиникина, сказал, что «желание сербов не встретит ни малейшего затруднения», и обещал им приехать в Белград с ответом Порты[73].

Ответ Карагеоргия константинопольскому патриарху и заверения митрополита Авксентия, сделанные сербам перед его отъездом из Белграда, убедили Прозоровского в том, что сербы после этого будут меньше беспокоиться о нападении на них турок, по крайней мере, до окончания русско-турецких переговоров в Париже. Вместе с тем, он предупредил верховного вождя и Правительствующий Совет, чтобы сербы соблюдали меры предосторожности, поскольку поведение отдельных турецких военачальников по-прежнему остается непредсказуемым, и они, вопреки приказам Порты, могут напасть на сербов по одной прихоти. «И сербам не следует раздражать турков новыми неприятельскими действиями, а особенно в настоящее время, когда первым делаются от последних столь миролюбивые и благотворительные предложения»[74].

Русский посол в Вене А.Б. Куракин в начале 1808 г. сообщил Родофиникину, что он также готов принять «искреннее участие» в жребии сербского народа. А пока он дожидается известия от Родофиникина о том, согласится ли Порта на то, чтобы сербы послали своих депутатов к А.А. Прозоровскому и к французскому послу Г. Себастиани в Константинополь[75].

После отъезда митрополита Авксентия сербы, по уверению Родофиникина, действительно несколько успокоились в отношении нападения со стороны подчинившихся Порте

inslav

военачальников. «Здесь, – писал Родофиникин из Белграда И.И. Исаеву, – слава богу, мы спокойны, турки строго воздерживаются от нападения на Сербию, хотя сербы не так исправно соблюдают перемирие, ибо часть рыцарей их переходят Дрину для грабежей»[76]. Однако население повстанческой Сербии в тот период страдало от другой напасти. В 1807 г. там свирепствовала оспа, которая, по словам Родофиникина, «пожала не токмо знатное число молодых, но и старых людей». Распространению оспы способствовало и то, что в Сербии не было ни одного опытного врача. Зараженные оспой люди и раненые в сражениях войны, как правило, находились под присмотром, как пишет Родофиникин, «одних цирюльников из турок, которые более изувечат, нежели вылечат». Родофиникин пытался приглашать из Австрии военных врачей, но они отказались служить сербским повстанцам за предлагаемую им плату. Опытный врач требовал жалование от 600 до 800, а хирург до 1 тыс. гульденов. Для приобретения самых необходимых лекарств также нужно было платить не менее 1 тыс. гульденов[77].

Несмотря на неблагоприятную ситуацию в повстанческой Сербии, туда продолжало стекаться большое число беженцев из Болгарии, Боснии и других областей балканских владений Османской империи. Сербы были вынуждены делиться с ними и без того скудными запасами продовольствия. Хотя осенью 1807 г. Родофиникину удалось купить в Австрии некоторое количество пшеницы и ячменя, однако к концу года, по его же убеждению, «край сей вскорости начнет терпеть нужду... до нового хлеба». Это опасение Родофиникина объясняется тем, что в конце 1807 г. венский двор повторно объявил о запрете продавать сербам хлеб и другое продовольствие. В связи с этим Родофиникин просил Прозоровского написать А.Б. Куракину, чтобы русский посол в Австрии исходатайствовал у австрийского правительства позволение продавать по-прежнему сербам пшеницу и ячмень. «Не знаю, противно ли то будет неутралитету венского кабинета, – язвительно замечал по этому поводу Родофиникин, – но известно, что австрийцы доставляют хлеб

inslav

туркам и сербам; продавали до сего, а потому сужу, что нет новых причин к прекращению торговли, существовавшей до конца минувшего года, ...а до того свободно австрийские купцы привозили сюда (в Белград. – *В.Г.*) и в Шабац всякого роду хлеб»[78].

Подводя краткий итог рассмотренным в главе IV событиям, обратим внимание на обстоятельства, которые ранее, по разным причинам упускались из вида предшествующими исследователями.

Приведенные в главе факты не оставляют сомнения в том, что условия Тильзитского трактата, обязывавшие Россию круто изменить свой политический курс в ее отношениях с бывшими союзниками и особенно с Турцией, с одной стороны, и отказ Александра I признать обоснованной ратификацию К.И. Мейендорфом Слободзейского договора об условиях перемирия с Турцией, с другой стороны, пришли в противоречие, которое повлекло за собой несогласованность в политике петербургского двора и распоряжения МИД России, что, естественно, отразилось на отношениях командования Дунайской армией с представителями воюющей Турции, нейтральной Австрии, союзной Франции и, соответственно, с представителями сербских повстанцев. Неопределенность политического курса петербургского двора в данный период больше всего беспокоила руководителей сербского восстания, которые хотели знать, что ожидает сербских повстанцев после заключения окончательного мира между Россией и Турцией. При отсутствии конкретных указаний из Петербурга по сербскому вопросу А.А. Прозоровскому и К.К. Родофиникину в условиях тревожной ситуации в повстанческой Сербии, которая к тому же нагнеталась австрийскими и французскими агентами, приходилось давать разъяснения сербам, исходя из условий Тильзитского трактата и своих личных соображений. Такая импровизация не всегда удовлетворяла руководителей и представителей сербских повстанцев. Например, совет А.А. Прозоровского написать константинопольскому патриарху о том, что «Сербия не останется самодержавной и что она даже имеет нужду быть

inslav

подчиненной верховной власти» Турции, вызвал недовольство и резкий протест со стороны верховного вождя Карагеоргия, и в связи с этим К.К. Родофиникин, взяв на себя ответственность, предложил исключить эти слова из письма сербов константинопольскому патриарху.

Примечания

[1] *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. II. СПб., 1887. С. 32.
[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2883. Л. 4, 7об. Генерал-лейтенант А.Ф. Ланжерон – военному министру России С.К. Вязмитинову, 14(26) октября 1807 г.
[3] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 7–8. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 24 сентября 1807 г.
[4] В данной связи следует напомнить, что до приезда Прозоровского в Яссы в Дунайских княжествах, по его свидетельству, «не было учреждено никакой порядочной связи почт здешних с Россиею, и почтамт находился… без всякой пользы». В Яссах была только так наз. «консульская почта», «учрежденная по взаимному согласию (некоторых европейских. – *В.Г.*) дворов», которая приходит в город и отправляется по назначению не более двух раз в месяц, да и то только тогда, когда накопится в достаточном количестве. Поэтому отправлявшаяся из Петербурга в Яссы и обратно корреспонденция доходила до адресата через шесть или семь недель. По подсчетам Прозоровского, в течение года можно было сделать шестнадцать или семнадцать отправлений. Чтобы ускорить пересылку корреспонденции Прозоровский предлагал учредить полевой почтамт, по его словам, «как для внутреннего сношения по Молдавии, Валахии и Бессарабии, так и для связи с российской границей». Согласно его проекту, корреспонденция должна регулярно отправляться два раза в неделю. «Положение сие, – пишет он, – приводится поныне в исполнение, а к наступающему году… почты будут в полном ходу и действии. Важнейшие же бумаги будут отправляться с курьерами» // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2911. Л. 9–23. «Мнение генерал-фельдмаршала князя Прозоровского», 21 декабря 1807 г. (2 января 1808 г.).
[5] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 7–8. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 24 октября (5 ноября) 1807 г.
[6] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 2092. Л. 253–255. А.А. Прозоровский – С.Л. Лашкареву, 30 сентября (12 октября) 1807 г.
[7] *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. II. С. 7–9. А.А. Прозоровский – К.И. Мейендорфу, 30 сентября 1807 г.

inslav

[8] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1915. Л. 30–31об. Копия рапорта К.И. Мейендорфа от 3 октября 1807 г. Приложение к письму А.А. Прозоровского – Александру I от 8 октября 1807 г.
[9] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1915. Л. 34–36об. А.А. Прозоровский – К.И. Мейендорфу, 7 октября 1807 г.; там же. Л. 30–31об. А.А. Прозоровский – Александру I, 8 октября 1807 г.
[10] Там же. А.А. Прозоровский – Ахмеду Хуршид-паше, 1(13) октября 1807 г.; Л. 66–67 А.А. Прозоровский – Г. Себастиани, 9(21) октября 1807 г.
[11] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 61–63об. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 8(20) октября 1807 г.
[12] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1905. Л. 6–8. К.К. Родофиникин – российскому послу в Австрии А.Б. Куракину, 4(16) октября 1807 г.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Первое сербское... Кн. 1. С. 423–424. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 5(17) октября 1807 г.
[16] Там же. С. 427–428. К.К. Родофиникин – А.Б. Куракину, 20 октября (1 ноября) 1807 г.
[17] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 34 и об. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 20 октября (1 ноября) 1807 г.; *Петров А.Н.* Война России... Т. II. С. 18.
[18] Первое сербское... Кн. 1. С. 425–427. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 19 октября 1807 г.
[19] Там же.
[20] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. 1807–1808. Оп. 580а. Д. 3. Л. 96–107. А.А. Прозоровский – И.В. Гудовичу, 26 декабря 1807 г. (7 января 1808 г.).
[21] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 104–105. Великий визирь Ахмед Хуршид-паша – А.А. Прозоровскому, октября 9 (б/ч.) 1807 г.
[22] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1915. Л. 44–46. А.А. Прозоровский – С.Л. Лашкареву, 14(26) октября 1807 г.
[23] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 109 и об. Русский перевод из австрийской газеты «Венские известия» за 12 октября н.с. 1807 г.
[24] Там же. Л. 115–116. Г. Себастиани – А.А. Прозоровскому, 8 ноября (н.с.) 1807 г.
[25] АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 170. Л. 33 и об. Л.Г. Кирико – К.К. Родофиникину, 6(18) ноября 1807 г.
[26] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 162–163. А.А. Прозоровский – Г. Себастиани, 8(20) ноября 1807 г.

inslav

[27] Первое сербское... Кн. 1. С. 434–435. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 12(24) ноября 1807 г.
[28] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1914. Л. 88–89 об. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 12(24) ноября 1807 г.
[29] Там же. Д. 1932. Л. 3–12. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 2(14) декабря 1807 г.
[30] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. 1807–1808. Оп. 580а. Д. 3. Л. 30–32об. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 3(15) декабря 1807 г.
[31] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 241. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 6(18) декабря 1807 г.
[32] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2911. Л. 9–23. «Мнение генерал-фельдмаршала князя Прозоровского». Яссы, 21 декабря 1807 г. (2 января 1808 г.).
[33] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 34 и об. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 20 октября (1 ноября) 1807 г.; *Петров А.Н.* Россия в борьбе Сербии за независимость // Военный сборник. СПб., 1886. Т. 167. № 1–2. С. 26.
[34] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 91–94. Послание константинопольского патриарха Григория сербскому народу (на греческом языке) от 24 октября 1807 г.
[35] АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д. 170. Л. 33 и об. Л.Г. Кирико – К.К. Родофиникину, 6(18) ноября 1807 г.
[36] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 177. И.И. Исаев – А.А. Прозоровскому, 6(18) ноября 1807 г.
[37] Там же. Л. 110–113. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 5(17) ноября 1807 г.
[38] Первое сербское... Кн. 1. С. 430–431. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 9(21) ноября 1807 г.
[39] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 110–113. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 5(17) ноября 1807 г.
[40] Первое сербское... Кн. 1. С. 430–431. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 9(21) ноября 1807 г.
[41] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Л. 87 и об. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 6(18) ноября 1807 г.
[42] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 61–63. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 9(21) ноября 1807 г.
[43] АВПРИ. Ф. Главный архив Дунайской армии. 1807–1808. Оп. 580-А. Д. 3. Л. 54–55. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 9(21) ноября 1807 г.
[44] Први српски устанак. Књ. 1. С. 303–304. М. Стойкович – И.И. Исаеву, 21 октября (8 ноября) 1807 г.; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1807. Д. 11558. Л. 191–192. А.А. Куракин – Н.П. Румянцеву, 25 ноября (7 декабря) 1807 г.

inslav

[45] Первое сербское... Кн. 1. С. 430. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 9 ноября 1807 г.
[46] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 177. И.И. Исаев – А.А. Прозоровскому, 6(18) ноября 1807 г.
[47] Первое сербское... Кн. 1. С. 430–431. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 9(21) ноября 1807 г.
[48] Там же. С. 435. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 14(26) ноября 1807 г.
[49] Там же. С. 435–436. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 14(26) ноября 1807 г.
[50] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 125. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 20 ноября (2 декабря) 1807 г.
[51] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 11553. Л. 191–192. А.Б. Куракин – Н.П. Румянцеву, 25 ноября 1807 г.
[52] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580а. Кн. 2. Л. 221 и об. И.И. Исаев – А.А. Прозоровскому, 28 ноября (10 декабря) 1807 г.
[53] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 11553. Л. 326. А.Б. Куракин – Н.П. Румянцеву, 14(26) декабря 1807 г.
[54] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 393. Ч. 1. Л. 185. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 22 января 1808 г.
[55] АВПРИ. Ф. ГАІ-9. 1807. Д. 2. Л. 74–75. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 10(22) февраля 1808 г.
[56] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 228. И.И. Исаев – А.А. Прозоровскому, 28 января 1808 г.
[57] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 673. Л. 143. И.И. Исаев – К.К. Родофиникину, 27 января 1808 г.
[58] РГВИА. Ф. ВУА. Ч. 1. Л. 252. Правительствующий Совет Сербский – А.А. Прозоровскому, 28 января 1808 г.
[59] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. 1808. Оп. 580-А. Д. 9. Л. 446–449 об. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 30 января 1808 г.
[60] Первое сербское... Кн. 1. С. 431–434. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 9(21) ноября 1807 г.
[61] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580. Д. 20. Л. 300. Расписка Правительствующего Совета Сербского в получении от Родофиникина денег от 12(24) ноября 1807 г.
[62] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 82. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 12(24) ноября 1807 г.

inslav

[63] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 97–98. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 14(26) ноября 1807 г.
[64] Первое сербское... Кн. 1. С. 436–438. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 17(29) ноября 1807 г.
[65] Там же. С. 438–439.; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 110. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 29 ноября 1807 г.; РГВИА. Там же. Л. 109. А.А. Прозоровский – протоиерею М. Ненадовичу, 29 ноября 1807 г.; Там же. Л. 108. А.А. Прозоровский – архимандриту Милентию, 29 ноября 1807 г.
[66] Первое сербское... Кн. 1. С. 440–441. А.А. Прозоровский – Карагеоргию, 29 ноября 1807 г.
[67] АВПРИ. Оп. ГА.I-9. 1807. Д. 9. Л. 11–24. Справка о событиях в Сербии 1804–1813 гг.
[68] Первое сербское... Кн. 1. С. 442–443. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 29 ноября 1807 г.
[69] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 272–273.; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 121–123. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 6(18) декабря 1807 г.
[70] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 153–157. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 9(21) января 1808 г.
[71] Там же. Л. 140–141. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 20 декабря 1807 (1 января 1808 г.).
[72] *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. II. СПб., 1887. С. 21–22. Перевод письма Карагеоргия константинопольскому патриарху от 19(31) декабря 1807 г.
[73] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1807. Д. 1905. Л. 18–19. К.К. Родофиникин – А.Б. Куракину, 28 декабря 1807 (9 января 1808 г.).
[74] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1916. Л. 380–382. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 23 декабря 1807 г.
[75] АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах. Д. 195. Л. 4. А.Б. Куракин – К.К. Родофиникину, января (б/ч) 1808 г.
[76] РГВИА. Ф.14209. Оп. 3/163-б. Св. 30. Д. 21. Л. 56. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 28 декабря 1807 г.
[77] Первое сербское... Кн. 2. М., 1983. С. 16. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 2 марта 1808 г.
[78] Там же. С. 15–16. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 2 марта 1808 г.

inslav

Глава V

Сербский вопрос в политике России, Франции и Австрии во время Слободзейского перемирия между Россией и Турцией (август 1807 г. – апрель 1808 г.)

Во внешней политике великих держав сербский вопрос, как правило, не имел самостоятельного значения и чаще всего решался в зависимости от отношения этих держав к Османской империи, в состав которой входила значительная часть сербского народа. Еще во время тильзитских встреч императоров России и Франции, состоявшихся в июне 1807 г., Наполеон первым предложил обсудить вопрос о разделе балканских владений Турции между Россией и Францией. Однако тогда Александр I не поддержал эту идею. Разъясняя свою позицию по этому вопросу, царь в проекте инструкции российским уполномоченным на переговорах в Тильзите указывал: «Я нисколько не буду возражать против реорганизации управления в провинциях (Турции. – *В.Г.*), которые граничат с владениями Франции и России. Если бы теперь соглашение было одобрено, то можно было бы сохранить нынешнее управление в Молдавии и Валахии и установить такое же управление в Сербии. Но вместо Турции сюзереном этой провинции стала бы Россия. Со своей стороны, Франция должна была бы подобным же образом организовать управление в странах на Адриатическом море, которые окажутся под ее покровительством; она могла бы извлечь весьма значительные выгоды из этой позиции, благодаря которой она стала бы господствовать над всем Адриатическим побережьем»[1]. Договоренность по этим вопросам была достигнута и зафиксирована в статье VIII русско-французского договора о наступательном и оборонительном союзе от 25 июня (7 июня) 1807 г. Обсуждение других спорных вопросов о планах обширного раздела владений турецкого султана в Тильзите было решено отложить, как сказано в документе, «на будущее»[2].

inslav

1. Планы раздела балканских владений Турции и различные варианты решения сербского вопроса, предложенные российской стороной во второй половине 1807 г. – начале 1808 г.

Из записки министра иностранных дел России Н.П. Румянцева, составленной после тильзитских переговоров где-то на рубеже 1807–1808 гг., видно, что в Тильзите кроме соглашения о целесообразности общего ослабления Османской империи, все же имела место и некая договоренность о разделе балканских владений Турции между Францией и Россией. Согласно этой принципиальной договоренности, к Франции отходили Албания, Морея и остров Крит. К России должны были быть присоединены Молдавия и Валахия[3].

Вопрос о статусе повстанческой Сербии в Тильзите не обсуждался. Он возник позднее, когда в Петербурге в первой половине сентября 1807 г. начали готовить проект статей прелиминарного договора о мире между Россией и Турцией. В составленной 14(26) сентября 1807 г. по этому поводу «Записке» Н. Пизани, ее автор выражал сомнение в целесообразности выдвигать перед Портой требование о создании независимого сербского государства, поскольку ни Франция, ни тем более Турция, ни при каких условиях не согласятся с таким требованием России. Если же петербургский двор будет настаивать на предоставлении сербским повстанцам только автономии в составе Османской империи, то на это не согласятся сербы. Судя по их поведению, писал Н. Пизани, они не намерены ни под каким видом возвращаться в подданство турецкого султана. Следовательно, заключает он, при таком положении дел Россия сможет добиться для сербов только автономии по типу Молдавии и Валахии[4].

В тот же день, 14(26) сентября 1807 г., была составлена инструкция русскому послу во Франции П.А. Толстому. Александр I поручал ему предварительно обсудить с Наполеоном I три важнейших вопроса, которые позднее будут решаться

inslav

на русско-турецких переговорах в Париже о заключении окончательного мира между Россией и Турцией. К таким вопросам относились: а) возможность присоединения к России Дунайских княжеств; б) восстановление прежних договоров, заключавшихся между Россией и Турцией до начала русско-турецкой войны 1806 г.; в) сербский вопрос. Согласно инструкции, П.А. Толстой при обсуждении первого вопроса должен был придерживаться следующей позиции. Если Наполеон не поддержит требование о присоединении Молдавии и Валахии к России, тогда нужно будет настаивать, с одной стороны, на присоединении к России Бессарабии и части черноморского побережья от устья реки Кубани до устья реки Риани; с другой стороны, на признании за Дунайскими княжествами прежних привилегий и всех прочих прав, которыми раньше пользовался господарь Валахии К. Ипсиланти.

При обсуждении сербского вопроса П.А. Толстому поручалось убедить Наполеона в искренней заинтересованности России в благоприятном устройстве судьбы сербского народа и, по меньшей мере, в необходимости образовать в Сербии княжество по типу Молдавии и Валахии[5].

О начале переговоров с Наполеоном о предварительных условиях заключения мира между Россией и Турцией П.А. Толстой сообщил в Петербург в конце октября 1807 г. В частном письме от 26 октября 1807 г. он жаловался Н.П. Румянцеву на непреодолимые трудности, мешавшие выполнить возложенную на него миссию, касавшуюся турецких дел. Ссылаясь на слабость здоровья, посол просил освободить его от обсуждения вышеозначенных пунктов русско-турецкого договора и направить в Париж для этих целей другого уполномоченного с новыми инструкциями, которые отвечали бы требованиям императора Франции[6]. В ответ на это Н.П. Румянцев 6(18) ноября 1807 г. вновь предписал П.А. Толстому продолжать обсуждение условий мира с Турцией при посредстве Франции, не касаясь условий заключения перемирия между Россией и Турцией. Согласно этой инструкции, П.А. Толстому

inslav

поручалось обсудить лишь два условия русско-турецкого договора: а) восстановление прежних русско-турецких договоров; б) установление границы между Россией и Турцией по реке Дунай. Если Наполеон согласится принять эти условия, то П.А. Толстому будут посланы полномочия на право заключения мира между Россией и Турцией, которые раньше были предоставлены главнокомандующему Дунайской армией А.А. Прозоровскому[7].

Проект «полной мочи» графу П.А. Толстому на право ведения русско-турецких переговоров в Париже был одобрен и утвержден царем 26 ноября (8 декабря) 1807 г. Во вводной части этого документа торжественно сообщалось: «Желая прекратить войну между империею нашею и Турциею, мы 23-ею статьею Тильзитского мирного трактата согласились на принятие посредничества е.в-ва императора французского, короля италийского, в полном надеянии, что государь сей употребит все зависящие от него средства, дабы доставить нам мир, как славе равно и пользам России соответственный». Далее в документе говорилось, что Наполеон «изъявил… желание, чтобы переговоры о восстановлении сего мира произведены были в Париже…». Согласно проекту «полной мочи» П.А. Толстому предоставлялось право: «вступить в переговоры и негоциации с тем или теми, кои от его султанова величества к трактованию с ним снабдены будут достаточною полною мочью, постановить, заключить и подписать с ним или с ними такой акт, конвенцию или другое обязательство, коие они обще признают за удобнейшее и действительнейшее к достижению вышеозначенной цели, обещая императорским нашим словом за благо принять и верно исполнить все то, что им, графом Толстым, вследствие сей е.в-ва императора французского, короля италийского обещано, постановлено и предписано будет, также и дать на то ратификацию нашу к соглашенному сроку»[8].

Посылая полномочия П.А. Толстому в Париж, Н.П. Румянцев в сопроводительном письме сообщил ему и о прибытии в Петербург курьера от А.А. Прозоровского с письмом

inslav

Г. Себастиани, в котором сообщалось об отказе Порты изменять условия Слободзейского договора. Царь, по словам Румянцева, сказал по этому поводу, что мир между Турцией и Россией может быть подписан в Париже и без повторных переговоров с турками об изменении условий перемирия. В этом деле Александр I, по выражению Румянцева, полагался «на магическую активность» Наполеона I и свою личную дружбу с императором Франции, который, как рассчитывал Александр I, постарается ускорить не только ход подготовки к переговорам, но и заключение окончательного мира между Россией и Турцией. Тогда же в дополнение к предыдущей инструкции П.А. Толстому от 6(18) ноября 1807 г. Румянцев указал, чтобы посол при случае еще раз «освежил память» Наполеона по поводу договоренности в Тильзите о судьбе Османской империи и о том разговоре, когда император французов энергично доказывал Александру I настоятельную необходимость вытеснения турок из Европы в Азию. А также, как Наполеон талантливо обосновывал целесообразность присоединения к Франции Мореи, Албании и Ионических островов, которыми он уже владеет, а к России – Дунайских княжеств. «Здесь (в Петербурге. – *В.Г.*), – пишет Румянцев, – мы продолжаем следовать и выполнять условия Тильзита, и эта единственная идея до сих пор привлекает ум нашего императора. Время не ждет, и желание императора французов, как и нашего монарха, чтобы Вы смогли побыстрее подписать мир». Толстому поручалось заявить Наполеону и о том, что, если Порта вновь откажется уступить то, что русские войска уже заняли в Дунайских княжествах, то Россия для достижения этого не будет просить ни у кого помощи, чтобы принудить Порту силой к этому. При заключении мира с Турцией Наполеон в знак союза и дружбы мог бы помочь России только своим влиянием. «Будучи вооружены полномочиями, – завершает Румянцев свою инструкцию Толстому, – работайте над тем, чтобы добиться мира, который соответствует нашим интересам, нашему прежнему и постоянному превосходству над турками, чтобы мир был достоин и того, кто любезно обещал быть посредником в этом деле...».

inslav

В Петербурге были уверены, что окончательный мир между Россией и Турцией будет заключен без особых осложнений, поскольку Александр I требует от Турции немногого: во-первых, забвения прошлого и восстановления прежних договоров и конвенций, которые были до войны; во-вторых, возмещения материальных убытков, понесенных Россией во время войны, и некоторых преимуществ при определении границ, которые должны быть установлены таким образом, чтобы в будущем не возникали пограничные споры с Турцией, которые могли бы нарушить мир; в-третьих, обеспечить спокойствие сербам[9].

Пока полномочия и инструкции Толстому находились в пути, Наполеон I, добившись переноса начала переговоров о мире между Россией и Турцией, не торопился и с назначением нового срока. Ситуация ни войны, ни мира между Россией и Турцией идеально соответствовала реализации других его планов в Европе. Для удержания такой ситуации французский медиатор делал все для того, чтобы осложнить процесс подготовки к переговорам. Например, с этой целью он время от времени подбрасывал в Петербург разнообразные, порой даже абсурдные планы раздела владений Османской империи, походов на Индию и т. д. и т. п. Так, отправляя А.О. Коленкура послом в Россию, МИД Франции 31 октября (12 ноября) 1807 г. снабдил его инструкцией, в которой говорилось, что хотя император Наполеон I далек от мысли о разделе владений Османской империи, но, тем не менее, Коленкур при обсуждении этого вопроса в Петербурге должен стараться отодвинуть как можно дальше сроки любых вариантов раздела владений турецкого султана[10]. По прибытии в Петербург, А. Коленкур 2 февраля 1808 г. предложил Н.П. Румянцеву обсудить очередной вариант «более широкого» раздела владений Турции. Переговоры по этому вопросу продолжались целый месяц. По их завершении Н.П. Румянцев и А. Коленкур 9 марта 1808 г. составили краткую протокольную запись, из которой видно, что переговоры по этому вопросу завершились без определенного результата[11]. Об этом же свидетельствуют и донесения Коленкура в Париж[12]. Министр иностранных дел Франции

inslav

Ш. Талейран позднее признавала в своих мемуарах, что предлагаемые Наполеоном России варианты раздела Турции нужны были ему для того, чтобы путем затяжных переговоров выиграть время для решений других, более важных и неотложных дел в Европе[13].

После этого Наполеон в марте 1808 г. открытым текстом предложил П.А. Толстому продлить на неопределенное время истекавший в апреле 1808 г. срок перемирия между Россией и Турцией[14]. Обсуждения в Петербурге и Париже различных вариантов раздела владений Османской империи не остались без внимания как политиков Австрии и Турции, так и сербских повстанцев. Тем более что распространению слухов об этом активно способствовали французские посредники. Так, например, французский посол в Вене Андреооси распустил слух в Австрии и Сербии о том, что Порта, объединившись с Англией, начала подготовку к войне с Россией и сербскими повстанцами. Австрийские агенты, в свою очередь, распространяли то же самое в Сербии. Они даже уточняли при этом, что нападение на сербов готовится со стороны Боснии[15].

2. Сербо-австрийские отношения в январе–апреле 1808 г.

Историки, изучавшие сербо-австрийские отношения в период Первого сербского восстания на базе документов из австрийских архивов – А. Беер, Б. Калай, Ф. Кронес, А. Ивич, Сл. Гаврилович и другие, установили, что венский двор начал беспокоиться об усилении влияния России на сербских повстанцев со времени вступления российских войск в Дунайские княжества, т. е. с ноября – декабря 1806 г. Тогда же в Вене стали помышлять и о возможном занятии австрийскими войсками Белграда и Орсова, которые в тот период находились во власти турок. Уверенность в возможности реализации этой идеи укрепилась после занятия сербскими повстанцами Белграда и еще больше возросла по заключении Слободзейского договора о перемирии между Россией и Турцией, во время которого сербы были разочарованы политикой петербургского двора в отношении их.

inslav

Подгоняемые страхом за свое будущее, нуждой и голодом народа верховный вождь и Правительствующий Совет повстанческой Сербии втайне от представителя России К.К. Родофиникина 10(22) января 1808 г. обратились за помощью к венскому двору. По этому поводу военный министр Австрии эрц-герцог Карл 18 февраля 1808 г. (н.с.) направил начальнику Славонско-Сремской Военной границы барону И. Симбшену инструкцию, в которой указывалось на то, чтобы инициатива переговоров о сдаче сербами Белграда австрийским войскам исходила не от венского двора, а от самих повстанцев. И. Симбшену поручалось выяснить отношение Карагеоргия к включению занимаемых сербскими повстанцами нахий Белградского пашалыка в состав Австрийской империи. По получении положительного ответа сербов на этот вопрос барон Симбшен мог дать обещание снабдить сербов всем необходимым для защиты от нападения турок. В феврале 1808 г. Младен Милованович сообщил коменданту австрийской крепости Землин полковнику Ф. Першу, что доверие сербских повстанцев к России день от дня все больше и больше падает. Теперь сербы возлагают все свои надежды только на Австрию. Если венский двор согласится взять сербов под свою защиту, то они хотели бы установить в Сербии такую систему управления, которая существует в пределах Военной границы. При таких условиях, заверил Младен Миловинович, сербы согласятся стать верными слугами австрийского императора и готовы даже жертвовать за него своими жизнями[16].

Вскоре некоторые торговцы из Нови Сада начали распространять слух о том, что австрийцы спешно готовят для введения в Сербию и Боснию 60–80-тысячную армию, и что после того эти земли будут включены в состав Венгрии. Эти слухи породили настоящую панику среди народа. Многие сербы тоже стали поговаривать, что они скорее согласятся вернуться в подданство турецкого султана, чем пойдут под власть Венгрии[17]. Осознав просчет в проводимой политике, министр иностранных дел Австрии И. Стадион 25 февраля 1808 г. предписал

inslav

начальникам Военной границы принять меры к ликвидации слухов о предполагаемом включении Сербии и Боснии в состав Венгрии[18]. В начале марта 1808 г. комендант Белграда Младен Милованович и Милое Попович встретились с сыном барона Й. Симбшена, согласно сообщению которого, эти представители сербских повстанцев жаловались на всеобщий голод в Сербии и на недостаток у повстанцев оружия и амуниции. Они заверяли, что Карагеоргий и весь народ хотели бы избавиться от русского покровительства и перейти под защиту Австрии[19]. В начале второй декады марта М. Милованович и М. Попович встречались уже с военным комендантом Землина полковником Ф. Першем. Они сообщили, что Карагеоргий хотел бы встретиться с Й. Симбшеном втайне от К.К. Родофиникина[20]. Встреча верховного вождя с Симбшеном состоялась 23 марта 1808 г. Карагеоргий, по словам Симбшена, говорил, что Сербия в ходе восстания освободилась от турецкого ига только благодаря Австрии и участия в ее судьбе эрцгерцога Карла. Верховный вождь лично подтвердил, что Сербия может быть включена в состав Австрии при условии, если она будет пользоваться такими же правами, которые даны Военной границе. Если Сербия войдет в состав Австрии, то венский двор должен будет снабжать сербов вооружением, включая артиллерию, боеприпасами, амуницией и продовольствием. А до этого необходимо отменить запрет на ввоз в Сербию оружия, боеприпасов и продовольствия, поскольку Россия не может в достаточной мере обеспечить этим сербов по причине удаленности ее территории. За поставку оружия, боеприпасов и провианта из Австрии сербы согласны платить деньгами, но только после окончания войны с Турцией. В заключение беседы Карагеоргий заверил Й. Симбшена, что если Австрия начнет войну с Турцией, то сербы будут сражаться на ее стороне и пойдут вместе с австрийцами до самого Константинополя[21]. Идя навстречу сербам, эрц-герцог Карл разрешил продать им некоторое количество зерна и муки, но с условием, чтобы это было сделано без особой огласки, а в сопроводительных

inslav

документах указать, что зерно отправляется в Боснию, Хорватию и Верхнюю Славонию[22]. При встрече 31 марта (12 апреля) 1808 г. Карагеоргий уже просил Й. Симбшена разрешить свободную торговлю с Сербией, пообещав при этом всячески помогать австрийским купцам и устранять любые помехи, препятствующие развитию свободной торговли[23].

Как и следовало ожидать, переговоры Карагеоргия с австрийцами вскоре стали известны в Петербурге и Париже. После соответствующих демаршей с российской стороны министр иностранных дел Австрии И. Стадион рекомендовал императору Францу I прекратить переговоры с сербами по поводу передачи Австрии Белграда, поскольку это может окончательно испортить и без того натянутые отношения с Россией. По мнению Стадиона, ситуация для занятия Белграда пока еще не достаточно созрела. Она будет наиболее благоприятной, когда российские войска будут введены в Белград или Орсово, что можно было бы истолковать как прямую угрозу Австрии со стороны ее южной границы[24]. Большой знаток и известный публикатор документов из австрийских архивов сербский историк А. Ивич, объясняя причины обращения сербов к Австрии, писал, что правительство России, переманив сербов на свою сторону, забыло данные им обещания снабдить их оружием, боеприпасами и провиантом. В неурожайные 1807–1808 гг. они оставили сербов без продовольствия и боеприпасов. В предложениях венского двора Карагеоргий увидел единственный выход из критического положения. Начиная переговоры с австрийцами, верховный вождь, с одной стороны, надеялся добиться от них разрешения на закупку продовольствия и оружия, а, с другой, сближением с Австрией напугать Россию и тем самым заставить ее снабжать сербских повстанцев продовольствием и боеприпасами, чего она до этого не делала, то ли из-за беззаботности, то ли по причине плохой коммуникации. Короче говоря, переговоры с Австрией, по мнению А. Ивича, Карагеоргий рассматривал как единственное средство, которое могло бы оказать реальное давление на Россию[25].

inslav

В освещении российских первоисточников этот демарш верховного вождя и других влиятельных старейшин сербских повстанцев выглядит иначе. По свидетельству К.К. Родофиникина, проводниками проавстрийской политики в повстанческой Сербии с начала восстания были: Младен Милованович, занимавший в разное время должности коменданта Белграда и председателя Правительствующего Совета; Милое Попович, председатель Правительствующего Совета; кнез Сима Маркович и другие, которые имели большое влияние среди сербских повстанцев. Они поддерживали тесную связь с сербскими купцами из Землина Милошем Урошевичем и Драгутином Милутиновичем. С 1804 г. эти купцы снабжали сербов «по временным нуждам» оружием и боеприпасами. Затем они, пишет Родофиникин, «вступили в товарищество с помянутыми поглаварями и присвоили себе единственное право покупать и продавать посредством оных поглаварей, от чего, как первые, так и последние обогатились, а потому и желают одни и другие, чтобы расстроенное положение дел продолжалось, находя в том знатную для себя выгоду». Если бы политические дела Сербии приняли худой оборот, то вышеназванные сербские старейшины, по уверению Родофиникина, имели верную возможность спастись в Австрии. В силу своих, прежде всего экономических интересов, представители этой проавстрийской группировки, по словам Родофиникина, «проповедуют, что не должно положить оружие, что не токмо турков, но и россиян должно остерегаться, дабы не поработили их себе, и что, впрочем, если они успеют получить от России или за деньги порох и свинец (из Австрии. – *В.Г.*), не должно никого страшиться, будучи в состоянии в горных своих местах защищаться». М. Урошевич и Д. Милутинович настойчиво внушали Карагеоргию мысль о том, что французские войска идут к Боснии и, захватив ее, непременно овладеют Сербией. Они же убеждали его, что Родофиникин по приказу из Петербурга «востребовал из Константинополя» митрополита Авксентия, чтобы предать Сербию туркам, а пособником в этом деле был белградский

inslav

митрополит, грек Леонтий Ламбрович. Эти «бредни», по определению Родофиникина, были подхвачены вышеназванными сербскими «поглаварями» и распространялись ими среди простого народа[26]. Под влиянием распространявшихся в Сербии слухов о готовящемся нападении турок на сербских повстанцев, а также уговоров М. Урошевича и Д. Милутиновича, действовавших по указке австрийских властей, Карагеоргий и Правительствующий Совет Сербский 10(22) января 1808 г. написали военному министру Австрии эрц-герцогу Карлу вышеупомянутое письмо[27].

Усмотрев в этом поступке тайное намерение главных предводителей восстания переменить свое отношение к покровительству России, К.К. Родофиникин попытался отговорить Карагеоргия от посылки письма. Несмотря на советы представителя России, письмо тайно было передано начальнику Славонской границы генералу Й. Симбшену, который переслал его в Вену 12(24) января 1808 г.[28]. Узнав об этом, Родофиникин 15(27) января 1808 г. в более жесткой форме высказался по этому поводу. В письме к Прозоровскому от 15(27) января 1808 г. он в следующих выражениях передал свой разговор с Карагеоргием: «…Я знаю, продолжал он (Карагеоргий. – *В.Г.*), что вы (Родофиникин. – *В.Г.*) на нас сердит, но ты не прав, ибо чего ты хочешь от людей, которые по вчерашний день пасли свиней или были разбойниками; ты должен об нас жалеть и наставлять нас, а не сердиться на наши глупости, и теперь ты один можешь нас вывести из беды; моя жизнь в твоих руках, я тебя молю, возьми рассмотреть щеты поглаварей и научи меня, что мне делать». Родофиникин отвечал на это: «…Прискорбно мне видеть, что все Ваши деяния стремятся более к расстройству, нежели к введению порядка; советам моим Вы следуете один день, а на другой день делаете противное ко вреду лично Вашему и народа…». Указав на то, что он, Родофиникин, прибыл в Сербию по просьбе сербских депутатов, и что по его наставлению, пишет он, «учредили Совет, коего одна токмо тень существовала, учредили городовый суд для разбора множества

inslav

тяжебных дел, учредили полицию, которая служит к личной Вашей безопасности здесь в городе, и моей; Вы дали власть Совету управлять землею, я дал оному правила; все коменданты покорялись Совету и начали доносить обо всем и требовали повелений; Вы удалили из Совета коменданта Младена (Миловановича. – *В.Г.*), который всегда туда приходил с вооруженными своими слугами, и которого страшились все советники и не осмеливались слова противу его приказаний сказать, которого равномерно все поглавари ненавидят».

Вместо того, чтобы поддержать установленный порядок, упрекал Родофиникин Карагеоргия, Младен был возвращен к прежней власти и с еще большим своеволием продолжал вершить нужные ему дела. Его единовластие привело к тому, что другие поглавари перестали повиноваться даже верховному вождю. «Что Вас к тому побудило? – вопрошал Карагеоргия Родофиникин. – Внушения Вам сделанные, что мало-помалу русские возьмут власть в земле и Вас никто не будет признавать за коменданта, что я Вас предал и тому подобные глупости...». «Неужели Вы поныне не познали бескорыстие России, – продолжал Родофиникин укорять Карагеоргия в просчетах его непоследовательной политики, – ...по требованию ли России вы восстали противу турок? – Нет. Оказали ли вы какие услуги России? – Никакие. Со всем тем, государь император, движим будучи единым человеколюбием к единоверному сербскому народу, отклонил посредством своего министра в Константинополе всякое противу покорения вас предприятие, повелел прислать вам знатные суммы денег, пушки, порох и олово, и сверх того, хотя состоял в войне с Франциею и с Портою Оттоманскою, не вас пригласил на помощь своим войскам, но повелел для защиты вашей послать за Дунай господина генерал-майора Исаева...».

В ответ на это Карагеоргий сказал, что, по слухам, русские на переговорах в Париже намереваются продать Сербию. В пылу полемики Родофиникин еще в более резкой форме парировал: «Никто за вас не даст и одной пари (гроша. – *В.Г.*),

inslav

ибо без воли первых в Европе держав никто вас не купит, а когда сии захотят отдать вас одному или другому, не спросят ни совета вашего, ни согласия, зная, что вы в том ни малейшую препону поставить не можете, ибо Сербия перед великими державами то же значит, как капля воды перед морем. Следовательно, вам не иное что остается делать, как преданностью к государю императору и добрым управлением внутри земли заслуживать излиянные милости и заслужить и то благоденствие, которое его величество желает вам доставить». Попутно Родофиникин еще раз упрекнул Карагеоргия и за отправленное эрц-герцогу Карлу письмо: «Вы совершенно запамятовали по сей день поблагодарить главнокомандующего (Прозоровского. – *В.Г.*) за лестное письмо, к Вам писанное, и за подарок, но вспомнили написать к эрц-герцогу Карлу в противность моего представления...». При расставании Родофиникин дал совет Карагеоргию не тревожиться каждую минуту по пустякам, всегда оставаться спокойным, не поддаваться нелепым внушениям, не изменять своим обещаниям, всегда следовать советам представителя России. Чтобы «отклонить даже тень междоусобных раздоров» среди сербских старейшин, Родофиникин советовал Карагеорию не удалять от себя М. Милованович и М. Поповича, поскольку они, по определению Родофиникина, «имеют сильную» власть в Сербии[29]. Судя по всему, Карагеоргий воспользовался лишь одним из наставлений Родофиникина: после беседы на третий день отправил письмо Прозоровскому с выражением благодарности за советы и подарок[30].

Пока М. Милованович и М. Попович в феврале–марте 1807 г. встречались с представителями австрийской пограничной администрации, верховный вождь находился в Тополе. По свидетельству Родофиникина, в Белград Карагеоргий вернулся только 16(28) марта 1808 г. и в тот же день навестил его. Родофиникин, передавая верховному вождю письма Прозоровского, предварительно ознакомил Карагеоргия с их содержанием. Когда же письма Прозоровского, предназначавшиеся для верховного вождя, были переведены на сербский язык

inslav

Досифеем Обрадовичем и их содержание было доложено адресату, то Карагеоргий, по заверению Д. Обрадовича, остался весьма доволен советами главнокомандующего и поклялся, что никогда не поступит вопреки его повелениям и всегда будет следовать им и советам Родофиникина. Через два дня, точнее 18(20) марта 1808 г., Карагеоргий вновь посетил Родофиникина и по наущению Младена Миловановича стал доказывать необходимость введения в Белград российских войск в целях успокоения народа и в особенности сербских старейшин, которые после ввода русских войск, по словам Родофиникина, «обратятся на прямой путь». В данной связи обращает на себя внимание то, что идея венского двора о введении русских войск в Белград была высказана Карагеоргием, но под прикрытием иной цели. Как бы там ни было, Родофиникин, который, по-видимому, еще не догадывался о тайных замыслах венского двора, в ответ на это предложение Карагеоргия дал понять, что ввод небольшого российского гарнизона в Белград во время перемирия с турками не имеет смысла во всех отношениях. Во-первых, это обозлит турок. Во-вторых, при возобновлении военных действий две или три роты русских солдат принесут больше пользы на поле брани, нежели в Белградской крепости. Эти доводы не убедили Карагеоргия, и он дал указание Д. Обрадовичу подготовить письмо с изложением этой просьбы на имя главнокомандующего Дунайской армией[31]. Тогда же, т.е. 18 марта Карагеоргий и М. Милованович сообщили Родофиникину о предложении австрийского генерал-фельдмаршал-лейтенанта Й. Симбшена встретиться с Карагеоргием в Землине. Они высказали предположение, что на этой встрече с Симбшеном будет обсуждаться вопрос о торговле между Австрией и повстанческой Сербией. Сербы должны отменить свой запрет на продажу австрийцам скота и дров, а австрийские власти разрешить вывод из Австрии зерна и муки[32]. Родофиникин не возражал против этой встречи, однако заметил: «Не приличествует... владетелю всей Сербии идти в Землин для свидания с австрийским генералом, а должен сей

inslav

приехать к нему, или, по крайней мере, определить свидание на берегу Савы-реки». Извещение о согласии Карагеоргия встретиться с Й. Симбшеном австрийскому генералу передали землинские купцы Милош Урошевич и Драгутин Милутинович. Барон Й. Симбшен прибыл в Землин инкогнито вечером 21 марта, а утром следующего дня отправил официальное приглашение Карагеоргию прибыть в Землин, где для него была подготовлена квартира. Карагеоргий, следуя совету Родофиникина, предложил Симбшену прибыть в Белград или на берег реки Савы. Барон выбрал последнее.

Встреча состоялась 23 марта (5 апреля) 1808 г. и продолжалась около двух часов[33]. Личный секретарь Карагеоргия Стево Ефтич 25 марта передал Родофиникину протокольную запись беседы Карагеоргия с Симбшеном. Согласно протоколу, Симбшен спросил верховного вождя: хотел ли бы он что-нибудь прибавить к Сербии (видимо, имелось в виду прибавление к территории, занимаемой в то время сербами-повстанцами. – *В.Г.*); нуждается ли он в ружьях, порохе, свинце, артиллерии и кадровых войсках. Если только верховный вождь пожелает, то все это он может получить от венского двора. Карагеоргий ответил на это, что сейчас он ничего не просит, а если когда-нибудь и попросит, то за все готов расплачиваться наличными деньгами. Симбшен сказал, что австрийский цесарь денег не требует. Все, что нужно сербам, он даст без денег, а если нужно, то и деньги найдутся. Если сербы согласятся стать друзьями и приятелями Австрии, то они могут просить все, что им нужно. Но за это они не должны признавать никого другого, кроме Австрии. Австрийцы – ближайшие соседи сербов; они всегда и во всем им помогут. Далее в протоколе дословно записана речь Симбшена: «А москову не верьте, ибо его земля очень далека, и он не может возвратиться назад, а вы останетесь сами и пропадете. Турецкое бо царство велико, и вся сила их нападет на вас. Москови и другой раз оною землею овладевали, но не задержав, оставили. Не веруйте, что француз московом приятели; отдал москов

inslav

французам Бока де Которо как приятелям, а французы казнили всех главных людей не за что другое, как токмо, что они толико време с москови держались; для того не веруйте им; а что вам генерал московский (Родофиникин. – *В.Г.*) делает, и что с вами разговаривает...?» Ответ Карагеоргия на это был краток и уклончив: «Ничего не делает, не много с нами и разговоров имеет». Симбшен, в свою очередь, задал вопрос: «А много ли русские дали сербам оружия и боеприпасов?» На что Карагеоргий ответил: «Они дали нам 60 бочек пороха, свинца, 10 пушек и 10 тысяч ядер к ним». На вопрос Симбшена: сколько пушек сербы разместили вдоль границы, был дан ответ: 74 пушки[34].

26 марта 1808 г. Родофиникин сам навестил Карагеоргия, который почти дословно пересказал все, что было зафиксировано в протоколе. Выслушав Карагеоргия, Родофиникин спросил: понимает ли верховный вождь «в какую бездну австрийцы хотят ввергнуть сербов?» Карагеоргий отвечал, что он хорошо понимает намерение венского двора «и не вдается им в обман»[35]. Все вышеизложенное Карагеоргий, по совету Родофиникина, сообщил Прозоровскому в письме от 31 марта (12 апреля) 1808 г.[36].

26 марта (7 апреля) 1808 г., т.е. в тот же день, когда Родофиникин был у Карагеоргия, уже верховный вождь пришел к Родофиникину с тревожным сообщением о том, что им получено известие от верного человека из Англии, согласно которому австрийские войска не позднее чем через 12 дней должны переправиться через Дунай и Саву, чтобы оккупировать Сербию. В Землине и других пограничных пунктах уже начали подготовку к наведению понтонных мостов через реку Саву. Тот же корреспондент сообщил, что Франция, Австрия и Турция заключили союзный договор против России[37].

Выражая свое отношение к реакции Карагеоргия на разные слухи и дезинформацию, а заодно и к паническому решению Правительствующего Совета послать сербских депутатов в Петербург и Париж для выяснения, «что делают цари и какое имеют намерение» относительно Сербии, Родофиникин писал

inslav

следующее: «Народ и наибольшая часть поглаварей в полной мере спокойны по сему предмету, возложив всю свою надежду на покровительство государя императора (Александра I. – *В.Г.*). Некоторые токмо под покровительством Младена сотоварищи не могут пребыть спокойны. Они сего дня полагают себя непобедимыми и равными первейшим державам, а при малейшей тревоге не знают куда удалиться». Родофиникин пытался довести до сознания верховного вождя и Правительствующего Совета мысль, что сербы, по его словам, «должны ожидать спокойно решения их судьбы» при заключении мира между Россией и Турцией, переговоры о чем ведутся в Париже[38].

Усилия Родофиникина разубедить Карагеоргия в неправдоподобности столь нелепых слухов оказались бесполезными. Верховный вождь распорядился собрать сербских ратников для защиты Белграда и Шабаца от вторжения австрийских войск. Сам же он намеревался перейти с отрядом через реку Саву для разорения австрийских поселений. Родофиникину, по его словам, не оставалось ничего другого как одобрить решение Карагеоргия и сказать ему, что он всегда готов быть вместе с сербами, если это потребуется для отражения австрийской агрессии. Спустя некоторое время, Карагеоргий отменил свои распоряжения и решил лучше удостовериться в справедливости полученных им известий о вторжении австрийских войск. Затем, к немалому удивлению Родофиникина, Карагеоргий успокоился и 27 марта (8 апреля) 1808 г. уехал из Белграда в свое родное село Тополу[39]. 31 марта (12 апреля) он известил Родофиникина, что одобряет все рекомендации, данные ему А.А. Прозоровским. По совету главнокомандующего Дунайской армией сербы начали укреплять линию фронта с турками, воеводам дан приказ усилить войска и до особого распоряжения Прозоровского не беспокоить турок[40]. В этом же письме Карагеоргий заверил, что сербы возлагают все свои надежды на бога и на российского самодержца, который возьмет под свое крыло бедный народ, страдающий от голода.

Карагеоргий 17(29) апреля 1808 г. написал Й. Симбшену письмо, которое передал барону все тот же Милош Урошевич[41].

inslav

Отвечая на него 4 мая (22 апреля) 1808 г., Й. Симбшен писал: «Я из него разумел, что ты удивляешься, что я сам не писал. Я тебе сообщаю, что то было по той причине, что ты сам при нашем свидании мне препоручил, чтоб я тебе все важные дела чрез М илоша сообщал и что ты мне тогда сказал сам, что хочешь лично приехать в Землин или в Варадин для окончания нашего договора. С другой стороны, я не хотел дело высочайшей важности вверять на бумаге, ибо есть всякие такие любознательные люди, кои желают знать, что мы двое говорили, и кои, если увидят письмо, еще больше усугубят старания узнать тайну, от которой счастье целой нации зависит, и в том не сомневаюсь, чтобы последнее письмо, которое ты послал к Милошу, не было на дороге в твоей земле отворено. Поскольку ты желаешь иметь собственноручное мое письмо, для того я тебе объявляю, что все, писанное к тебе Милошем, есть священная истина, и что я, как прямой твой и сербской нации приятель, ...готов уверить тебя о всевысочайшей наклонности и милости моего царя и монарха. Я на твою волю оставляю: хочешь ли ты со своими людьми, которых с собою повести желаешь, приехать ко мне в Варадин без задержания в карантине, или хочешь на другом месте моей границы нам видеться, объясниться и дело наше так утвердить, чтобы было для тебя, для целой храброй сербской нации на счастье, славу, честь и к общему удовольствию»[42].

3. Твердая вера петербургского двора и командования Дунайской армией в приверженности сербских повстанцев к России в январе – марте 1808 г.

В январе 1808 г. управляющий МИД России Н.П.Румянцев, основываясь на письмах главнокомандующего Дунайской армией А.А. Прозоровского, представил Александру I «Записку касательно сербов». В ней Румянцев писал, что принимая во внимание приверженность сербов к России, которая не подлежит никакому сомнению, и то, что Россия не должна терять этот народ из вида, Прозоровский предлагает выделить для

inslav

сербов 500 пудов пороха, 700 пудов свинца, 5 или 6 тыс. червонных для закупки ядер, а также ружей, которые Россия уже купила в Австрии для нужд Дунайской армии. Выделенные для сербских повстанцев деньги Прозоровский предлагает вручить непосредственно Карагеоргию, чтобы он сам, как сказано в «Записке», изыскал удобный случай для снабжения войска своего всем необходимым[43]. В письме Прозоровского от 16(28) января 1808 г. Румянцев сообщил, что государь повелел доставить к сербам 6 тыс. червонных и все остальное в просимых им количествах. Ружья для сербов было решено выделить из числа тех, которые «привезены... будут из Вены». Количество ружей и способ их доставки к сербам должен был определить сам Прозоровский[44]. Последняя оговорка была сделана не случайно. Она, как нам кажется, объясняется тем, что в последних числах декабря, точнее 29 декабря 1807 г. по н.с., Венгерский Совет в Буде, со ссылкой на указ австрийского императора Франца I, принял постановление, которое гласило: «Поскольку в государствах его величества императора и короля запрещено продавать любую продукцию сербским мятежникам, которые рассматриваются своим законным государем (турецким султаном. – *В.Г.*) как бунтовщики», то Венгерский Совет, управляющий от имени короля, запрещает продавать им любые боеприпасы, ибо это может послужить дальнейшему разрастанию восстания. Настоящее положение дел требует, чтобы это постановление строго соблюдали все и препятствовали вывозу свинца в Сербию на любых судах, плавающих под австрийским флагом[45]. Чтобы избежать конфликта с австрийскими властями, Прозоровский принял решение перевозить боеприпасы для сербов в районе турецкой крепости Орсово, которая находилась на границе с Австрией. Ящики с боеприпасами переправлялись через Дунай под видом личного имущества сербских беженцев, которые возвращались из австрийских владений в Сербии[46]. 14 декабря 1807 г. в Белград прибыл майор Лавров. Он, по словам Родофиникина, «нашел... сербов во тьме невежества по артиллерийской части» и первым делом

inslav

помог им сделать «разные принадлежности к пушкам», а затем стал налаживать пороховой завод[47].

В то же время в Белграде объявился болгарин Пиналов, который предложил Карагеоргию свои услуги по набору 500 вооруженных наемников из сербов, болгар и албанцев, проживавших в Валахии и Крайовском Банате. Верховный вождь и Правительствующий Совет обратились к Родофиникину с просьбой снабдить Пиналова «надежным к тому видом», т.е. письменным разрешением. Не имея на это полномочий, Родофиникин переадресовал их просьбу Прозоровскому[48]. Сам же Родофиникин, видимо, еще не забыл выговора И.И. Михельсона, сделанного ему перед самым отъездом в Сербию за его участие в вербовке наемников для так наз. греческого корпуса майора Пангало, и скептически отнесся к затее Пиналова. Родофиникин писал по этому поводу генерал-майору И.И. Исаеву: «Без сомнения, весьма выгодно было бы для Валахии избавиться однажды навсегда от всех бродяг, но, с другой стороны, если принять во уважение пакости, которые сия сволочь, когда будет опять соединена, наделает, доколе перейдет Дунай, то не знаю, добро, произойтить долженствующее от выхода их из Валахии, заменит ли зло, которое они причинят на своем марше»[49].

Генерал-майор И.И. Исаев, корпус которого по-прежнему находился в Малой Валахии, руководствуясь прежними распоряжениями Михельсона, 20 января 1808 г. отправил за Дунай к сербам партию наемников в 70 человек[50]. Болгарин Пиналов вместе с булик-башей Георгием Гузеном прибыл в Яссы в последних числах января 1808 г. и вручил Прозоровскому «аттестаты российских чиновников» и письмо Родофиникина по поводу набора в Валахии и Крайовой до 500 человек вооруженных сербов, болгар и албанцев. «Желание сербов вербовать 500 человек войска, – отвечал на это Прозоровский Родофиникину, – отнюдь не соответствует в настоящее время положению политических дел трех императорских дворов: российского, французского и Порты». Прозоровский требовал, чтобы Родофиникин «обстоятельно объяснил» сербам специфику политической

inslav

ситуации в условиях неустойчивого перемирия. Несмотря на то, что российский император не признал условий Слободзейского соглашения о перемирии, пояснял Прозоровский, но, тем не менее, это соглашение было постановлено на основании Тильзитского трактата, условия которого по высочайшему повелению должны были неукоснительно соблюдаться и в отношениях с Турцией. «Посему, – пишет Прозоровский, – не только противоположно, но и вредно было бы, чтоб покровительствовала армия, главнокомандованию моему вверенная, набирать войска для сербов противу турок...». Убеждая Прозоровского в необходимости послать на помощь сербам некоторого числа наемников, Пиналов ссылался на то, что распущенные князем К. Ипсиланти наемники сами желают идти к сербам на службу. После некоторых сомнений Прозоровский все же выдал Пиналову «открытый лист» для набора наемников для сербов с условием, чтобы вербовка производилась скрытно, а отправляемые в Сербию партии наемников не превышали 30 человек[51]. В письме генерал-лейтенанту М.А. Милорадовичу от 21 февраля 1808 г. А.А. Прозоровский сообщал, что поскольку Пиналов уверял о желании распущенных К. Ипсиланти наемников «войти в службу к сербам, то он, Прозоровский, выдал Пиналову "открытый лист" для свободного пропуска его с будущими (наемниками. – *В.Г.*) везде, где только он поедет между войск» Дунайской армии. В этом же письме главнокомандующий предписывал М.А. Милорадовичу: «Дать ему (Пиналову. – *В.Г.*) Ваше позволение вербовать в Валахии из сербов, болгар и арнаутов помянутое число войск, но с тем, чтобы таковая вербовка производима была как можно скрытно, и чтобы оные отправлены были в Сербию самыми малыми частями, то есть, чтобы каждая партия состояла не более как из 30 человек...».

Кроме вербовки наемников Пиналов просил разрешения закупить в Валахии для сербов 10 млн. ок соли. Прозоровский удовлетворил и эту просьбу Пиналова при условии, что ни одна «самомалейшая часть» этой соли не будет продана туркам,

inslav

поскольку, «по положению, между мною и верховным визирем учиненному, торговля и всякое сношение сих княжеств с турками прекращено...»[52].

Русско-сербские отношения и размеры военной и финансовой помощи России сербским повстанцам интересовали не только Порту и венский двор, но и французских посредников. Например, в декабре 1807 г. в Белграде объявились два французских офицера: полковник Де Бре и назвавшийся учителем некий Роберт, которые просили Карагеоргия принять их на службу к сербам[53]. В середине января 1808 г. в Сербию прибыл с секретной миссией некий французский генерал, пожелавший скрыть свой приезд от представителя России[54]. Верховный вождь повстанцев, не зная, как ему поступать с французами, обратился за советом к Родофиникину, который переадресовал это Прозоровскому, а тот в Петербург. В конце 1807 г. в Белграде был задержан сербами австрийский офицер, который заявил, что он хотел бы встретиться с Родофиникиным и сообщить ему «о сношениях, существующих между французами и сербами»[55]. Чтобы не давать повода для осложнения отношений с Францией во время подготовки к переговорам о заключении мира между Россией и Турцией, Александр I предписал Прозоровскому не препятствовать в поступлении вышеназванным французским офицерам к сербам, а Родофиникину повелел бдительно следить за их поведением в Сербии[56].

Информация Родофиникина о имеющейся среди сербских старейшин проавстрийской группировке во главе с М. Миловановичем не осталась без внимания А.А. Прозоровского. 22 января 1808 г. он писал по этому поводу Карагеоргию: «Доходит до сведения моего, что между вами есть коварные люди, имеющие в виду только свой собственный интерес, как-то поглавари. Мой истинный совет Вам, чтобы как можно от таких заводимых интриг остерегаться». Прозоровский в очередной раз напоминал верховному вождю, что он теперь находится под покровительством российского государя, от которого он может ожидать только «благосостояния земли» сербской, а без

inslav

такого покровительства, припугивал Прозоровский Карагеоргия, «Вы останетесь один»[57]. Еще больше обеспокоило Прозоровского донесение Родофиникина о письме верховного вождя и Правительствующего Совета эрц-герцогу Карлу. «Таковые странные происшествия, ни мало несовместные с существующим доныне положением дел, – писал Прозоровский Родофиникину 30 января 1808 г., – подают повод к различным размышлениям»[58]. Несмотря на свое недостаточное образование, делился результатами своих размышлений Прозоровский с генерал-майором И.И. Исаевым в другом письме, Карагеоргий по меньшей мере должен иметь «некоторые познания о политическом положении пользы» сербского народа. «Известно уже всем, – продолжает он, – как и австрийскому двору, что сия нация (сербская. – *В.Г.*) не только не имеет приверженности к оному (австрийскому двору. – *В.Г.*), но даже чувствует самое отвращение, и почти уверительно сказать можно, что если бы предоставлено им (сербам. – *В.Г.*) избрать державу, какой быть подданными из двух, австрийской или турецкой, то мне мнится, что они избрали бы последнюю; и после всех таковых обстоятельств можно ли адресоваться к эрц-герцогу Карлу о позволении им пропускать оружие. Я точно знаю, что австрийский двор на сие никак не согласится по многим причинам, а особливо по неутралитету, в котором он твердо противу Порты Оттоманской пребывает. Кажется, понятно каждому, что означенный поступок противуположен преданности их к нашему государю императору. Потеряв же покровительство его величества, (сербы. – *В.Г.*) совершенно будут несчастны...». В этом же письме главнокомандующий уведомлял Родофиникина о том, что сербам уже скоро будет отправлено русское оружие, только это не нужно разглашать в связи с только что установившимся перемирием, которое распространено и на всю повстанческую Сербию[59].

Тем временем Карагеоргий, не зная, на кого ему положиться и кому верить, удалился в Тополу, откуда писал письма Петру Новаковичу Чардаклии и Досифею Обрадовичу, в которых спрашивал, что делается в Белграде – «зло или добро».

inslav

Растревоженный поступком сербов, ведущих переговоры с австрийцами, Прозоровский по-прежнему не сомневался в их преданности России. В связи с этим он даже заподозрил К.К. Родофиникина в необъективности и решил проверить это с помощью генерал-майора И.И. Исаева. В письме к нему от 5(17) февраля 1808 г. Прозоровский писал, что сербы с начала восстания явно показали свою «непоколебимую приверженность» к России. Об этом 9 ноября 1807 . сообщал и Родофиникин. «Неужели с того времени таковое расположение переменилось, и чтобы могло быть побудительною к тому причиною? Нет ли там емиссаров или подговорщиков, которые убеждают их, оставя прежние свои правила, столь долговременно ими сохраненные, склониться на другую какую-либо сторону?» Прозоровский признавал, что он лично не знает Карагеоргия, а потому не может судить ни о свойстве его характера, ни о степени просвещенности. Но если принять во внимание то, что этот человек так долго защищал свою землю от врагов, один этот факт должен свидетельствовать о его здравом рассудке и о его стараниях в пользу своего отечества. Но в то же время Прозоровский не находил разумного объяснения поведению Карагеоргия, решившего написать такое письмо эрцгерцогу Карлу. «... Нет ли тут сокровенной какой-либо причины, которой в отдаленности, в какой я нахожусь и по способам мне предстоящим, проникнуть нельзя?» - недоуменно вопрошал фельдмаршал. Зная неприязнь сербов к Австрии и искреннее желание добиться покровительства России, Прозоровский хотел понять: «От чего же бы могла возродиться в них внезапно приверженность к Австрии, на чем основывается надежда их в получении оттуда покровительства и какую имеют они причину ожидать, что эрц-герцог Карл удовлетворит их требования?...» В письме к Исаеву Прозоровский обращал внимание и на то, что сербы сами просили приехать к ним К.К. Родофиникина «для научения их, каким образом ввести порядок и благоустройство в их земле». Это наглядно доказывает уважение и доверие сербов к Родофиникину. До сих пор

inslav

они слушались его и следовали его советам. «Но ныне, – пишет Прозоровский, – вышепрописанные происшествия дают повод мыслить, что та доверенность и то уважение ослабли. Какие же могут быть причины к таковой перемене, и с какой стороны они происходят; не подал ли и сам г-н Родофиникин к тому повода либо излишними требованиями, либо вселением в них страха о будущем жребии их, либо пристрастием к которой либо стороне их несогласных между собою первенствующих чиновников народа, либо деспотическими распоряжениями или суровостью обхождения, или же другими какими случаями?» Зная о знакомстве И.И. Исаева с некоторыми сербскими воеводами, Прозоровский поручал ему «самым потаенным образом, не обнаруживая никому» данного предписания, «побочным образом разведать» о положении дел в Сербии и подробно доложить ему об этом[60].

В письме к российскому послу в Вене Куракину Прозоровский также обращал внимание на то, что случай с посылкой письма Карагеоргия к эрц-герцогу Карлу, по его мнению, указывал на то, что прежнее уважение и доверие сербов к Родофиникину ослабли. Может быть, Родофиникин сам подал к этому повод. Не исключал Прозоровский и того, что в этом кроется какая-либо, по его словам, «греческая со стороны его хитрость». Чтобы выяснить причину столь неожиданного поведения верховного вождя сербов, Прозоровский просил Куракина «принять какие-либо подспудные меры к обнаружению истины, цели и успеха сего предприятия». Не имеет ли купец Милош Урошевич в Землине или в другом месте на турецко-австрийской границе «потаенное средство», позволяющее доставлять сербам боеприпасы из Австрии, – вопрошал Прозоровский[61].

Интерес Прозоровского к вопросу о доставке сербам боеприпасов был не праздным. В это время при посредстве Куракина в Австрии была закуплена значительная партия оружия, предназначавшаяся для российской Дунайской армии. Как отмечалось выше, царь Александр I, разрешая передать сербам часть этого оружия, возложил на Прозоровского обязанность

inslav

самому искать способы и пути его доставки к сербам. Вначале главнокомандующий рассчитывал перевозить закупленные в Вене ружья по Дунаю в Землин. Однако венский двор, соглашаясь на вывоз оружия для Дунайской армии, поставил непременное условие, чтобы оно не было отдано сербам. Поэтому было принято решение все закупленное в Австрии оружие доставить в расположение Дунайской армии и только после этого отправить сербам предназначавшуюся для них часть ружей. Но и при таком варианте возникали сложности в связи с тем, что остров на Дунае, через который ранее осуществлялась связь сербами, был занят турками. Следовательно, отправка ружей к сербам на судах по Дунаю или через остров непременно будет обнаружена турками и австрийцами. В связи с этим Прозоровский предлагал Куракину три варианта доставки оружия из Австрии в расположение войск Дунайской армии: 1) через Венгрию и Трансильванию (точнее – через Германшадт (Сибиу. – *В.Г.*) в Крайову; 2) по берегу Дуная на Станислав, Черновцы и Хотин; 3) на Лемберг, Черновцы и Хотин[62].

Для закупки в Австрии оружия и отправки его в Дунайскую армию 17 февраля 1808 г. в Вену к российскому послу А.Б. Куракину был отправлен майор Дельден[63]. Передача сербам оружия и боеприпасов зависела не только от запрета венского двора, но и от ряда стихийных бедствий, которые обрушились на Белградский пашалык в феврале 1808 г. В первой половине месяца там стояли небывалые для тех мест морозы. В ночь с 7 на 8 февраля пронесся мощный ураган, а в 2 часа 20 минут ночи 8 февраля началось сильнейшее землетрясение, которое продолжалось около 2-х минут. В результате в Белграде было разрушено, по сообщению Родофиникина, «множество зданий»[64].

4 февраля 1808 г. умер Петр Новакович Чардаклия, который был одним из наиболее активных и преданных сербскому делу людей и последовательным сторонником России. В качестве депутата сербского народа он дважды приезжал в Петербург и однажды был в Константинополе. По словам Родофиникина, «... Сербская нация его обожала, как равно и Черный

inslav

Георгий, который при том его боялся. Я лишился здесь наилучшего в нем помощника, ибо хотя он был одержим болезнью, но не переставал действовать для добра своей нации»[65].

Прозоровский хорошо понимал, что основной причиной беспокойства сербов и их верховного вождя является прекращение войны с Турцией, в чем сербы были крайне не заинтересованы, а также неопределенность дальнейшей судьбы сербского народа, которая должна была решиться при заключении окончательного мира между Россией и Турцией. Не имея достаточной информации о ходе переговоров в Париже, Прозоровский мог утешать сербов лишь тем, что турки, по доходящим до него сведениям, уже начали проявлять «неприязненные намерения» против русских. На случай возобновления военных действий он, со своей стороны, приказал готовиться к обороне. В связи с этим главнокомандующий поручил Родофиникину сообщить Карагеоргию, что Турция готовится к возобновлению войны, для чего и сербам «надлежит приготовить себя совершенно... к сильному отпору противу всякого со стороны турков неприятельского покушения, не приступая, однако же, отнюдь ни к какому нападению на турков до того времени, пока либо сие не последует от войска турецкого, либо не получат от меня какое-либо новое наставление». Родофиникин должен был сообщить Карагеоргию, что корпус генерал-лейтенанта И.И. Исаева усиливается пехотным полком и артиллерийской батареей, сербам отправляются 500 пудов пороха, 700 пудов свинца, часть закупленных в Австрии ружей и 6 тыс. червонных, которые доставит инженер-майор Грамберг, направляющийся в Сербию для обследования тамошних крепостей. В случае возобновления военных действий сербы совместно с корпусом И.И. Исаева должны прежде всего занять остров Адокале с крепостью Орсово на Дунае, что необходимо для установления коммуникации между русскими войсками и сербскими повстанцами. Для этой операции русские подготовили в селении Гогаш несколько судов для переправы на остров. Сербы со своей стороны должны были сделать то же самое. Однако

inslav

до получения известий о возобновлении военных действий с турками и в связи с продолжением переговоров о мире с турками в Париже, предупреждал Прозоровский Родофиникина, «надлежит до времен избегнуть всякой причины к справедливой со стороны Порты претензии»[66]. Готовя к отправке в Сербию майора Грамберга с указанной суммой денег, Прозоровский приказал ему в целях конспирации одеться в австрийский полевой мундир подпоручика. В таком же звании Грамберг должен был оставаться в период его пребывания в Сербии. В данной ему инструкции указывалось: 1. Примечать «аккуратным образом» дорогу от Дуная до Белграда, сделать описание дороги, разделяя ее на маршруты «с примерным расстоянием», отмечать места, удобные для отдыха войск. 2. Осмотреть и снять план позиций, занимаемых войсками Миленки Стойковича в Поречье на Дунае. Если там окажутся укрепления, сказать сербам как лучше их исправить. 3. По прибытии в Белград сделать описание крепости и составить ее план, один экземпляр которого необходимо передать Карагеоргию. 4. Если позволят обстоятельства, то постараться съездить на реку Дрину, осмотреть имевшиеся там укрепления, снять их план и указать, как лучше их исправить. 5. В местах пребывания обучить сербов как лучше исправлять крепости, укрепления и шанцы[67].

Обуреваемые тревогой, порожденной неопределенностью положения и разными слухами, члены Правительствующего Совета также направили 20 февраля письмо Прозоровскому, в котором выражали желание послать сербскую депутацию к Александру I в Петербург. В этом письме сообщалось, что сербский народ, хотя и возлагает свои надежды на бога и российского монарха, однако до сих пор не имеет никаких известий о том, как решается судьба сербского народа. Авторы послания откровенно признавали, что у людей, которые оказались в критическом положении, от «незнания» своего жребия, как правило, появляется «смущение сердца», «умаление ревности» и утрата «духа храбрости». Правительствующий Совет просил Прозоровского сообщить, как сербы должны поступать

inslav

в условиях перемирия, когда боснийские турки постоянно беспокоят их на реке Дрине. Ссылаясь на невозможность приобретать оружие и боеприпасы в Австрии, члены Совета намекали на то, чтобы российское командование в Дунайских княжествах ускорило доставку сербам обещанных ранее ружей, пороха, свинца и пушечных ядер. «Мы в состоянии… вооружить 20 тысяч храбрых ратников, – говорилось в письме Правительствующего Совета, – которые от всех сторон Турецкой области приезжают и соединяются с нами, однако же оружия несть»[68].

В своем письме от 8(20) марта 1808 г. Прозоровский заверил членов Правительствующего Совета, что благодаря ходатайству главнокомандующего Дунайской армией Порта твердо обещала не беспокоить всех сербских повстанцев до окончательного заключения мира между Россией и Турцией. Поэтому сербы не должны опасаться нападения турецких войск, которые подчиняются самой Порте. На Дрине же их беспокоят лишь те «частные начальники», которые и прежде не подчинялись ее приказам. В то же время Прозоровский предупреждал членов Совета о том, что с недавнего времени сама Порта рассылает фирманы, которыми предписывает всем мусульманам ополчаться против христиан. В связи с этим главнокомандующий вновь повторяет те советы, которые ранее он давал верховному вождю по поводу заблаговременной подготовки к отражению военных действий весной 1808 г. По поводу решения сербского вопроса на переговорах в Париже о заключении окончательного мира между Россией и Турцией Прозоровский, по слабой осведомленности, не смог сообщить ничего определенного, кроме уже делавшегося общего заверения о том, что российский самодержец «не оставит без собственного своего внимания и попечения к обеспечению будущего их (сербов. – *В.Г.*) жребия». Не усмотрел он «надобности в посылке (сербских. – *В.Г.*) депутатов к лицу государя императора» в Петербург для выяснения жребия сербского народа при заключении русско-турецкого мира, а выделенные для этой цели деньги предложил советникам потратить на неотложные нужды народа. В заключение письма он еще раз заверил членов

inslav

Правительствующего Совета, что обещанное для сербов оружие и боеприпасы будут переданы им при первой же представившейся возможности, а все другие вопросы советники должны решать с К.К. Родофиникиным[69].

4. Мероприятия командования Дунайской армией и российских дипломатов в Белграде и Вене по оказанию помощи сербам в марте – апреле 1808 г.

4(16) марта 1808 г. в Белград прибыл инженер-майор Грамберг, направленный в Сербию главнокомандующим Дунайской армией А.А. Прозоровским. Он передал К.К. Родофиникину предназначавшиеся для сербов 6 тыс. червонных и письма Прозоровского. Главнокомандующий сообщал Карагеоргию, что помимо денег сербам передаются боеприпасы, которые находятся на левом берегу Дуная в расположении корпуса генерал-майора И.И. Исаева. Сербам надлежит подготовить все необходимое для скрытной переправы через реку груза до места назначения. Правительствующий Совет Сербский издал по этому поводу приказ поречскому воеводе Миленко Стойковичу – привести в боевую готовность его войска, располагавшиеся вблизи Дуная, и подготовить плавсредства для скрытной переправы боеприпасов. По получении известий от генерал-майора И.И. Исаева М. Стойкович должен был направить в местечко Горы необходимое число лошадей с подводами для перевозки пороха и свинца. Передаче боеприпасов сербам существенно мешали турки, войска которых располагались в Орсово (Ада-кале) и на островах Дуная. Они легко могли заметить лодки сербов, плывущие из Поречья и Смедерева на противоположный берег реки.

Пока сербы готовились к этой операции, инженер-майор Грамберг осмотрел Белградскую крепость, сделал необходимые указания по исправлению ее разрушенных частей, а затем отправился на передовую линию сербо-турецкого фронта для осмотра имевшихся там полевых укреплений (шанцев)[70].

inslav

К.К. Родофиникин в это время занимался вооружением и снабжением прибывавших в Сербию из разных областей Османской империи босняков, герцеговинцев, болгар и других балканских христиан, которые в качестве добровольцев выразили готовность воевать против турок. Эти, по выражению Родофиникина, «иностранцы» не состояли на службе у сербских поглаварей и, следовательно, не могли получить от них ни оружия, ни продовольствия, ни жалования, ни других вещей, необходимых для ведения войны. За всем этим они, как правило, обращались к Родофиникину. А он, не располагая достаточными финансовыми возможностями, мог выделить для них, «смотря по человеку», от 2-х до 5 пиастров. Не зная как ему поступать в таких случаях, Родофиникин спрашивал Прозоровского, можно ли относить эти расходы на счет командования Дунайской армией или брать их из фондов МИД России[71].

Вопрос о привлечении «иностранцев» на службу в Сербии к этому времени приобрел еще большее значение в связи с тем, что еще в феврале 1808 г. саревский епископ Венедикт передал Родофиникину письмо из Боснии, авторы которого предлагали призвать на помощь сербским братьям всех христиан Османской империи. Видимо Правительствующий Совет Сербии имел в виду именно эти 20 тыс. «храбрых ратоборцев», которых надлежало снабдить оружием, боеприпасами, обмундированием и т. д. В связи с этим Родофиникин писал Прозоровскому: «Если нужно распространить связи наши в Турецкой империи, как-то в Болгарии, Македонии, Боснии и Албании, к чему преступлю, поелику то возможно будет». Он хотел знать, какие «обнадеживания» можно было бы дать старейшинам упомянутых народов, если ему будет поручено написать обращение к ним. «Любовь к вольности, – предупреждал по этому вопросу Родофиникин Прозоровского, – заставляет действовать массу народа, но чтоб сию массу возбудить, нужно употребить... архиереев и старейшин, которых значительная масса в Турецкой империи имеет в виду собственный интерес более, нежели пользу отечества»[72].

inslav

Карагеоргий и Правительствующий Совет, со своей стороны, решили послать епископа Венедикта для «возбуждения» христиан в Далмации, где располагались французские войска. Прозоровский отнесся к этому положительно. «Я не нахожу причин, для чего бы ему в этом отказать, – писал он, – паче же от пребывания его у французов может произойти польза...». Такая миссия сараевского епископа в Боснии и Далмации, полагал Прозоровский, может серьезно осложнить отношения между Турцией и Францией[73]. Прозоровский считал, что не следует чинить препятствий боснякам и болгарам проникать в Сербию, поскольку такие люди могут быть полезны при возобновлении военных действий с Турцией, особенно болгары, которые могут хорошо воевать в горной местности. Для вооружения и снабжения прибывших в Сербию «иностранцев» Прозоровский разрешил использовать деньги из казны Дунайской армии[74].

Отсутствие необходимых сведений о ходе подготовки к переговорам в Париже, активизация агентов в Сербии, распространявших слухи о заключении союза между Францией, Австрией и Турцией против России, о «продаже Сербии» австрийцам, подготовка австрийских войск к занятию Белграда и других районов повстанческой Сербии, разрастание противоречий среди наиболее влиятельных сербских старейшин и т.д., все это вместе взятое оказалось не под силу «слабого здоровьем» К.К. Родофиникину, и он в марте 1808 г. стал намекать Прозоровскому о необходимости прислать к нему в помощники опытного человека. Сербам, пишет он, «нужен наставник при всяком случае, советом коего они не преминут следовать при опасности». При возобновлении военных действий с Турцией и в случае перехода русского корпуса из Малой Валахии в Сербию таким «наставником» для сербов, по мнению Родофиникина, мог бы стать генерал-майор И.И. Исаев. Но при таком варианте его советы принесут пользу только в пределах действия его корпуса. Если же возникнет необходимость самому Родофиникину «наставлять» сербов на главном направлении их борьбы с турками у Ниша, вблизи Македонии и в Боснии, то Белград и другие районы Сербии останутся без присмотра

inslav

со стороны представителя России. Обосновав таким образом быстро нараставший объем работы, Родофиникин, сославшись на слабое здоровье, просил прислать в Сербию еще одного человека, который при необходимости смог бы без ущерба для общего дела заменить его[75]. Кроме того, «для вящего ободрения» сербских старейшин Родофиникин просил прислать несколько золотых и серебряных медалей. На основании его и Прозоровского представлений Александр I распорядился изготовить специально для сербов 8 золотых и 30 серебряных медалей с надписью «За любовь к вере и отечеству», которые полагалось носить соответственно на красных и голубых лентах[76].

Прозоровский, поддерживая инициативу Родофиникина о назначении в Сербию еще одного человека, предложил направить туда С.А. Санковского, который сначала был консулом в Генуе, а с 1805 г. по июль 1807 г. являлся представителем России в Черногории. По оценке Прозоровского, С.А. Санковский не только хорошо знал нравы и обычаи славяно-сербских народов, но и пользовался их доверием и уважением. Главнокомандующий Дунайской армией поддержал просьбу Карагеоргия о размещении в Белграде русского гарнизона, состоящего из 4-х батальонов пехоты, одного или двух кавалерийских эскадронов для ведения патрульной службы. Но при этом он писал царю, что во вверенной ему армии нет подходящего начальника для такого гарнизона, который подходил бы для этой должности как по инженерному образованию, так и «по части политической». В случае учреждения в Белграде русского гарнизона Дунайская армия должна быть пополнена соответствующим числом войск из резерва других армий[77].

Одобрительно отнесся Прозоровский и к идее привлечения в Сербию людей христианского вероисповедания из других областей Османской империи. Лучшими агитаторами в этом деле могли бы быть священники и местные старейшины, которые должны действовать «секретным образом», чтобы «до времени ничего не обнаруживалось о том»[78].

inslav

Через две недели Прозоровский по этому поводу писал Родофиникину: «По предмету... оказавшейся возможности к зажжению в Албании пламени войны между турками и христианами, сим поручаю вашему превосходительству, как жителей в Албании, так и прочих христиан в окрестных турецких владениях самым секретным образом стараться приготовлять, дабы они в случае возобновления здесь войны деятельным образом могут доказать благие расположения и приверженность их к российскому престолу и подвигнуться в пользу и на подпору нашего оружия; особенное же внимание, ваше превосходительство, обратить имеете на обретающихся в ближайших провинциях болгар. Само по себе разумеется, что они не должны обнаруживать преднамеренных движений своих доколе вы, милостивый государь мой, не получите от меня уведомление о решительном обороте к войне дел наших с Портою Оттоманской и сообразного с тем повеления моего»[79].

Как уже отмечалось выше, Карагеоргий не любил австрийцев и французов, особенно тех, которые пытались вступить на службу к сербским повстанцам. Такую попытку предпринял в марте 1808 г. французский поручик Гордон. Согласно донесению Родофиникина, этот двадцатилетний человек хорошо знал, кроме французского, итальянский и немецкий языки, а также изучал «науки по инженерной части». «Будучи введен в заблуждение газетами, которые представляли положение в Сербии в приукрашенном виде», писал Родофиникин, этот поручик просил верховного вождя принять его на службу к сербам, но Карагеоргий категорически отказал ему в этом. Жестче обошелся верховный вождь с двумя австрийскими офицерами, которые тогда же находились на сербской службе. Заподозрив их в измене, Карагеоргий одного офицера убил без суда и следствия, а другого, капитана Радича, избил дубиной до полусмерти.

Французскому поручику Гордону повезло больше. После отказа Карагеоргия он обратился с просьбой к Родофиникину принять его на русскую службу. Возможно этот молодой офицер и был бы полезен для Сербии, но как знать, писал Родофиникин

inslav

Прозоровскому, «основываясь на видах наших на Сербию и на политическом положении дел в Европе, коих людей можно впускать и употреблять и каких удалять от всякого сношения с сербами»[80]. «В рассуждении российской службы, – отвечал на это Прозоровский Родофиникину, – то по воспоследовавшему в недавнем времени высочайшему государя императора приказу запрещено определять какого-то бы ни было иностранного чиновника в русскую военную службу»[81]. В соответствии с этим Гордону, а также другим претендентам на сербскую службу, как то австрийцам, шведам, англичанам и др., по настоянию Родофиникина, Карагеоргий отказывал в приеме на сербскую службу и удалял из Сербии. Под благовидным предлогом был выслан из Сербии и австрийский лейтенант Бреска, который восемь месяцев находился на содержании К.К. Родофиникина и помог ему раскрыть связи французов с некоторыми из сербских старейшин. Лейтенант Бреска был уволен из сербской службы за то, что, напившись, нагрубил Досифею Обрадовичу, который жил в доме Родофиникина, и избил сербского купца[82].

На наш взгляд, персона этого австрийского офицера заслуживает более внимательного к нему отношения. Согласно свидетельству генерал-лейтенанта М.А. Милорадовича, отставной поручик Яков Бреска, венгр по национальности, вновь появился в Бухаресте в середине мая 1808 г. По словам Я. Брески, он был отправлен австрийским военным командованием для прохождения службы в Далмации. «По своей ненависти противу французов, – пишет М.А. Милорадович, – (Я. Бреска ранее. – *В.Г.*) возбуждал народ недалеко от (Млины? – топоним написан неразборчиво. – *В.Г.*) на границе Боснии. Уже было возмущение началось и продолжалось 5 дней, которое генерал Маркон, прибывший из Спалата (Сплита. – *В.Г.*) усмирил. Сие происходило прошлого году». Я. Бреска рассказал М.А. Милорадовичу и о том, как он ловко переправил письмо французского посла в Вене Андраши, адресованное генералу Мармону, в котором сообщалось о готовившемся

inslav

заговоре против Карагеоргия с участием некоторых подкупленных сербских старейшин. «Поскольку было положено в один день убить Черни Георгия и других сербских начальников, – передает Милорадович рассказ Я. Брески, – и в то же время турки и малое число французов должны были атаковать сербов, которых также в назначенных местах положено было напоить опиумом и другими крепкими напитками. Все сие Яков Бреска объявил г-ну Родофиникину». Я. Бреска заявил Милорадовичу, что в Белграде он находился 9 месяцев, где удерживался сербами против его воли. Теперь же он хочет возвратиться в Венгрию, но австрийский консул в Бухаресте не дает ему паспорт[83]. По поводу запрета принимать иностранцев на сербскую службу, было сделано исключение лишь для двух упомянутых выше французов – полковника Дюбае и офицера Робера, которых Родофиникин поселил в своем доме, чтобы удобнее было следить за их поведением в Белграде[84].

Командование Дунайской армией и российский посол в Вене внимательно следили и за связями сербских повстанцев с венским двором. По просьбе А.А. Прозоровского русский консул в Вене А.Б. Куракин выяснил, что землинские купцы М. Урошевич и Д. Милутинович приезжали в Вену и встречались с эрцгерцогом Карлом три раза. Во время одной из встреч они передали ему письмо Карагеоргия с просьбой продать сербским повстанцам боеприпасы и зерно. Несмотря на просьбу Карагеоргия, венский двор официально запретил продавать сербам боеприпасы. Молчаливое согласие было дано только на скрытный вывоз в Сербию хлеба и сукна. «Сколько бы здешнее (австрийское. – *В.Г.*) министерство и не было внутренне, может быть, расположено сербам покровительствовать, – писал Куракин Прозоровскому, – но по настоящему положению своему опасается явно сие приказывать». Что же касается возможности покупать в Австрии порох, свинец, ядра и прочие боеприпасы, полагал Куракин, то и ее не следует исключать, поскольку вышеназванные купцы имеют в Землине и других приграничных местах заранее подготовленные запасы и располагают возможностью продавать

inslav

все необходимое сербам втайне от австрийских властей. Для этого нужны только деньги[85]. Последний факт письма А.Б. Куракина подтверждался и письмом Правительствующего Совета К.К. Родофиникину от 1(13) мая 1808 г. В нем сообщалось, что сербский купец Стефан Живкович Нишлия купил в Австрии 10 тыс. ока муки и 10 тыс. ока пшеницы и продал их Правительствующему Совету за 2900 грошей. Мука и пшеница были отправлены в Поречье для войска М. Стойковича. Деньги за эту покупку Живковича заплатил К.К. Родофиникин в сумме 2900 грошей[86].

В другом письме А.Б. Куракин предупреждал А.А. Прозоровского о том, чтобы Родофиникин не прекращал устранять влияние, которое оказывают на Карагеоргия австрийские агенты путем «коварных внушений», и отвращать верховного вождя от связей с венским двором. Это важно еще и потому, пишет Куракин, что «дела наши с Портою принимают оборот, требующий совершенного с нами союза и единомыслия, от которого по их ненависти к туркам они, сколь я думаю, ни в коем случае не откажутся». Поэтому главная задача Родофиникина должна заключаться в том, чтобы Карагеоргий всю свою надежду «о их настоящем подкреплении и о будущем их жребии» связывал только с одной Россией[87].

Ответ из Петербурга по поводу январского письма Карагеоргия к эрц-герцогу Карлу был дан А.А. Прозоровскому 11(23) марта 1808 г. Н.П. Румянцев сообщил по данному поводу, что император Александр I «не усматривает никакой надобности препятствовать сербам в получении таковых пособий из Австрии». Но при этом царь признавал необходимым внимательно следить за связями сербов с венским двором, чтобы между ними «не открылось какого-либо другого рода сношений, несогласных с видами» петербургского двора[88].

Основываясь на предписаниях, полученных из Петербурга, и сообщениях А.Б. Куракина, Прозоровский в начале апреля 1808 г. попросил русского посла в Вене «исходатайствовать у венского двора позволение покупать сербам, хотя бы тайным образом, пшеницу и ячмень во внутренних владениях» Австрии[89].

inslav

Тогда же Прозоровский разрешил Родофиникину нанять иноземного врача для лечения и прививки оспы сербам, а также использовать до одной тысячи гульденов для закупки в Австрии лекарств и медикаментов. Тогда же Прозоровский просил уведомить его, «какую степень веры придать можно обнадеживаниям, учиненным со стороны генерала Симбшена» сербам, по поводу австрийского покровительства и занятия их войсками Белграда[90]. Родофиникину же главнокомандующий Дунайской армией предписал убедить Карагеоргия в том, что появившиеся в Сербии разного рода слухи распространяются без ведома венского двора и направлены на то, чтобы ввергнуть верховного вождя и весь народ «в неизбежную погибель». Что же касается слухов о союзе Франции, Австрии и Турции против России, то Карагеоргий должен знать, что такой союз, – пишет Прозоровский, – никак не совместим с тесною и искреннею дружбою, связывающею государя нашего с императором французским»[91]. В связи с этим Прозоровский предложил А.Б. Куракину сделать официальное заявление австрийскому правительству, чтобы их чиновники были устранены от переговоров с сербами, поскольку они, по словам Прозоровского, «мало согласуются с политическими отношениями» петербургского двора с венским[92].

Сообщая в Петербург просьбу Карагеоргия о введении в Белград гарнизона русских войск, Прозоровский, со своей стороны, поддержал это предложение, полагая, что «такое занятие Белграда в случае возобновления войны совершенно соответствует... интересам» российского императора. Но Карагеоргию он сообщил, что по настоящему положению дел с Турцией его желание не может быть исполнено, потому что турки, «не взирая на истечение уже срока перемирия, не подали еще никакого повода к возобновлению неприятельских противу них (сербов. – *В.Г.*) действий, так и потому, что не имею власти к тому приступить без точного государя императора на то повеления»[93]. Повеление Александра I Прозоровскому не вводить русский гарнизон в Белград было получено им 22 мая 1808 г.[94].

inslav

5. Группировки сербских старейшин и их характеристика К.К. Родофиникиным, А.А. Прозоровским и И.И. Исаевым

Намерения А.А.Прозоровского выяснить истинную причину обращения верховного вождя Карагеоргия обратиться за помощью к австрийскому эрц-герцогу Карлу неожиданно выявили другое, не менее важное обстоятельство – наличие серьезных противоречий среди влиятельных сербских «поглаварей», в число которых входили верховный вождь Карагеоргий, некоторые члены Правительствующего Совета, местные воеводы и другие старейшины.

Как отмечалось выше, первые свидетельства об этом встречаются в донесениях К.К. Родофиникина, относящихся к концу 1807 г. – началу 1808 г. Так, 9(21) января 1808 г. Родофиникин сообщил о состоявшейся в конце декабря 1807 г., в день святого Андрея, у Карагеоргия «конференции», на которой присутствовали два австрийских подданных купцы из Землина Милош Урошевич и Драгутин Милутинович. Кроме них там были сербские «поглавари» Младен Милованович, Милие Попович, кнез Сима Маркович. М. Урошевич и Д. Милутинович, пишет Родофиникин, «с самого начала революции (т. е. с 1804 г. – *В.Г.*) снабжали сербов по временным нуждам, впоследствии вступили в товарищество с помянутыми поглаварями и присвоили себе, единственно, право покупать и продавать посредством оных поглаварей, отчего как первые, так и последние обогатились, а потому и желают одни и другие, чтобы расстроенное положение дел продолжалось, находя в том знатную для себя выгоду. Притом поглавари, имея в виду возможность спастись в Австрии, если бы политические дела Сербии приняли худой оборот, ни мало не стеснялись следствий». Комендант Белграда М. Милованович и его сторонники послали двух своих представителей в Смедерево (Сементрию) управлять городом и крепостью.

Непомерная алчность и активная деятельность сторонников М. Миловановича вызывали недовольство и протест других

inslav

местных воевод и старейшин: коменданта из Поречья Миленко Стойковича, Петра Теодоровича Добринца, протоиерея Матвея Ненадовича, коменданта города Валево Якова Ненадовича и др. Эти воеводы и их представители приезжали в Белград к Карагеоргию и, по словам Родофиникина, «убедительно просили поддержать введенный порядок и власть Совета, обещая для сего прислать сюда (в Белград. – *В.Г.*) войска свои», чтобы не допустить произвола со стороны Младена Миловановича и его сторонников. Однако Родофиникин уговорил их не делать этого, поскольку скоро все «войдет в устройство». «Те же обнадеживания делаю и крестьянам, приходящим ко мне жаловаться, что они ныне угнетаются своими поглаварями нежели прежде турками. Я, действительно, не нахожусь в силах и не знаю что делать, – пишет Родофиникин, — как ограничиться в бдительности, дабы воздерживать поколику возможно от вящих злодеяний». Причину недовольства М. Стойковича, Петра Добринца, Матвея и Якова Ненадовичей, а также сербских крестьян режимом правления группировки Младена Миловановича, К.К. Родофиникин объясняет тем, что Младен, являясь комендантом Белграда, чинил суд и расправу над людьми, основываясь не на законе, а на своей собственной воле. Он собрал с населения Белграда более 50 тыс. пиастров, с таможен 80 тыс. «Доходы с земли по временам присылались в Совет, – пишет Родофиникин, – где присутствовали 2 или 3 неграмотных советника под управлением его же, Младена. Во всех сих деньгах отчет он давал сам себе, ибо от Совета выдавал себе квитанции и даже обязательства на суммы, будто бы издержанные из его денег на надобности народные. Поглаварь М илое состоит с ним в товариществе, а кнез Сима управляет уездом». С приездом К.К. Родофиникина в начале августа 1807 г. в Белград Народный Совет, суд, полиция и фискальные органы стали функционировать более или менее нормально, что, по словам Родофиникина, «было тягостно для Младена и его сторонников, которые употребили свои усилия, чтобы всеять Черному Георгию подозрения противу порядка».

inslav

Не имея возможности присваивать себе доходы с города, Младен и его сторонники уговорили Карагеоргия продать все белградские лавки и магазины, с которых взимался главный годовой доход города. Поскольку ни у кого в Белграде не было таких денег, Младен и его друзья сами же и скупили все магазины и лавки. «...То, что давало 50 тыс. пиастров доходу, как слышу, продано за 100 тыс. капиталу, да и деньги не заплачены, ибо вместо оных представляют свои претензии». К.К. Родофиникин признавал, что он не в силах удерживать произвол этих сербских чиновников и вынужден ограничиться одной бдительностью, чтобы воздерживать их, насколько это возможно, от других злоупотреблений. «Тяжелее всего то, – сетовал Родофиникин, – что народ полагает все делаемое теми поглаварями следствием моих повелений, в чем поглавари стараются оный уверить». «Теперь, – пишет он, – вся деятельность моя ограничивается до дел Сербии и до руководства здешних поглаварей, поскольку они по сим делам будут требовать моих наставлений, что весьма редко с ними случается»[95].

Однако, как отмечалось выше, ни главнокомандующий Дунайской армией, ни Александр I не придали в первой половине 1808 г. особого значения связям наиболее влиятельных сербских «поглаварей» с австрийцами и разногласиям среди них. Прозоровский и Александр I в тот период не усматривали в этом особой опасности для интересов России. Более того, главнокомандующий даже заподозрил Родофиникина в некой хитрости и пренебрежении грека-фанариота к сербскому народу вообще, чтобы оправдать свою неспособность в деле установления дружественных отношений с верховным вождем и другими сербскими старейшинами. Своими сомнениями Прозоровский поделился с царем, а в начале февраля 1808 г. дал поручение генерал-майору И.И. Исаеву собрать «потаенным образом» у приезжавших в Крайову сербов сведения об отношениях Родофиникина с Карагеоргием. Александр I, как сказано в письме Н.П. Румянцева А.А. Прозоровскому, «весьма одобрил... данные по сему предмету поручения генерал-

inslav

майору Исаеву и о том, чтобы он старался узнать точную причину, отчего, кажется, несколько уменьшилась доверенность Черного Георгия к г-ну Родофиникину»[96].

Обобщив собранные факты, И.И. Исаев рапортовал: «Я надеюсь, что сербы не переменили своей приверженности к России». Они по-прежнему доверяют и даже любят К.К. Родофиникина. Что же касается письма Карагеоргия к эрц-герцогу Карлу, то верховный вождь написал его по внушению Младена Миловановича и некоторых «частных людей»[97].

На основании сведений, полученных от И.И. Исаева и из других источников, А.А. Прозоровский сообщил в Петербург, что упомянутое письмо Карагеоргия эрц-герцогу Карлу не содержит «чего-либо противного интересам... нашего двора и... какой-либо перемены в расположении и приверженности сербского народа к России». Решение о посылке письма эрц-герцогу, пишет Прозоровский, «почитать должно единственно следствием слабоумия Черного Георгия, отдающегося в обмане любимцу своему Младену, который умел его склонить к такой переписке из одной токмо собственной его, Младена, корысти»[98]. Известия, собранные по этому поводу генерал-майором И.И. Исаевым, заверял А.А. Прозоровский, заслуживают веры и уважения еще и потому, что они были получены от влиятельного поречского воеводы Миленки Стойковича, который, по словам Прозоровского, «после Черного Георгия в наибольшем состоит почтении у сербского народа и по добрым качествам своим и способностям приобрел себе любовь и доверенность своих соотчичей»[99].

Русский посол в Вене А.Б. Куракин, отвечая на аналогичный запрос Прозоровского, писал: «Подобные сношения сербов с австрийским двором кажутся мне не опасными. Сей последний не выйдет из правил строгого неутралитета, наблюдаемого им в настоящей войне нашей с Портою». Вместе с тем Куракин полагал, что Родофиникин должен был удержать Карагеоргия от переписки с венским двором, поскольку она может поставить под сомнение покровительство России сербскому

inslav

народу. Ко времени отправки письма Прозоровского Куракину, по его признанию, еще не удалось выяснить, действовали ли М. Урошевич и Д. Милутинович по поручению австрийских властей или по собственной инициативе. Сам же Куракин склонялся к последнему. Зато посол выяснил, что Карагеоргий до начала сербского восстания в 1804 г. находился на австрийской службе в чине унтер-офицера и был награжден за храбрость золотой медалью. «Но по тогдашнему его малому чину, и будучи всегда на границе, – пишет Куракин, – он не мог никакие приобрести себе важные в военном ремесле познания»[100].

Руководствуясь сведениями, полученными от сербов, и впечатлением, сложившимся у него при личной встрече с Карагеоргием в середине июня 1807 г., И.И. Исаев следующим образом характеризовал верховного вождя: «Он есть человек без всякого просвещения, из самого низшего сословия». До начала восстания Карагеоргий «был в шайке охотников полевых», т. е. разбойников. В начале восстания он собрал вокруг себя большое число людей. Объявив себя их начальником, он лично отрубал головы тем, кто отказывался исполнять его приказы. Таким образом, пишет Исаев, «на степень вождя сербского народа» его возвели случай, счастье, свирепый характер и страх его подчиненных. Карагеоргий, по оценке Исаева, самолюбив и жесток, любит ракию и вино. К тому же, он слишком прост, легко поддается внушениям тех людей, которые пытаются доказать свою преданность отечеству. Этой слабостью ловко пользуется Младен Милованович для достижения своих личных выгод. В качестве примера Исаев ссылается на то, как Младену в 1807 г. удалось обогатиться от перепродажи сербам купленных у австрийских купцов боеприпасов.

Характеризуя отношения верховного вождя со старейшинами (поглаварями) и воеводами (комендантами), Исаев пишет, что Карагеоргий уважает и слушает советы только богатых и сильных, а наказывает только бедных и малозначащих начальников. Такой политики он вынужден придерживаться потому, что сильные коменданты, в зависимости от своих

inslav

финансовых возможностей, как правило, имеют много телохранителей, которые готовы защищать своего господина даже от верховного вождя. Но несмотря на это, Карагеоргий, пишет Исаев, «по сие время... имеет уважение всех вообще, ибо народ к нему довольно привержен»[101].

Для получения более полной информации о положении дел в Сербии и о причине отправки письма к эрц-герцогу Карлу И.И. Исаев отправил переводчика Лигатовича в Поречье к сербскому воеводе Миленке Стойковичу.

По возвращении из Поречья титулярный советник Лигатович пересказал Исаеву лишь устное «откровение» М. Стойковича. В изложении И.И. Исаева оно выглядит так: «Многим неустройствам у них (сербов. – *В.Г.*) причиною – Младен, которого Черный Георгий любит, и который поссорился со многими тамошними комендантами, равно и с Миленко, ибо сей более думает о пользе общей, а тот – противных правил». Видя беспорядок, происходивший от поступков Младена Миловановича, члены Правительствующего Совета Сербии и многие воеводы просили Карагеоргия отстранить Младена от власти. Однако верховный вождь отослал письмо тому же Младену и оставил его на прежнем месте. После этого Младен взял всю власть в Совете в свои руки и управляет им один. Передавая «собственные слова» М. Стойковича, И.И. Исаев пишет: «Сербы все также привержены к России, а немцев не терпят и всегда говорят, что ежели должно будет им быть под властию оных, то лучше остаться по-прежнему у турков». По уверению М. Стойковича, сербы очень хорошо отзываются о деятельности Родофиникина и вполне им довольны. Миленко сказал, что Родофиникин «начал было мало-помалу устраивать хороший порядок в Совете, которым все были довольны чрезвычайно». Однако всему этому препятствует все тот же М. Милованович, а Карагеоргий следует его советам. Что же касается письма Карагеоргия эрц-герцогу Карлу, то, по мнению М. Стойковича, из-за этого «никакой перемены в рассуждении России заключить невозможно». Он усматривает в этом лишь одни интересы Младена, который уговорил Карагеоргия сделать это[102].

inslav

С таких же позиций характеризует Карагеоргия и Родофиникин. В письме от 17 февраля 1808 г. он писал, что во время австро-турецкой войны 1788–1791 гг. Карагеоргий был «в австрийской службе», но не офицером, как об этом сообщалось ранее, а служил солдатом в «вольном корпусе», или во фрайкоре, который был сформирован австрийцами из сербских наемников. Их этого Родофиникин делал вывод, что Карагеоргий «не имеет ни малейшего понятия о политическом положении его нации». Верховным вождем он стал благодаря своей свирепости, вселившей страх в сердца народа. От его руки погибло сербов больше, чем от турок. Карагеоргий сам признает, что он лично застрелил своего отца и повесил родного брата на глазах своей матери.

Основными успехами в восстании, по мнению Родофиникина, сербы обязаны не столько Карагеоргию, сколько уму профессора Харьковского университета Федора Филипповича (Божидара Груйовича), который умер в 1807 г., капитана Петра Новаковича Чардаклии, белградского митрополита Леонтия Ламбровича и купца Петра Ичко, который долгое время служил при турецком посольстве переводчиком в Вене и Берлине, а также в 1806 г. ездил в Константинополь заключать мир между сербскими повстанцами и Портой (так наз. «Ичков мир»). До вступления российских войск в Дунайские княжества сербы неуклонно следовали советам вышеназванных людей. Но как только русские вошли в Молдавию и Валахию и сербы уверовали в скорую и сильную помощь России, то сербские старейшины, пишет Родофиникин, «обратили всю свою ненависть противу сих лиц, оклеветали их всячески и неоднократно угрожали самой их жизни, доказывая себя злобными невежами, не могущими терпеть посреди себя просвещенных». Однако пороки старейшин, по словам Родофиникина, «не затмевают достоинства сербской нации», которая «обожает российское имя». Эта нация «покорна до крайности своим старейшинам; в нужде терпелива и переносит всякие труды без роптания и уныния». Карагеоргий, по мнению Родофиникина,

inslav

хорошо понимает, что благосостояние сербского народа зависит только от покровительства российского императора. Однако белградские чиновники (поглавари), объявляя себя его сторонниками, легко находят способы «обращать его ум на все стороны». Старейшин, находящихся в отдаленных от Белграда нахиях, Карагеоргий опасается. Всякие их советы кажутся ему подозрительными и клонящимися к лишению его верховной власти. При таком отношении к старейшинам Карагеоргий «находит нужным ласкать» белградских поглаварей. Чтобы примирить белградских и нахийских старейшин и оказывать влияние на Карагеоргия, Родофиникин, по его же признанию, действовал при посредстве капитана Петра Новаковича. После его смерти Родофиникин уговорил Досифея Обрадовича, который обучал сына Карагеоргия, переселиться с воспитанником в дом, где жил. В расчете на то, что Карагеоргий будет вынужден навещать своего сына, Родофиникин предполагал делать ему «приличные внушения и направлять его ум» соответственно интересам политики петербургского двора.

С этой же целью Родофиникин предлагал Прозоровскому предоставить в его распоряжение готовившееся к отправке сербам оружие, поскольку, если ружья раньше окажутся в руках сербских воевод, они будут раздавать их народу за деньги, которые разойдутся по их же карманам. «Таким образом, – пишет Родофиникин, – народ не ощутит ни мало» оказанную им Россией милость. Кроме того, чтобы усилить приверженность сербов к России, Родофиникин ставил вопрос о возможности «поощрить сербов награждениями» золотыми и серебряными медалями с надписями: «За храбрость» или «За любовь к вере и отечеству»[103].

Весной 1808 г. разногласия проявились уже между верховным вождем и членами Правительствующего Совета. Они обострились настолько, что стали предметом специального обсуждения на заседаниях Совета. В первых числах апреля 1808 г. члены Правительствующего Совета в течение трех дней обсуждали вопрос о неспособности Карагеоргия управлять страной.

inslav

В результате этого было принято решение созвать народное собрание для обсуждения мер, направленных, по словам Родофиникина, «к отклонению зла, могущего произойти для Сербии от поведения верховного вождя». По окончании заседания Совета некоторые советники во главе с Младеном Милововичем 3(15) апреля 1808 г. посетили Родофиникина и стали обличать Карагеоргия в непостоянстве характера, легковерии, склонности к пьянству, в злобе, которую он «питает против умных и пользующихся доверием народа старейшин, отчего жизнь многих находится в опасности», и, наконец, в «чинимых им несправедливостях». Больше других усердствовал в этом Младен Милованович.

К.К. Родофиникин, по его словам, «употребил все свои силы к отклонению» советников от обсуждения этих вопросов на народном собрании, поскольку готовящееся нападение турок на сербов и волнения в народе могут быть пагубными для них. Если же сторонники Младена Миловановича решатся предпринять что-либо против своего же верховного вождя, припугивал Родофиникин Младена, то и российские войска, по словам Родофиникина, «не преминут придти в Сербию для усмирения бунтовщиков». Но в то же время Родофиникин заверил пришедших к нему советников, что он постарается убедить Карагеоргия, чтобы тот в дальнейшем не злоупотреблял своей властью. Вместе с тем Родофиникин, не скрывая, сказал советникам, что он крайне недоволен их поведением, но готов забыть о нем, если они, по его словам, «обратят все свои старания к благу соотчичей своих…».

Однако уговоры Родофиникина не дали ожидаемых им результатов, так как на следующий день секретарь Правительствующего Совета показал Родофиникину письмо Совета Карагеоргию с изложением всех вышеназванных претензий и о решении созвать всех старейшин сербского народа для объявления им, что Правительствующий Совет, по словам Родофиникина, «находится в необходимости выполнять свои дела по причине поведения Черного Георгия и просит, чтобы народ

inslav

выбрал других советников». По ознакомлении с письмом Родофиникин пошел в Совет и стал убеждать советников, что оно по своей сути еще хуже, чем их прежнее решение, так как еще больше озлобит Карагеоргия, который может вернуться в Белград с войском и перережет всех членов Совета. Видимо, эти доводы оказались более доходчивыми, поскольку письмо так и не было отправлено в Тополу.

Объясняя причины недовольства группировки Младена Миловановича методами правления Карагеоргия, Родофиникин писал следующее. После занятия сербами Белграда 30 ноября (12 декабря) 1806 г. многие турки и мусульмане, проживавшие в городе и его окрестностях, полагаясь на честность христиан, отдавали на сохранение сербам деньги, драгоценности и прочее имущество. Часть турецких жителей была убита в ходе восстания, часть приняла христианство. Оставшиеся в живых, не получив отданное на сохранение, обратились за помощью к Карагеоргию. Верховный вождь распорядился провести по этим делам специальное следствие. В процессе расследования удалось выявить лишь незначительное число укрывателей чужого имущества. Позднее было установлено, что большая часть утаенных денег, драгоценностей и вещей была отобрана у укрывателей людьми, находившимися на службе у Младена Миловановича и Милое Поповича, которые и присвоили большую часть этих богатств. «Понимая..., – пишет Родофиникин, – что с Черным Георгием неможно шутить и, желая при том сохранить ограбленное, (М. Милованович и М. Попович. – *В.Г.*) решились на меру крайнюю; к сему побудил их еще более пример строгости, показанный Черным Георгием, который взыскал с Живковича за порчу более тысячи деревень штраф в размере трех тысяч пиастров»[104].

Где-то ближе к середине апреля 1808 г. Родофиникин вместе с майором Грамбергом отправились в Тополу к верховному вождю для обсуждения неотложных вопросов, а заодно и уговорить его помириться со сторонниками М. Миловановича. Судя по отзывам, переговоры с верховным вождем не дали положительных

inslav

результатов. На обратном пути в Белград Родофиникин побывал у обер-кнеза Симы Марковича, чтобы убедить его «оставаться спокойным». Сима Маркович, по определению Родофиникина, «состоит в партии Младена с товарищами и... есть один из сильнейших в здешнем краю» сербских старейшин.

По возвращении в Белград Родофиникин узнал, что после его отъезда из Тополы Карагеоргий «в пьяном образе» сказал своим приближенным, что до поры нужно терпеть и следовать советам Родофиникина, но придет время и Младен с его сторонниками получат по заслугам. Об этой угрозе вскоре стало известно в Белграде, и пламя междоусобной вражды, по словам Родофиникина, «воспалилось более прежнего». Младен и его сторонники вновь стали требовать от Родофиникина отстранения Карагеоргия от власти. «Положение мое, – пишет Родофиникин, – не могло быть тягостнее, ибо я предпочел бы тысячу смертей, нежели видеть здесь тщетными все попечения государя императора о сем народе...». В надежде удержать сторонников Младена от более решительных действий Родофиникин попытался обратить их внимание на другой предмет, предложив Правительствующему Совету рассмотреть вопрос о поселении вблизи Белграда болгарских беженцев. С этой целью он отправился с членами Совета искать подходящее место для болгарских беженцев. Благодаря такой уловке, Родофиникин, по его словам, «воздержал сторонников Младена от восстания». Но отказавшись от восстания, советники потребовали от Родофиникина позволения отправить депутацию к главнокомандующему Дунайской армией «для представления настоящего положения здешних дел». Чтобы не осложнять отношений с турками в период перемирия, Родофиникин «отклонил» их и от этой затеи.

В надежде «положить преграду дальнейшему их волнению», Родофиникин пообещал написать А.А. Прозоровскому письмо, изложив в нем все их доводы и пожелания. «На сем остановились теперь умы главнейших возмутителей в здешнем краю, кои совершенно обратились ко мне и клянутся следовать всем моим наставлениям», – писал Родофиникин, явно стараясь

inslav

преувеличить важность своего участия в урегулировании междоусобной распри среди сербских старейшинских группировок. Отстранить Карагеоргия от власти согласно с желаниями здешних поглаварей – «вещь не трудная», полагал Родофиникин, но «человек сей хотя не способен для управления землею и хотя трудно воздержать его от преступлений, однако он необходимо нужен в земле сей, ибо единая его свирепость и неразборчивость в средствах может удержать подобных ему разбойников, рассеянных в Сербии и управлявших уделами или войском». Карагеоргий, пишет Родофиникин, «пользуется и доверием народа, ибо хотя прост и не тонкого ума, однако знает весьма хорошо как оный ласкать и что с ним говорить». Наилучшим средством для поддержки власти Карагеоргия в Сербии, по мнению Родофиникина, было бы введение гарнизона российских войск в Белград. Но поскольку это невозможно сделать в условиях перемирия с турками по политическим причинам, то Родофиникин рекомендовал А.А. Прозоровскому написать письмо Карагеоргию, в котором посоветовать верховному вождю «воздержаться от неистовства»[105].

Тревожные настроения в Сербии нагнетали и австрийские агенты, которые, по словам Родофиникина, «не перестают возбуждать умы здешнего народа, поглаварей и Черного Георгия». Землинский бургомистр Перш несколько раз приезжал в Белград и тайно встречался с проавстрийски настроенными сторонниками. Другие сербские старейшины ездили в Землин по приглашению купца Милоша Урошевича, откуда привезли письмо Милоша к Карагеоргию. Однако Карагеоргий показал это письмо Родофиникину и просил его совета в том, какой следовало бы дать ответ М. Урошевичу. Через два дня после отправления письма М. Урошевичу Карагеоргий получил письмо от Симбшена, в котором он просил верить тому, что было предложено М. Урошевичем. Родофиникин просил секретаря Карагеоргия показать это письмо, но тот отказал ему в этом, что дало Родофиникину повод подозревать секретаря в получении солидной взятки от австрийцев. «Положение мое, –

inslav

писал Родофиникин 25 апреля 1808 г., – со дня на день становится здесь тягостней, при внутренних несогласиях и волнениях, вселяемых австрийцами, недоверие к нам и лестные обнадеживания легко могут ввести сербов в обмен и заставить податься на шаг, колико для них вредный, толико и интересам нашим и славе противный...»[106]. «При продолжении перемирия, – пишет Родофиникин, – оставаясь в бездействии, целый народ и поглавари, кои были в беспрерывном волнении несколько лет, и при том не имея, можно сказать, начальника... и законов, не могут не податься на междоусобные распри, рождаемые от различных интересов и прав старейшин и угнетенного народа». Посредством советов, угроз и лестных обнадеживаний Родофиникину, по его же собственному утверждению, до сих пор удавалось воздерживать сербских старейшин «от злых предначинаний». «Но средства сии, – пишет он, – при продолжении времени становятся недостаточными». Междоусобные распри сербских старейшин, полагал Родофиникин, прекратятся только с возобновлением военных действий русских и сербов против турок[107].

«Что же касается до восстановления доброго согласия между Черным Георгием и здешними старейшинами, столь нужного и полезного при настоящем положении дел, – писал Родофиникин 7(19) мая 1808 г., – то я должен донести в. с-ву, что искреннее восстановление такового есть дело невозможное, ибо, с одной стороны, зависть, с другой, недоверчивость и опасение, в котором находились и находятся как первый от последних, так более еще последние от первого, полагают препону к действительной дружбе».

Чтобы прекратить разраставшиеся внутренние противоречия среди прослойки наиболее влиятельных старейшин, Родофиникин предпринял еще одну попытку переключить их внимание на хозяйственную деятельность. На этот раз он предложил Правительствующему Совету начать строительство речных судов и ряд других хозяйственных объектов. При наличии больших и прекрасных лесов в Сербии, писал он Прозоровскому, сербы

inslav

не имеют ни досок, ни деревянной посуды, ни других необходимых вещей. Все это они покупают у австрийцев. Для перевозки различных грузов и товаров для торговли они пользуются судами, доставшимися им от турок, но таких судов у сербов очень мало. Но для постройки новых речных судов необходимо будет приглашать опытных мастеров из Австрии. «Пользу сих заведений, – пишет Родофиникин, – они (члены Правительствующего Совета. — *В.Г.*) поняли весьма хорошо, а потому приняли с восторгом мое предложение, которое должно, во-первых, занять их умы совершенно, во-вторых, заставить быть согласными с другими старейшинами и Черным Георгием». По предположению Родофиникина организация новых хозяйственных предприятий принесет Сербии скорее обогащение, пойдет на пользу всем поглаварям и сгладит противоречия между старейшинами. Во главе новых предприятий, по мнению Родофиникина, должны стоять два или три поглаваря[108].

Просьба членов Правительствующего Совета об устранении Карагеоргия от власти не оставила равнодушным и главнокомандующего Дунайской армией. Более того, А.А. Прозоровский отнесся к этому даже излишне эмоционально, о чем свидетельствуют два черновых варианта ответа на донесение Родофиникина по этому поводу. «С крайним прискорбием видел я из оного, – пишет Прозоровский, – что милосердие всеавгустейшего монарха России, удостоившего народ сей великого и мощного своего деятельного покровительства, и желание его в-ва видеть народ сей процветающим и благоденствие оного возрастающим, по внутренним раздорам между старейшинами народа соделывающи безуспешными». Прозоровский просил Родофиникина напомнить сербам все случаи, когда главнокомандующий «подкрепил сербов всеми возможными средствами», как русская армия спасла их от разгрома турок, как благодаря его ходатайству на сербов было распространено перемирие и т.д. и т.п. «Тем с большим соболезнованием сердца каждый беспристрастный суд взирать будет на то, – пишет Прозоровский, – что все труды попечительности, пожертвования

inslav

и старания в пользу их ниспровергаются раздорами между ними – и кто же? Старейшин и правителей народа, долженствующих быть примером другим». Избранный ими же верховный вождь сербского народа во время восстания защищал землю и народ от разорения и тем самым приобрел себе право на признательность соотечественников. «Описываемые Советом Народным свирепость и жестокость его, – продолжает Прозоровский, – мне не известны. Но если то правда, что ко мне пишет Совет, то я удостоверен, что вождь сей для собственной славы и для благосостояния народа, о котором он непреложно пещись обязан, последует советам Вашим, которые Вы от имени моего ему дать имеете, дабы воздержался от всяких поступков, строгому правосудию противуборствующих и нарушающих правила благоустройства. Скажите ему, что тем самым он вящше приобретет себе милость и благоволение покровителя народа сербского государя императора Александра».

Правительствующему Совету Родофиникин, согласно предписанию Прозоровского, должен был внушить следующее: «Заслуги (Карагеоргия. – *В.Г.*) в пользу их отечества, приобретенная опытность в предводительстве войсками, а наиболее нерешительное еще положение Сербии еще полагают… непреоборимые препоны согласиться в настоящее время на их желание (т.е. сменить Карагеоргия. – *В.Г.*). Для чего и надлежит им, устраняя все личное, единомысленно и в соединении с верховным вождем пещись о водворении благоденствия в народе, употребляя к тому все способы, которые по наставлениям моим Вы им преподавать будете. Когда же мир между Россиею и Портою восстановится, в каковое время последует и решительное постановление ко благу Сербской земли. До того же времени всякая перемена в образе управления, а паче столь именитого полководца должна неминуемо быть для нее пагубна. Теперь надлежит таким старейшинам уклониться от всяких побочных внушений, неизбежный вред им нанести долженствующих». К этому Прозоровский добавил и то, что о просьбе Правительствующего Совета по поводу отстранения Карагеоргия от власти он непременно доложит царю Александру I[109].

inslav

В другом черновике от того же числа Прозоровский изложил те же самые мысли, но в более сдержанной дипломатической форме. Он «в полной мере» одобрил все меры, предпринятые Родофиникиным «к удержанию старейшин от восстания противу верховного вождя, находя оные совершенно обстоятельством времени и нравом тех людей соответствующими». Прозоровский соглашался и с тем, что скорое возобновление военных действий между Россией и Турцией прекратило бы междоусобицу сербских старейшин и объединило бы их умы против общего врага. Но, судя по положению дел, это будет не так скоро. Поэтому главнокомандующий предлагал Родофиникину приложить все силы и старания к тому, чтобы, по его словам, «удержать Совет от всякого поступка, настоящий порядок разрушающего, особенно же от всякого насилия противу верховного вождя, ибо всякая перемена в нынешних критических обстоятельствах должна обратиться ко вреду Сербии, а вместе с тем и ко вреду собственных интересов отечества нашего». Прозоровский не без основания подозревал, что раздоры между сербскими старейшинами порождались «потаенными кознями» австрийцев при посредстве купца Милоша Урошевича и секретаря верховного вождя Стефана Ефтича. Содержание этого письма Прозоровский просил огласить Правительствующему Совету и сообщить его членам о том, что о их жалобе на Карагеоргия будет доложено царю Александру I.

Кроме того, Прозоровский советовал Родофиникину «елико возможно затруднить сношения сербов с австрийцами и всемерно отклонить первенствующих в народе чиновников от податливости на обольщения австрийцев, представя им весь вред, от того для них произойти долженствующий». Тогда же Прозоровский просил русского посла в Вене А.Б. Куракина, со своей стороны, оказать содействие Родофиникину в этом деликатном деле[110] в надежде смягчить противоречия между сербскими старейшинами. Прозоровский просил Родофиникина назвать ему имена сербов, которые достойны награждения золотыми и серебряными медалями с надписью «За любовь

inslav

к вере и отечеству», которые уже отправлены из Петербурга и скоро будут доставлены в Яссы[111].

6. Попытки боснийских аянов возобновить военные действия против сербов в апреле 1808 г. и усиление тревожных настроений в повстанческой Сербии

С приближением срока окончания перемирия между Россией и Турцией, который по условиям Слободзейского договора был намечен на апрель 1808 г., боснийские аяны, не дожидаясь указаний Порты, по собственной инициативе начали подготовку к нападению на сербов. Незадолго до этого боснийские аяны в ходе междоусобной борьбы обвинили своего визиря Хусрев-Мехмед-пашу в измене, и он в феврале 1808 г. был вынужден покинуть Боснию. В марте 1808 г. на его место был назначен Ибрагим Хилми-паша. Не имея распоряжений из Константинополя, боснийские аяны в отсутствие визиря начали готовиться к нападению на сербов по собственной инициативе. Доходившие известия из Боснии и слухи, распространяемые французскими и австрийскими агентами в Сербии о подготовке турок к войне с Россией, побудили К.К. Родофиникина обратиться с просьбой к валевскому воеводе Якову Ненадовичу с просьбой послать в Боснию человека для выяснения ситуации на месте. Сначала Я. Ненадович сообщил, что он не может выполнить это задание по двум причинам: из-за ненастной погоды и по причине запрета Правительствующего Совета вести местным воеводам переписку с Родофиникиным без ведома Совета и верховного вождя. Однако, несмотря на запрет, такой человек в марте 1808 г. побывал в Боснии и сообщил следующее. Оставшись без визиря, боснийские аяны начали было готовиться к войне с сербами. В частности, Али Хаджибей, владения которого примыкали к территории, занятой сербскими повстанцами, и подчиненные ему боснийские воины поспешно отправляли свои семьи в тыл, а сами готовились к отражению нападения сербов. Хаджи-бей попытался было

inslav

предложить сербам заключить с ним мирный договор, но сербские старейшины отклонили его предложение. По свидетельству Я. Ненадовича, французский консул в Травнике во всем поддерживал боснийского визиря и заодно с ним всегда действовал против сербов. «Теперь же, – пишет Я. Ненадович 9(21) марта 1808 г., – вся Босния (пребывает. – *В.Г.*) в мире и тишине». Даже ближайший сосед сербов Хаджи-бей «стоит мирно и христианство свое под собой мирит»[112]. Австрийский агент в Боснии доносил по этому поводу, что перед отъездом в Константинополь бывший боснийский визирь Хусрев Мехмед-паша распорядился прекратить подготовку к войне с сербами и распустить стихийно собравшиеся войска аянов, которые вскоре и разошлись по своим домам[113].

В марте 1808 г. в Белграде появились слухи о нападении турок на посты сербских повстанцев в районе реки Тиллак. Но как выяснилось, там турки убили двух сербов, которые по ошибке зашли на занятую турецкими войсками территорию для закупки продовольствия в селах. В отместку сербский воевода Велько Петрович убил одного турка[114]. Этим местный инцидент и был исчерпан, и, тем не менее, Велько Петрович в конце марта 1808 г. также готовился к войне с турками. Из расписки некоего чара-баши Трифуна от 31 марта (12 апреля) 1808 г. видно, что он получил от воеводы Велько Петровича 1 тыс. грошей для набора войска в Каравлахии. Если же войско не будет набрано к сроку, то Трифун обязывался возвратить всю полученную им сумму полностью[115]. Деньги на эти и другие нужды были получены от К.К. Родофиникина. Так, например, землинский купец Алекса Ралич втайне от австрийских властей поставил сербам в Шабац 90 тыс. ока муки и в Лозницу для воеводы Антиния муку и ячмень[116]. Правительствующий Совет Сербский просил К.К. Родофиникина уплатить за эту поставку: за муку для города Шабаца – 7 тыс. грошей, за муку и ячмень для воеводы Антиния – 12154 гроша[117].

В середине апреля 1808 г. начали поступать достоверные и более тревожные сообщения о действиях видинского паши.

inslav

Генерал-майор И.И. Исаев, командовавший корпусом российских войск в Малой Валахии, сообщил, что Молла-паша Видинский возводит высокую крепостную башню на правом берегу Дуная. Один из его посыльных сообщил И.И. Исаеву, что это укрепление предназначено для обороны от давнего неприятеля – Мустафа-паши Байрактара. В том же письме И.И. Исаев сообщил Родофиникину о получении 500 пудов пороха и 700 пудов свинца, которые предназначались для передачи сербам. В связи с этим И.И. Исаев отправил письмо поречскому воеводе Миленке Стойковичу, чтобы он организовал переправу этих боеприпасов через Дунай и быструю перевозку их от берега реки с таким расчетом, чтобы турки не смогли уличить русских в передаче боеприпасов сербам[118]. 15(27) апреля 1808 г. К.К. Родофиникин сообщил о переправе до полутора тысяч турок через реку Дрину в районе крепости Сокол. Часть их вошла в город, а другая заняла старые сербские укрепления (шанцы) у подножья горы, на которой была построена крепость. В занятых турками шанцах не было сербских войск. Эти временные оборонительные сооружения были ранее оставлены сербами, которые посчитали их бесполезными[119].

В донесении сербского архимандрита Хаджи Мелентия Стефановича эти события изложены в несколько иной интерпретации, чем в донесении Родофиникина. Хаджи Мелентий 24 апреля 1808 г. сообщил Правительствующему Совету, что боснийские турки пока находятся в смущении, продолжая советоваться между собой. Одна группировка боснийских турок численностью до 1 тыс. человек напала на сербские укрепления (шанцы) и заняла некоторые из них. Однако в ходе ожесточенных сражений сербы выбили турок из укреплений. Теперь боснийское войско расположилось между рекой Дриной и крепостью Соколом на расстоянии 5 верст (одного часа) от передовых сербских постов. Пока они стоят спокойно и не тревожат сербов[120].

Между тем, 23 апреля (5 мая) 1808 г. А.А. Прозоровский отправил К.К. Родофиникину депешу, в которой сообщал, что согласно информации французского посла в Константинополе

inslav

Г. Себастиани, «по взаимному соглашению между российским и турецким полномочными в Париже прекращение военных действий в здешних краях имеет продолжение во все времена и до окончания переговоров». Не имея распоряжений из Петербурга по этому поводу, Прозоровский от себя лично дал обещание Г. Себастиани и туркам, что до получения распоряжений от царя Александра I он останется, по его словам, «как и доселе спокойным, не приступая ни к каким военным предприятиям, если только турки не подадут нам нападением с их стороны причины...». В письмах к Г. Себастиани и Мустафа-паше Рущукскому Прозоровский твердо настаивал на том, чтобы перемирие было распространено и на сербов. «А, следовательно, сербы, – пишет Прозоровский, – я почти уверен, не будут беспокойны со стороны турков, но тогда и им не должно ничего предпринимать, а только к войне готовым быть». А.А. Прозоровский предполагал, что вопрос о мире или войне будет окончательно решен в Париже не позднее июня 1808 г., и тогда же решится сербский вопрос. Эту информацию Прозоровский просил Родофиникина довести до сведения сербов, чтобы они успокоились и знали, какое участие в их судьбе не переставал принимать главнокомандующий Дунайской армией[121]. Что же касается известий, полученных от французов и австрийцев о готовящемся нападении турок на сербов, то Прозоровский просил заверить Карагеоргия, что «турки воздержатся от такого нападения»[122].

В конце апреля 1808 г. в Бухарест прибыл французский посол в Турции генерал Г. Себастиани, который при встрече с генерал-лейтенантом М.А. Милорадовичем уверял его, что турецкий султан наистрожайше приказал, чтобы турецкие войска не давали ни малейшего повода к нарушению заканчивающегося в апреле 1808 г. перемирия не только с русскими, но и с сербами. Из Бухареста Г. Себастиани поехал в Яссы, а оттуда намеревался отправиться в Париж. Основываясь на заверениях французского посла, М.А. Милорадович направил Мустафа-паше Байрактару письмо с требованием удалить с острова

inslav

на Дунае турецкие войска, поскольку согласно условиям Слободзейского договора этот остров не должны занимать ни турки, ни русские, ни сербы. Кроме того, М.А. Милорадович требовал от турецкого паши, чтобы в продлеваемое перемирие непременно были включены и сербы, которые также не будут беспокоить турок[123].

Несмотря на «наистрожайший» запрет султана, боснийские турки, согласно сообщению архимандрита Мелентия, у реки Дрины в конце апреля напали на сербов, сожгли небольшое селение, убили нескольких поселян и забрали там весь скот. В связи с этим К.К. Родофиникин послал Я. Ненадовичу письмо, в котором предложил ему отправиться на Дрину, пригласить туда же начальника нападавших турок, выяснить с ним причину неприятельских действий с их стороны, так как сербы не подали к этому ни малейшего повода. Наряду с этим Правительствующий Совет направил новому визирю Боснии Ибрагиму Хильми-паше письмо с просьбой выяснить причину конфликта, возместить нанесенный ущерб и прекратить нападения на сербские села[124]. Согласно полученным из Боснии известиям, французские власти в Далмации снабжают боснийских турок порохом и другими боеприпасами. По донесениям, полученным из тех же источников, к столице Румелии Софии в середине апреля 1808 г. прибыло до 12 тыс. турецкого войска. Тогда же Реджеб-ага, аян из г. Орсово, обратился к Карагеоргию с просьбой освободить некоторых турок. Верховный вождь, согласно донесению Родофиникина, освободил не только упомянутых орсовским аяном турок, но и сверх того разрешил выехать из Сербии в Орсово до 120 человек других турок. Этот поступок Карагеоргия объясняется не только добродушием верховного вождя, но и отсутствием продовольствия. В конце апреля из австрийских владений были отправлены в Шабац два судна и в Землин три судна, груженых хлебом. Поскольку сербский народ «повсюду претерпевает крайнюю нужду в хлебе», К.К. Родофиникин принял решение не покупать этот хлеб для нужд сербского войска, а раздать его народу[125].

inslav

В ответ на негласное разрешение венского двора продавать муку и зерно сербам Карагеоргий разрешил вывозить из Сербии в Австрию все, кроме овец и крупного рогатого скота. В письме от 3(15) мая 1808 г. верховный вождь писал по этому поводу Родофиникину: «Я хочу по Вашему желанию разрешить вывоз на немецкую сторону всего, кроме овец и быков». В том же письме Карагеоргий сообщал, что по совету Родофиникина он отправляет на встречу с Симбшеном своего секретаря Стефана Ефтича и Младена Миловановича. Согласно инструкции верховного вождя, им поручалось довести до сведения венского двора следующее: «если немцы хотят, чтобы мы были их великие приятели, – пишет Карагеоргий Родофиникину, – на то мы согласны и письменно дадим и от них возьмем письменно (согласие. – *В.Г.*). А если хотят (занять. – *В.Г.*) Сербию, ни под каким видом отдать не хочем никому без кровопролития». Подтвердив еще раз, что сербы уже дали письменное согласие оставаться под покровительством петербургского двора, Карагеоргий заверял: «...с немцами мы ведем одну только политику, чтобы нам нужные вещи можно было от них получить, и как Вы за право и за доброе нашли».

Тогда же верховный вождь сообщил и о том, что 29 апреля 1808 г. турки вновь начали наступление на передовые отряды сербов на р. Дрине, но сербы «хорошо их приняли и назад прогнали»[126]. Сербские войска выбили боснийских турок, занявших предместье Сеницы, и вновь овладели одноименной крепостью. Взятые в плен турки были отпущены на основании достигнутой после боя договоренности. В качестве трофеев сербам достались одна пушка и несколько бочек пороха. Согласно вышеупомянутому договору, боснийские аяны больше не предпринимали активных действий на Дрине, но и не распускали сосредоточившихся в одном месте войск.

Однако нападение турок на сербов было совершено на другом участке в районе города Ниш. Четырехтысячный корпус кирджалиев под командой Кара-Феози атаковал осаждавших крепость сербов, которыми командовал воевода М. Печкович.

inslav

Прорвавшись в осажденную крепость, турки оставили там до одной тысячи кирджалиев, а три тысячи угрожали сербам с тыла[127]. Воевода М. Петрович так описывал это событие в письме от 5(17) мая 1808 г.: «Турки со всех сторон подходят к Нишу и пытаются окружить позиции сербов не только под Нишем, но и в районе Делиграда. По некоторым сведениям, Мустафа-паша также послал много войск из Видина, которые хотят разорить христиан Видинской нахии. Навстречу видинским туркам М. Петрович послал отряд Велько Петровича. Но поскольку у оборонявшихся сербов не хватало ни войск, ни боеприпасов, М. Петрович просил как можно скорее прислать помощь, пока турки не преградили единственную дорогу. В связи с этим он просил, чтобы К.К. Родофиникин сообщил об этом А.А. Прозоровскому. «Если намерены нам каковую помощь дать, – писал М. Петрович Правительствующему Совету, – то пусть поспешают и как можно скорее войска на нашу сторону переводят, ибо здесь ожил турчин со всех сторон... и всякий день приходит в Нисс; и слышим теперь, что оный старейшина турецкий (Мустафа-паша Видинский. – *В.Г.*) с войском идет, потому что не шутка тронуть турчина в живое, а войска у нас весьма мало»[128]. Правительствующий Совет, в свою очередь, постановил, чтобы К.К. Родофиникин сделал представление по поводу нападения боснийских турок либо боснийскому визирю, либо французскому консулу в Боснии. Родофиникин, отказавшись вступать в переговоры с визирем, 7(19) мая 1808 г. отправил соответствующее письмо французскому консулу Давиду, а сам в тот же день поехал в Землин на встречу с эрц-герцогом Людвигом, который в это время инспектировал австрийские пограничные войска[129].

Рассмотренные в главе V факты позволяют заключить, что императоры Франции, России и Австрии, а также представлявшие их интересы политики в 1807 г. подходили к решению сербского вопроса опосредованно, в зависимости от их отношения к Османской империи, в состав которой входила повстанческая Сербия. С таких позиций он был попутно

inslav

затронут в Тильзите во время переговоров Наполеона I и Александра I в июне 1807 г.

Внимательнее и детальнее его обсуждали в Петербурге в сентябре 1807 г. при подготовке проекта мирного договора между Россией и Турцией. Уже тогда некоторые российские дипломаты предупреждали, что ни Наполеон, ни тем более Порта ни при каких условиях не согласятся на создание независимого сербского государства. Представители МИД России рекомендовали Александру I при обсуждении в Париже условий мирного договора между Россией и Турцией требовать создания автономного сербского государства в составе Османской империи, но под покровительством России.

Полагаясь на результаты переговоров в Тильзите, Александр I надеялся, что во время русско-турецких переговоров в Париже Наполеон, как союзник и посредник в переговорах, будет на стороне России, поддержит русский проект договора и своей «магической активностью» будет способствовать более быстрой подготовке этих переговоров. Ради этого Александр I даже пошел на уступку, разрешив русскому послу в Париже П.А. Толстому не затрагивать вопроса об изменении условий Слободзейского договора о перемирии между Россией и Турцией.

Наполеон и его дипломаты ловко воспользовались этим просчетом Александра I и сделали все возможное, чтобы как можно дольше продлить перемирие между Россией и Турцией. Положение ни мира, ни войны на Балканах с разных сторон устраивало Францию. Во-первых, Наполеон мог без опасения со стороны России и Турции заниматься своими делами в Испании и Португалии. Во-вторых, перемирие без определенных условий и срока еще больше дестабилизировало ситуацию в повстанческой Сербии. Распространяемые французскими и австрийскими агентами слухи о «продаже русскими Сербии», подстрекательства французского консула в Боснии Давида боснийских турок к нападению на сербов, беспокойство сербских повстанцев о том, как будет решена их судьба при заключении русско-турецкого мира, усиление агрессивных намерений

inslav

Австрии и т. д., – все это еще больше нагнетало чувство неуверенности и страха как среди повстанческого руководства, так и среди простого народа. Панические настроения способствовали усилению раскола среди наиболее влиятельных сербских старейшин, до предела обострили отношения между верховным вождем Карагеоргием и проавстрийской партией Младена Миловановича. В обстановке неопределенности и опасений Карагеоргий, подстрекаемый М. Миловановичем и его сторонниками, стал сомневаться в целесообразности покровительства России и предпринял попытку искать защиты у Австрии. Однако даже в этих условиях правительство России и командование Дунайской армии не теряли веры в приверженность сербов к России и делали все возможное в условиях нестабильного перемирия, чтобы втайне от турок и австрийцев снабдить сербских повстанцев оружием, боеприпасами и деньгами. А.А. Прозоровский и К.К. Родофиникин, как могли, удерживали сербов от вооруженных стычек с непокорными Порте пашами и аянами, от контактов с австрийцами, а также от междоусобной вражды влиятельных сербских воевод и чиновников.

Примечания

[1] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. (Далее – ВПР). Т. III. М., 1963. Проект дополнения к недатированным инструкциям Александра I А.Б. Куракину и Д.Н. Лобанову-Ростовскому.

[2] Там же. С. 642–646. Русско-французский договор о наступательном и оборонительном союзе от 25 июня (7 июля) 1807 г.

[3] Там же. Т. IV. С. 190. Записка Н.П. Румянцева «Общий взгляд на Турцию» без указания даты. Составлена не позднее 1(13) марта 1808 г.

[4] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 7920. Л. 6 и об., 9–14. Н. Пизани – Н.П. Румянцеву, 14(26) сентября 1807 г.

[5] Сборник РИО. Т. 89. С. 97–113. Инструкция Александра I – П.А. Толстому от 14(26) сентября 1807 г.; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 8988. Л. 59–67. Записка Н. Пизани – Н.П. Румянцеву, 14(26) сентября 1807 г.

[6] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 8992. Л. 41–45. П.А. Толстой – Н.П. Румянцеву, 26 октября (7 ноября)1807 г.

inslav

[7] Сборник РИО. Т. 89. С. 218–222. Н.П. Румянцев – П.А. Толстому, 6(18) ноября 1807 г.
[8] Сборник РИО. Т. 89. С. 259–263; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 8989. Л. 218–219.
[9] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 8989. Л. 246–256 (проект), 258–265 (отрезок). Там же. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 9006. Л. 174–187 (копия). Н.П. Румянцев – П.А. Толстому, 26 ноября (8 декабря) 1807 г.
[10] ВПР. Т. IV. С. 190. Записка Н.П. Румянцева «Общий взгляд на Турцию», не позднее 1(13) марта 1808 г.; *Tatistcheff S.* Alexander I et Napoleon d'apres leur correspondance inedite 1801–1812. Paris, 1891. P. 365–370.
[11] *Tatistcheff S.* Op. cit. P. 349–350; Дипломатические сношения России и Франции 1808–1812 г. Т. 1. С. 216–217.
[12] Дипломатические сношения России и Франции 1808–1812 г. Т. 1. С. 211–216. Коленкур – Наполеону I, 9 марта 1808 г. С. 217–221; Коленкур – Наполеону I, 10 марта 1808 г. С. 221–227; Коленкур – Наполеону I, 12 марта 1808 г.
[13] *Talleyrand Ch.M.* Memoires de prince de Talleyrand. T. I. Paris, 1891. P. 408. См. также: ВПР. Т. IV. С. 558–563. Примечание № 14.
[14] *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 г. Т. II. СПб., 1887. С. 46–60.
[15] Сборник РИО. Т. 89. С. 465. Н.П. Румянцев – П.А. Толстому, 11(23) марта 1808 г.
[16] *Beer A.* Die orientalische Politik Österreichs seit 1774. Prag – Lepzig, 1833. S. 208. *Гавриловић Сл.* Војводина и Србија. С. 112; ВПР. Т. IV. С. 610. Примечание № 166.
[17] *Ивић А.* Списи бечких архивов... Књ. V. С. 237–238. Барон Симбшен – эрц-герцогу Людвигу 18(6) февраля 1808 г.
[18] Там же. С. 273–274. И. Стадион – Генеральной дирекции Военной границы, 7 марта 1808 г. (н.с.).
[19] *Ивић А.* Списи... Књ. V. С. 353–354. Ф. Перш – Й. Симбшену, 23 марта 1808 г. (н.с.).
[20] Отаџбина. Књ. XXVII. Београд, 1891. С. 278–284.
[21] *Ивић А.* Списи... Књ. V. С. 414–419. Барон Й. Симбшен – эрц-герцогу Карлу, 5 апреля 1808 г. (н.с.).
[22] Там же. С. 429–430. Й. Симбшен – Лейтеру, 7 апреля (26 марта) 1808 г.
[23] Там же. С. 443. Карагеоргий – Й. Симбшену, 31 марта (12 апреля) 1808 г.
[24] Подробнее об этом см.: *Beer A.* Die Orientalische Politik Österreichs seit 1774. Prag – Leipzig, 1833. S. 207–212; *Kranes Fr.* Josef Frescherr von Simbschen und die Stellung Osterreichs zur serbischen Frage (1807–1808). Wien, 1890. S. 42–58; *Гавриловић Сл.* Војводина и Србија у време првог устанка. Нови Сад, 1977. С. 111–115.

inslav

[25] *Ивић А.* Леополд Ранке и српско-аустријски односи у време првог српског устанка // Глас СКА. Број CLXXIX. Београд, 1939. С. 131–139.
[26] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 153–157. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 9 января 1808 г.
[27] Први српски устанак. Акта и писма на српском језику. Књ. I. Београд, 1977. С. 313–314; *Ивић А.* Списи бечких архива. Књ. V. Суботица, 1939. С. 120–121. Карагеоргий и Правительствующий Совет – эрц-герцогу Карлу, 22(10) января 1808 г. н.с.
[28] Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. М., 1983. С. 8–10. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 15(27) января 1808 г.
[29] АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807. Д. 2. Л. 61–65. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 15(27) января 1808 г.
[30] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 241. Карагеоргий – А.А. Прозоровскому, 18(30) января 1808 г.
[31] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 27–28. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 26 марта (7 апреля) 1808 г.
[32] АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807–1808. Д. 2. Л. 24–26; там же. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1920. Л. 29–31. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 26 марта (7 апреля) 1808 г.
[33] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Л. 55 и об. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 28 марта (9 апреля) 1808 г.
[34] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 35–36. Протокол Стево Ефтича от 28 марта (9 апреля) 1808 г. Русский перевод, современный подлиннику. Подлинник на сербском языке. Там же. Л. 34.
[35] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1920. Л. 29–31. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 26 марта (7 апреля) 1808 г.
[36] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 74; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1920. Л. 279. Карагеоргий – А.А. Прозоровскому, 31 марта (12 апреля) 1808 г.
[37] АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807–1808. Д. 2. Л. 29 и об. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 26 марта (7 апреля) 1808 г.
[38] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 53–54. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 28 марта (9 апреля) 1808 г.
[39] Там же. Л. 55–60. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 28 марта (9 апреля) 1808 г.
[40] Први српски устанак. Књ. 1. С. 330. Карагеоргий – К.К. Родофиникину, 31 марта (12 апреля) 1808 г.
[41] Там же. С. 336. Карагеоргий – М. Урошевичу 17(29) апреля 1808 г.
[42] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1920. Л. 396–397. Барон Й. Симбшен – Карагеоргию, 4 мая (22 апреля) 1808 г. Русский перевод с сербского,

inslav

современный подлиннику; *Дубрович Н.Ф.* Сербский вопрос // Русский вестник. XLVI. СПб., 1863. С. 160; *Ивић А.* Списи бечких архива. IV. С. 538; Први српски устанак. Књ. 1. С. 337–338.

[43] Первое сербское... Кн. 2. С. 10. Н.П. Румянцев – Александру I. Не позднее 16(28) января 1808 г.; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 13332. Л. 5–7. «Записка касательно сербов» (б.ч.) января 1808 г.

[44] Первое сербское... Кн. 2. С. 11. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 16(28) января 1808 г.

[45] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1807. Д. 1920. Л. 7. Постановление Венгерского Совета в Буде от 29 декабря 1807 г. (н.с.).

[46] *Петров А.Н.* Россия в борьбе Сербии за независимость // Военный сборник. Т. 167. № 1–2. СПб., 1886. С. 28.

[47] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 140–141. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 20 декабря 1807 г.

[48] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 5. Л. 289. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 28 декабря 1807 г.

[49] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-б. Св. 30. Д. 21. Л. 56. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 28 декабря 1807 г.

[50] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 673. Л. 45. И.И. Исаев – К.К. Родофиникину, 21 января 1808 г.

[51] Там же. Св. 20. Д. 597. Л. 4–5. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 30 января 1808 г.

[52] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. 1808. Оп. 580-А. Д. 9. Л. 524–526. А.А. Прозоровский – М.А. Милорадовичу, 21 февраля 1808 г.

[53] АВПРИ. Ф. 102. Дипломатическая канцелярия при главнокомандующем Дунайской армией. Оп. 580-А. Кн. 3. Д. 20. Л. 57–58. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 28 декабря 1807 г.

[54] РГВИА. Ф.ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 237–238. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 18 января 1808 г.

[55] Там же. Л. 160. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 10 января 1808 г.

[56] АВПРИ. Ф. 102. Дипломатическая канцелярия при главнокомандующем Дунайской армией. Оп. 580-А. Кн. 3. Д. 20. Л. 57–58. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 31 марта 1808 г.

[57] Военный сборник. СПб., 1864. № 8. С. 237. А.А. Прозоровский – Карагеоргию, 22 января 1808 г.; *Петров А.Н.* Война России ... С. 23–24.

[58] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. 1808. Оп. 580-А. Д. 9. Л. 446–449. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 30 января 1808 г.

inslav

[59] АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807. Д. 2. Л. 109–115. А.А. Прозоровский – И.И. Исаеву, 5(17) февраля 1808 г.
[60] Там же.
[61] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. 1808. Оп. 580-А. Д. 9. Л. 473–479. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 9(21) февраля 1808 г.
[62] Там же. Л. 482–485. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 10(22) февраля 1808 г.
[63] АВПРИ. Там же. Л. 533–535. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 23 февраля 1808 г.
[64] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 393. Ч. 1. Л. 296. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 10 февраля 1808 г.
[65] Первое сербское... Кн. 2. С. 11–12. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 10 февраля 1808 г.
[66] Први српски устанак... Књ. 1. С. 317. Карагеоргий – П. Новаковичу и Д. Обрадовичу, 5 февраля 1808 г.; там же. С. 318. Карагеоргий – К.К. Родофиникину, 5 февраля 1808 г.
[67] Первое сербское... Кн. 2. С. 12–14. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 19 февраля 1808 г.; РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/165-б. Св. 30. Д. 5. Л. 57–59. А.А. Прозоровский – И.И. Исаеву, 19 февраля 1808 г.; АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. 1808. Оп. 580-А. Д. 9. Л. 533–535. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 23 февраля 1808 г.
[68] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 393. Л. 275. Опубликовано: Исторический архив. М., 1966. № 1. С. 122–123. Инструкция А.А. Прозоровского – инженер-майору Грамбергу, 19 февраля 1808 г.
[69] Первое сербское... Кн. 2. С. 14–15. Правительствующий Совет Сербский – А.А. Прозоровскому, 20 февраля 1808 г.
[70] Там же. С. 16–17. А.А. Прозоровский – Правительствующему Совету, 8(20) марта 1808 г.
[71] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 20–22. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 5(17) марта 1808 г.; там же. Ф. 14209. Оп. 3/163-б. Св. 30. Д. 21. Л. 101, 107. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 5(17) марта 1808 г.; Први спрски устанак. Књ. 1. С. 321. К.К. Родофиникин – М. Стойковичу, 5(17) марта 1808 г.
[72] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 120. Л. 12. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 5(17) марта 1808 г.
[73] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 14–15. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 5(17) марта 1808 г.
[74] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. 1808. Оп. 580-А. Д. 10. Л. 33–35. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 5(17) марта 1808 г.; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 325–326. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 5(17) марта 1808 г.

inslav

[75] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 63–64. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 9(21) апреля 1808 г.
[76] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 393. Ч. 2. Л. 12–13. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 5(17) марта 1808 г.
[77] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 10. Л. 37об.–39об. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 5(17) марта 1808 г.; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 493. Ч. 1. Л. 230–231. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 5(17) марта 1808 г.; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 13322. Л. 12. Доклад Н.П. Румянцева – царю Александру I.№ 6. марта (б/ч) 1808 г.
[78] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1920. Л. 59–60. А.А. Прозоровский – Александру I, 8(20) апреля 1808 г.
[79] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1920. Л. 2–5; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 43–45. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 8(20) апреля 1808 г.
[80] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 94–95. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 23 апреля (5 мая) 1808 г.
[81] Там же. Л. 80–81. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 7(19) апреля 1808 г.
[82] Там же Л. 94–96. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 23 апреля (5 мая) 1808 г.
[83] Там же. Л. 166–167. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 7(19) мая 1808 г.
[84] АВПР. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 6. Л. 75 и об. М.А. Милорадович – А.А. Прозоровскому, 20 мая (1 июня) 1808 г.
[85] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 166–167. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 7(19) мая 1808 г.
[86] ВПР. Т. IV. С. 200–201. А.Б. Куракин – А.А. Прозоровскому, 11(23) марта 1808 г.
[87] Први српски устанак. Књ. 1. С. 341. Правительствующий Совет Сербский – К.К. Родофиникину, 1(13) мая 1808 г.
[88] ВПР. Т. IV. С. 200–201. А.Б. Куракин – А.А. Прозоровскому, 10(22) марта 1808 г.
[89] Там же. С. 201–202. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 11(23) марта 1808 г.; Первое сербское... Кн. 2. С. 18–19. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину 31 марта (12 апреля) 1808 г.
[90] Первое сербское... Кн. 2. С. 19. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 8(20) апреля 1808 г.
[91] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 49. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 8(20) апреля 1808 г.
[92] Там же. Л. 52. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 8(20) апреля 1808 г.
[93] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1943. Л. 14. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 9(21) апреля 1808 г.; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 62. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 9(21) апреля 1808 г.; там же. Л. 66–67. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 9(21) апреля 1808 г.

inslav

[94] ВПР. Т. IV. С. 228. А.А. Прозоровский – Карагеоргию, 8(20) апреля 1808 г.; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1920. Л. 44 и об. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 8(20) апреля 1808 г.
[95] ВПР. Т. IV. С. 603. Примечание № 143.
[96] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 161–162. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 10(22) января 1808 г.
[97] ВПР. Т. IV. С. 201–202. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 11(23) марта 1808 г.
[98] АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1808. Д. 2. Л. 116–119. И.И. Исаев – А.А. Прозоровскому, 11(23) февраля 1808 г.; там же. Л. 120–121. И.И. Исаев – А.А. Прозоровскому, 17(29) февраля 1808 г.
[99] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 393. Ч. 1. Л. 281. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 22 февраля (5 марта) 1808 г.
[100] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 1. Л. 577–587. А.Б. Куракин – А.А. Прозоровскому, 25 февраля (8 марта) 1808 г.
[101] АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807. Д. 2. Л. 116–119. И.И. Исаев – А.А. Прозоровскому, 11 февраля 1808 г.
[102] АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807. Д. 2. Л. 120, 121. И.И. Исаев – А.А. Прозоровскому, 17 февраля 1808 г.
[103] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 299–302. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 17 февраля 1808 г.
[104] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 75–79. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 7(19) апреля 1808 г.
[105] Там же. Л. 111–117. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 25 апреля (7 мая) 1808 г.
[106] Там же. Л. 101–104. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 25 апреля (7 мая) 1808 г.
[107] Там же. Л. 111–117. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 25 апреля (7 мая) 1808 г.
[108] Там же. Л. 166–167. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому 7(19) мая 1808 г.
[109] Там же. Л. 143–146. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 13(25) мая 1808 г. (Черновик № 1).
[110] Там же. Л. 147–148. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 13(25) мая 1808 г.
[111] Там же. Л. 152. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 13(25) мая 1808 г.
[112] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 674. Л. 37 и об. Я. Ненадович – К.К. Родофиникину, 9(21) марта 1808 г.
[113] Први српски устанак. Књ. 1. С. 323. Австрийский агент в Боснии Вештица – С. Холевцу, 11(23) марта 1808 г.

inslav

[114] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 41 и об. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 26 марта (7 апреля) 1808 г.
[115] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 674. Л. 67. Копия расписки Чора-баши Трифуна – воеводе В. Печковичу в получении 1 тыс. грошей от 31 марта (12 апреля) 1808 г.
[116] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 61об. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 28 марта (9 апреля) 1808 г.
[117] Отаџбина. Година X. Књ. 32. Св. 125–129. С. 15–16. Правительствующий Совет Сербский – К.К. Родофиникину, 27 марта (8 апреля) 1808 г.
[118] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 67. Л. 52. И.И. Исаев – К.К. Родофиникину, 14(26) апреля 1808 г.
[119] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 96–97. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 15(27) апреля 1808 г.
[120] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1920. Л. 426. Хаджи Мелентий – Правительствующему Совету, 24 апреля 1808 г. Перевод с сербского на русский, современный подлиннику. Копию донесения на сербском языке с незначительным изменением текста см.: Први српски устанак. Књ. 1. С. 339.
[121] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 88–90. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 23 апреля (5 мая) 1808 г.
[122] Там же. Л. 94–96. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 23 апреля (5 мая) 1808 г.
[123] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 54 и об. И.И. Исаев – К.К. Родофиникину, 29 апреля (11 мая)1808 г.
[124] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 127. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 29 апреля (11 мая) 1808 г.
[125] Там же. Л. 131–133. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 29 апреля (11 мая) 1808 г.
[126] Первое сербское... Кн. 2. С. 22–23; Први српски устанак... Књ. 1. С. 342–343. Карагеоргий – К.К. Родофиникину, 3(15) мая 1808 г.; там же. С. 344. Карагеоргий – Й. Симбшену, 5(17) мая 1808 г.
[127] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 6. Л. 25 и об. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 7(19) мая 1808 г.
[128] Там же. Л. 61–62. Воевода М. Петрович – Правительствующему Совету, 5(17) мая 1808 г.
[129] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 170. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 7(19) мая 1808 г.

inslav

Глава VI

Продолженное перемирие и отношение к нему России, Турции и сербских повстанцев

1. Причины, заставившие правительства России и Турции согласиться на продление русско-турецкого перемирия

Как известно, Наполеон I в начале 1808 г., сосредоточившись на реализации своих планов в Испании и Пруссии, был крайне заинтересован в сохранении на Балканах положения «ни мира, ни войны» между Россией и Турцией. С этой целью он, как и прежде, продолжал с еще большей активностью проводить в отношении России и Турции испытанную в Тильзите политику подстрекательства и щедрых обещаний. Так, например, 2 февраля 1808 г. он направил Александру I письмо, в котором уверял своего союзника и друга, что тильзитские соглашения ознаменовали собой новую «эпоху великих перемен и великих событий». Император Франции советовал Александру I, удалив шведов от своей столицы, принять участие совместно с Францией и Австрией в походе на Константинополь, а затем в Азию и Индию. Французы твердо стоят в Далмации, русские – на Дунае. Через месяц объединенные силы французов, русских и, возможно, австрийцев могут быть на Босфоре. Все может быть решено и подписано до 15 марта 1808 г. К 1 мая 1808 г. наши войска будут в Азии. Тильзитское дело направит судьбы мира, уверял Наполеон Александра I[1].

Когда в начале марта 1808 г. стало ясно, что русско-французские переговоры в Петербурге по поводу предложенного Наполеоном I плана – раздела владений Османской империи – зашли в тупик и завершились без определенного результата, Наполеон I подкинул в Петербург новый план «совершенного разрушения Турецкой империи в Европе». Одновременно с этим французский посол в Вене А.Ф. Андреосси начал распространять слухи о намерении Порты объединиться с Англией для ведения войны с Россией. Понимая провокационность подобного рода слухов, Н.П. Румянцев предписал

inslav

П.А. Толстому убеждать Наполеона I в том, что, если Порта и готовится к войне с Россией, то она предпочитает воевать и с ее союзницей, т.е. с Францией. Во всяком случае подготовка Турции к войне значительно ухудшает перспективы русско-турецких переговоров о мире, которые ведутся в Париже[2].

20 марта (1 апреля) 1808 г. из Петербурга было отправлено предписание А.А. Прозоровскому, в котором сообщалось, что, несмотря на приближающийся срок окончания перемирия, русские войска не должны начинать военных действий, а главнокомандующему Дунайской армией надлежит употребить все зависящие от него старания, чтобы не подавать к этому явного повода туркам. Если же турки сами начнут военные действия, то Прозоровскому предоставлялось право действовать по обстоятельствам и по его усмотрению[3]. Объясняя причину, побудившую Александра I отдать такое распоряжение, Н.П. Румянцев в партикулярном письме к Прозоровскому под большим секретом сообщил, что в последнем послании к Александру I Наполеон I изложил «самые обширные планы к совершенному разрушению Турецкой империи в Европе»[4]. Согласно этим планам, у Турции должны были остаться Константинополь, владения, остающиеся за линией, которая проходила от Бургаса к Энсу, включая Адрианополь. Австрии передавались Босния и Болгария. Но это не устраивало Меттерниха, который требовал добавить к этому Сербию, часть Валахии, хотинскую и другие области. Когда в Париже стало известно о притязаниях Вены на большую долю балканских владений турецкого султана, Наполеон I охотно предложил новый вариант раздела Османской империи. Вскоре всем стало понятно, что политика «щедрых подарков» Наполеона I за счет Турции рассчитана на то, чтобы поссорить Россию с Австрией, удержать Россию в положении «ни войны, ни мира» с Турцией, т. е. как можно дольше продлевать перемирие, не заключая окончательного мира, и тем самым выиграть время, необходимое для реализации собственных планов в Европе. Однако на этот раз австрийский император Франц I официально объявил, что венский

inslav

двор не намерен участвовать в дележе владений Турции, и хотел бы видеть неразделенными ее владения[5]. Александр I, чтобы не ссориться со своим другом и союзником, сделал лишь несколько незначительных замечаний по поводу последнего варианта «обширных планов» раздела Турции и в середине марта 1808 г. отправил их Наполеону I. В Петербурге ждали ответа на эти замечания к середине апреля 1808 г.[6].

Согласно появившимся в Валахии слухам, в Париже якобы уже начались переговоры между русским послом во Франции П.А. Толстым и турецким уполномоченным Галиб-эфенди об условиях мирного договора между Россией и Турцией. На первом же заседании Галиб-эфенди предложил продлить срок перемирия, который согласно Слободзейскому соглашению заканчивался в апреле 1808 г.

Первым из российских военачальников Дунайской армии узнал о начале переговоров генерал-лейтенант М.А. Милорадович. 28 марта (9 апреля) 1808 г. он сообщил из Бухареста А.А. Прозоровскому, что, по полученным из Парижа известиям, начавшиеся там русско-турецкие переговоры ведутся в обстановке повышенной секретности, а сам Наполеон I, занятый разными проектами, не принимает в них участия. «Переговоры с турками, – писал Милорадович, – он (Наполеон I. – *В.Г.*) почитает самым последним делом, отчего и мирные переговоры двигаются медлительно, а о мире в Париже уже и не говорят»[7]. О решении продлить перемирие с Турцией Прозоровский узнал только 3(15) апреля 1808 г. из письма французского посла в Турции Г. Себастиани и рущукского сераскера Мустафа-паши Байрактара[8].

П.А. Толстой в конце апреля 1808 г. сообщал из Парижа иные, более тревожные сведения. Из его донесения от 25 апреля (7 мая) 1808 г. видно, что Наполеон I, завершив свои дела в Испании, намеревается приступить к реализации других завоевательных планов. Чтобы воспрепятствовать этому, П.А. Толстой рекомендовал Н.П. Румянцеву завершить войну России со шведами, заключить мир с Англией и Турцией, сосредоточить в западных губерниях России двухсоттысячную армию и как

inslav

можно сильнее укрепиться в Молдавии и Валахии[9]. Александр I, между тем, 28 апреля (10 мая) 1808 г. подписал послание Наполеону I, в котором сообщалось, что Порта через датского поверенного в делах в Турции барона Г. Гибша дала понять петербургскому двору о своей готовности начать мирные переговоры с Россией без французских посредников. В послании сообщалось и о том, что Александр I, оставаясь верным сторонником тильзитских соглашений, будет вести переговоры о мире с Турцией только при посредничестве Франции[10].

Из переписки русского посла в Австрии с П.А. Толстым видно, что Куракин вполне разделял опасения своего коллеги относительно новых планов Наполеона I. А.Б. Куракин сообщал Толстому, что после получения его письма стали понятны слова Г. Себастиани, сказанные французскому послу в Вене А.Ф. Андреосси, что «целостность Османской империи входила в систему императора французов», а также почему Г. Себастиани первым объявил А.А. Прозоровскому, что продление перемирия между Россией и Турцией до окончания переговоров о мире явилось первым и непременным условием, которое было выдвинуто в Париже. «Князь Прозоровский, – писал по этому поводу Куракин П.А. Толстому, – знал так мало, как и я, об этом условии... Приближение опасности (со стороны Франции. – *В.Г.*) требует, чтобы ее упредили. Вместо того, чтобы писать, следовало атаковать (турок. – *В.Г.*) и в то же время заявить Парижу, что сие действие есть представление ввиду угрожающих приготовлений Порты». Несомненно и то, полагал Куракин, что Россия теперь не может отречься от Дунайских княжеств. В противном случае, пишет Куракин, «таковое было бы демонстрацией для Европы, что мы были в данном случае игрушкой в руках французской политики. Ежедневное расширение Франции требует к тому же компенсации для нас, без коей Тильзитский мир оказался бы всего лишь бесполезной и иллюзорной конвенцией. Французы имеют сейчас 30 тысяч человек в Далмации. Если они угрожают Порте, то потому что существует план, который не является тем,

inslav

каковой сообщен в порядке действия нашему августейшему государю, дабы поделить результаты». Куракин сообщал также, что Австрия, по его словам, «смотрит с ревностью на две провинции (Молдавию и Валахию. – *В.Г.*) в наших руках и на наше продвижение к Дунаю… Валахия и Сербия оказались бы для нее выгодным и легким завоеванием»[11].

В письме к А.Б. Куракину от 21 мая (2 июня) 1808 г. А.А. Прозоровский был вынужден признать справедливость его мнения о том, что Галиб-эфенди и П.А. Толстой, по-видимому, не принимали в Париже никакого постановления о продлении срока перемирия между Россией и Турцией. Судя по всему, Г. Себастиани сообщил об этом главнокомандующему Дунайской армией по указанию Наполеона I, который очень заинтересован в продлении перемирия до улаживания своих дел в Испании, которыми он в это время был занят. «Конечно, – писал Прозоровский, – должен я полагать, что он (Г. Себастиани. – *В.Г.*) обнаружил мне единственно то и таким образом, как оное входит в виды императора Наполеона I; почему и на истину оного полагаться нельзя». Вместе с тем Прозоровский признавался, что он не может взять в толк, почему петербургский двор до сих пор не дает ответа по поводу продления срока перемирия, хотя запрос об этом был сделан еще 10(22) апреля 1808 г. Главнокомандующий поддержал мнение А.Б.Куракина и о том, что, по его словам, «мир наш с Портою всего лучше и скорее достигнут быть может на берегу Дуная, чему самым большим доказательством могут служить как прежние мирные трактаты, между Россиею и Портою заключенные, так и разговоры бывшего у меня конфидента Мустафа-паши Байрактара»[12].

В мае 1808 г. стало ясно для всех, что надежды Александра I на «магическую активность» Наполеона I не оправдались. В апреле 1808 г. император Франции, покинув Париж, отправился в Испанию, и его посредническая миссия была прекращена до неопределенного срока. В инструкции П.А. Толстому от 22 мая (2 июня) 1808 г. Н.П. Румянцев был вынужден признать, что отсутствие Наполеона I в Париже еще дольше

inslav

задержит переговоры о мире с Турцией. «Дружба Франции с Россией, – писал Румянцев, – ... и прежде вызывала недоверие Порты к посреднической роли Франции. Замедление переговоров еще более усилит ее недоверие (к Франции. – *В.Г.*)... Все это может довести до совершенного разрыва между Францией и Турцией и принудить, наконец, Порту решиться на отзыв полномочного своего из Парижа. Тогда мы уже достигнем желаемой цели и побудим Турцию согласиться без пролития крови и способом одной негоциации определить границы России на Дунае».

Но как только династические дела в Испании были улажены, Наполеон I круто изменил свое отношение к основным принципам тильзитских соглашений и к политике навязывания химерических планов раздела владений Османской империи. В мае 1808 г. Наполеон в разговоре с П.А. Толстым заявил: «Теперь невозможно осуществить виды на Турецкую империю. Дать вам Молдавию и Валахию – значит слишком усилить ваше влияние, привести вас в прямую связь с сербами, которые Вам преданы, с черногорцами, греками, вашими единоверцами и любящими вас»[13]. Известия об изменении отношения Наполеона I к политике раздела Османской империи вскоре стали поступать в Петербург и из других источников. Например, дипломатический представитель России в Неаполитанском королевстве Георгий Дмитриевич Мачениго 22 мая (3 июня) 1808 г. сообщал из Неаполя, что военный министр этого королевства Х. Саличети во время разговора с ним сказал следующее: «В силу обстоятельств судьба, предначертанная Турции, возможно, не будет отвечать ожиданиям заинтересованных сторон». Военный министр затем уточнил свою мысль в том плане, что «для России при нынешнем положении вещей нет ничего лучше, как укреплять узы, связывающие ее с императором французов, не слишком заботясь об усилении своего влияния в южной Европе, которое обстоятельства неизбежно должны были ослабить»[14].

inslav

2. Русско-турецкие переговоры о продлении срока Слободзейского договора о перемирии

В январе 1808 г. в Константинополь прибыл из Парижа курьер с извещением о разработке Наполеоном I секретных планов раздела владений Османской империи между Францией, Россией и Австрией[15]. Узнав о том, что политика Франции «склоняется к пагубе Оттоманской империи и что мир с Россиею при медиации Франции может более приносить вреда, чем пользы», – сообщалось в известиях полученных из Бухареста, Порта приняла решение попытаться заключить мир с Россией без всякого посредства Франции. По этому поводу был отдан приказ сераскиру из Рущука Мустафа-паше Байрактару, чтобы он написал письмо главнокомандующему Дунайской армией А.А. Прозоровскому, чтобы тот, в свою очередь, попросил царя Александра I прислать в Бухарест российского уполномоченного для заключения мира между Россией и Турцией без французского посредничества. Мустафа-паша сразу же предупредил Порту, что основания, на которых французы хотят, чтобы Порта заключила мир с Россией, ему не нравятся. Если мир будет заключен на предлагаемых Порте условиях, то Молдавия, Валахия и Сербия будут присоединены к России, которая, по мнению М устафа-паши, отдала за это Франции Республику Семи Островов. Не удовлетворившись этим, французы требуют от Порты передать этой республике еще Превезу, Арту и ряд других соседних с ними районов. Руководствуясь такими соображениями, Мустафа-паша тогда же объявил Порте, что, если султан и согласится уступить России Молдавию, Валахию и Сербию, то он, Мустафа-паша, не повинуется султанской воле и введет свои войска в Дунайские княжества. Порта, в свою очередь, заверила рущукского сераскера в том, что султан не пойдет на такую уступку и что уже отдан приказ перевести часть турецких войск из Румелии и других областей к Дунаю. Для успокоения Мустафа-паши 500 конных воинов Кусанджали Халила были переведены из Кладова в Рущук, а князь М. Суцу был

inslav

объявлен господарем Валахии[16]. Согласно агентурным данным, полученным из Адрианополя, Порта в марте 1808 г. предписала Мустафа-паше Байрактару готовить свои войска на случай возобновления военных действий с Россией, а великий визирь приказал Абасс-паше двигаться со своим войском к Софии и готовиться к нападению на сербов[17].

Между тем А.А. Прозоровский 20 марта (1 апреля) 1808 г. отправил донесение в Петербург о том, что Порта намерена направить к нему бывшего господаря Молдавии князя А. Мурузи для переговоров о продлении перемирия между Россией и Турцией на 2 или 4 месяца. В ответ на это Румянцев сообщил, что государь император «изволит думать, что в настоящих обстоятельствах и при делаемых нами приготовлениях, выгоднее для нас будет не определять перемирию срока, а условиться токмо, что ежели которая сторона вздумает оное разорвать, то оповестить о том другую (сторону. – *В.Г.*) за 8 дней перед началом военных действий». Если же Прозоровский найдет в этом какое-либо неудобство, то ему предоставлялось право продлить срок на 3 месяца, которого, по мнению царя, хватит для подготовки русских войск к возобновлению военных действий против турок. При этом Н.П. Румянцев обратил внимание Прозоровского на то, что Александр I, со своей стороны, «первую меру изволит предпочитать последней». Вторым условием продлеваемого перемирия, по мнению царя, должно быть то, чтобы войска обеих держав «повсеместно не переходили черты, на которой они находятся». Все другие оговорки по условиям продления срока перемирия Прозоровский мог делать уже по своему усмотрению[18].

Мустафа-паша Байрактар после некоторых колебаний все же решил выполнить приказ Порты и в середине марта 1808 г. отправил в Яссы к Прозоровскому двух представителей: своего секретаря Богоса Себастиани и переводчика (драгомана) Мартина Себастиани. Кроме тайного поручения Мустафа-паши Богос Себастиани вез Прозоровскому письма французского посла в Турции Горация Себастиани и начальствующего

inslav

в Рущуке сераскера Мустафа-паши Байрактара. В этих письмах, помимо прочего, сообщалось, как отмечал Прозоровский, что «по взаимному согласию между русским и турецким полномочными в Париже прекращение военных действий в здешнем краю имеет продолжиться во все время и до окончания переговоров»[19].

В Бухаресте посланцы Мустафа-паши были задержаны генерал-лейтенантом М.А. Милорадовичем по подозрению их в возможном шпионаже. Отправленные из Бухареста с нарочным письма французского посла и рущукского сераскера были доставлены в Яссы 3(15) апреля 1808 г. Кроме известия о продлении перемирия Мустафа-паша в своем письме просил, чтобы Прозоровский имел конфиденциальный разговор с Богосом Себастиани. Поняв, что Б. Себастиани должен сообщить нечто важное, Прозоровский отправил в Бухарест нарочного с повелением препроводить посланцев Мустафа-паши под присмотром офицера в ставку главнокомандующего[20].

В ожидании разрешения на приезд Богос и Мартин Себастиани посетили резиденцию французского вице-консула в Бухаресте Леду и поставили его в известность, что по приказу рущукского сераскера направляются в Яссы для переговоров с Прозоровским о продлении срока перемирия по торговым делам.

По прибытии в Яссы Богос Себастиани 9(21) апреля 1808 г. встретился с приехавшим из Бухареста коллежским советником Л.Г. Кирико и имел с ним продолжительную беседу. В частном разговоре с ним Б. Себастиани пытался убедить собеседника в том, что, если бы Россия присоединилась к Турции для взаимного противодействия пагубным для обеих держав намерениям французов на Балканах, то Россия могла бы без пролития крови занять всю Румелию. По мнению Б. Себастиани, этому должны были способствовать: всеобщая ненависть населения Турции к Франции, желание мусульман отомстить французам за их вероломство, намерение Порты соединиться с храбрыми русскими воинами и иметь союзницей могущественную державу, какой она считает Россию. Русская

inslav

пехота в соединении с турецкой конницей, по оценке Б. Себастиани, составили бы непобедимое войско, способное противостоять любым проискам французов на Балканах. Благодаря такому союзу, утверждал он, «Россия не только смогла бы достичь своей цели, но и упредить Францию, которая уже давно старается сдерживать Россию в ее политике на Балканах». Франция, например, всегда препятствовала «всякому старанию России добиваться согласия с Портой, для достижения собственных выгод». Если бы Россия решилась на союз с Турцией, то она, по утверждению Б. Себастиани, смогла бы мирным путем, «не жертвуя интересами подданных Турции христианского вероисповедания и не причиняя никакого вреда и соблазна мусульманам, добиться господства над всеми христианами в Греции, Болгарии, Румелии и даже в Боснии и Албании». Подкрепляя действия России на Балканах, вышеназванные народы смогли бы помочь России властвовать и в самом Константинополе. В таком случае, сделал оговорку посланец Мустафа-паши, Россия не должна учреждать свои гарнизоны в Дарданеллах и не размещать своих войск там, где их присутствие было бы неприятным для турок. Если русские войска будут вводиться во владения Порты, то это следует делать под предлогом защиты турецкого населения и оказания помощи турецкой армии, которая горит желанием отомстить французам. Только в этом случае русские смогут добиться расположения турецкого населения, а их действия получат поддержку только для достижения общих интересов России и Турции[21].

Первая конфиденциальная встреча Богоса Себастиани с главнокомандующим Дунайской армией состоялась 11(23) апреля 1808 г. А.А. Прозоровский, по его словам, «старался выведать от Богоса, почему турки признают трактование о мире в Париже для себя вредным». Но тот уклонился от прямого ответа на данный вопрос. Из этого Прозоровский сделал следующий вывод: «Думать должно, что сие происходит от доходящих и до них публичных слухов..., будто Россия требует иметь Дунай границею. Из всего того ясно понять можно,

inslav

что они, по связи российского двора с французским и по настоящему положению политических дел вообще, находятся в великом страхе и, приемля все предстоящие обстоятельства в соображение, опасаются, чтобы я их не атаковал, и желают выигрывать время, дабы выискивать способы посредством переговоров дать другой оборот делам и между тем приготовиться к войне. В последней они успеха иметь не могут, ибо и на следующий год будут они все турки, ни военного искусства у них не прибудет, ни войска их в надлежащий воинский порядок не приведутся, да и чужестранные генералы и офицеры при таком беспорядочном войске, каково есть турецкое, тщетны».

При обсуждении вопроса о продлении срока перемирия между Россией и Турцией Прозоровский исходил из того, что продление перемирия также полезно и для России, поскольку при поддержке военного министра он успеет привести в надлежащий порядок и снабдить вверенное ему войско всем необходимым только к осени 1808 г. «Я разумею, – писал Прозоровский, – в июле или в начале августа, буде мир не совершится, а дела обратятся к войне, можно, уготовясь со всем, с помощию божию быть удостоверенным в успешных и верных предприятиях».

Во время разговоров с Прозоровским Богос Себастиани, не стесняясь, говорил о недоверчивости и даже ненависти турок к Франции и старался, по словам Прозоровского, «склонить не только к заключению сепаратного мира между Россиею и Портою, но к отторжению двора нашего от союза с Франциею и даже к раздражению нас противу оной вымышленными его предположениями каких-то якобы подспудных видов императора Наполеона на счет державы всероссийской». Более того, Б. Себастиани «тщился прильщать обещанием союза Порты Оттоманской и подкреплением армии российской 300 тысячами мусульман под предводительством Мустафа-паши...». При этом он настоятельно требовал «письменное удостоверение в том, что Россия соглашается на потаенные мирные переговоры с Портою без посредничества Франции». Прозоровский был уверен в том, что письменное удостоверение

inslav

необходимо для того, чтобы Порта затем показала его французскому послу в Константинополе или сообщила об этом в Париже, чтобы таким способом «возродить распрю между Россиею и Францией». Прозоровский же старался, по его словам, «приличным образом склонить Мустафа-пашу в интересы» России, на что Б. Себастиани ответил, что «нет к тому никакой надежды»[22]. При обсуждении вопроса о продлении перемирия стороны согласились не назначать конкретного срока для возобновления военных действий. Спор возник лишь по вопросу распространения перемирия на сербов. Прозоровский по-прежнему требовал распространить перемирие на всю территорию повстанческой Сербии. При этом он гарантировал, что сербы не начнут военных действий до тех пор, пока турки не нападут на них первыми. Б. Себастиани отвечал, что вопрос о сербах является подчиненным и будет решаться в зависимости от принятия главных статей окончательного мирного договора между Россией и Турцией. Тогда Прозоровский попросил собеседника объяснить, для чего же ведутся приготовления турецких войск под Софией и рассылаются фирманы, призывающие мусульман к священной войне против христиан. Б. Себастиани был вынужден признать, что фирманы, действительно, призывают мусульман к войне против мятежных сербов, но сам Мустафа-паша Байрактар не намерен воевать ни против сербов, ни тем более против русских.

В заключение первой встречи Прозоровский, указав на слабость Порты, которая не в состоянии усмирить непокорных ей пашей и аянов в провинциях, выразил сомнение и в ее возможности гарантировать сохранение мира с Россией[23]. 13(25) апреля 1808 г., на второй конференции, Прозоровский спрашивал Б. Себастиани, на каких условиях Порта согласна заключить мир с Россией, и что он хотел бы получить их в письменном виде. Б .Себастиани отвечал, что ему поручено только передать предложения о заключении сепаратного мира с Россией без посредничества Франции и спросить, не согласится ли Россия вести «потаенные мирные переговоры с Портой» и предоставить

inslav

ей соответственное письменное удостоверение в этом. Прозоровский отвечал, что, поскольку не известны условия, на каких Порта согласна заключить мир, то предоставление подобного удостоверения противоречило бы здравому рассудку. Кроме того, этот вопрос может быть решен только в Петербурге царем Александром I.

На той же встрече А.А. Прозоровский потребовал очистить остров на Дунае, расположенный между Грахово и Бырза Паланкой, от турецких войск и пообещал, что он не будет занят ни русскими, ни сербскими отрядами, как это и предусматривалось ранее условиями Слободзейского договора о перемирии[24].

На третьей конференции 17(29) апреля 1808 г. Б. Себастиани говорил, что население Турции крайне обеспокоено медлительностью ведения переговоров в Париже, а также подозревает христиан балканских владений Порты, и, прежде всего, сербов, в заговоре против турок. Если же произойдет нечто неожиданное в этом смысле, то турки непременно перережут всех христиан и при определенной ситуации этому не смогут воспрепятствовать ни Мустафа-паша, ни даже сама Порта. Прозоровский ответил на это следующим образом: «Буде бы турки дерзнут на то покуситься, когда армия наша находилась бы по ту сторону оной реки (Дуная. – *В.Г.*), то не могу уже я тогда отвечать за войска, под моим начальством состоящие, кои несомненно восхотят отомстить туркам за кровь единоверцев своих».

Переговоры с Б. Себастиани Прозоровский заключил обещанием сообщить обо всем в Петербург, а Мустафа-паше просил передать секретное предложение о том, что петербургский двор готов принять рущукского сераскера под особое покровительство России[25].

В тот же день, т. е. 17(29) апреля, Прозоровский отправил письма французскому послу в Турции и рущукскому сераскеру. В письме Мустафа-паше сообщалось, что главнокомандующий Дунайской армией согласен продлить срок перемирия и выражал надежду, что продление перемирия будет распространено на всю повстанческую Сербию. Кроме того, Прозоровский просил

inslav

сераскера убрать турецкий отряд с дунайского острова, расположенного между Грахово и Бырза Паланка[26]. В письме к французскому послу Г. Себастиани, которое было отправлено с адъютантом главнокомандующего подполковником Беклемишевым непосредственно в Константинополь, Прозоровский также настаивал на включении всех сербов в продленное перемирие[27].

В письме Н.П. Румянцеву от 20 апреля (2 мая) 1808 г. Прозоровский подробно описал не только содержание разговоров, но и объяснил причину своих уклончивых ответов, которые были даны Мустафа-паше и его посланцу. «Соображаясь... с мыслью Вашею, что нет выгоды для нас входить с турецкими чиновниками в подробные политические объяснения, старался я от оных удалиться; но настоящий случай принудил меня коснуться иногда до политики...». В том же письме сообщалось, что валашские бояре из Бухареста и Ясс при посредстве австрийского консула Ламара и французского вице-консула Леду ведут втайне от России переписку с Мустафа-пашой Байрактаром и бывшим князем Молдавии М. Суцу. Более того, люди, находившиеся под протекцией французского консула Леду, шпионили в пользу князя М. Суцу и преданных ему бояр. Поскольку от такой переписки, полагал главнокомандующий, могут быть вредные последствия для российских войск, то Прозоровский просил Н.П. Румянцева сделать представление по этому поводу австрийскому и французскому послам в Петербурге, чтобы они предписали своим консулам в Дунайских княжествах прекратить такую переписку, которая не совместима по отношению к интересам союзной державы. Главнокомандующий просил Румянцева сообщить ему более точные сведения, как решился в Париже вопрос о продлении срока перемирия между Россией и Турцией[28]. До получения высочайших повелений от государя, писал Прозоровский Родофиникину 23 апреля (5 мая) 1808 г., «я, как и доселе, остаюсь спокойным, не приступая ни к каким воинским предприятиям, если только турки не подадут нам нападением с их стороны причины». Исходя из этих соображений, он предписал Родофиникину сообщить Карагеоргию

inslav

и Правительствующему Совету содержание ответов, которые были даны им Мустафа-паше и Г. Себастиани по поводу распространения продлеваемого перемирия на всех сербов. В этой связи он сообщал Родофиникину: «Я к ним обоим (Мустафа-паше и Г.Себастиани. – *В.Г.*) писал в рассуждении сербов, о коих сообщено им твердое мое удостоверение, что и они (сербы. – *В.Г.*) равномерно должны пользоваться продолженным прекращением неприятельских действий. Следовательно, сербы, я почти уверен, не будут беспокоены со стороны турков, но тогда и им не должно ничего предпринимать, а только к войне готовыми быть»[29].

Не прошло и одной недели после отъезда из Ясс посланцев Мустафа-паши, как в Бухаресте в ночь с 22 на 23 апреля 1808 г. появился сам французский посол в Турции Г. Себастиани и потребовал от генерал-лейтенанта М.А. Милорадовича организовать его поездку в Яссы для встречи с главнокомандующим Дунайской армией. Судя по предшествующим событиям и поспешности приезда французского посла в Бухарест, Г. Себастиани, по-видимому, был очень озабочен результатами переговоров тайных посланцев Мустафа-паши с Прозоровским. М.А. Милорадович, сославшись на необходимость подбора людей для почетного эскорта из офицеров его корпуса и членов Валашского Дивана, смог задержать посла в Бухаресте на двое суток. Но этого было достаточно, чтобы заблаговременно предупредить Прозоровского о визите неожиданного гостя.

В сопровождении почетного эскорта Г. Себастиани прибыл в Яссы рано утром 27 апреля 1808 г. По описанию Прозоровского, генерал Гораций Себастиани представлял собой человека лет сорока, «с большими достоинствами и знаниями» о Турции и Персии[30]. «Он осыпал меня, – писал Прозоровский, – всеми вежливостями и был весьма вежлив противу всех генералов, особенно же против генерала Кутузова»[31]. Причину своего отъезда из Константинополя посол объяснил недомоганием, в связи с чем он отправился для лечения целебными водами сроком на один месяц. Но перед этим он предполагает

inslav

поехать в Испанию для встречи с Наполеоном, чтобы получить новое назначение в армию. Поскольку Г. Себастиани, по его словам, не намеревался возвращаться в Константинополь, то вместо себя он оставил там своего секретаря Латур-Мабурга в качестве поверенного в делах Франции в Турции.

Как во время официальных встреч, так и в частных разговорах, Г. Себастиани рассказывал русскому генералу о том, что Порта и сам султан, находясь в большом замешательстве, не могут нормально управлять своим государством. По словам Г. Себастиани, в Османской империи правят «фракции и народ». Все население Турции ждет-не дождется скорейшего заключения мира с Россией. Народ несказанно рад продлению перемирия, а турецкие военачальники даже не думают нападать ни на сербов, ни на русских. Что же касается прибытия турецких войск из Азии в Румелию, то это делается только для успокоения народа и желания не допустить нового всплеска междоусобной вражды румелийских пашей и аянов. На вопрос Прозоровского, не собирается ли Али-паша Янинский напасть на французов в Далмации из-за их требования передать Франции бывшие венецианские владения Превезу и Арту, Г. Себастиани категорически отверг эти слухи, но признал, что Франция, действительно, требует по условиям Прессбургского мира передать ей Превезу и Арту. Против этого не возражает даже сама Порта. Более того, Порта даже дала согласие на проход 4 тыс. французских войск через Албанию, а также отдала приказ о назначении другого визиря вместо непокорного ей Али-паши.

На другой вопрос Прозоровского, действительно ли турки уже не имеют прежнего доверия к французам, Г. Себастиани ответил: «Иначе и быть не может; я их принудил с вами воевать, потом, чтобы мир с вами постановили, и теперь к миру с вами их понуждаю. Такая противоположность должна была произвести в них недоверчивость, но, однако же, от страху исполняют наши требования. Причем в Константинополе все греки противу вас..., коль скоро ведали они, что вы требуете Молдавию и Валахию и границу по Дунай...». Заодно Себастиани

inslav

выдал Прозоровскому секретное обращение К. Ипсиланти к Порте, который, по уверению посла, еще в начале 1808 г. просил назначить его господарем Молдавии и Валахии при условии, если Дунайские княжества по-прежнему остаются в составе Османской империи. Сам же Г. Себастиани, якобы обещал поддержать эту просьбу К. Ипсиланти перед петербургским двором. Между прочим, Г. Себастиани убеждал Прозоровского в несостоятельности слухов о сближении Турции и Англии.

Только в конце своего пребывания в Яссах Г. Себастиани от имени самого Наполеона I попросил Прозоровского восстановить запрещенный им «свободный и безденежный провоз всех товаров, идущих из Франции в Турцию или из Турции во Францию». Прежде всего, нужно пропустить по Дунаю суда, груженные хлопком, который был необходим для французских фабрик. Добившись, по-видимому, основной цели, Г. Себастиани утром 29 апреля 1808 г. отправился из Ясс через Вену в Париж[32]. Позднее Александр I одобрил «податливость» Прозоровского, которая, по словам Н.П. Румянцева, «умножила цену оказанной услуги»[33].

После отъезда Г. Себастиани, Прозоровский, по совету французского посла, решил установить связь с оставшимся в Константинополе Латур Мобургом и сообщить ему о результатах переговоров с Г. Себастиани и посланцами Мустафа-паши, а также с содержанием их писем, полученных до встречи. В письме от 5 мая 1808 г. Г. Себастиани, по словам Прозоровского, «принес самое ясное заверение о том, что турецкая армия не совершит нападений ни на русскую армию, ни на сербское войско», и что турецкий султан уже отдал приказ всем военачальникам не нападать на сербов. Однако неоднократные нападения боснийских войск на сербов в районе Дрины явно не согласуются с этими утверждениями. В связи с этим Прозоровский просил нового поверенного в делах Франции в Константинополе «сообщить Порте эти бесспорные факты враждебных актов, совершенных турецкими войсками против сербов, и потребовать от нее принятия самых действенных

inslav

мер, дабы ее приказы выполнялись со всей необходимой точностью; ... если же враждебные действия будут продолжаться попрежнему, то я буду вынужден подозревать, что она не желает соблюдать торжественные обязательства и перемирие, чего Порта требует от меня и от сербов». Что же касается позиции русской стороны в этом вопросе, то Прозоровский характеризовал ее следующим образом. До сих пор он еще не получал из Петербурга известий о решении продлить срок перемирия. Но, несмотря на это, писал Прозоровский, «я уже отдал самый строгий приказ армии... не допускать никаких враждебных действий против оттоманских войск до тех пор, пока эти последние не дадут повода для иных действий». По свидетельству Г. Себастиани и Мустафа-паши, турецкий посол в Париже заверил графа П.А. Толстого в том, что продление перемирия в равной мере распространяется и на сербов. Из этого следует, пишет Прозоровский, что «оттоманские войска и их командование впредь не допустят никаких враждебных действий против сербов». Узы дружбы, установившиеся между Россией и Францией, писал Прозоровский Латур Мобургу, «побуждают меня надеяться, что Вы соблаговолите, милостивый государь, ходатайствовать перед Портой, чтобы она предприняла необходимые меры для выполнения ее приказов и осуществления ее обязательств»[34].

Вышеупомянутые письма французского посла в Турции и Мустафа-паши Байрактара к Прозоровскому, а также неожиданное появление Г. Себастиани и посланцев Мустафа-паши в Яссах с предложением заключить мир между Россией и Турцией без посредничества Франции породили в Петербурге иллюзию, что Порта, по-видимому, опасается того, что при новой расстановке сил Турции придется одной воевать не только с Россией, но и с ее новой союзницей Францией. Учитывая кризисное состояние внутри самой Турции и невыгодное для нее международное положение, при заключении мира с ней Россия может добиться от Порты любых необходимых ей уступок даже без возобновления военных действий. Эта мысль была четко высказана и в письме Н.П. Румянцева А.А. Прозоровскому от 12(24) мая

inslav

1808 г. Однако Н.П. Румянцев считал, что переговоры с Портой без посредничества Франции невозможно начинать, пока идут переговоры в Париже. Однако, полагал Румянцев, все идет к тому, что переговоры в Париже со временем совершенно заглохнут. «Занятия императора Наполеона по гишпанским и по другим делам, – пояснял свою мысль Румянцев, – надолго еще, чаятельно, оставят без всякого движения начатые в Париже мирные наши переговоры с Портою. Тем, натурально, умножится недоверие державы сей (Турции. – *В.Г.*) к французскому кабинету и взятые уже ею подозрения касательно его видов и намерений насчет ее интересов. С другой стороны, неудовольствия французского кабинета противу Порты равномерно час от часу должны умножаться». В этой связи Н.П. Румянцев указал на несостоятельность сведений Г. Себастиани по поводу разрешения Порты провести французские войска через Албанию. Согласно донесениям российских агентов, пишет Румянцев, «Порта в том краю берет все меры против французов». Али-паша Янинский также протестует против передачи французам Превезы и Арты, которые раньше входили в состав Венецианской республики и по условиям Прессбургского мира должны отойти к Франции. «Все сие, – писал Румянцев, – должно подавать повод к новым с обеих сторон неудовольствиям между Францией и Портой, которые, беспрестанно возрастая, доведут их, конечно, до совершенного разрыва и принудят, наконец, Порту решиться на отзыв полномочного своего из Парижа. Тогда мы уже достигнем желаемой цели, и тогда ничто уже не будет препятствовать государю императору уполномочить Ваше сиятельство к начатию мирных переговоров на Дунае, дабы окончить оные подписанием мирного трактата в стане войск Ваших. По моим соображениям, обстоятельства сии неминуемы, и я почитаю их наиблагоприятнейшими для окончания дел наших. Порта Оттоманская, будучи тогда угрожаема войною с Франциею, конечно, пожелает ценою многих пожертвований приобрести мир с Россиею». С таким решением вопроса был согласен и сам царь Александр I, который в ожидании дальнейших событий повелел не давать повода туркам

inslav

к возобновлению военных действий, продолжать дружеские сношения с Мустафа-пашой, давая ему по-прежнему уклончивые ответы на все его предложения о сепаратном мире, и акцентировать внимание на том, что у России нет причин отказываться от посредничества в переговорах Наполеона. Если же медлительность мирных переговоров в Париже не устроит Порту, то она сама будет в этом повинна, поскольку эти переговоры в Париже были предложены ей самой. При случае необходимо напомнить Мустафа-паше и о том, что мир с Портой будет подписан при условии, если река Дунай станет границей между Россией и Турцией. «Что же касается до перемирия, которое будет положено в Париже взаимными полномочными и которое имеет продолжаться до окончательного мира, как о том и Вашему сиятельству, и турецкому министерству сообщено от генерала Себастиани, – отмечал Румянцев, – то Вы, милостивый государь, благоволите уведомить Мустафа-пашу, что таковаго постановления отнюдь не было (подчеркнуто мной. – *В.Г.*), и что сие должно отнести к какому-либо недоразумению со стороны генерала Себастиани»[35]. Эта важная инструкция была получена А.А. Прозоровским 28 мая (3 июня) 1808 г., т. е. после того, как он уже разослал свои письма в Константинополь, Вену, Белград, Рущук и другие места.

В конце данного раздела будет уместным возвратиться к сообщению Г. Себастиани о секретном обращении К. Ипсиланти к Порте в начале 1808 г. с просьбой назначить его господарем Молдавии и Валахии при условии, если эти княжества по-прежнему остаются в составе Османской империи. Судя по всему, это обращение было сделано в связи с тем, что А.А. Прозоровский по прибытии в армию, ознакомившись на месте с организацией управления в Дунайских княжествах и с требованием К. Ипсиланти назначить его господарем Молдавии и Валахии, пришел к выводу «о вреде, причиняемом при управлении княжеств, влиянием, которое до некоторой степени еще сохраняет князь Ипсиланти званием господаря». Прозоровский неоднократно просил царя устранить К. Ипсиланти от всякой власти. Однако Александр I из уважения к К. Ипсиланти

inslav

воздерживался от этого. Когда в Петербурге же стало известно о «секретном обращении» К. Ипсиланти к Порте, и «когда самые обстоятельства соделывают нужным, чтобы всякие сего рода неудобства были прекращены и по части внутреннего в том крае управления положены прочные меры», Александр I в начале марта 1808 г. наконец-то «изъявил свою волю», чтобы господарь К. Ипсиланти был «совсем удален» от управления княжествами и «от всякого в том участия». В Петербурге решили, что К. Ипсиланти с семьей должен жить в Москве, а на его содержание выделять из казны «приличную сумму» денег. Собираемые с Молдавии и Валахии доходы «по примерам в прежние с Портой войны» впредь должны быть «обращены на продовольствие русских войск, которые находятся там для собственного блага княжеств и для охранения их»[36]. Это решение Прозоровский объявил Молдавскому и Валашскому Диванам в марте 1808 г.

3. Реакция верховного вождя и Правительствующего Совета повстанческой Сербии на продление срока перемирия между Россией и Турцией

В Белграде тем временем К.К. Родофиникин делал все зависящее от него, чтобы не допустить возобновления военных действий между турками и сербскими повстанцами, которые были заинтересованы в этом, поскольку продолжение войны между Россией и Турцией устраняло ту неопределенность их дальнейшей судьбы, которая таилась в решениях русско-турецкого договора о мире.

Известие о продлении перемирия между Россией и Турцией, которое согласно Слободзейскому соглашению заканчивалось весной 1808 г., К.К. Родофиникин впервые сообщил сербам 3(15) мая 1808 г. на заседании Правительствующего Совета. По свидетельству Родофиникина, члены Совета восприняли эту весть с радостью и обещали воздерживаться, насколько это возможно, от нападения на турок. Однако советники заявили

inslav

при этом, что сербы начинают сражения не по своей воле, к этому их вынуждают турки. Такие сражения были не только с боснийскими турками на Дрине, но и в других районах. Члены Совета признавали некоторые факты, когда в местных стычках с турками были повинны люди, находившиеся на сербской службе, наемники и беженцы из других пашалыков балканских владений Турции. Не получая от сербов ни хлеба, ни продовольствия, они вынуждены добывать себе пропитание за пределами повстанческой Сербии, от чего и происходят такие стычки с турками. Чтобы избежать подобных случаев, нарушавших перемирие, Родофиникин договорился с советниками, что в дальнейшем Правительствующий Совет возьмет на себя обязанность снабжать этих людей продовольствием и хлебом, а Родофиникин поможет Совету деньгами[37].

Однако, старания Родофиникина не всегда приводили к желаемой цели. Распространявшиеся по Сербии разными агентами слухи по-прежнему создавали тревожные настроения в народе и среди повстанческих поглаварей. Для возникновения таких настроений, кроме слухов, имели место и реальные события. Так, М.А. Милорадович из Бухареста, а И.И. Исаев из Крайовы, основываясь на данных агентурной разведки, сообщали о концентрации турецких войск в разных областях балканских владений Турции. В частности, формировавшаяся под Софией группировка к маю 1808 г. увеличилась с 10 до 30 тысяч человек. Согласно свидетельствам купцов и агентов, она готовилась для нападения на сербов. Находившаяся под Адрианополем 60-тысячная группировка турецких войск должна была оставаться на месте до получения известий из Парижа. Начальники турецких войск в городах Серры и Никополь активно готовились к войне с Россией: чинили крепости, углубляли рвы, увеличивали гарнизоны. Мустафа-паша Байрактар также укрепил Систово, Зимницу и другие города, усиливал в них гарнизоны, подвозил новые пушки, боеприпасы и продовольствие. Он же занимался подготовкой в Силистрии лагеря для размещения армии великого визиря[38]. Вопреки условиям

inslav

Слободзейского договора Мустафа-паша, вместо вывода турецких войск с дунайского острова, находившегося вблизи Грахово, увеличил их численность с 15 до 20 тыс. человек[39]. Из тех же источников М.А. Милорадович узнал, что не только в Константинополе, но и во всей Турции, люди говорят о том, что султан никогда не согласится на те требования, которые выдвинула Россия, поэтому непременно возобновится с ней война[40].

Генерал-майор И.И. Исаев, находясь под впечатлением предписаний Прозоровского и слухов, распространявшихся в Малой Валахии, полагал, что русско-турецкие переговоры в Париже должны завершиться миром уже к июлю 1808 г. К.К. Родофиникин придерживался противоположного мнения. Он писал И.И. Исаеву: «Мое мнение по сему предмету, извлекаемое колико от течения дел, толико и от желания моего, что дела скоро примут оборот военный, нежели мирный, своевольство турецкое показывает трудным скорый мир, и я уверен, что война и вашему превосходительству будет во сто крат приятнее, ибо освободит и Вас из грязной Крайовы, а меня из несносного Белграда, сие есть искреннее мое желание». Родофиникин укорял И.И. Исаева, что из Валахии приходят в Белград разные «нелепые новости», которые чаще всего смущают сербских поглаварей. Автором этих нелепостей является находившийся в Крайовой Ковачевич, которого, по мнению Родофиникина, лучше было бы удалить из этого города[41]. Для проверки слухов о подготовке Молла-паши к нападению на сербов И.И. Исаев послал в Видин переводчика, титулярного советника Легатовича. Ознакомившись на месте с положением дел, Легатович сообщил, что посторонних войск в Видине нет. Посланные в Видин Мустафа-пашой войска отосланы обратно в Рущук. Сам же Молла-паша и все население Видина пребывают «в великом страхе» от ожидаемого возобновления военных действий. «Все сербские селения (в Видинском пашалыке – *В.Г.*), занимаемые турками, – говорилось в рапорте И.И. Исаева, – разбежались внутрь Сербии, отчего в Видине

inslav

терпят великий недостаток в провизии, и для того принуждены, которых застанут, ловить»[42].

В Видине Легатовичу пришлось встречаться с находившимся там же французским агентом Мерьяжем, который убеждал его в том, что основным препятствием для заключения мира между Россией и Турцией являются сербы; только они мешают русским и туркам договориться в Париже. Когда разговор зашел о нападении боснийских турок на сербов на реке Дрине, Мерьяж уверял, что в этом виноваты не «настоящие турки», которые строго выполняют приказы Порты, а непослушные султану разбойники. Мерьяж не сомневался и в том, что переговоры в Париже обязательно завершатся подписанием мира, и войны между Россией и Турцией больше не будет. В письме К.К. Родофиникину от 12 (24) мая 1808 г. И.И. Исаев сообщил, что он, по его совету, отправляет в Белград со своими письмами Кавачетича и просит не присылать его больше к нему в Крайову[43].

Вопреки заверениям Мерьяжа, бывший российский консул в Бухаресте Л.Г. Кирико сообщал, что находившиеся в Рущуке, Джурджу и других местах, расположенных по берегу Дуная, турецкие войска занимаются мародерством и притесняют мирных жителей, которые покидают свои села и бегут в более безопасные места[44].

В связи со сосредоточением турецких войск в местах, наиболее удобных для возобновления военных действий, А.А. Прозоровский 11 (23) мая 1808 г. предписал М.А.Милорадовичу занять его корпусом позиции, с которых было бы удобнее защищать от внезапного турецкого нападения Валахию и Бухарест. Чтобы не давать повода к протесту, Милорадович, согласно предписанию, должен был сообщить Мустафе-паше, что его корпус выводится в лагерь на учения[45].

О результатах своих переговоров с посланцами Мустафы-паши и с французским послом Г. Себастиани А.А. Прозоровский извещал К.К. Родофиникина в письме от 5 мая (17) мая 1808 г. В нем говорилось, что перемирие между Россией и Турцией продолжено до окончания мирных переговоров

inslav

в Париже, и что он, главнокомандующий Дунайской армией, потребовал от Мустафы-паши и Г. Себастиани включить в продленное перемирие всех сербов без исключения. Г. Себастиани в своих письмах и при личной встрече заверял главнокомандующего в том, что, как пишет Прозоровский, «намерение государя императора (Наполеона – *В.Г.*) и мое в рассуждении сербов исполнено, и что от султана даны Мустафе-паше повеления, дабы никакое военное движение не было предпринято никаким пашой или начальником войск турецких против сербов, во взаимосвязь чего и нужно бы дать таковые повеления сербам, дабы ни с той, ни с другой стороны не было причинено никаких неприятельских действий». Французский посол в Турции, по словам Прозоровского, «дал самое твердое удостоверение, что турецкая армия не сделает никакого движения ни противу армии российской, ни противу сербов, и что султан обещал соблюсти сие со всею строгостью». В связи с этим Прозоровский поручал Родофиникину передать верховному вождю и Правительствующему Совету, чтобы сербы «ни под каким предлогом не начинали военных действий противу турков, но чтобы соблюли однако же всю должную военную осторожность, дабы оплошностью своею не возродить в начальниках турецких войск, иногда не повинующихся повелениям Порты, охоты к внезапному нападению»[46].

В письме Карагеоргию от 13 (25) мая 1808 г. Прозоровский выражал свое удовольствие в связи с тем, что сербы во время перемирия смогли спокойно засеять свои поля и заняться «домостроительством».

Пока Порта остается спокойной, а русско-турецкие переговоры в Париже тяготеют к заключению мира, советовал Прозоровский Карагеоргию, сербы должны соблюдать со всей строгостью воинскую предосторожность и, не начиная никаких неприятельских действий, продолжать придерживаться продолженного перемирия. Поскольку Белград, Семендрия, Шабац, Ужице и другие места в Сербии расположены удобно для привлечения большого числа переселенцев из других об-

inslav

ластей балканских владений Турции, то Прозоровский предлагал Карагеоргию предпринять для этого следующие меры:

1) «Дать свободу каждому единоверному селиться в Сербии. Всем вообще не препятствовать производить торговлю. Таковым подавать возможную руку помощи и защиту». При этом правительство Сербии по своему усмотрению может предоставлять право на ввоз и вывоз товаров из страны.
2) Как сербы, так и вновь поселившийся в Сербии единоверный человек, «должны быть ныне обеспечены в полной мере относительно их жизни и имущества». Поэтому «нужно принять за непременное правило, чтоб никто не был лишен жизни или имущества без решения избранного народом верховного правительства, каковое решение не исполнять, однако, доколе не будет и Вами утверждено. Правило сие во всех православных государствах и во всех веках признано первейшим к назиданию благоденствия народного...».
3) Для содержания верховного вождя, членов Правительствующего Совета и старейшин, находящихся на государственной службе, предлагается установить разумную оплату.
4) Родофиникину поручается найти опытного врача, приняв его на российскую службу, оставить его в Белграде для того, чтобы он прививал людям всей Сербии оспу, от которой ежегодно умирает там большое число взрослых и детей.

Ссылаясь на доходящие до него сведения о том, что в Сербии появляются какие-то коварные люди, которые обольщают старейшин «голословными обнадеживаниями» и хотят «ввергнуть в погибель» весь сербский народ, Прозоровский рекомендует Карагеоргию, чтобы он, как верховный вождь народа, устранял подобные происки, ведущие к погибели самого вождя и весь сербский народ. Если же советы таких людей будут приняты, то народ может лишиться покровительства российского монарха, и Сербия неизбежно погибнет[47].

В письме Родофиникину Прозоровский одобрил поступок Карагеоргия, который по просьбе Реджиб-аги освободил

inslav

находившихся в плену у сербов турок. Этот поступок, писал Прозоровский, произведет полезные впечатления на турецких военачальников. Сербы во время перемирия должны беречь турок для собственной же безопасности. Одобрил главнокомандующий и инициативу самого Родофиникина, который распорядился продать мирному населению Сербии хлеб, закупленный в Австрии для нужд сербского войска[48]. Это распоряжение Родофиникина, по-видимому, было связано с тем, что в конце апреля – начале мая 1808 г. начались волнения мирных жителей в ряде мест Белградского пашалыка. Известен факт, когда в конце апреля 1808 г. в Тополу, где находился Карагеоргий, прибыла депутация мирного населения Шабацкой, Крагуевацкой и Ужицкой нахий с жалобой на злоупотребления своих старейшин. Депутаты заявили верховному вождю, что если он не пресечет их безобразия, население этих нахий откажется платить налоги и идти на войну с турками[49].

4. Подготовка турецкого военного командования к нападению на сербов и ответные действия командования Дунайской армией

Количество информации, поступавшей в штаб Дунайской армии, о подготовке турецких войск к нападению на сербских повстанцев значительно возросло во второй половине июня 1808 г. К.К. Родофиникин 20 июня (2 июля) 1808 г. сообщал из Белграда о прибытии к крепости Ниш до 6-ти тыс. турецкого войска. По слухам, туда же вскоре должны подойти из Софии еще более значительные по численности войска. Из Константинополя к Нишу доставлено 10 орудий, а из Никопольского пашалыка – большое количество боеприпасов и продовольствия. Со стороны Боснии приготовлений противника не замечено[50]. Командир Смоленского мушкетерского полка генерал-майор Кулибакин 22 июня 1808 г. рапортовал, что посланный им в Галау разведчик узнал о выступлении войск под командованием великого визиря из Адрианополя, который, по слухам,

inslav

направлялся в Софию. Однако один из отрядов его армии, численностью до 6-ти тыс. человек, под командованием Иликли-оглу вступил в сражение с войском давнего противника Мустафа-паши Байрактара. В сражении, продолжавшемся 4 часа, одержал верх Иликли-оглу. Жители из Браилова уверяют, что великий визирь намерен воевать не с сербами или русскими, а с Мустафа-пашой Байрактаром, который возглавил бунтующих против Порты пашей и аянов. На деньги, полученные от Порты, браиловский назырь Иликли-оглу вооружает всех возвратившихся из русского плена турок. Однако, заключает Кулибакин, все это делается для того, чтобы скрыть от народа истинную цель военных приготовлений[51].

Карагеоргий, в свою очередь, 25 июля 1808 г. известил Родофиникина о вторжении отряда из войск Молла-паши Видинского в пределы повстанческой Сербии неподалеку от реки Тимок, где располагаются позиции сербского отряда под командой воеводы Велько Петровича. Нападавшие ограбили 3 сербских села, а их жителей увели с собой в пределы Видинского пашалыка. В связи с этим Карагеоргий спрашивал Родофиникина, следует ли это нападение расценивать как разрыв перемирия, и может ли он, верховный вождь, приказать своим войскам войти в пределы Видинского пашалыка, чтобы выручить из плена угнанных сербов. Родофиникин, руководствуясь предписанием Прозоровского, рекомендовал не делать этого до тех пор, пока генерал-майор И.И. Исаев не выяснит причины этого инцидента у Мустафа-паши, а Прозоровский не сообщит свое решение о прекращении перемирия. Вместе с тем Родофиникин сообщал Прозоровскому о появлении новых турецких войск и в других районах балканских владений Турции: в Боснии неподалеку от Ужице находится 5 тыс. турецких войск, которые прибыли из Албании; на границе Сербии и Албании замечен двухтысячный отряд албанцев, который был затем отправлен в город Нови Пазар; турецкие войска, ранее находившиеся в Скопле, Адрианополе, Македонии и Албании, постепенно подтягиваются к столице Румелии, Софии[52].

inslav

29 июля (17 июля) 1808 г. Родофиникин сообщил, что, по данным сербской разведки, к городу Ниш турки подвезли 100 возов фашинника, который будет использован при наступлении турок на сербские укрепления в районе Делиграда, находящегося в 9 часах езды от Ниша (т. е. в 45 км.).

Родофиникин писал, что прибывший из Смирны в Белград шурин белградского митрополита Леонтия Ламбровича, проезжая через Македонию и Болгарию близ Софии, через Видин и Орсово, повсюду видел как турки с «отменной деятельностью» готовят свои войска к войне. У города Серры находится в готовности 25-тысячная группировка отборного войска, которой приказано идти к Нишу. В Адрианополе и Софии, по слухам, собралось уже до 300 тыс. воинов. Христиане, узнав, куда направляется шурин Ламбровича, советовали ему не ездить в Белград, поскольку, по словам их знакомых турок, великий визирь готовит свою армию для нападения на сербских повстанцев. Однако на пути от Софии до Видина этот человек не видел никаких войск.

По мере поступления сведений о подготовке турок к нападению на сербов Карагеоргий и Правительствующий Совет также начали увеличивать число своих войск, особенно в пограничных районах, и поспешать с уборкой урожая[53]. Для проверки подобных сведений М.А. Милорадович послал разведчиков. Вскоре они выяснили, что в районе Джурджу находятся 6 тыс. воинов, а под Рущуком расположен лагерь неприятельских войск. В связи с этим М.А. Милорадовичу пришлось усилить охрану этих участков[54].

Приехавший из Греции шурин Леонтия Ламбровича сообщил также, что в Средиземном море находится английская эскадра, а английские моряки «весьма хорошо» обходятся с греками. Комментируя это сообщение, К.К. Родофиникин писал, что между Россией и Францией также существуют союзные отношения, однако французы распространяют свое влияние на христиан Османской империи, но в то же время они уменьшают среди них влияние России. Политика Англии и Франции

inslav

в балканских владениях Турции, по признанию самого Родофиникина, вынуждает его использовать все доступные ему, Родофиникину, средства «к умножению влияния» России не только на христиан, но и на турок. Для этих целей, пишет он, «мы имеем и в Албании, и в Македонии, и в Болгарии проповедывающих в нашу пользу». Для этого Родофиникин предполагал послать в Морею «способного и веры достойного человека», лучше всего монаха из Святой Горы[55].

Поступавшие в штаб Дунайской армии и в Белград сообщения о подготовке турок к нападению на сербов в начале июля 1808 г. участились и были весьма тревожными. Согласно донесениям сербских разведчиков, у г. Ниша находился 15-тысячный корпус[56], а общая численность турецких войск, предназначенных для наступления на сербов, составляла не менее четырехсот тысяч человек[57]. Турецкие агенты из Боснии и Видина беспрепятственно проникают в Землин, Правово и другие районы Австрии для выяснения положения дел в повстанческой Сербии, а австрийские власти даже помогают им в этом[58]. Под влиянием подобных, порой не всегда точных донесений и слухов, Карагеоргий поручил Правительствующему Совету обратиться с просьбой к Прозоровскому, чтобы он приказал И.И. Исаеву занять остров на Дунае и переправить корпус российских войск из Крайовы на правый берег Дуная для совместных действий с сербами, если на них нападут турки. С такой же просьбой Карагеоргий 6(18) июля 1808 г. сам обратился к генерал-майору И.И. Исаеву[59].

Молла-паша Видинский тем временем готовил ответ на письма, в которых генерал-майор И.И. Исаев, основываясь на информации К.К. Родофиникина, обвинял видинских турок в нападении и разграблении трех сербских сел. Молла-паша, в свою очередь, 2(14) июля 1808 г. обвинял сербов из команды Велько Петровича в нападении на село Гирбовцы, в котором сербы забрали всех волов и овец[60]. Затем 9 (21) июля 1808 г. в Крайову к И.И. Исаеву прибыл секретарь видинского паши Сулейман с жалобой Мустафа-паши на того же Велько Петровича,

inslav

люди которого вновь ограбили села, находившиеся в 9-ти часах езды от Видина. Для расследования этих пограничных инцидентов Молла-паша требовал создать комиссию из русских, турецких и сербских представителей[61].

Вскоре выяснилось, что перемирие с сербской стороны нарушал не только Велько Петрович, но и поречский воевода М. Стойкович. Его люди с одобрения Карагеоргия захватывали на Дунае турецкие суда и лодки, груженные разными товарами и продовольствием. Например, по приказу верховного вождя ратники М. Стойковича захватили у Смедерева два груженных товарами судна и 15 лодок, которые, как выяснилось позже, оказались австрийскими[62].

В связи с этими инцидентами Прозоровский предписал Родофиникину удерживать сербов от нарушения перемирия и передать Карагеоргию, чтобы он до получения известий из штаба Дунайской армии «ни к каким репрессиям не прибегал», а для осторожности на будущее время усилил свои войска на границах повстанческой Сербии. «И если бы случилось паки новое нападение на сербов, – наставлял Прозоровский Карагеоргия, – то, отражая силу силою, не входят однако же ни под каким предлогом в пределы турецкие или же в земли, ныне турками занимаемые». В письме к Мустафа-паше Байрактару А.А.Прозоровский предупреждал командующего турецкими войсками, расположенными по берегам Дуная, что если его войска нападут на сербов, то русские будут вынуждены прекратить перемирие, чтобы защитить сербов[63].

Обо всех этих инцидентах Прозоровский сообщил в Петербург царю и министру иностранных дел России 10(22) июля 1808 г. В письме к Н.П. Румянцеву Прозоровский все сербо-турецкие инциденты приписывал «каверзам австрийского двора»; последний, по его мнению, изыскивал любые приличные и неприличные способы к приобретению себе союзников против Франции, которой австрийский двор очень опасался. Эти «каверзы» Прозоровский усматривал в попытках Порты заключить союз с Англией и Австрией, в продаже австрийских

inslav

судов туркам, в подстрекательстве венским двором турок к нападению на сербов с целью отомстить сербам за неудачную попытку захватить их территории и в стремлении к возобновлению военных действий между Россией и Турцией, чтобы русские войска не могли взаимодействовать с союзной Францией и т. д. Прозоровский сам признавался в том, что он не понимает всей политики венского двора, и просил Н.П. Румянцева вывести его «из сей тьмы неведения», которая для него в тех обстоятельствах «крайне отяготительна и лишает возможности делать основательные на будущее время заключения относительно того, что в сем краю ожидать нужно»[64].

В донесении Александру I Прозоровский, изложив полученные им сведения о концентрации турецких войск на границе с Сербией и о вторжении видинских турок в пределы Сербии, сообщил царю о своем намерении переправить корпус генерал-лейтенанта И.И. Исаева численностью до 6 тыс. человек на противоположный берег Дуная для отражения повторного нападения видинских турок на сербов и занятия большого острова на Дунае, через который ранее осуществлялась связь с сербами. «По всем вышеизложенным обстоятельствам, – писал Прозоровский царю, – я заключить должен, что Порта сама намерена разрушить перемирие, скрывая однако же ныне еще таковое свое намерение»[65].

Во второй половине июля 1808 г. выяснилось, что слухи о сосредоточении турецких войск на границах повстанческой Сербии оказались явно преувеличенными, и донесения о том, что турки у города Ниш подняли «магометово знамя» в знак священного похода на мятежных сербов, были, по словам Родофиникина, «совершенной ложью». После проверки других аналогичных «донесений» сербских конфидентов Родофиникин писал: «Турки стоят везде спокойно»[66].

Правительствующий Совет в письме к Прозоровскому от 20 июля (1 августа) 1808 г. был вынужден признать: во-первых, что сообщение о разграблении турками трех сербских сел «было ложным»; во-вторых, нападение людей из отряда Велько

inslav

Петровича на болгарское село Извор, действительно, имело место. Однако сам Велько не принимал участия в этом деле. На село Извор напали ратники из числа «иностранных воинов», которых под командой Велько насчитывалось до двух тысяч человек. Эти люди, говорится в письме Правительствующего Совета, «содержат себя одною войною, а с тех пор, как учреждено перемирие, они непосредственно были расположены на границе и ничем иным от нас не пользовались, кроме одного хлеба, и остались, можно сказать, без рубашек». Таких людей практически невозможно удержать от грабежей. В этом же письме сообщалось и о том, что на заседании Совета было принято решение направить секретаря Правительствующего Совета Стефана Живковича в Крайову к генерал-майору И.И. Исаеву для участия в комиссии по расследованию инцидентов, имевших место на границе Видинского пашалыка между турками и сербами во время перемирия[67]. К.К. Родофиникин сообщал по этому поводу, что С. Живкович уже отправился в Пореч «водою» по Дунаю, откуда поедет в Крайову к И.И. Исаеву. Однако работа следственной комиссии осложнялась тем, что Велько Петрович сам признался в нападении на болгарское село Извор, которое люди из его команды не только ограбили, но и увели с собой в Сербию всех жителей вместе со скотом и имуществом. Кроме болгар они увели с собой и одного турка, у которого отняли пистолеты и обмундирование. По настоянию Родофиникина турок был отпущен, а взамен оружия и одежды ему выдали по 2 червонных[68]. По распоряжению верховного вождя Велько Петрович был отправлен в Тополу, где признался Карагеоргию в том, что нападение на село Извор было сделано по его указанию, как месть за нападение видинских турок на сербские села. По мнению Велько, турки были «в три раза виновнее» сербов. Если бы его ратники не отомстили туркам, то, сказал Велько, на них нужно было бы надеть женские юбки. Карагеоргий, со своей стороны, 25 июля (6 августа) 1808 г. дал свое согласие на участие С. Живковича в работе следственной комиссии и просил

inslav

Родофиникина организовать встречу Велько с С. Живковичем, чтобы воевода ввел в курс этого дела секретаря Совета, который будет представлять интересы сербских повстанцев в комиссии по расследованию[69].

При отправлении С. Живковича в Крайову Родофиникин вручил ему рекомендательное письмо к И.И.Исаеву, в котором писал: «Стефан Живкович – человек благоразумный и наилучший, которого не только здесь (в Белграде. – *В.Г.*), но и во всей Сербии, мы сыскать могли. Он воспитан в Вене, следовательно, хотя сербское тело и душу имеет, но понятия в нем просвещенного человека»[70].

6(18) августа 1808 г. К.К. Родофиникин отправил письмо Молла-паше, в котором сообщил, что верховный вождь и Правительствующий Совет сербского народа никогда не желали нарушать перемирие и поэтому охотно принимают предложение Молла-паши создать комиссию по расследованию инцидентов на границе Видинского пашалыка, которая будет состоять из представителей России, Турции и сербов. В связи с этим верховный вождь и Правительствующий Совет сербского народа направляют к границе Видинского пашалыка благоразумных людей для установления виновных в нарушении перемирия. Если таковые будут выявлены и с сербской стороны, то сербские старейшины накажут виновных и примут необходимые меры для устранения в дальнейшем подобных случаев[71].

Вскоре нарочный привез в Белград Родофиникину ответ Мустафа-паши, в котором перечислялись все случаи нападения сербов на села Видинского пашалыка. В заключение Мустафа-паша, обращаясь к Родофиникину, писал: «Если ты управляешь Сербией, то имей власть запретить набеги, если же не в состоянии сделать этого, то сообщи мне, а я легко с ними разделаюсь»[72].

В последней декаде августа 1808 г. И.И. Исаев сообщил М.А. Милорадовичу, что в Крайовой распространяются слухи, будто бы в Видине 11(23) августа был оглашен фирман, призывающий местных турок готовиться к нападению на сербов. Местное начальство по этому поводу распорядилось призвать

inslav

молодых людей для заготовки пушечных ядер и других боеприпасов[73]. Там же 20 августа (2 сентября) 1808 г. был получен другой фирман, предписывающий Молла-паше усилить границу Видинского пашалыка, но не совершать нападения на сербов. Во исполнение приказа на границу Видинского пашалыка дополнительно было отправлено 500 человек, а для охраны Никополя должен был прибыть большой отряд под командой злейшего врага сербов Кусанджали Халила. Однако комендант Никополя отказался впускать в крепость бывшего предводителя кирджалиев. По слухам, доходившим из других мест, писал И.И.Исаев, там также собирается в больших количествах турецкое войско для нападения на сербов, но только после того, как будет подписан мир между Россией и Турцией[74]. Судя по содержанию этих слухов, они имели провокационный характер и были рассчитаны на еще большую дестабилизацию положения в повстанческой Сербии.

23 августа (4 сентября) 1808 г. И.И. Исаев получил письмо из Видина, в котором Молла-паша просил генерал-майора «постараться учредить между сербами и турками так, чтобы первые не считали своими границами тех мест, которые занимаются теперь турками, ибо сербы хотят и собирают хлеб и сено, подданным турецким принадлежащие». Молла-паша недоумевал, по какому праву эти места должны принадлежать сербам, когда по условиям Слободзейского перемирия войска обеих сторон должны оставаться там, где их застал приказ о прекращении войны. Следовательно, позиции, занимаемые войсками этих сторон, и должны быть границей до прекращения перемирия или заключения мира[75]. И.И. Исаев, в свою очередь, просил К.К. Родофиникина передать это, по его словам, «справедливое требование» Молла-паши сербским начальникам, что и было сделано 25 августа 1808 г.[76].

Задание по определению сербо-турецкой границы в районе Видинского пашалыка Карагеоргий поручил 3(15) сентября 1808 г. Николе Шкулевичу[77].

inslav

Комиссия по расследованию инцидентов на границе Видинского пашалыка была сформирована в конце августа 1808 г. В нее вошли: русский поручик Коротаев, секретарь Правительствующего Совета С. Живкович и три представителя Молла-паши. Заседания комиссии проходили в Кладовской нахии в конце августа – начале сентября 1808 г. В процессе ее работы были установлены и запротоколированы все случаи нарушения перемирия на указанном участке как с сербской, так и с турецкой стороны. Списки нарушений были разосланы всем заинтересованным в этом деле властям[78].

А.А. Прозоровский советовал Карагеоргию наказать виновных в нарушении перемирия с сербской стороны и согласовывать с ним впредь действия, которые без особой надобности могли бы привести к нарушению и без того шаткого перемирия с турками[79].

5. Границы повстанческой Сербии, зафиксированные в мае – июне 1808 г. инженер-майором В.А. Грамбергом

Требование Мустафа-паши наметить и зафиксировать границы, разделявшие территорию, которую занимали сербские и турецкие войска в районе Видинского пашалыка во время перемирия, не добавило сербским властям новых хлопот. К тому времени, т.е. к концу августа 1808 г., эта непростая работа в более обширных масштабах уже была проделана инженер-майором В.А. Грамбергом. Как отмечалось в пунктах 3 и 4 главы V, инженер-майор Дунайской армии Василий Антонович Грамберг по приказу А.А. Прозоровского 19 февраля (2 марта) 1808 г. был командирован в Сербию для составления плана сербских крепостей и полевых укреплений, находившихся на сербо-турецкой границе[80].

По возвращении в штаб Дунайской армии В.А. Грамберг 26 июня (8 июля) 1808 г. написал отчет о проделанной им в Сербии работе, к которому были приложены: составленная им же карта повстанческой Сербии, «Краткое изъяснение к ней»

inslav

и «Памятная записка», в которой был сделан развернутый обзор состояния крепостей и укреплений, располагавшихся вдоль сербо-турецкой границы в период с апреля по июнь 1808 г.

В «Памятной записке» сообщались очень точные сведения о численности населения в пределах повстанческой Сербии и другие малоизвестные факты. Так, согласно приложенному к карте «Краткому изъяснению», в пределах повстанческой Сербии в июне 1808 г. насчитывалось до 200 тыс. жителей. Граница повстанческой Сербии, простираясь к югу, начинается от укрепленного места Калафат, расположенного на реке Тимок, и идет вдоль укрепленных лагерей до крепости Ужице. Турки занимают два сербских округа – Крестовский и Скопленский (Скопле). До перемирия 1807 г. сербы занимали четыре крепости: Белград, Шабац, Семендрия и Ужице. У турок остались: Новая Оршава, Неготин, Нисса (Ниш) и Сокол.

Пограничную линию сербов составляет цепь укрепленных лагерей, охраняемых от 200 до 600 ратников в каждом. Кроме того, в каждом укреплении имеется от двух до шести орудий. Все позиции укреплены шанцами. Верховный вождь Карагеоргий со своим резервным корпусом находится в селе Тополе. Позиции на Дунае расположены в следующих населенных пунктах: Ланица, Лозница, укрепленный монастырь Ратча. Позиция на реке Морава и в прилегающих к ней районах: Чачак, Карановац, Шафран, Костина, Ясика, Делиград, Чуприя и другие. Кроме них имеются укрепления у города Валево и у крепости Сокол, на дунайском острове Поречье. До начала Слободзейского перемирия сербы готовились к занятию Ниссы и турецкого укрепления у городов Кралево и Нови Пазар.

К числу главных начальников сербских войск, которые отличились с начала революции (т.е. 1804 г.) и до окончания войны (т.е. до установления перемирия), В.А. Грамберг относит: командующего в Шабаце и Валево Якова Ненадовича, командующего в Ужице на реке Мораве Милана Обреновича, командующего в Делиграде и Чуприи Илью Байрактаровича, командующего на реке Тимок и на границе с Болгарией Велько

inslav

Петровича, командующего на Дунае Миленко Стойковича[81]. Наиболее опасными врагами для сербских повстанцев в тот период В.А. Грамберг назвал боснийских турок, которые в состоянии выставить до 50 тыс. воинов и получить дополнительное подкрепление из группировки турецких войск, находившейся в районе Адрианополя. Боснийские войска к тому времени закрепились на обоих берегах реки Дрины.

В «Памятной записке» дается более общая характеристика всему народу повстанческой Сербии и указываются причины, побудившие сербов к восстанию против своих угнетателей. «Сербы, – отмечал В.А. Грамберг, – как правило, хорошо сложены, плотные и способны выносить тяжелый труд. Правление их первых господ (турок-османов. – *В.Г.*) приучило их переносить зло рабства без ущерба их отваге». «Распри и междоусобия среди турецких завоевателей послужили причиной для вооружения части местного сербского населения, чтобы использовать его для защиты интересов различных группировок. Но вскоре турки поняли свою ошибку, когда вооруженные сербы стали их непримиримыми врагами, особенно тогда, когда турки начали рубить головы сербским старейшинам». Характеризуя сербских ратников, В.А. Грамберг писал: «Сербский солдат – вооруженный крестьянин и сражается пешим и на коне, как турок. Но он имеет преимущество перед турком в том, что сербский воин менее ленив. Сербский воин сражается в укреплении до конца». Отнятую у турок территорию сербы, как правило, хорошо укрепляют или же сами укрываются в лесу. Слабость сербских воинов состоит в том, что они не умеют выдерживать первый удар турецкой кавалерии. В сербских войсках до последнего времени сохраняются форма одежды и воинские звания турецкой армии. Например, бузук-баша – командир двух тысяч человек, бим-баша – командир одной тысячи человек, папчи-баша – командир артиллерии, байрактар – прапорщик. Начальники различных районов именуются воеводами или комендантами. Они же командуют войсками этих районов. Во время войны их назначает Карагеоргий,

inslav

который с резервным корпусом лично появляется в наиболее важных местах. В заключительной части «Памятной записки» В.А. Грамберг сообщал: «Довольно значительная часть сербской нации населяет земли других славянских народов – их соседей, с которыми они связаны верой, нравами и общими интересами. Безграничная ненависть воодушевляет эти народы, когда они воюют против своих угнетателей и даже против другой нации, кроме русских, к которым они всегда сохраняли подлинную привязанность»[82].

Рассмотренные в главе VI факты позволяют заключить, что основным препятствием, мешавшим нормальному проведению русско-турецких переговоров в Париже, являлась целенаправленная политика Наполеона I. С одной стороны, он, ссылаясь на статьи Тильзитского трактата, требовал заключения мира между Россией и Турцией, а с другой, как посредник делал все, чтобы переговоры в Париже продлились как можно дольше. Вялотекущий и затяжной переговорный процесс был необходим Наполеону для того, чтобы на Балканах как можно дольше удерживалась ситуация «ни мира, ни войны» между Россией и Турцией, которая позволяла ему без помех решать другие, не терпящие отлагательства дела в Испании и Пруссии. Достигнув своей цели в Испании, Наполеон круто изменил отношение к планам раздела владений Османской империи, а заодно и к принципам Тильзитского договора. Уже в мае 1808 г. он открыто заявил, что если Дунайские княжества будут присоединены к России, то ее влияние на сербов, черногорцев, греков и представителей других православных народов балканских владений турецкого султана возрастет, а это противоречит интересам Франции.

Затянувшаяся неопределенность положения, создавшаяся на Балканах в результате коварной политики императора Франции, не устраивала ни Россию, ни Турцию. Порта в апреле 1808 г. первой предложила начать переговоры о заключении окончательного мира без посредничества Франции. Однако Александр I, придерживаясь постановлений Тильзитского договора

inslav

и не желая портить отношения с Наполеоном, категорически отверг это условие, предоставив тем самым повод к продлению перемирия без определения его окончательного срока.

Не имея конкретных указаний из Петербурга о времени возобновления военных действий с Турцией, главнокомандующий Дунайской армией А.А. Прозоровский был вынужден решать вопрос об условиях продления перемирия посредством переписки с сераскером Мустафа-пашой Байрактаром и французским послом в Турции Г. Себастиани, которые от имени султана и Порты гарантировали, что продолжение перемирия будет распространено и на всю территорию повстанческой Сербии.

Порта, не зная, чем окончатся русско-турецкие переговоры о мире в Париже и когда возобновятся военные действия на Дунае, была вынуждена готовиться к возобновлению военных действий с Россией и сербскими повстанцами. Формирование группировок турецких войск под Софией, в Адрианополе и на Дунае порождало множество правдоподобных, ложных, а порой и провокационных слухов о подготовке турок к нападению на сербов. Периодические нападения на сербов турецких войск, находившихся в подчинении малопослушных Порте пашей, со стороны Боснии и Видинского пашалыка, придавали правдоподобность этим слухам и порождали среди сербских повстанцев еще большее беспокойство и страх за исход восстания и дальнейшую судьбу народа.

Ограниченные возможности командования российской Дунайской армией помогать сербам оружием и боеприпасами во время перемирия, а также отсутствие надежной информации из Петербурга о ходе переговоров в Париже вынуждали А.А. Прозоровского и, соответственно, К.К. Родофиникина ограничиваться обещаниями скорой помощи сербам и советами, чтобы они не нарушали со своей стороны перемирия с турками и готовились к скорому возобновлению военных действий с ними.

Распространяемые французскими дипломатами и их агентами на Балканах слухи о «продаже» сербов Австрии, с одной стороны, и льстивые предложения австрийских властей

inslav

предоставить сербам все необходимое для войны с Турцией и для мирной жизни, если они согласятся сдать австрийским войскам Белград и другие районы повстанческой Сербии, с другой стороны, способствовали усилению раскола, который еще раньше наметился среди членов Правительствующего Совета, наиболее влиятельных воевод и местных старейшин. Усилия А.А. Прозоровского и К.К. Родофиникина сгладить разраставшиеся среди сербских поглаварей междоусобия и удержать их от сближения с Австрией не всегда достигали желаемой цели, а порой вызывали скрытое и даже явное недовольство их политикой в повстанческой Сербии.

Примечания

[1] *Tatistcheff S.* Alexandre I-er et Napoleon d'apres leur correspondance inedite 1801–1812. Paris, 1891. P. 307–309; *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 2. СПб., 1887. С. 30–31.

[2] Сборник РИО. Т. 89. С. 465. Н.П. Румянцев – П.А. Толстому, 11(23) марта 1808 г.

[3] Внешняя политика России XIX и начала XX века. (Далее – ВПР) Т. IV. М., 1965. С. 214. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 20 марта (1 апреля) 1808 г.

[4] Там же. С. 214–215. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 20 марта (1 апреля) 1808 г.

[5] Подробнее об этом см.: *Петров А.Н.* Война России… С. 50–52.

[6] ВПР. Т. IV. С. 214–215. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 20 марта (1 апреля) 1808 г.

[7] Выдержка из донесения М.А. Милорадовича – А.А. Прозоровскому от 28 марта 1808 г. цитируется по: *Петров А.Н.* Война России… С. 60.

[8] Там же.

[9] Сборник РИО. Т. 89. С. 752–753. П.А. Толстой – Н.П. Румянцеву, 25 апреля (7 мая) 1808 г.

[10] Там же. С. 752–753. Александр I – Наполеону I, 28 апреля (10 мая) 1808 г.

[11] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1808. Д. 1976. Л. 6–8. А.Б. Куракин – П.А. Толстому, 2(14) мая 1808 г.

[12] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. 1808. Оп. 580-А. Д. 10. Л. 435–436. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 21 мая (2 июня) 1808 г.

[13] Выдержки из документов цитируются по: *Петров А.Н.* Война России… С. 53–55.

inslav

[14] ВПР. Т. IV. С. 271. Г.Д. Маченигo – Н.П. Румянцеву, 22 мая (3 июня) 1808 г.
[15] *Петров А.Н.* Война России... С. 56–57.
[16] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1923. Л. 6–7. «Известия, полученные из Бухареста». Без указания даты, но не позднее марта 1808 г.
[17] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Campagnes Turqui. 1808. Д. 1920. Л. 129–131. Донесение конфидента, посланное в Адрианополь от 7(19) апреля 1808 г.
[18] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1918. Л. 103–105. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 17(29) апреля 1808 г.
[19] Там же. Д. 1920. Л. 195–203. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 20 апреля (2 мая) 1808 г.
[20] Там же. Д. 1943. Л. 19–25. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 25 апреля (7 мая) 1808 г.
[21] Там же. Д. 1920. Л. 244–247. Протокол беседы Л.Г. Кирико с Б. Себастиани от 9(21) апреля 1808 г.; там же. Д. 1943. Л. 19–25. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 25 апреля (7 мая) 1808 г.
[22] Там же. Д. 1920. Л. 195–203. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 20 апреля (2 мая) 1808 г.
[23] Там же. Л. 202–204. Протокол № 1 беседы А.А. Прозоровского с Б. Себастиани от 11(23) апреля 1808 г.
[24] Там же. Л. 223–225. Протокол 2-й конференции от 13(25) апреля 1808 г.; там же. Д. 1943. Л. 19–25. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 25 апреля (7 мая) 1808 г.
[25] Там же. Д. 1920. Л. 236–239. Протокол 3-й конференции от 17(29) апреля 1808 г.; там же. Д. 1943. Л. 1925. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 25 апреля (7 мая) 1808 г.
[26] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Кн. 10. Л. 240об.–256об. А.А. Прозоровский – Мустафа-паше, 17(29) апреля 1808 г.
[27] Там же. Л. 257об.–258об. А.А. Прозоровский – Г. Себастиани, 17(29) апреля 1808 г.
[28] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1920. Л. 195–203. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 20 апреля (2 мая) 1808 г.
[29] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 88–90. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 23 апреля (5 мая) 1808 г.
[30] ВПР. Т. IV. С. 247–250. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 3(15) мая 1808 г.
[31] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1943. Л. 42–53. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 15(27) мая 1808 г.
[32] ВПР. Т. IV. С. 247–251. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 3(15) мая 1808 г.
[33] Там же. С. 268. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 19(31) мая 1808 г.

inslav

[34] АВПРИ. Ф. Константинополь. 1808. Д. 1943. Л. 59–61. А.А. Прозоровский – поверенному в делах Франции в Константинополе Латур Мобургу, 13(25) мая 1808 г.
[35] ВПР. Т. IV. С. 253–255. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 12(24) мая 1808 г.
[36] Там же. С. 201–202. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 11(23) марта 1808 г.
[37] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1920. Л. 447–448. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 7(19) мая 1808 г.
[38] Там же. Д. 1948. Л. 89–90. М.А. Милорадович – А.А. Прозоровскому, 7(19) мая 1808 г.
[39] Там же. Л. 89–90. Рапорт И.И. Исаева – М.А. Милорадовичу, 7(19) мая 1808 г.
[40] Там же. Д. 1920. Л. 491. М.А. Милорадович – А.А. Прозоровскому, 12(24) мая 1808 г.
[41] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-б. Св. 30. Д. 21. Л. 114–115. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 8(20) мая 1808 г.
[42] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1920. Л. 492–493. И.И. Исаев – М.А. Милорадовичу, 11(29) мая 1808 г.
[43] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 673. Л. 56. И.И. Исаев – К.К. Родофиникину, 12(24) мая 1808 г.
[44] АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах. Д. 186. Л. 164 и об. Л.Г. Кирико – А.А. Прозоровскому, не позднее 11(23) мая 1808 г.
[45] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 10. Л. 363об.–365. А.А. Прозоровский – М.А. Милорадовичу, 11(23) мая 1808 г.
[46] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 99–100. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 5(17) мая 1808 г.
[47] ВПР. Т. IV. С. 255–257. А.А. Прозоровский – Карагеоргию, 13(25) мая 1808 г.
[48] Там же. С. 257. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 13(25) мая 1808 г.
[49] *Ивић А.* Списи бечких архива... Књ. V. Суботица, 1939. С. 570. Донесение швецара Чуки – австрийским властям, 12 мая (30 апреля) 1808 г. н.с.
[50] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1920. Л. 259. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 20 июня (2 июля) 1808 г.
[51] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 8. Л. 543. Рапорт генерал-майора Колибакина – А.А. Прозоровскому, 22 июня (4 июля) 1808 г.
[52] Первое сербское... Кн. 2. С. 35–36. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 26 июня (8 июля) 1808 г.; РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-Б. Св. 30. Д. 21. Л. 88–89. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 26 июня (8 июля) 1808 г.
[53] Первое сербское... Кн. 2. С. 36–37. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 29 июня (11 июля) 1808 г.

inslav

[54] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 322. М.А. Милорадович – А.А. Прозоровскому, 7(19) июля 1808 г.
[55] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 87. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 26 июня (8 июля) 1808 г.
[56] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-Б. Д. 21. Л. 92. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 2(14) июля 1808 г.
[57] Первое сербское... Кн. 2. С. 37–38. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 4(16) июля 1808 г.
[58] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 296.
[59] Први српски устанак... Књ. 1. С. 367. Карагеоргий – И.И. Исаеву, 6(18) июля 1808 г.
[60] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 2/163-А. Св. 91. Д. 6. Л. 114. Молла-паша – И.И. Исаеву, 2(14) июля 1808 г.
[61] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 673. И.И. Исаев – К.К. Родофиникину, 10(22) июля 1808 г.; АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807–1808. Д. 2. Л. 35. И.И. Исаев – М.А. Милорадовичу, 10(22) июля 1808 г.
[62] Први српски устанак... Књ. 1. С. 368. Карагеоргий – Правительствующему Совету, 7(19) июля 1808 г.; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 14. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 11(23) июля 1808 г.
[63] Первое сербское... Кн. 2. С. 38–40. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 8(20) июля 1808 г.
[64] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 282–286. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 10(22) июля 1808 г.
[65] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 9. Л. 235–238. А.А. Прозоровский – Александру I, 10(22) июля 1808 г.
[66] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1943. Л. 316–317; там же. Д. 1921. Л. 415–416. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 20 июля (1 августа) 1808 г.
[67] Први српски устанак... Књ. 1. С. 372–373; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 173–174. Русский перевод, современный подлиннику. Подлинник в том же деле. Л. 175 и об. Правительствующий Совет – А.А. Прозоровскому, 20 июля (1 августа) 1808 г.
[68] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1943. Л. 316–317; там же. Д. 1921. Л. 415–416. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 20 июля (1 августа) 1808 г.
[69] Први српски устанак... Књ. 1. С. 374–375. Карагеоргий – К.К. Родофиникину, 25 июля (6 августа) 1808 г.
[70] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-Б. Св. 30. Д. 21. Л. 76–78. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 20 июля 1808 г.

inslav

[71] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 213. К.К. Родофиникин – Молла-паше, 6(18) августа 1808 г.
[72] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 215. Молла-паша – К.К. Родофиникину; русский перевод без даты, но не позднее 10(22) августа 1808 г. См. также: РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-Б. Св. 30. Д. 21. Л. 132. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 10(22) августа 1808 г.
[73] Первое сербское… Кн. 2. С. 45. И.И. Исаев – М.А. Милорадовичу, 20 августа (1 сентября) 1808 г.
[74] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 503. И.И. Исаев – М.А. Милорадовичу, 21 августа (2 сентября) 1808 г.
[75] Первое сербское… Кн. 2. С. 46. И.И. Исаев – К.К. Родофиникину, 24 августа (5 сентября) 1808 г.
[76] Там же. С. 47. И.И. Исаев – К.К. Родофиникину, 2(14) сентября 1808 г.
[77] Први српски устанак… Књ. 1. С. 389. Карагеоргий – Н. Шкулевичу, 3(15) сентября 1808 г.
[78] Там же. С. 377–378; *Богишич В.* Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872. С. 148–150. Список наиболее значительных преступлений войск Молла-паши от 28 августа (9 сентября) 1808 г.
[79] *Богишич В.* Разбор сочинения Н.А. Попова… С. 146–148. А.А. Прозоровский – Карагеоргию, 31 августа (12 сентября) 1808 г.
[80] ВПР. Т. IV. С. 183–185. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 19 февраля (2 марта) 1808 г.
[81] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 51–52; АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. 1808. Оп. 580-А. Кн. 6. Л. 345–347. «Краткое изъяснение» к карте повстанческой Сербии от 26 июня (8 июля) 1808 г.
[82] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 62. «Памятная записка» инженер-майора В.А. Грамберга от 26 июня (8 июля) 1808 г.

inslav

Глава VII

Обострение сербо-австрийских отношений летом 1808 г.

Австрийские и югославские историки, исследовавшие документы из австрийских архивов, пришли к выводу о том, что сербо-австрийские переговоры, проходившие в марте – апреле 1808 г., были начаты Карагеоргием с целью побудить петербургский двор и командование Дунайской армией увеличить размеры помощи сербским повстанцам. По мнению австрийского историка Б. Калая, напряженность отношений между сербскими повстанцами и Австрией в указанный период была спровоцирована представителем России в Сербии К.К. Родофиникиным, который не только препятствовал проведению этих переговоров, но и не позволил сербам принять условия покровительства, предлагавшиеся венским двором.

Документы из российских архивов, на наш взгляд, позволяют иначе оценить как характер сербо-австрийских отношений в 1808 г., так и деятельность К.К. Родофиникина.

Чтобы составить более полное представление об условиях, в которых проходили сербо-австрийские переговоры, для начала будет уместным напомнить оценку общего положения Австрийской империи в первой половине 1808 г., данную русским послом в Вене А.Б. Куракиным. В депеше от 15(27) июля 1808 г. он писал по этому поводу Н.П.Румянцеву: «Все части государства (Австрийской империи. – *В.Г.*) ослаблены, в большинстве областей управление расстроено, общественное мнение не оказывает никакого доверия государю, дворянство не питает к нему уважения, а народ не почитает дворянство, целиком погрязшее в распутстве. Разве маленькой группы просвещенных и преданных людей, состоящей из видных военных и гражданских лиц, верных своему делу, будет достаточно, чтобы спасти монархию от страшного удара, который ей угрожает? (со стороны Франции. – *В.Г.*) Можно надеяться, что сопротивление будет сильным, ибо отчаяние велико, но, к сожалению, вероятно, что Австрия падет в этой готовящейся неравной борьбе, и таким образом исчезнут

inslav

последние остатки здания, веками внушавшего священный трепет, последние остатки общественного строя, который вознес Европу на высшую степень славы и блеска. Это падение даст последний толчок быстрому возникновению новой системы, могущей подняться лишь на развалинах старой; политические события, происшедшие в течение последнего года, делают это предположение более чем достаточно обоснованным, чтобы нужно было подкреплять его какими-либо другими доводами». Падение австрийской монархии, по мнению А.Б. Куракина, будет иметь огромное последствие, и только «новые и внезапные меры могут предотвратить неисчислимые бедствия». Чтобы поправить положение в распадавшейся Австрийской империи, власти принимают срочные меры и создают ополчения. По слухам, этим занимается некий тайный кружок, в который входят генералы Беллегард, Штуттерхейм и Грюнне. Все, кто в него входит, писал Куракин, «проникнуты антифранцузскими принципами и в таком направлении влияют на министра иностранных дел Австрии И. Стадиона». Сам же Стадион, по оценке Куракина, «всегда слабый и нерешительный, личность, не пользующаяся никаким доверием общественности; вместо того, чтобы употребить все свои силы в такой острый момент, который мог бы вызвать беспокойство у самого великого государственного деятеля, кажется, почти не занимается серьезно делом огромной важности, возложенным на него и, по-видимому, больше озабочен тем, чтобы добиться репутации галантного человека у женщин, чем славы своей страны»[1].

1. Сербо-австрийские переговоры в мае - июне 1808 г. об условиях введения австрийских войск в пределы повстанческой Сербии

В начале мая 1808 г. брат австрийского императора Франца I принц, эрцгерцог Людвиг Иосиф Антон не спеша продвигался вдоль Славонско-Сремской Военной границы и, как обычно, инспектировал организацию ее охраны. 8(20) мая 1808 г. он прибыл в город Земун, расположенный неподалеку

inslav

от впадения Савы в Дунай. В тот же день в Земуне оказались секретарь Правительствующего Совета Сербии Стефан Живкович и член Совета Милое Попович, которые в сопровождении нескольких сербских ратников отправились поздравлять принца с благополучным прибытием в пограничный с повстанческой Сербией город. После обмена приветствиями сербские делегаты вернулись в Белград. Вечером 8(20) мая 1808 г. туда прибыл гонец начальника Славонско-Сремской Военной границы барон Й. Симбшен с приглашением, в котором сообщалось, чтобы председатель Правительствующего Совета и комендант Белграда Младен Милованович и секретарь Карагеоргия Стефан Ефтич приехали в Земун 9(21) мая 1808 г. для встречи с эрцгерцогом Людвигом. В отсутствие Карагеоргия, который находился в Тополе, М. Милованович и Ст. Ефтич были представлены принцу Людвигу как уполномоченные верховного вождя, и их встреча также ограничилась обменом формальными приветствиями. И, тем не менее, после этой встречи барон Й. Симбшен поручил коменданту Земуна полковнику Ф. Першу, бургомистру города Кристу Хаджичу и земунскому купцу Милошу Урошевичу провести переговоры с уполномоченными Карагеоргия в Белграде.

К. Хаджич и М. Урошевич 10(22) мая 1808 г. прибыли в Белград для переговоров с М. Миловановичем и Ст. Ефтичем. Уполномоченные Симбшена предложили сербам написать от имени верховного вождя и Правительствующего Совета Сербии прошение на имя австрийского императора Франца I. По словам К.К. Родофиникина, в прошении нужно было указать, что сербы «соглашаются подвергнуть себя под защиту императора Австрии и просить его прислать в Сербию эрцгерцога Карла, который будет предводительствовать сербским народом». Только после этого сербы могут просить императора о снабжении их пушками, ружьями, военным снаряжением и деньгами в нужном им количестве. Как только император Франц I получит такое прошение, Карагеоргию будет присвоен титул князя, М. Миловановичу – графа, Ст. Ефтичу – барона,

inslav

а прочие старейшины будут вознаграждены по мере их достоинства. Во всем, что ни попросят сербы в этом прошении, уверяли К. Хаджич и М. Урошевич, им отказа не будет. М. Милованович и Ст. Ефтич, ссылаясь на отсутствие верховного вождя в Белграде, сказали, что они без него не имеют права писать такое важное прошение и, в свою очередь, предложили, чтобы австрийские авторитетные власти изложили свое предложение в официальном письме. В ответ на это К. Хаджич и М. Урошевич попросили сербских уполномоченных прибыть на берег реки Савы 12(24) мая 1808 г. для продолжения переговоров с расширенным составом австрийских уполномоченных.

По прибытии М. Миловановича и Ст. Ефтича в условленное место четверо австрийских уполномоченных, которыми оказались все те же барон Й. Симбшен, полковник Ф. Перш, К. Хаджич и М. Урошевич, объявили, как свидетельствует К.К. Родофиникин, что «письменного ничего им не дадут, а оные должны просить императора о взятии их под свое покровительство, что сверх личных каждому награждений они (австрийцы. – *В.Г.*) сохранят все те собственности, кои ныне взяли, что будут пользоваться теми же правами, коими пользуются сербы, на той стороне (Дуная. – *В.Г.*) живущие, что император пришлет сюда (в повстанческую Сербию. – *В.Г.*) войска для обороны их, исправит крепости сербские и снабдит оные всем нужным…». Кроме того, австрийские уполномоченные настойчиво убеждали сербов в том, что «в таком виде, в котором они существуют ныне, ни одна держава не будет их терпеть, а …паче соседняя, и что, впрочем, они не в силах противостоять туркам, кои со всех сторон готовятся для нападения на них». М. Милованович и Ст. Ефтич возразили на это, что сербы никогда не боялись турок, тем более теперь, когда они находятся под защитой российской армии. При обсуждении вопроса о написании и отправке прошения на имя императора Франца I сербские уполномоченные, по-прежнему, обещали передать предложенные австрийцами условия верховному вождю и Правительствующему Совету и только после их

inslav

одобрения написать и отправить прошение в Вену. Австрийские же уполномоченные сначала настаивали на том, чтобы М. Милованович и Ст. Ефтич в качестве представителей верховного вождя и Правительствующего Совета на той же встрече написали это прошение; и только после того, как их доводы не увенчались успехом, согласились подождать присылки прошения до 17(29) мая 1808 г. По возвращении в Белград 12(24) мая 1808 г. М. Милованович и Ст. Ефтич в тот же день рассказали К.К. Родофиникину о результатах их переговоров с австрийцами.

Делясь своими соображениями по поводу сербо-австрийских переговоров, Родофиникин писал Прозоровскому: «Гибельные страсти старейшин заставили их со всем тем быть в колебании после внушений австрийских». После беседы М. Миловановича и Ст. Ефтича с Родофиникиным, который со своей позиции разъяснил им суть предложений австрийских чиновников, эти старейшины, не без гордости, как отмечал Родофиникин, «единодушно объявили мне, что во всем откажут австрийцам и будут следовать наставлениям моим».

Вместе с тем Родофиникин сообщил и о сосредоточении в окрестностях Земуна 20-тысячного войска австрийцев, которые имеют при себе все необходимые средства для наведения переправы через Дунай. По совету Родофиникина сербские военачальники предпринимали необходимые меры для увеличения численности гарнизонов в Белграде, Шабаце, Семендрии и других крепостях, закупали у австрийских купцов хлеб; короче говоря, готовились защищать народ и землю «до последней возможности».

Находившийся в Тополе верховный вождь Карагеоргий прислал письмо в Правительствующий Совет, в котором просил узнать у российского командования, могут ли сербы рассчитывать на помощь русской армии, если австрийцы введут свои войска на территорию повстанческой Сербии[2].

По настоянию Родофиникина Правительствующий Совет 14(26) мая 1808 г. отправил А.А. Прозоровскому письмо, в котором так описал свое отношение к предложению австрийских

inslav

властей: «После многих с австрийцами переговоров, о которых во всякое время извещали мы г-на д.с.с. Родофиникина, наконец, открыли мы злые их замыслы, клонящиеся к порабощению нас. 12-го числа сего месяца они явно изъявили нам желание свое ввести в наши крепости гарнизоны свои и основать здесь над нами владычество эрцгерцога Карла, но чтобы дать благопристойную наружность сему событию, они искали от нас, чтобы мы сами о том просили австрийский двор». Далее советники ставили в известность Прозоровского и о том, что, несмотря на уже закупленное в Австрии продовольствие на деньги, пожалованные российским императором, в Сербии по-прежнему не хватает хлеба. Поскольку Правительствующий Совет намерен закупить в Австрии новую партию муки и пшеницы, то он, по указанной причине, решил «не давать австрийцам решительного отчета» на предложение венского двора. Членам Правительствующего Совета известно и то, говорится в письме, что австрийцы намерены занять Сербию «вооруженной рукой» в том случае, если сербы не согласятся добровольно передать им отвоеванные у турок сербские земли. К.К. Родофиникин заверил нас, писали советники, что австрийцы не осмелятся «на такой шаг», а если осмелятся, то нужно «силе силою учинить отпор. Мы на силу все согласны…». Но поскольку сербы не в состоянии одни противостоять превосходящей силе, то они просят оградить их от нависшей над ними опасности «скорой помощью» со стороны России. Между тем, напоминали авторы письма, выделенные для сербов порох, свинец и прочие боеприпасы до сих пор еще не доставлены, да и пушечных ядер в наличии мало. Следовательно, заключали авторы письма, «и сопротивление наше здесь в крепости (Белградской. – *В.Г.*) не может быть продолжительное». В связи с этим члены Правительствующего Совета с согласия верховного вождя Карагеоргия просили Прозоровского прислать в Белград гарнизон российских войск, чтобы «положить конец всем замыслам австрийцев»[3].

В целях предотвращения австрийской агрессии Правительствующий Совет сербского народа 14(26) мая 1808 г. направил

inslav

поречскому воеводе М. Стойковичу письмо, в котором сообщалось, что поскольку русские и французские войска находятся далеко от Сербии, то австрийцы решили воспользоваться удобной ситуацией для введения своих войск на территорию повстанческой Сербии. Как нам кажется, пишут советники, «турки подарили нас немцам». Если сербы не согласятся на то добром, то австрийцы добьются этого силой. В связи с этим Правительствующий Совет предписывал М. Стойковичу привести в исправность укрепления и усилить сторожевые посты в Поречье по границе с Австрией от реки Моравы до Неготинской Крайны с таким расчетом, чтобы не допустить вторжения австрийских войск[4]. Из писем Правительствующего Совета, адресованных русскому командованию и М. Стойковичу, вытекает, что идея об уступке территории повстанческой Сербии принадлежит Порте, которая по каким-то соображениям решила передать ее Австрии, а венский двор, воспользовавшись перемирием между Россией и Турцией, а также удаленностью от Сербии русских и французских войск, замыслил силой взять полученный от Порты «подарок». Однако существуют документы, свидетельствующие о том, что дело не обошлось без участия в том сербских представителей. Из письма уже известного нам купца Милоша Урошевича Карагеоргию от 13(25) мая 1808 г. видно, что идея о включении повстанческой Сербии в состав Австрийской империи обсуждалась между представителями сербских повстанцев и австрийскими властями еще до заключения Тильзитского мира между Россией и Францией, т.е. ранее июня 1807 г. Посредником между сербами и австрийцами был все тот же Милош Урошевич. Поскольку сербские уполномоченные на встрече с австрийцами, состоявшейся 12(24) мая 1808 г., отказались дать положительный ответ на предложение венского двора, то это обстоятельство, по словам М. Урошевича, поставило под угрозу его собственную жизнь и благополучие его семьи. В письме от 13(25) мая 1808 г. он писал по этому поводу Карагеоргию: «Я более не в состоянии и не могу себя содержать и, сколько ни старался по доверенности Вашей ко мне, напоследок довел себя

inslav

до того, что на всех моих трудах должен потерять свою жизнь и детей, и теперь остаюсь в плаче и рыданиях и пришел до последнего часа, коего утешить не могу». М.Урошевич жаловался на то, что он никак не ожидал получить от сербов «такое навсегда неудовольствие и поругание». Взывая к справедливости, М. Урошевич напоминал, что он с 1804 г. всегда был верным сторонником Карагеоргия, держал в тайне его секреты и исполнял все его поручения. «Когда же поручили мне о тягостях ваших донести царю нашему (Францу I. – *В.Г.*), и, благодарение богу, на всю Вашу препорученность наш царь был склонен и делает всякую отеческую милость. Вы знаете, какую я к Вам имел верность, что решился даже жертвовать для Вас и моею головою, и Вы не хочете мне теперь никакого дать залогу к уверению моего двора, который сделал все, что нужно для пользы рода нашего, и тем могли бы Вы спасти мою жизнь и труды... Ах, господарь, вспомните, как Вы говорили в Смедереве, в Тополе и Шабаце; и я то, что Вы мне приказывали, исполнил так, что никому не было известно, и никто не мог подумать, чтобы мог бы Милош сделать, и много я, бедный, имел в том деле страха и трудов и довольно получил выговоров от пограничных своих начальников, да и никто не мыслил, чтоб с того времени был я в чести, и я с цесарской границы все то доставлял, что было нужно к счастию нашего рода; и за все сие Милош теперь несчастлив». После перечисления всех своих заслуг перед сербским народом и навалившихся на него бед, после отказа сербских уполномоченных дать положительный ответ на требования венского двора, М.Урошевич предлагал Карагеоргию «отдать в залог» австрийцам три сербских нахии (уезда). Если Карагеоргй согласится на это, то М. Урошевич выражал готовность вновь отправиться к военному губернатору пограничной австрийской провинции Й. Симбшену, чтобы, по его словам, «сии три уезда, Шабацкий, Валевский и Мачийский, отдать немцам и тем успокоить начальство и в других ваших уездах».

После отказа сербских поглаварей от прежней договоренности, писал М. Урошевич в том же письме, «здесь (в Австрии. –

inslav

В.Г.) меня так ненавидят, что всякий бы меня срубил в куски». Из того же письма узнаем, что он пытался дать взятку барону Й. Симбшену и бургомистру Земуна К.Хаджичу в размере одной тысячи червонных, чтобы доказать им, что «сие зло произошло не по вине» Урошевича. «Я слышал, что губернатор на меня сердит и сказал, чтобы я больше к нему не ездил… Да будут прокляты те дни, в которые я сие дело начал…», – с досадой и огорчением заканчивает свое послание к Карагеоргию М. Урошевич[5].

Поступавшая из разных источников информация о сербо-австрийских отношениях, наконец-то, весьма обеспокоила и главнокомандующего Дунайской армией. В середине мая он с озабоченностью вопрошал русского посла в Вене А.Б. Куракина, может ли придерживавшийся de jure нейтралитета в отношениях с Турцией и Россией венский двор de facto принуждать сербов к передаче части повстанческой Сербии. В письме к А.Б. Куракину от 15(27) мая 1808 г. Прозоровский был вынужден признать, что полученные из Сербии письма, а также копии переписки Карагеоргия с Й. Симбшеном и М. Урошевичем окончательно убедили его в непосредственном отношении венского двора к непонятному для него, Прозоровского, плану ввода австрийских войск в Сербию. Не зная как объяснить поведение венского двора в этом вопросе, Прозоровский в недоумении вопрошал Куракина: «Может быть, действительно, что между дворами (петербургским и венским. – *В.Г.*) учинено какое-либо в рассуждении сербов постановление, на кое доселе не имею никакого о том от двора нашего и ниоткуда извещения, то все, что можно по сему предмету поступать, должен я сообразоваться с прежним положением». Прозоровский в очередной раз просил Куракина держать его в курсе австрийской политики в отношении сербских повстанцев, поскольку она до сих пор оставалась для него непонятной. «Сии козни австрийцев, – отмечал он, – почитаю я также отчасти источником внутренних раздоров и распрей, происходящих между первейшими чиновниками народа сербского». В подтверждение этого соображения Прозоровский прилагал копию письма

inslav

Правительствующего Совета, в котором излагалась просьба, по выражению Прозоровского, об «удалении от них верховного вождя народного»[6].

К.К. Родофиникин, со своей стороны, 16(28) мая 1808 г. отправил в Тополу письмо Карагеоргию, в котором одобрил все распоряжения, сделанные верховным вождем по поводу принятия мер предосторожности от вторжения австрийских войск в Сербию. Что же касается защиты Белграда, то Родофиникин заверил Карагеоргия, что он, Родофиникин, и секретарь верховного вождя Ст. Ефтич смогут уберечь город как от «злых людей», так и от австрийцев. «Я опять Вам повторяю, – писал Родофиникин Карагеоргию, – что я не верю, отнюдь, чтобы немцы на нас ударили. Но если бы сие случилось, паче чаяния, то я, секретарь Ваш Стефан и все мы сядем в крепость, и будьте уверены, что будем знать, как оную защитить». Родофиникин считал, что Карагеоргий непременно должен оставаться в Тополе, потому что, если он будет находиться в осажденном Белграде, то вся повстанческая Сербия окажется без верховной власти. Из Тополы же он может беспрепятственно выезжать в любой район Сербии и отдавать нужные распоряжения воинам. Чтобы не давать австрийцам повода к внезапному нападению, Родофиникин советовал остерегаться необдуманных действий и со стороны самих сербов. Для этого он предлагал не присылать лишних войск к Белграду, где соберется и без того до одной тысячи белградских ратников, до 300 ратников из Белградской нахии и от 300 до 400 ратников из кнежевины кнеза Симы Марковича. Такого числа ратников, по мнению Родофиникина, будет вполне достаточно для защиты Белграда. «Ради бога, – писал Родофиникин Карагеоргию, – не посылайте сюда больше войска и сами не приезжайте, чтобы не дать немцам ни малейшей причины сделать нас виноватыми. Я уверяю Вас, что если бы немцы сделали дурачество сюда подойти, то их головы пропадут; весь Банат и все православные христиане, кои под немцем живут, будут тогда за нас». Родофиникин заверял Карагеоргия в том, что он не видит,

inslav

чтобы кто-либо из белградских старейшин был в сговоре с австрийцами, и выражал надежду в том, что «ни один сербин не будет врагом своему отечеству»[7].

Вместе с письмом Родофиникин отправил и составленный им от имени Карагеоргия проект послания барону Й. Симбшену, в котором сообщалось, что причины, побудившие сербов восстать против многовекового угнетения турок, хорошо известны всем, в том числе и австрийцам. Известны им и «постепенные успехи», которых добились в этой борьбе как «жители Сербии», так и «знатное число иностранцев». Вступившие в Молдавию и Валахию российские войска «по праву войны, единоверия и единоплеменства приняли нас (сербов. – *В.Г.*) под сильную защиту». С началом мирных переговоров в Париже между Россией и Турцией при посредничестве Наполеона I, писал Карагеоргий Й. Симбшену, сербы «в полной доверенности оставили решение нашего жребия великим сим государям и о том писали и Блистательной Порте Оттоманской… Желание наше ограничено: обеспечить себя и достояние наше, жить под мудрыми и благодетельными законами и утвердить политическое наше бытие ручательством всемилостивейшего нашего покровителя Александра I и его величества императора и короля Наполеона I; к сему обращены все наши мысли, и в сем только состоит искреннее наше желание». В течение всего восстания сербы не подали ни малейшего повода к негодованию на них со стороны Австрии. «Когда же Ваше превосходительство (т. е. Й. Симбшен. – *В.Г.*), – продолжал Карагеоргий, – пригласил меня для свидания и переговоров с Вами, я повторил Вам опять то же». Когда же Й. Симбшен предложил Карагеоргию второй раз встретиться с ним, он, будучи занятым отражением нападения турок на Дрине, прислал на встречу М. Милованович и Ст. Ефтича. Во время второй встречи Й. Симбшен объявил сербским уполномоченным, что желание австрийцев состоит в том, отмечал Карагеоргий, «чтобы мы (сербы) написали прошение его императорскому величеству (Францу I. – *В.Г.*)…, коим прошением, предав Сербию под верховную его

inslav

власть, просить о введении в наши крепости австрийских гарнизонов». Такое предложение «не могло не удивить нас до крайности, ибо, во-первых, ни мы, ни народ сербский, проливший кровь свою за свое избавление, не может на то согласиться…, а если бы и согласились, то и согласие наше не может иметь никакого места без утверждения великих государей российского и французского, в руках коих состоит наш жребий». При этом в письме Карагеоргия делается оговорка, что предложение уполномоченных Й. Симбшена было сделано не по его личной воле и не по повелению венского двора, а только лишь из усердия этих уполномоченных к своему государю[8].

17(29) мая 1808 г. Карагеоргий писал Родофиникину, что он уже отдал приказ собирать ратников по всем нахиям и отправлять их для охраны границ. Кнезам Симе Марковичу, Авксентию, Викентию и воеводе Марку Катичу с их войсками было приказано идти тайно в Белград, но по получении письма Родофиникина этот приказ был отменен; войска должны были оставаться в своих нахиях и быть готовыми к выступлению в любое время. В том же письме верховный вождь сообщал, что его личный корпус состоит из 10 тыс. воинов, и что часть его войск уже на подходе к Белграду и вернуть их невозможно. Если австрийцы заинтересуются причиной их появления в Белграде, то Родофиникин должен объяснить это как начало учений. «А если бы кто на вас двинулся, – отмечал Карагеоргий, – я немедленно готов напасть на них с войском моим сзади, а другую часть (войска. – *В.Г.*) отправлю следить за турками»[9].

Заготовленный Родофиникиным проект письма Карагеоргия Й. Симбшену в переводе на сербский язык с печатью и подписью верховного вождя был доставлен в Белград, где был заверен печатью Правительствующего Совета и только после этого 18(30) мая 1808 г. был отослан в Земун барону Й. Симбшену[10].

16(28) мая 1808 г. в Белград стали приезжать из разных нахий повстанческой Сербии встревоженные приказом Карагеоргия старейшины, чтобы выяснить, следует ли им приводить своих ратников для защиты города. К.К. Родофиникин успокоил их,

inslav

сказав, что австрийцы не намерены вторгаться в Сербию, а их войска собраны для проведения маневров. После его разъяснений, писал Родофиникин, старейшины успокоились и разъехались по местам. При разъяснении ситуации старейшинам Родофиникин использовал информацию, полученную от его конфидентов в Австрии. Согласно их донесениям, в районе Петроварадина находилось до 8 тыс. австрийского войска, которое, по словам австрийских военачальников, было собрано для проведения маневров. Сербское население, проживавшее в этой провинции, распространяло слухи, что эти войска предназначены для занятия повстанческой Сербии, которую будто бы Порта уже уступила Австрии. Полученные за это деньги Порта будет выплачивать своим войскам. Значительная часть денег уже доставлена в Ниш, куда их привезли в сопровождении одной тысячи воинов, которые останутся в той же крепости, а затем нападут на сербов. В том же письме Родофиникин извещал Прозоровского о том, что предназначавшиеся для сербов боеприпасы – порох, свинец и прочее – отправлены из корпуса генерал-майора И.И. Исаева и доставлены в Поречье сербскому воеводе М. Стойковичу, который уже грузит их на суда для отправки в Белград[11].

Через два дня Родофиникин с тревогой писал Прозоровскому: «Панический страх объял совершенно сердца сербов по случаю движения австрийцев. Умы поглаварей встревожены до крайности и соделались совершенно не способными к здравым рассуждениям. Я еле могу удержать их в пределе нужной благопристойности». Беженцы и конфиденты из Австрии клятвенно уверяли Родофиникина в том, что за Земуном располагается корпус австрийских войск численностью, по одним данным, до 30 тыс., а по другим – до 10 тыс. человек. Австрийские офицеры и солдаты говорили, что они идут на помощь сербам.

Родофиникин, хотя и не верил в возможность австрийской агрессии, однако не скрывал того, что при нападении такого числа войск на Белград трудно будет удержать город. Несмотря на то, что в Белграде имелось более 200 пушек, многие из них не имели лафетов и достаточного количества ядер. Кроме того,

inslav

в городе и других нахиях, где есть укрепления (шанцы), не хватает хлеба. Несколько лучше обстояло дело с порохом и свинцом, который вечером 18(30) мая 1808 г. был привезен из Пореча в Белград, а оттуда начал рассылаться в другие нахии. Сербы настоятельно просили Родофиникина, чтобы Прозоровский прислал к ним ружья. Турки же, по дошедшим до Родофиникина сведениям, «со всех сторон стоят спокойно», но в укрепления, расположенные на равнине, прибыло дополнительно до 600 турецких воинов. В заключение письма Родофиникин заверял Прозоровского: «...Я, колико сил моих достанет, употреблю оные к успокоению сербов от глупого их страха и к удержанию, дабы не подали австрийцам повода к негодованию»[12].

Отвечая на письмо Родофиникина от 14(26) мая 1808 г., А.А. Прозоровский писал: «...Старайтесь... всеми мерами представить сербам крайнее порабощение, которому они под владычеством австрийским неминуемо подвержены будут...». Если же сербы отважатся добровольно принять предложения, сделанные австрийскими чиновниками, то непременно навлекут на себя гнев русского царя, защитившего их во время прекращения военных действий между Россией и Турцией от неминуемого истребления, которому намеревалось подвергнуть их турецкое правительство.

По существующему доброму расположению между венским и петербургским дворами, как в этом удостоверял Прозоровского русский посол в Вене А.Б. Куракин, главнокомандующий Дунайской армией не верил в то, что австрийцы предпримут какие-либо неприятельские действия против повстанческой Сербии. Если же австрийские войска паче чаяния нападут на Сербию, то, по словам Прозоровского, «в таком случае не остается сербам иного средства, как отражать силу силою». Но более всего Прозоровский опасался, чтобы сербские начальники не были обольщены обещаниями австрийцев и не согласились бы добровольно принять к себе австрийский гарнизон и подвергнуть себя покровительству австрийского двора, которое потом обратится в совершенное покорение сербского народа.

inslav

Во всяком случае, Прозоровский рекомендовал усилить все посты, «различными изворотами» стараться выигрывать время, чтобы охладить стремления тех сербских старейшин, которые склоняются к австрийцам, а также дождаться ответа по этому делу из Петербурга и Вены от А.Б. Куракина[13].

Правительствующий Совет, в свою очередь, 19(31) мая 1808 г. направил Прозоровскому послание, в котором сообщал о концентрации у Земуна большого числа австрийских войск. В Белграде все говорили, что австрийцы идут на помощь сербам, которую Правительствующий Совет никогда у них не просил. Чтобы прекратить такие разговоры, Правительствующий Совет послал перевод письма, который был подготовлен К.К. Родофиникиным*.

Обращаясь к Прозоровскому, члены Правительствующего Совета писали: «...Вы знаете, что у нас кроме Бога и императора Александра I нет других защитников, ...находясь в окружении врагов наших, ...мы всепокорнейше просим защитить нас от тех, которые хотят нашей погибели, а мы здесь ни единого шага не сделаем без совета и наставления Константина Константиновича (Родофиникина. – *В.Г.*)». В заключение советники просили Прозоровского как можно скорее прислать ружья, которые необходимы для вооружения людей, прибывавших в Сербию из Болгарии и Боснии[14].

Отвечая на письмо Правительствующего Совета от 14(26) мая 1808 г., Прозоровский обращал внимание советников на то, что ему известно о переговорах, которые, по его словам, «существовали между некоторыми старейшинами и поглаварями сербскими и австрийскими чиновниками». Правительствующий Совет же теперь пишет о том, что он, по словам Прозоровского, «открыл ныне злые замыслы австрийцев, клонящиеся к порабощению сербов». В ответ на это Прозоровский дал совет: «...Для избежания такового порабощения [следует] уклоняться

---

* См. письмо Карагеоргия Й. Симбшену от 18(30) мая 1808 г.

inslav

от всяких до того касающихся сношений с австрийцами». Если австрийцы требовали от уполномоченных Правительствующего Совета, чтобы сербы сами просили венский двор о введении их гарнизонов в сербские крепости и об установлении над сербами власти эрцгерцога Карла, то Правительствующему Совету следовало бы, пишет Прозоровский, «с твердостью и непоколебимостью держаться отзыва, сделанного Младеном и Стефою», которые утверждали, что поскольку не сербы приглашали Симбшена на разговор, а он их, то сербы должны ожидать от австрийцев письменного предложения, чего от них хочет венский двор. Если австрийцы пришлют такое предложение, то сербы, по рекомендации Прозоровского, должны переслать его к нему в Яссы и ожидать от него дальнейших наставлений, а не подавать австрийцам повода к принятию их предложений. Прозоровский уверял членов Правительствующего Совета в том, что австрийцы никогда не пришлют сербам письменного предложения, потому что между венским и петербургским дворами, полагал он, до сих пор сохраняются дружественные связи. Следовательно, делал вывод Прозоровский, австрийцы не сделают никакого нападения на Сербию, а их войска не войдут в сербские крепости, если сербы добровольно не примут их. Что же касается концентрации австрийских войск на сербской границе, то это, по мнению Прозоровского, делается для того, чтобы «вселить в сербов страх и, с одной стороны, угрозами, а с другой, обольщениями склонить их к тому, чтобы сами просили о принятии их под державу австрийскую». Если же австрийцы, вопреки ожиданию, действительно нападут на сербов, то Правительствующий Совет должен немедленно известить Прозоровского, а он тогда решит, как ему следует поступить. Во всяком случае главнокомандующий обещал поставить в известность царя Александра I как об этом деле, так и о просьбе Правительствующего Совета о введении в Белград гарнизона российских войск[15].

Выполняя данное обещание сербам, Прозоровский в тот же день, 19(31) мая 1808 г., отправил Н.П. Румянцеву депешу, в которой писал, что в данном случае он «не входит в подробные изъяснения всех вредных последствий, долженствующих

inslav

произойти» для интересов России, если австрийцам удастся склонить сербов на свою сторону. В данном письме Прозоровский просил министра иностранных дел Н.П. Румянцева прояснить, какой линии поведения должен придерживаться главнокомандующий Дунайской армией в критической ситуации, которая возникла в отношениях между сербами и австрийцами. «Обнадеживаясь добрым согласием, существующим между обоими императорскими дворами, и имея неоднократные удостоверения посла нашего в Вене князя Александра Борисовича Куракина о строгом нейтралитете, соблюдаемом двором австрийским вообще против Порты Оттоманской, а особливо противу сербов, не могу я полагать, чтобы австрийцы учинили какое-либо нападение на сих последних». Но поскольку в свете нет ничего невозможного, то Прозоровский просил сообщить «волю императора Александра I, каким образом главнокомандующий Дунайской армией должен поступать, если австрийцы в самом деле нападут на сербов, которые без помощи со стороны России не в состоянии будут одни противостоять превосходящим силам австрийцев». Прозоровский извещал Румянцева и о том, что он просил А.Б. Куракина «принять со своей стороны его приличные меры к устранению опасности, угрожающей сербам, и оскорблению нам», т. е. России[16].

По просьбе Прозоровского А.Б. Куракин дважды встречался с министром иностранных дел Австрии И.Ф. Стадионом для обсуждения сербо-австрийских переговоров и сосредоточения австрийских войск на границе с повстанческой Сербией. На вопрос А.Б. Куракина, поручал ли венский двор генералу Й. Симбшену и другим чиновникам из города Земуна вести переговоры с Карагеоргием о введении австрийских войск в Сербию и о переходе сербов в подданство Австрии, Стадион, по словам А.Б. Куракина, отвечал: «Двор его (венский двор. – *В.Г.*) не токмо сербскому народу покровительствовать и в дела его входить не хочет, но даже отказывает ему, наблюдая продолжительно строгие правила своего неутралитета» в русско-турецких отношениях. А.Б. Куракин в очередной раз заверил

inslav

Прозоровского в том, что между венским и петербургским дворами «не существует особенного постановления» в отношении сербских повстанцев, а император Франц I по-прежнему намерен соблюдать нейтралитет в отношении русско-турецкой войны.

По свидетельству Куракина, И.Ф. Стадион убеждал его в том, что Й. Симбшен, Ф. Перш и К. Хаджич начали переговоры с Карагеоргием по собственной инициативе без ведома венского двора, а переговоры Й. Симбшена и М. Урошевича с М. Миловановичем и Ст. Ефтичем касались только вопроса о закупке в Австрии и ввозе в Сербию через австрийскую границу ржи и других продуктов питания. Когда же Куракин предъявил министру письма М. Урошевича и Й. Симбшена, в которых речь шла о предложениях, сделанных Карагеоргию от имени венского двора, Стадион, по словам Куракина, объявил их подложными и составленными «хитростью и коварством греков, которые ищут только обманывать, запутывать дела и не могут воздержаться от интриг...». Нетрудно понять, что Стадион намекал на «происки и коварство» К.К. Родофиникина, который был греком по национальности. Куракин, в свою очередь, потребовал дать письменное подтверждение подлога и ложности писем М. Урошевича и Й. Симбшена, адресованных Карагеоргию. Министр отказался удовлетворить требование русского посла и ограничился обещанием обратиться с просьбой к эрцгерцогу Карлу отстранить от должности К. Хаджича и наказать других чиновников, осмелившихся вести переговоры с сербами без указаний венского двора.

Разъяснения и заверения Стадиона показались Куракину малоубедительными, и он, по его же признанию, согласился с Прозоровским в том, что «козни австрийцев по их врожденной и ежедневно усиливающейся к нам зависти существуют и они скрытным образом стараются доверенность сербов к нам ослабить». Такое мнение о политике венского двора у Куракина еще больше укрепилось после доверительного разговора с французским послом в Австрии Андреосси, который доверительно сообщил, что, по полученным из Видина сведениям,

inslav

на границе с Сербией находится большое число войск, готовых к вступлению на ее территорию, а венский двор намерен, по словам Куракина, «отторгнуть сербов от России» и сделать их подданными австрийского императора Франца I.

Со своей стороны, А.Б. Куракин рекомендовал Прозоровскому дать Родофиникину поручение продолжать наблюдение за связями сербов с австрийским правительством и стараться «всеми силами не токмо об уничтожении оных, но и о том, чтобы оные когда бы либо установиться не могли». По мнению Куракина, Родофиникину необходимо убедить Карагеоргия в том, чтобы он просил Прозоровского ввести в Белград гарнизон русских войск, поскольку это придало бы сербскому народу больше доверия к России и удерживало бы ее недоброжелателей от козней австрийских агентов. Имея в руках такую военную крепость, полагал Куракин, Россия получила бы возможность и к утверждению такого влияния в Сербии, которого она еще никогда не имела. Для большей убедительности дальнейших демаршей перед венским двором посол просил Прозоровского провести по разным пунктам австрийской границы в Сербии и Валахии разведку о дислокации, количестве и намерениях австрийских войск[17].

Отвечая на рапорты М.А. Милорадовича по поводу готовившегося нападения австрийцев на Сербию, А.А. Прозоровский более определенно оценивал ситуацию. Во-первых, полагал он, дружественные связи, существующие между венским и петербургским дворами, дают основание надеяться, что «никакого неприятельского нападения на Сербию» со стороны австрийцев не будет, что австрийские войска не войдут в сербские крепости, если сербы добровольно не пригласят их туда. Во-вторых, если слухи о концентрации австрийских войск на границе с Сербией и справедливы, то это делается для того, чтобы вселить страх в сербов, а затем угрозами и обольщениями склонить их к тому, писал Прозоровский, чтобы сами сербы «просили их о принятии под державу австрийскую». В-третьих, если вопреки ожиданиям австрийцы и нападут

inslav

на Сербию, то «твердость и неустрашимость, с каковыми сербы доселе защищали отечество свое противу угнетавших их турок, покажут им путь, которым следовать должно...». Основываясь на таком понимании сложившейся ситуации, пояснял Прозоровский, и были даны необходимые наставления К.К. Родофиникину, рекомендации Правительствующему Совету сербскому, и, соответственно, доложено петербургскому двору и написано послу в Вене А.Б. Куракину[18].

В тот же день А.А. Прозоровский отправил письмо Правительствующему Совету, в котором отмечал, что дружеские связи, существующие между Россией и Австрией, позволяют надеяться на недопустимость нападения австрийских войск на Сербию. Что же касается письма Карагеоргия австрийскому генералу Симбшену, утвержденного печатью Правительствующего Совета, то Прозоровский, по его словам, нашел это письмо «основательным» и вполне «соответствующим настоящим обстоятельствам». Он рекомендовал Совету твердо придерживаться изложенных в том письме правил. Главнокомандующий Дунайской армией удостоверил Правительствующий Совет также в том, что «доколе сербы сами не станут искать чужого покровительства», до того времени они могут рассчитывать на защиту российского монарха. Тогда же Прозоровский сообщил и о том, что он уже распорядился об отправке в Сербию ружей[19].

Тем временем австрийские пограничные чиновники спешно доносили начальству и в Вену о получении сербами пороха, свинца и других боеприпасов, переданных им командованием Дунайской армией, о прибытии в Белград новых сербских ратников, скором появлении в Смедереве Карагеоргия с войском и о прочих приготовлениях сербов к отражению возможного вторжения австрийских войск. Военный комендант Земуна полковник Ф. Перш доносил начальнику Славянско-Сремской Военной границы генералу Й. Симбшену о том, что весь берег Дуная занят сербскими войсками, и что К.К. Родофиникин просил Прозоровского срочно отправить в Сербию русские

inslav

войска на помощь сербам. Ф.Перш настаивал на принятии особых мер предосторожности и увеличении численности австрийских войск на границе от Земуна до Божаньи и Сурчина[20].

По указанию из Вены генерал Й. Симбшен в 20-х числах мая 1808 г. подписал приказ о закрытии границы и всех пограничных с Сербией карантинов, о запрещении плавания по Дунаю и Саве всех сербских судов, о возвращении в Сербию всех сербских купцов и торговцев, не взирая на наличие у них документов на право торговли и закупок продовольствия в Австрии. Приказ Й. Симбшена вступал в силу с 4 июня 1808 г. По этому приказу военный комендант Земуна Ф. Перш отправил партикулярное письмо в адрес Правительствующего Совета Сербского, в котором сообщалось, что согласно условиям русско-австрийской конвенции от 14(26) марта 1808 г. о возврате беженцев, «Сербия теперь, вследствие учиненного с сербской стороны объявления, находится под русским императорским покровительством, то само собой разумеется, что и по всему сербскому кордону сия вышеозначенная конвенция отныне с обеих сторон в точности и беспрекословно исполняется». В соответствии с предписанием Й. Симбшена за № 277 от 4(16) июня 1808 г. Ф. Перш отправил дополнительно Правительствующему Совету 8 экземпляров вышеназванной конвенции и список беженцев с территории Австрии в пределы повстанческой Сербии, которые по условиям конвенции, по мнению австрийских властей, должны быть выданы Австрии[21].

Сообщая о получении Правительствующим Советом этого требования австрийских властей, К.К. Родофиникин писал А.Б. Куракину: «Я долгом своим поставил в сем деле не принимать ни малейшего участия и оставить сербов действовать по своему усмотрению»[22].

Карагеоргий поручил Правительствующему Совету ответить Ф. Першу следующее: во-первых, постановления русско-австрийской конвенции не распространяются на сербов; во-вторых, петербургский двор не давал сербам по этому поводу никаких указаний; в-третьих, Правительствующий Совет

inslav

не знает никого из числа людей, которые бы дезертировали из австрийских войск в Сербию[23].

Весьма любопытна и показательна реакция А.А. Прозоровского по поводу требования Австрии о выдаче беглых на основании русско-австрийского картеля. Прозоровский признавал, что постановления этого картеля распространяются только на Молдавию и Валахию, так как там располагались российские войска. Что же касается Сербии, где нет русских войск, такое истолкование превратно. «Превратность толкования, что нахождение Сербии ныне под защитою России против угнетающих ее врагов соделывает ее российской провинцией и, следовательно, подходящей под общую обязанность российских областей, столь очевидна, – писал Прозоровский Румянцеву, – что не требует дальнейшего опровержения». Назвав этот поступок австрийцев «гнусным и хитрым», Прозоровский расценил его как стремление австрийских властей поссорить Россию с Турцией и Францией[24]. К.К. Родофиникин, со своей стороны, сообщал Прозоровскому 23 мая (4 июня) 1808 г.: «Австрийцы опять затворили границу наистрожайшим и беспримерным еще образом, ибо до сего были запрещения токмо относительно до товаров, а ныне повелено прекратить без изъятия всякого рода сношения»[25].

В другом донесении от того же числа Родофиникин писал, что Правительствующий Совет охотно принял все наставления, сделанные ранее Прозоровским, и отказался от своего требования об отстранении Карагеоргия от власти. Члены Совета признались, что «лишь единая крайность» заставила их просить главнокомандующего Дунайской армией об устранении верховного вождя. «Все средства, ими доселе употребленные к воздержанию Черного Георгия от насильств, оказались тщетными, – писал Родофиникин, – все просили меня, чтоб я употребил старания к исправлению его, обещая со своей стороны повиноваться моим наставлениям и жить в согласии и любви со всеми поглаварями». Для иллюстрации жестокого нрава Карагеоргия члены Правительствующего Совета рассказали

inslav

Родофиникину следующий случай: «На прошедших днях, – сообщал Родофиникин, – прислал сюда (в Белград. – *В.Г.*) Черный Георгий взять к себе в деревню (в Тополу. - *В.Г.*) крещеную турчанку, с которой живет, а родню ее, состоящую в двух пожилых женщинах и трех малолетних, приказал бросить в Дунай, что и исполнено секретарем его, который умертвил их ночью всех пять, бросил в реку, разгласив, что отправил их за Дунай, дабы оттуда могли итить в их отечество. Сердце содрогается от одного повествования подобных происшествий!..»

Однако члены Правительствующего Совета, по словам Родофиникина, «клялись слепо повиноваться всему, что согласно с повелениями» А.А. Прозоровского и самого Карагеоргия. «Мир и согласие восстановились, – заключает Родофиникин, – и край сей удержан от пропасти, в которую хотел низвергнуться». Это дает основание «ласкаться приятною надеждою видеть прекращение всяких дальнейших раздоров»[26]. В другом донесении Родофиникин сообщал, что на заседании Правительствующего Совета было прочитано письмо митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия о посылке в Сербию святого мирра, о чем просил в январе 1808 г. белградский митрополит Леонтий Ламбрович. В письме митрополита Амвросия, писал Родофиникин, сообщалось: «...Ныне посылается святой мирр для здешнего края», и что «церковь сербская не будет и впредь оставлена в своих нуждах». Прочтение в Совете при всех поглаварях письма митрополита Амвросия, по словам Родофиникина, «произвело весьма хорошее действие»[27].

Через неделю Родофиникин уточнял, что граница с Сербией австрийцами закрыта от Видина до Шабаца и выше по Дунаю. От Панчева и ниже она остается открытой. Из этого района по-прежнему приходят суда с хлебом в Семендрию. Располагавшиеся вдоль границы австрийские войска не превышают 10 тыс. человек. Турки повсюду стоят спокойно, но в крайнем унынии[28].

На следующий день после вступления в силу приказа генерала Й. Симбшена К.К. Родофиникин отправился из Белграда

inslav

в село Борк к оберкнезу Симе Марковичу, куда на третий день приехал и Карагеоргий в сопровождении 30-ти ратников. Ознакомившись с письмами Прозоровского, адресованными ему и Правительствующему Совету, верховный вождь, по словам Родофиникина, «был содержанием тех писем весьма доволен и успокоился совершенно на счет австрийцев». Карагеоргий сказал Родофиникину, что «желает следовать наставлениям» Прозоровского, «сообразуя поведение свое по точному смыслу» наставлений главнокомандующего Дунайской армией. Однако по возвращении в Белград Родофиникин узнал, что Карагеоргий намеревается «самым секретнейшим образом» от Родофиникина отправиться через Крайову в Яссы к А.А. Прозоровскому, чтобы лично узнать от него следующее. Во-первых, какая участь готовится для сербов при заключении мира с Турцией, что Родофиникин сознательно скрывает от сербов. Во-вторых, действительно ли российский царь Александр I прислал для сербов несколько миллионов рублей, которые до сих пор не дошли, так как истрачены на нужды Родофиникина.

К.К. Родофиникин через доверенных лиц передал совет находившемуся в Тополе Карагеоргию, чтобы он не ездил в Яссы к Прозоровскому, так как это может встревожить турок, а сербские поглавари, по словам Родофиникина, «уничтожат его власть и воспрепятствуют ему приехать обратно в Сербию»[29]. Родофиникин знал о недостаточной осведомленности Прозоровского о ходе переговоров в Париже и, естественно, не хотел, чтобы он выглядел в невыгодном свете при встрече с Карагеоргием. Поэтому Родофиникин, на всякий случай, предупредил генерал-майора И.И. Исаева о том, что если Карагеоргий со свитой появится в Крайовой и вознамерится ехать в Яссы к Прозоровскому объясняться «о будущем жребии сербского народа», то он, Исаев, должен «отклонить его от сего подвига»[30].

Карагеоргий, вопреки совету Родофиникина, 3(15) июня 1808 г. отправил письмо Прозоровскому, в котором писал, что желает встретиться с главнокомандующим в Яссах, чтобы «переговорить обо всем лично, если это не противно настоящему

inslav

положению политических дел»[31]. В отличие от верховного вождя Правительствующий Совет 30 мая (11 июня) 1808 г. известил Прозоровского, что все члены Совета «остаются спокойны о том, что при утверждении мира его императорское величество (Александр I. – *В.Г.*) упрочит наше внутреннее и внешнее спокойствие и тем самым сделает благополучным наш единоверный и единоплеменный россиянам народ, любовь и верность которого к России ничто не может поколебать»[32].

«Сербы, слава богу, успокоились совершенно относительно до пустых их опасений насчет австрийцев, – писал Родофиникин И.И. Исаеву 5(17) июля 1808 г. – ...Прежняя доверенность восстановлена, и торговля производится повсюду. Турки также стоят спокойно. Черный Георгий переменил до времени свое намерение ехать в Яссы для встречи с Прозоровским»[33].

В донесениях Прозоровскому Родофиникин писал об этом подробнее. Во-первых, австрийцы вновь открыли границу с повстанческой Сербией, «позволив всякое сношение и торговлю по-прежнему»[34]. Во-вторых, в другом письме сообщалось, что, несмотря на попытки убедить Карагеоргия при посредстве других лиц в несвоевременности и нецелесообразности поездки в Яссы для встречи с главнокомандующим, верховный вождь все же «хочет непременно ехать» в Яссы, но только после уговоров согласился обратиться с этой просьбой к самому Прозоровскому[35].

Желая разбогатеть, Карагеоргий и другие поглавари уже послали своих людей в Валахию для закупки там соли, а в дальнейшем намереваются из этого «делать монополию». Однако посланные в Валахию люди, по словам Родофиникина, «спутались... и не нашлись деньгами». Поскольку они не выполнили порученное им дело, Карагеоргий предложил Родофиникину войти в их «товарищество и учинить все» по его, Родофиникина, усмотрению. Родофиникин отклонил это предложение, заявив, что он «прислан... не для производства торговли, а для покровительства, наставления и вспомоществования средствами», которые ему доверил царь. Для финансирования этого предприятия,

inslav

по совету Родофиникина, Карагеоргий выделил 10 тыс. пиастров, сербские купцы – 10 тыс., поречский воевода М.Стойкович – 10 тыс., а сам Родофиникин выделил из денег, присланных для помощи сербскому народу, одну тысячу червонных. По взаимной договоренности учредителей соляного товарищества было решено закупленную в Валахии соль продавать в повстанческой Сербии по ценам ниже прежних, а полученную прибыль делить на четыре равные части: одну – Карагеоргию, другую – народной казне, третью – М. Стойковичу, четвертую – заинтересованным купцам. По уверению Родофиникина, одну тысячу червонных он дал товариществу взаимообразно, поскольку эти деньги, присланные Прозоровским для закупки сербами хлеба и ядер, невозможно было истратить по назначению в условиях обострившегося сербо-австрийского конфликта. Теперь же, когда граница с Австрией вновь открылась, Правительствующий Совет, может быть, найдет деньги для покупки ядер. Таким образом, заключает Родофиникин свой финансовый отчет, присланные Прозоровским деньги оказали «две милости народу»: на них будут закуплены соль и ядра[36].

На запрос Карагеоргия о свидании с главнокомандующим Прозоровский отреагировал 19 июня (1 июля) 1808 г. В письме к Родофиникину он писал по этому поводу: «Хотя, с одной стороны, и нахожу я несовместным с обстоятельствами, чтобы он (Карагеоргий. – *В.Г.*) удалился на долгое время из своего отечества, однако, с другой, считаю неприличным отказывать ему вовсе в свидании со мной, и для того отвечаю я ему, что я приглашу его к себе, когда находиться буду в Бухаресте или в лагере, состоящем под командою генерал-лейтенанта Милорадовича. На эту поездку Карагеоргий затратит меньше времени»[37].

Сербо-австрийский конфликт, обострившийся летом 1808 г., не прошел бесследно и для самого К.К. Родофиникина. Уже 5(17) июля 1808 г. он просил Прозоровского уволить его с поста российского представителя в повстанческой Сербии. Причину этого желания он объяснял следующим образом: «Доколе народ здешний, погруженный во тьме невежества,

inslav

был раздираем внутренними несогласиями, угрожаем внешними нападениями и при том обольщаем австрийцами, видя всякую перемену, могущую причинить расстройство, я с усердием и терпением продолжал служение мое здесь, стараясь превозмочь все мои припадки». Теперь же, когда, по словам Родофиникина, «внутренние несогласия прекратились, австрийским интригам положен конец, и Черный Георгий и поглавари… соделались не в пример противу прошлого благоразумнее и послушнее, и что определение на место мое другого не может нанести никакого вреда», он просил об увольнении его «от сего поста» и позволить ему возвратиться в Россию для восстановления здоровья в Киеве при сохранении полагавшегося ему жалования в течение шести месяцев[38].

На это Прозоровский ответил, что он сообщит просьбу Родофиникина министру иностранных дел Н.П. Румянцеву, а от себя лично выразил пожелание, чтобы Родофиникин оставался на своем посту до окончательного постановления о мире между Россией и Турцией, по которому, как полагал Прозоровский, решительно определится и будущая судьба Сербии[39].

В отношении к Н.П. Румянцеву от 19 июня (1 июля) 1808 г. Прозоровский писал, что «по тяжелым болезненным припадкам» Родофиникин просит позволить ему поехать в Киев для излечения. Выражая свое отношение к этой просьбе, он писал: «Ныне более, нежели когда-либо, почитаю я его пребывание там нужным и по отличным его способностям и приобретениям в познании земли, людей и обычаев, кроме того опытности, не знаю никого, кто бы его достаточно мог заменить». «Исходя из пользы государственных интересов», Прозоровский просил Н.П. Румянцева «испросить» у царя высочайшего соизволения от имени самого государя убедить Родофиникина остаться в Сербии до «окончательного решения дел между Россией и Портою»[40]. В том же отношении Прозоровский сообщал о возвращении из Белграда в Яссы коллежского асессора Бантыш-Каменского, который привез из Москвы в Сербию святое миро, и возвращении из Белграда в Яссы инженер-майора Гранберга, который

inslav

занимался «переписыванием набело сочиненных им планов и карты». В приложении к отношению сообщалось объявление австрийской стороны о том, что граница с Сербией вновь открыта, а «сношения и торговля позволены по-прежнему». «Я без сомнения полагать должен, – отмечал Прозоровский, – что все сии движения суть ничто иное, как последствие настоятельных моих требований, отнесенных к послу нашему в Вене князю А.Б. Куракину и им австрийскому министерству сообщенных»[41]. В этой части отношения А.А. Прозоровский, по всей видимости, несколько приукрашивал ситуацию на сербо-австрийской границе с целью преувеличить свои и А.Б. Куракина усилия и заслуги в нормализации сербо-австрийских отношений.

26 июня (8 июля) 1808 г. Прозоровский получил ответ Н.П. Румянцева, датированный 19 июня (1 июля) 1808 г., на свои предшествующие отношения. Н.П. Румянцев согласился, что австрийский генерал Й. Симбшен, безусловно, начал переговоры с сербами по поручению венского двора, который предполагал «войти с ними в объяснения без посредников». В случае же неудачи венский двор без ущерба своему авторитету мог отказаться от своих замыслов, обвинив во всем землинского бургомистра К. Хаджича. Н.П. Румянцев сообщил также, что царь Александр I одобрил настоятельные демарши по этому вопросу русского посла в Вене А.Б. Куракина о снятии К. Хаджича с его поста, чтобы «через то сами сербы удостоверились, что все таковые внушения были им учинены без ведома австрийского правительства». Если же Австрия вновь покусится на Сербию «военной рукой», писал Румянцев, то государь император разрешает Прозоровскому «уполномочить сербов к ограждению таковых покушений». Однако в Петербурге полагали, что после случившегося «подобные предприятия Австрия найдет для себя безпременными», да и с Россией не захочет из-за этого входить в раздор. К тому же и Наполеон I по окончании испанских дел начнет причинять венскому двору большую заботу. Если пограничные австрийские власти будут вести себя миролюбиво в отношении сербов, то царь

inslav

повелел обходиться с ними таким же образом, но в то же время неослабно, как и прежде, наблюдать за всеми их внушениями, которые они будут делать сербам[42]. Занятая правительством России твердая позиция в отношении сербо-австрийского конфликта вполне оправдала его ожидания. После того, как А.Б. Куракин предпринял несколько демаршей по поводу необоснованных требований австрийских властей о выдаче беглых австрийских солдат в Сербию на основании русско-австрийской конвенции, министр иностранных дел Австрии Стадион был вынужден признать, что это было сделано по ошибке и обещал не выдвигать впредь необоснованных требований от сербов по этому поводу[43].

В соответствии с рескриптом царя А.А. Прозоровский 26 июня (8 июля) 1808 г. сообщил Родофиникину, что требование Карагеоргия о вводе в Белград русского гарнизона в условиях сложившейся международной ситуации может подать повод «к разным неосновательным толкованиям» как со стороны соседних и других дружественных держав, так и со стороны Порты, и породить их недоверие к России. По этому вопросу Александр I, по словам Прозоровского, «признавать изволит нужным на сей раз приостановиться в удовлетворении требования Черного Георгия и отложить то до другого удобного времени»[44].

В отношении к А.Б. Куракину от 21 июня (3 июля) 1808 г. Прозоровский высказался более определенно по этому поводу: «Просьбу верховного вождя народа сербского о введении российского гарнизона в Белград отнес я ко двору нашему. На сие получил ответ, что доколе продолжается негоциация в Париже, и дабы не возродить какого-либо сомнения в настоящем положении дела дворам австрийскому и французскому, ныне к тому приступить еще не можно»[45].

Не успели еще утихнуть отголоски сербо-австрийского конфликта, как 10(22) августа 1808 г. К.К. Родофиникин сообщил о поспешном приготовлении австрийцев к войне с Францией. «Везде разглашается, – писал он, – что предстоит война с Францией, от чего бегство солдат австрийских на сию (сербскую. –

inslav

В.Г.) сторону со дня на день увеличивается, хотя повсюду стражи умножены»[46]. О подготовке Австрии к войне с Францией несколько раньше сообщил в Петербург и А.Б. Куракин. В рескрипте к русскому послу в Вене от 13(25) августа 1808 г. Александр I выразил неподдельное удивление по поводу непонятных для петербургского двора военных приготовлений Австрии и предписывал А.Б. Куракину предупредить венский двор о связанных с этими мероприятиями опасностях[47]. В инструкции Н.П. Румянцева А.Б. Куракину суть этих опасностей определялась полнее: «Посчитал ли венский двор соотношения между громадными силами, которые могут выставить против него Франция, Италия и Германия, и теми силами, которыми сможет располагать Австрия?». В связи с этим министр иностранных дел России поручал послу в Вене сделать все, чтобы помешать венскому двору «пойти навстречу собственной гибели». Куракину предписывалось почаще напоминать австрийцам, что их интересы состоят в том, чтобы «поддерживать тесную дружбу с императором Наполеоном и никогда не лишаться дружбы с ним»[48].

А.А. Прозоровский, со своей стороны, извещал А.Б. Куракина, что по полученным известиям из Константинополя, австрийский интернунций И. Штюрмер восстановил там отношения с новыми министрами Порты, которые просили его передать венскому двору, чтобы он взял на себя посредничество между Россией и Турцией по вопросу заключения окончательного мира. И. Штюрмер обещал предоставить Порте ответ венского двора в течение 25 дней. А.А. Прозоровский полагал, что венский двор уклонится от этой миссии, боясь еще больше раздражить против себя Наполеона I. Прозоровский писал также, что он вполне разделяет мнение А.Б. Куракина о том, что в настоящем положении дел русско-турецкие переговоры в Париже, которые, по его словам, «не восприяли еще своего начала», могли бы довести их к достижению нашей цели. «Существенная польза империи (Российской. – *В.Г.*) требует, – отмечал Прозоровский, – дабы мы во всех движениях наших относительно Порты Оттоманской всемерно старались удалиться от всякой остуды

inslav

между Россией и Франциею, коея медиация торжественно нами принята; для чего и надлежит в сем случае поступать с крайней осторожностью»[49].

Подготовка Австрии к войне с Францией активно обсуждалась и в Петербурге. Александр I лично заверил французского посла Коленкура, что он приложит все усилия, чтобы удержать Австрию от столь губительного для нее шага, и что предстоящее его свидание с Наполеоном в Эрфурте сможет положительно повлиять на политику венского двора[50].

Сербо-австрийский конфликт не прошел бесследно и для внутриполитической ситуации в самой Сербии. Он способствовал еще большему обострению противоречий среди сербских старейшин. По свидетельству Родофиникина, в Сербии вновь начались заговоры против Карагеоргия, инициатором и главой которых был все тот же Младен Милованович. Секретарь Карагеоргия Стефан Ефтич, у которого была печать верховного вождя, также был сторонником М. Миловановича. «Умы здесь опять возгорелись, – писал Родофиникин, – ...все разделено на партии, дышащие злобой одна против другой и стремящиеся к своей погибели. М ладен с товарищами ищет всеми средствами избавиться от Черного Георгия и основать свое владычество. Он простер даже дерзость до того, что самые повеления Черного Георгия в Совете не допускал выполнять, ... со мною в объяснениях своих представил мне, что он решился непременно убить Черного Георгия и тем предупредить злое будто бы его намерение»[51]. Сторонники М. Миловановича пытались купить в Землине яд, чтобы отравить Карагеоргия. Узнав об этом от тайных осведомителей, верховный вождь вернулся из Тополы в Белград для расправы с Младеном, но Родофиникин, по его же словам, «еле мог воздержать» Карагеоргия от этого. Тогда же началась вражда между бывшими друзьями и соратниками – Миленко Стойковичем и Петром Теодоровичем Добринцом. Последний по наущению Карагеоргия «явно восстал» против воеводы М. Стойковича. Родофиникин, по его свидетельству, посоветовал Карагеоргию

inslav

прекратить нападки на М. Стойковича, а самому поречскому воеводе рекомендовал воздержаться от военных действий против Петра Добринца.

Одну из мер, которая могла бы несколько сгладить междоусобную вражду среди сербских старейшин и военачальников, Родофиникин видел в своем отъезде из Сербии. «Появление здесь (в Белграде. – *В.Г.*) нового лица, – писал он, – обратит на себя внимание Сербии на долгое время; всякий покроется личиною честности, дабы снискать любовь новопришедшего, всякий пребудет в должных пределах в ожидании открыть мысли и расположения заменившего меня. Сверх же сего, я должен в полной откровенности сказать, что есть старейшины, которые нимало меня не любят, находя меня препоною для себя во многом, и кои при том мыслят, что при введении здесь устройства и при усилении могущества Кара-Георгиева я не премину отмстить тем, кои наиболее вдаются ныне в грабежи и убийства. Все сии недоверия и пустые их опасения сменою моею прекратятся, и польза от того для дел службы будет весьма великая»[52].

Отвечая на неоднократные просьбы К.К. Родофиникина об отзыве его из Сербии, Н.П. Румянцев писал Прозоровскому: «Отличное усердие и ревность сего чиновника и полезное его служение заставляют меня с сожалением видеть, что расстроенное состояние здоровья к тому его принуждают. По доброжелательству моему к г-ну Родофиникину я почитаю однако же себя в долге заключить при сем случае, что сербские дела приближаются теперь к окончательной развязке и что оная, конечно, не замедлит последовать. Собственная польза г-на Родофиникина потребует, чтобы он, употребив уже столько трудов и попечений дабы положить основание благоденствию народа сего, был участником и при окончательном учреждении его жребия. Довершив таким образом начатое, может он быть уверен, что услуги его не останутся в забвении, в чем я отнюдь не сомневаюсь, заметив во многих случаях, что государь император с особливым благоволением одобрять изволил принимаемые г-ном Родофиникиным меры; я побуждаюсь покорнейше просить ваше сиятельство

inslav

по начальству вашему представить ему сии замечания и склонить его для пользы служить по его усердию к оной и для собственной своей пользы, остаться до окончания сербских дел, дабы получить тогда уже полную меру заслуг своих»[53].

А.А. Прозоровский 27 августа (8 сентября) 1808 г. поставил в известность Н.П. Румянцева, что он отправил копию его письма К.К. Родофиникину в надежде, что столь высокая оценка его деятельности в Сербии может послужить «побудительной причиной употребить все усилия к окончательному исполнению возложенных на него столь важных государственных поручений»[54].

Если даже сделать скидку на присутствие в письмах Н.П. Румянцева и А.А. Прозоровского некоторой «дипломатической хитрости», которая, возможно, была использована для того, чтобы заставить Родофиникина продолжить работу в повстанческой Сербии, и тем не менее, в этих письмах просматривается не только заинтересованность петербургского двора оставить Родофиникина в Белграде, но и по-настоящему высокая оценка его деятельности на этому посту.

В данной связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что оценка петербургским двором деятельности Родофиникина коренным образом отличается от той, которая ему была дана министром иностранных дел Австрии И. Стадионом. Оправдывая промахи политики австрийских властей в период сербо-австрийского конфликта в первой половине 1808 г., часть вины за это он возлагал и на действия «хитрых и коварных греков», которые, по словам И. Стадиона, «могут только обманывать, запутывать и не могут воздержаться от интриг». Как нам представляется, оценка, данная министром иностранных дел Австрии в 1808 г. деятельности российского представителя в повстанческой Сербии К.К.Родофиникина, позднее была заимствована австрийскими, сербскими, югославскими и другими западноевропейскими историками из австрийских дипломатических документов указанного периода, а затем обросла новыми, как правило, тенденциозными, домыслами

inslav

о целеустремленной деятельности Родофиникина, направленной на разжигание междоусобной вражды среди сербских военачальников и влиятельных старейшин и в конечном итоге подчинившей цели сербского восстания 1804–1813 гг. интересам внешней политики России, и т. д. и т. п.

Рассмотренные выше факты показывают, что причина междоусобной вражды старейшин и раскола их на партии была не в деятельности К.К. Родофиникина, который пытался, как мог, сдерживать стремления главных чиновников и влиятельных воевод и старейшин к расколу, а в их ориентации на Австрию или Россию, в их стремлении к личному обогащению и власти.

Примечания

[1] ВПР. Т. IV. С. 280–284. А.Б. Куракин – Н.П. Румянцеву, 15(27) июня 1808 г.

[2] Там же. С. 265–266. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 14(26) мая 1808 г.

[3] Там же. С. 160. Примечание № 165. Први српски устанак. Књ. 1. С. 347–348. Правительствующий Совет Сербский – А.А. Прозоровскому, 14(26) мая 1808 г.

[4] Први српски устанак. Књ. 1. С. 348–349. Правительствующий Совет – М. Стойковичу, 14(26) мая 1808 г.

[5] АВПРИ. Ф. ГА1–9. 1807. Д. 2. Л. 145–148; там же. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 24–27. М. Урошевич – Карагеоргию, 13(25) мая 1808 г. Перевод на русский язык, современный подлиннику; Први српски устанак. Књ. 1. С. 355–358. М. Урошевич – Карагеоргию, 23 мая 1808 г. (н/с). Вариант подлинника на сербском языке, в котором есть сокращения и разночтения в тексте по сравнению с русским переводом.

[6] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1943. Л. 38–39. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 15(27) мая 1808 г.

[7] АВПРИ. Ф. ГА1–9. 1807. Д. 2. Л. 128–129. К.К. Родофиникин – Карагеоргию, 16(28) мая 1808 г.

[8] Списи бечких архива. Књ. V. Суботица, 1939. С. 642–644; Први српски устанак. Књ. 1. С. 351–352. Карагеоргий – Й. Симбшену, 18(30) мая 1808 г. Проект письма Карагеоргия – Й. Симбшену, составленный К.К. Родофиникиным на русском языке см.: АВПРИ. Ф. ГА1–9. 1807–1808. Оп. 8. Д. 2. Л. 130–133; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 209–212.

[9] Первое сербское... Кн. 2. С. 25–26. Први српски устанак. Књ. 1. С. 349–350. Карагеоргий – К.К. Родофиникину, 17(29) мая 1808 г.

inslav

[10] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 3–4. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 17(29) мая 1808 г.; Први српски устанак. Књ. 1. С. 350–351. Карагеоргий – К.К. Родофиникину, 18(30) мая 1808 г.

[11] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 3–4. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 17(29) мая 1808 г.

[12] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 213–214. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 19(31) мая 1808 г.

[13] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 20. Д. 599. Л. 19–20. (Подлинник); РГВИА. Ф. ВУА Д. 394. Ч. 2. Л. 193–194. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 19(31) мая 1808 г. (Черновик).

[14] Први српски устанак. Књ. 1. С. 353. Правительствующий Совет народа сербского – А.А. Прозоровскому, 19(31) мая 1808 г.

[15] ВПР. Т. IV. С. 269–270. А.А. Прозоровский – Правительствующему Совету народа сербского, 19(31) мая 1808 г.

[16] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 195–196. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 19(31) мая 1808 г.

[17] Первое сербское... Кн. 2. С. 26–29. А.Б. Куракин – А.А. Прозоровскому, 28 мая (9 июня) 1808 г.; там же. С. 31–33. А.Б. Куракин – А.А. Прозоровскому, 4(16) июня 1808 г.

[18] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-б. Св. 32. Д. 3. Ч. 1. Л. 23–24. А.А. Прозоровский – М.А. Милорадовичу, 7(19) июня 1808 г.

[19] ВПР. Т. IV. С. 278. А.А. Прозоровский – Правительствующему Совету народа сербского. 7(19) июня 1808 г.

[20] *Ивић А.* Списи бечких архива... Књ. V. С. 656–659. Ф. Перш – Й. Симбшену, 1 июня (20 мая) 1808 г.; там же. С. 660–661. К. Хаджич – Й. Симбшену, 1 июня (20 мая) 1808 г.; там же. С. 676–677. Ф. Перш – барону Латерману, 5 июня (24 мая) 1808 г. Подробнее об этом см.: *Гавриловић Сл.* Војводина и Србија у време првог устанка. Нови Сад, 1974. С. 118–119.

[21] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 236 и об. Ф. Перш – Правительствующему Совету сербского народа, 8(20) июня 1808 г. Перевод с немецкого на русский, современный подлиннику. Копия на немецком языке. Там же. Л. 234.

[22] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1905. Л. 23 об., 25. К.К. Родофиникин – А.Б. Куракину, 22 июня (4 июля) 1808 г.

[23] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 236 об. Правительствующий Совет – коменданту Землина Ф. Першу, 20 июня (2 июля) 1808 г.

[24] ВПР. Т. IV. С. 300–301. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 4(16) июля 1808 г.

[25] АВПРИ. Ф. ГА1–9. 1808. Д. 2. Л. 150. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 23 мая (4 июня) 1808 г.; там же. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921.

inslav

Л. 30 и об. Копия отношения Ф. Перша – Правительствующему Совету сербского народа, 4 июня (23 мая) 1808 г.

[26] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 229–230. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 23 мая (4 июня) 1808 г.

[27] Там же. Л. 231. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 23 мая (4 июня) 1808 г. Об отправке в Сербию святого мирра подробнее см.: *Грачев В.П.* Православная церковь и Первое сербское восстание 1804–1813 гг. // Балканские исследования. Вып. 17. Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 161–172.

[28] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 17. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 30 мая (11 июня) 1808 г.

[29] Там же. Л. 11–14. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 30 мая (11 июня) 1808 г.

[30] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-б. Св. 30. Д. 21. Л. 95. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 30 мая (11 июня) 1808 г.

[31] Први српски устанак. Књ. 1. С. 363–364. Карагеоргий – А.А. Прозоровскому, 3(15) июня 1808 г.; там же. С. 362. Карагеоргий – К.К. Родофиникину, 3(15)июня 1808 г.

[32] Први српски устанак. Књ. 1. С. 360; *Автократов В.Н., Альтшуллер Р.Е.* Из истории помощи России сербскому народу в период первого народного восстания // Исторический архив. М., 1960. № 1. С. 123. Правительствующий Совет – А.А. Прозоровскому, 30 мая (11 июня)1808 г.

[33] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-б. Св. 30. Д. 21. Л. 93. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 5(17) июня 1808 г.

[34] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 21. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 5(17) июня 1808 г.

[35] Там же. Л. 25–27. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 5(17) июня 1808 г.; АВПРИ. Ф. ГА1–9. 1807–1808. Оп. 8. Д. 2. Л. 168. Карагеоргий – А.А. Прозоровскому, 5(17) июня 1808 г.

[36] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 25–27. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 5(17) июня 1808 г.

[37] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 20. Д. 600. Л. 6–8. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 19 июня (1 июля) 1808 г.; там же. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 38. А.А. Прозоровский – Карагеоргию, 19 июня (1 июля) 1808 г.

[38] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 34. Подлинник; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 136–137. Копия. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 5(17) июня 1808 г.

[39] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 40. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 19 июня (1 июля) 1808 г.

inslav

[40] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. 1808. Оп. 580-А. Д. 10. Л. 496–498. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 19 июня (1 июля) 1808 г.
[41] Там же. Л. 496–498. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 19 июня (1 июля) 1808 г.
[42] Первое сербское... Кн. 2. С. 34. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 19 июня (1 июля) 1808 г.
[43] Там же. С. 44–45. А.Б. Куракин – А.А. Прозоровскому, 5(17) августа 1808 г.
[44] Там же. С. 35. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 26 июня (8 июля) 1808 г.
[45] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 6. Л. 273–276. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 21 июня (3 июля) 1808 г.
[46] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 210–212. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 10(22) августа 1808 г.
[47] *Tatistcheff S.* Alexander I-er et Napoleon. P. 432–433. Александр I – Наполеону I, 13(25) августа 1808 г.; ВПР. Т. IV. С. 315–316. Александр I – А.Б. Куракину, 14(26) августа 1808 г.
[48] ВПР. Т. IV. С. 317–319. Н.П. Румянцев – А.Б. Куракину, 14(26) августа 1808 г.
[49] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1923. Л. 27–32. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 24 августа (5 сентября) 1808 г.
[50] *Николай Михайлович, великий князь.* Дипломатические сношения России и Франции по документам послов императоров Александра I и Наполеона I. 1808–1812 гг. Т. I. СПб., 1905. С. 312–316. Коленкур – Наполеону I, 26 августа 1808 г. (н/с).
[51] *Петров А.Н.* Россия в борьбе Сербии за независимость // Военный сборник. Т. 167. № 1–2. СПб., 1886. С. 41. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 2(14) сентября 1808 г.
[52] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 71–72. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 20 июня (2 июля) 1808 г.
[53] Там же. Л. 207–208. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 8(20) августа 1808 г.
[54] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 537. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 27 августа (8 сентября) 1808 г.

inslav

Глава VIII

Государственные перевороты в Турции в июле и ноябре 1808 г. и их влияние на решение сербского вопроса

Как отмечалось в главе II, в результате первого янычарского бунта недовольные реформами Селима III янычары и вспомогательное войско ямаков 16(28) мая 1807 г. захватили власть в Константинополе, заставили султана подписать фирман о прекращении реформ, а затем отстранили Селима III от власти. Вместо него на престол был возведен Мустафа IV. После казни и ссылок наиболее влиятельных сторонников Селима III янычары и ямаки привели к власти соответствующих чиновников, большая часть которых придерживалась профранцузской ориентации. При содействии французских военных специалистов был разработан и утвержден султаном новый план войны с Россией. После сформирования новых органов власти янычары и ямаки по-прежнему оставались фактическими хозяевами империи. Они контролировали деятельность Высокой Порты и самого султана.

Уцелевшие сторонники Селима III после бунта были вынуждены бежать в Рущук к Мустафа-паше Байрактару, под руководством которого была сформирована партия сторонников Селима III, намеревавшихся продолжать начатые им реформы[1].

К числу сторонников этой группы принадлежал и Ахмет Хуршид-паша, который еще во время правления Селима III был назначен бейлербеем Румелии в звании великого визиря с правом принятия самостоятельных решений в подвластной ему провинции[2]. С начала русско-турецкой войны и в период правления султана Мустафы IV Ахмет Хуршид-паша возглавлял основную группировку турецких войск, сражавшуюся против русских войск на Дунае, а в период перемирия его армия находилась в Адрианополе. Не исключено, что до июльского переворота 1808 г. великий визирь Хуршид-паша и рущукский

inslav

сераскер Мустафа-паша, находясь в оппозиции, делали предложения русским о заключении мира не по поручению Порты, а по собственной инициативе. На это указывают секретная поездка в Яссы для переговоров с Прозоровским посредников Мустафа-паши, активная заинтересованность результатами этих переговоров французского посла Г. Себастиани, отказ Порты принять дары российского императора, попытки великого визиря Хуршид-паши организовать тайную встречу с посланцем российского главнокомандующего в Адрианополе, непрестанная слежка французских дипломатов за действиями Беклемишева в Константинополе, Адрианополе и на всем пути его следования, а также ряд других фактов.

После переворота, совершенного сторонниками Мустафа-паши Байрактара 16(28) июля 1808 г., султан Мустафа IV был свергнут с престола, а султаном Турции был провозглашен его брат Махмуд II, поскольку Селим III по приказу Мустафы IV был убит в начале переворота. Сменив великого визиря Челеби Мустафа-пашу и назначив на все ключевые посты своих единомышленников, Байрактар провозгласил себя великим визирем, сосредоточил в своих руках всю полноту гражданской и военной власти, навел порядок в столице и Адрианополе. Однако его правление было недолгим. Во время нового бунта, происшедшего в ночь с 2(14) на 3(15) ноября, Мустафа-паша Байрактар погиб, взорвав себя в пороховом погребе[3].

Воспроизводя в общих чертах эти хорошо известные в исторической литературе факты, автор надеется, что они позволят читателю лучше сориентироваться в подходе Высокой Порты к решению проблемы продолжения перемирия и заключения окончательного мира с Россией, а также тесно связанного с ней сербского вопроса до и после июльского переворота 1808 г.

inslav

1. Позиция Мустафа-паши Байрактара и его сторонников по вопросу распространения продленного перемирия на повстанческую Сербию накануне июльского переворота

Из предшествующих глав видно, что в самый разгар сербо-австрийского конфликта Мустафа-паша, получив отказ Прозоровского вести переговоры о мире без участия французских посредников, отправился из Рущука в Адрианополь к великому визирю Ахмет Хуршид-паше. Комментируя эту поездку, французский посол в Австрии А.Ф. Андреосси сказал А.Б. Куракину, что рущукский сераскер отправился в Адрианополь для обсуждения с великим визирем Ахмет Хуршид-пашой плана нападения турецких войск на сербских мятежников. Австрийские министры в Вене, ссылаясь на донесения своего интернунция в Константинополе, убеждали русского посла, что Хуршид-паша уже получил приказ Порты готовить свою армию к походу на сербов и был готов к его выполнению, однако после встречи французского поверенного Латур Мобурга с рейс-эфенди последовало распоряжение воздержаться от нападения на сербских мятежников. Доведя до сведения А.А. Прозоровского эту информацию, А.Б. Куракин писал: «Если даже поход на Сербию и будет предпринят, то Вы, милостивый государь мой, к защите народа, в непосредственное покровительство его императорского величества принятого, обратите внимание свое и не допустите его сделаться жертвою турецкого мщения и изменчивого их поведения»[4].

Подобная дезинформация о намерениях Мустафа-паши со стороны французских и австрийских дипломатов, по-видимому, была рассчитана на сокрытие истинных намерений сторонников Селима III, при осуществлении которых русская армия, воспользовавшись беспорядками в Турции, могла бы быстрее решить стоявшую перед ней задачу.

Сенсационные известия об истинных намерениях Байрактара А.А. Прозоровский впервые получил 11(23) июля 1808 г.

inslav

от своего адъютанта штабс-капитана барона Беервица из Рущука, который был послан туда с письмом Прозоровского. В донесении от 8(20) июля 1808 г. Беервиц сообщал, что по прибытии в Рущук он не застал там Мустафа-пашу. Посланный вдогонку посыльный Манук-бея, не застав сераскера в Адрианополе, отправился в Константинополь. Только там он смог вручить письмо Прозоровского от 16(28) июня 1808 г. Мустафа-паше Байрактару, когда 30-тысячное войско последнего вступило в столицу Османской империи.

В донесении от 8(20) июля барон Беервиц извещал главнокомандующего, что Мустафа-паша при поддержке своих друзей и союзников намеревается восстановить на престоле Селима III. Затем генерал-лейтенант М.А. Милорадович и Л.Г. Кирико 14(26) июля 1808 г. сообщили из Бухареста о полученном ими из Константинополя известии, согласно которому Мустафа-паша начал отстранять от власти всех неугодных ему министров Порты и прочих столичных чиновников, а его войско тем временем третий день штурмует замок Фанараки. Из другого донесения Беервица от 22 июля (3 августа) 1808 г. Прозоровский узнал, что 16(28) июля 1808 г. Байрактар заставил отказаться от поста военного визиря Челеби Мустафа-пашу и потребовал от султана Мустафы IV передать власть Селиму III. Но узнав, что Селим III был уже убит по приказу Мустафы IV, Мустафа-паша возвел на престол Махмуда II, брата Мустафы IV, а самого Мустафу заключил в серале. После этого Байрактар провозгласил себя верховным визирем. «Сия новая революция, вскоре после прошлогодней последовавшая, – писал Прозоровский А.Б. Куракину, – подает новые и явные доказательства о крайней слабости всего состава внутреннего правления Турецкой империи. Сие самое признаю я весьма для нас благоприятствующим к достижению выгод отечества нашего. Ибо сомнению не подвержено, что междоусобные раздоры главнейших чиновников турецких не только не перестают, но более усиливаться будут, а чем сильнее между ними будет беспорядков и неустройств, тем легче, пользуясь ими, можем мы

inslav

исполнить намерения наши». При этом важно и то обстоятельство, полагал Прозоровский, что Мустафа-паша питает «крайнюю и явную ненависть» к французам. Исходя из этого, Прозоровский предполагал, что главной побудительной причиной похода Мустафа-паши на Константинополь и произведенного им переворота явилось то, пишет Прозоровский, что «миссия французская сохраняла непрерывно большое влияние на министерство Порты так, что она окружила Мустафу теми только чиновниками, которые преданы Франции, и устраняла различными способами всех тех, которые ей не благоприятствуют». Прозоровский предполагал также, что новый султан Махмуд II в знак благодарности за возведение его на престол первое время будет следовать советам своего нового верховного визиря. А это значит, полагал Прозоровский, что «двор французский лишен ныне в Турции всего своего влияния и всей доверенности, которую министерство турецкое в большей или меньшей степени доселе к оному сохраняло»[5].

Вскоре после получения ответа Мустафа-паши на свое письмо от 16(28) июня 1808 г. А.А. Прозоровский писал М.А. Милорадовичу, А.Б. Куракину и К.К. Родофиникину, что после произведенного им переворота Мустафа-паша «обнаруживает не совсем миролюбивые расположения, особенно в рассуждении требований моих и Портою торжественно обещанного включения сербов в продолжение перемирия военных действий, ныне паки ссылается на перемирие, в Слободзее заключенное, говоря, что в оное включены токмо сербы около Видина и Фетислама (Кладова. – *В.Г.*), и что прочих имеет Порта право наказать за бунт, к чему и располагается приступить, хотя он и старается убедить ее отложить до другого времени»[6]. Вместе с тем Мустафа-паша по-прежнему настаивает на необходимости заключения мира между Россией и Турцией без посредничества Франции. При этом новый верховный визирь обращал внимание на то, что Порта никогда не согласится добровольно уступить России Молдавию, Валахию и Бессарабию, не испытав еще раз судьбу силой оружия[7]. На это Прозоровский

inslav

18(30) июля 1808 г. отвечал Мустафа-паше, что Слободзейский договор был признан российским самодержцем «несуществующим», о чем своевременно было объявлено Порте и французскому послу в Турции Г.Себастиани. По принятии командования Дунайской армией Прозоровский через Г. Себастиани еще раз просил Порту, чтобы, по его словам, «все сербы без исключения были охвачены перемирием до заключения окончательного мира, что мне обещал генерал Себастиани от имени Порты». Прозоровский особо обращал внимание Мустафа-паши на то, что эти условия были подтверждены во время русско-турецких переговоров в Париже полномочным представителем Порты Мугиб-эфенди при заключении договора о продлении срока перемирия, что было одобрено рескриптом Александра I, в котором особо подчеркивалось, что эта договоренность будет соблюдаться, как отмечал Прозоровский в письме Мустафа-паше, «если Блистательная Порта предпримет шаги к выполнению со своей стороны принятых ей обязательств, в том числе, если сербы будут включены в продление срока перемирия». Судя по последнему письму Мустафа-паши, продолжает Прозоровский, Порта не намерена соблюдать дальше перемирие, о котором она сама же просила. В заключение письма Прозоровский предлагал Мустафа-паше предпринять все для того, чтобы «сербы могли пребывать в мире», и чтобы Порта дала России на сей счет «формальное заверение»[8].

Отправленный вторично в Рущук с этим письмом Прозоровского барон Беервиц 25 июля (6 августа) сообщал, что М анук-бей и другие рущукские чиновники, опасаясь исхода дел в Константинополе, находятся в большом беспокойстве. Они предполагают, что Мустафа-паша может удовлетворить требования Прозоровского о распространении перемирия на всех сербов, но он, как верховный визирь, воспримет требование России об установлении границы по реке Дунаю как объявление войны. По получении Мустафа-пашой первого письма Прозоровского от 16(28) июня 1808 г. он приказал рущукским чиновникам содержать группировку придунайских войск «в самой

inslav

строжайшей дисциплине и быть во всей исправности к военному порядку». Этот приказ подтверждается с каждым приезжающим из Константинополя курьером, а ежедневные учения рущукских войск наглядно подтверждают исполнение этого приказа.

Последний прибывший из Константинополя курьер привез известие о казни многих столичных чиновников, среди которых были министр финансов Осман-эфенди, Шеласадил-мулла, Гафид-мулла, бывший первосвященник Анатолии, Мениб-эфенди и другие сторонники Франции. Несмотря на жестокие меры, спокойствие в Константинополе еще не установилось. Между столичными чиновниками наблюдается большое несогласие. Великий визирь Мустафа-паша окружен толпой неприятелей и может стать жертвой опрометчивых решений. Как сообщили рущукские чиновники, в Рущук до сих пор не назначен начальник над местными войсками. Ознакомившись с ситуацией на месте, барон Беервиц писал Прозоровскому: «...Если Ваше сиятельство в теперешнем неустройстве и несогласии в Турции объявите ей войну, то она верно будет побеждена без всякого труда и без малейшего нам сопротивления». Из донесения Беервица видно, что Манук-бей сообщил ему и содержание переговоров Латур Мобурга с новыми чиновниками Порты, которых он заверил в том, что если Россия будет настаивать на своем требовании оставить за ней княжества Молдавию и Валахию, а также один берег Дуная, то Франция объявит ей войну. Тогда же Манук-бей поделился с бароном Беервицем предположением о том, что вместо Мустафа-паши сераскером придунайской группировки турецких войск будет назначен комендант Измаила Пехливан-паша, а его место займет Бошняк-ага[9].

Позднее Прозоровский получил новые известия непосредственно из Константинополя, согласно которым Мустафа-паша казнит и ссылает всех неугодных ему чиновников, а 30 июля (11 августа) 1808 г. он вручил султану Махмуду II меч Магомета. Согласно тому же источнику, власть Мустафа-паши, по словам Прозоровского, «еще не имеет твердой основы и порождает между турецкими вельможами множество завистников, которые, как

inslav

кажется, уступают превосходной его силе и влиянию, но при первом удобном случае готовы обратиться против него»[10].

В Петербурге тем временем Александр I был ознакомлен с донесениями Прозоровского от 10(22) июля 1808 г. о нападениях турок на сербов, о намерении Порты нарушить перемирие, о намерении Прозоровского послать отряд генерал-майора И.И. Исаева на помощь сербам, о просьбе К.К. Родофиникина освободить его с поста дипломатического представителя в Сербии и т. д. В рескрипте от 26 июля (7 августа) 1808 г. Александр I одобрил предложение Прозоровского о переводе корпуса генерал-майора И.И. Исаева на правый берег Дуная для защиты сербов от нападения войск видинского паши и все распоряжения главнокомандующего, которые будут им сделаны в случае возобновления военных действий с турками. Любопытно, что этот рескрипт «контрасигнировал» новый военный министр, граф А.А. Аракчеев, назначенный на этот пост в июне 1808 г.[11].

2. Отношение правительств Франции, Австрии, Турции и России к заключению мира между Россией и Турцией до и после июльского переворота в Константинополе

В отличие от столичных министров, русский посол во Франции П.А. Толстой уже в апреле 1808 г. начал смело и настойчиво критиковать напрасные старания петербургского двора придерживаться условий Тильзитского договора. П.А. Толстой считал, что Наполеон I по окончании своих дел в Испании непременно приступит к реализации давно вынашиваемых им планов захвата самой России. В связи с этим он предлагал: 1) увеличить русскую армию, сосредоточив до 200 тыс. человек в западных губерниях России; 2) начать переговоры с Австрией о заключении союза, заверяя ее при этом об отсутствии намерений у России присоединить к ней Дунайские княжества; 3) как можно скорее заключить мир с Турцией; 4) завершить войну со Швецией; 5) главной целью политики России следует считать заключение мира с Англией[12].

inslav

Несмотря на эти предупреждения, Александр I, соблюдая верность Тильзитскому договору, поставил в известность Наполеона I о предложении Порты начать переговоры с Россией о сепаратном мире без посредничества Франции, и что петербургский двор решительно отверг это предложение[13].

В начале июня 1808 г. П.А. Толстой сообщил министру иностранных дел России Н.П. Румянцеву, что петербургский двор теперь уже не может рассчитывать на посредничество Франции в русско-турецких переговорах о заключении окончательного мира между Россией и Турцией, поскольку прежние обещания Наполеона I никогда не будут выполнены, так как они были заранее рассчитаны на то, чтобы выиграть время, необходимое Наполеону I для завершения своих дел в Испании. В связи с этим П.А. Толстой вновь предлагал как можно скорее заключить мир с Портой без посредничества Франции. Ради скорейшего заключения мира с Турцией, по мнению посла, для России было бы выгоднее отказаться от претензий на присоединение Дунайских княжеств[14].

В Петербурге тем временем французский посол Коленкур продолжал морочить голову царю новыми вариантами планов раздела владений Османской империи. Не желая портить отношения с Францией, Александр I и чиновники МИД России убеждали Коленкура в том, что реализация таких вариантов будет сопряжена с рядом осложнений и, со своей стороны, предлагали отложить решение этого вопроса до личной встречи Александра I с Наполеоном I, которая могла бы состояться в августе 1808 г.[15].

Русский посол в Вене А.Б. Куракин также внимательно следил за ходом русско-турецких переговоров в Париже. В конце апреля 1808 г. он сообщил в Петербург о том, что Наполеон I выдвинул условие, согласно которому он выведет французские войска из Пруссии в том случае, если русские войска будут эвакуированы из Дунайских княжеств[16]. Делясь своими соображениями по этому поводу, А.Б. Куракин, в отличие от П.А. Толстого, считал, что для престижа России было

inslav

бы выгоднее присоединить к себе Молдавию и Валахию[17]. После обсуждения этих вопросов с министром иностранных дел Австрии И. Стадионом, имевшего место во второй половине мая 1808 г., Куракин сообщил в Петербург о том, что венский двор в принципе не будет возражать против присоединения к России Дунайских княжеств и установления ее границы с Турцией по реке Дунай, если Австрия получит часть Малой Валахии. При этом И. Стадион указывал на то, что желание российского государя расширить его владения до Дуная существенно препятствует русско-турецким переговорам в Париже, поскольку посредник, Наполеон I, явно не желает присоединения к России Молдавии и Валахии[18].

Тем временем в Петербурге австрийский посол граф М. Мерфельдт, накануне своего отъезда в Вену по случаю нового назначения, имел несколько встреч с Н.П. Румянцевым. В ходе одной из них он дал понять, что венский двор огорчен медленным продвижением русско-турецких переговоров в Париже и хотел бы, со своей стороны, содействовать скорейшему сближению между Россией и Турцией. Венскому двору известно, заявил посол, что Порта сама хочет прекращения войны, и Австрия готова предложить содействие своего посла (интернунция) в Турции И. Штюрмера в этом сложном деле. Однако Н.П. Румянцев был вынужден отклонить это предложение венского двора, сказав, что Александр I уже доверил эту заботу императору Франции. М. Мерфельдт, в свою очередь, уклончиво заметил, что венский двор знает о таком посредничестве и имеет в виду лишь добрые услуги, которые он мог бы оказать России, не прибегая к каким-либо официальным демаршам перед Портой. Н.П. Румянцев при этом не упустил случая напомнить о том, что хотя он не сомневается в добром отношении И. Штюрмера к России, но, тем не менее, его прежняя деятельность была направлена на то, чтобы настроить Порту на противодействие «видам и желаниям петербургского двора».

Во время последней перед отъездом из Петербурга встречи М. Мерфельдт заявил, что венский двор, как писал Румянцев,

inslav

«близок даже к мысли помочь нам получить Молдавию и Валахию, если мы согласимся владеть этими провинциями на условиях некоторой *МОДАЛЬНОСТИ*...». (Выделено мной. – *В.Г.*). Поскольку и это предложение, по мнению Румянцева, «не содержало в себе ничего определенного», то он ответил на это, что последние известия, полученные из Сербии, чуть было не вызвали некоторых сомнений в их искренности.

Хотя эти предложения М. Мерфельдта, по оценке Румянцева, не столь значительны по своим результатам, однако они дают пищу для серьезных размышлений, если связать их с событиями последнего времени. Излагая свои соображения по этим вопросам, Н.П. Румянцев полагал, что Австрия воспримет с завистью любые приобретения России за счет Турции, в особенности Молдавии и Валахии. Кроме того, она боится «стать свидетельницей крушения» Османской империи, не принимая участия в дележе ее наследства. Обсуждая этот вопрос с М. Мерфельдтом, Румянцев заявил: «...Пока речь не идет об общем разделе оттоманских владений, но что, по моему мнению, если бы об этом когда-нибудь зашла речь, то было бы трудно обойтись без содействия Австрии. Тогда г-н Мерфельдт ответил мне, что может быть, в интересах санктпетербургского двора надо было бы отложить на время всякие операции подобного рода, пока ход событий не позволит России и Австрии поделить между собой оттоманские провинции, не допуская вмешательства в это дело какой-либо третьей державы, особенно такой могущественной, какой является сейчас держава императорского Наполеона». С другой стороны, доходящие из разных источников сообщения наводят на мысль, писал Н.П. Румянцев, что доброе согласие между Францией и Австрией вот-вот будет нарушено и что последняя опасается вскоре подвергнуться нападению.

Сопоставляя доходившие со всех сторон известия, Н.П. Румянцев, по его признанию, «затруднялся объяснить себе поведение венского двора». Его интриги в Сербии нельзя объяснить иначе, как намерением оказать противодействие полити-

inslav

ке России в Сербии и ослабить там русское влияние или же подстрекательством французов. Н.П. Румянцев отклонил последнее предположение, полагая, что «возможно ли, чтобы Австрия, находясь под угрозой нападения со стороны опасного врага, занималась предприятиями, сулящими весьма сомнительный успех на участке своих границ, совершенно противоположном тому, который должен был бы поглощать все ее внимание, предприятиями, которые могут поссорить ее с Россией? На чем основано подобное поведение в момент, когда ее интересы, казалось бы, должны заставить постараться укрепить узы, соединяющие ее с нами, с помощью прямых и недвусмысленных демаршей? Не мы ли одни можем отсрочить ее гибель?».

«Совершенно не имея способов разобраться в этом хаосе», министр иностранных дел России просил посла в Вене А.Б. Куракина приложить старание, чтобы получить «ясные и сколь возможно точные сведения» по этим вопросам, воздерживаясь при этом от каких-либо официальных демаршей перед венским двором[19].

В данной связи весьма примечательны рассуждения некоего Анжела Валсамана из захваченного французами итальянского города Ливорно, которыми он поделился в письме от 4(16) июля 1808 г. с русским царем Александром I. По мнению автора письма, политическая система Европы к середине 1808 г. была ниспровергнута Наполеоном I окончательно. После покорения Испании император Франции может иметь миллионную армию, и тогда его не смогут удержать ни постановления Тильзитского мира, ни колеблющаяся Австрия. Это может сделать только Россия, если она прогонит турок из Европы. В этом же заинтересованы Австрия и Англия. Но пока Наполеон I занят в Испании, полагал А. Валсаман, Россия должна оставаться с ним в мире, разделив при этом все свои военные силы на две большие армии. Одна должна находиться на границе с Пруссией, а другая, вместе с сербским войском, должна начать военные действия против тиранов Фракии, не взирая на то, что это противоречит замыслам Наполеона. Активно

inslav

действуя в этом направлении, Россия приобретет много новых сторонников. Австрия же должна быть готовой к войне, но действовать только в крайнем случае совместно с русской обсервационной армией в Пруссии. После изгнания турок из Европы, полагал А. Валсаман, «тотчас восстановится равновесие в Европе, ибо между двух великих держав государство малой силы находит защиту»[20].

Поскольку в письмах великого визиря А. Хуршид-паши и Мустафа-паши Байрактара, адресованных Прозоровскому в марте 1808 г., не были указаны условия, на которых Порта хотела бы заключить мир с Россией, петербургский двор для выяснения намерений Порты и возможных уступок с ее стороны решил направить в Константинополь человека, который официально должен был передать султану орден святой Анны 2-го класса и часы с алмазными украшениями. Главнокомандующий Дунайской армией А.А. Прозоровский поручил эту миссию своему адъютанту подполковнику Беклемишеву, который и отправился из Ясс в Константинополь во второй половине апреля 1808 г.[21].

По прибытии в Бухарест Беклемишев узнал, что там находится французский посол в Турции Г. Себастиани, которому он может лично вручить предназначенную для него корреспонденцию. При встрече Г. Себастиани не упустил возможности заявить следующее: «Мир с Россией, конечно, последует, сего желает Порта и султан; но весьма мудрено и даже невозможно будет заключить оный с теми для России выгодами, каковых бы можно было приобрести до возмущения, коим свергнут с престола прежний султан Селим III. Дух народа в сие время имеет великое влияние на все предприятия государства; (люди. – *В.Г.*) поступают по-всякому своему стремлению, не быв в состоянии предвидеть пользы своего отечества в случае укрощения его силою; народ сей, движимый отчаянием, соберет все силы свои к исступленному сопротивлению и, следовательно, при таковом положении дел предложение мира не инако может быть, как на приличном обстоятельствам договоре (proposition de cente).

inslav

Касательно сербов объявляю Вам, что я поступил во всем согласно с видами и намерениями фельдмаршала (А.А.Прозоровского. – *В.Г.*), но соблюдение перемирия весьма измениться может при малейшем нарушении оного со стороны сего народа, и потому необходимо нужно, чтобы генерал-фельдмаршал предварил о том г-на Родофиникина...»[22].

В ответ на это Беклемишев сказал, что он «не имеет доверенности ни к какому личному переговору» с послом Франции, и по этой причине попросил посла изложить свои мысли в письме к А.А. Прозоровскому. При расставании Г. Себастиани обещал это сделать, а также употребить старания к тому, чтобы Беклемишев смог без опасности доехать до Константинополя. В подтверждение своих слов Г. Себастиани выделил для охраны Беклемишева двух янычар, которые будут сопровождать его до Константинополя, и написал несколько рекомендательных писем к Латур Мобургу, рейс-эфенди, Мустафа-паше Байрактару и начальникам турецких городов, лежащих на пути в столицу Османской империи. В Джурджу и Рущуке Беклемишев был принят с почетом. В Рущуке его принимали Манук-бей и Богос Себастиани. В разговорах с ним эти преданные Мустафа-паше люди, по словам Беклемишева, «показывали дурное их мнение и расположение к французам». Они подарили ему хорошую лошадь с богатым украшением и послали гонцов, которые должны были предупредить начальников находившихся по пути городов и крепостей о необходимости обеспечить Беклемишеву безопасный проезд до Константинополя и обратно.

По настоянию французского посла Г. Себастиани Беклемишев при проезде через Адрианополь должен был посетить французского консула Мейнера. Однако при подъезде к городу турецкий квартирмейстер распорядился отвести Беклемишева на квартиру «глухими местами» и скрытно от людей. На следующий день к Беклемишеву был прислан посыльный с известием, что верховный визирь А. Хуршид-паша, который был в Адрианополе, приказал сказать, писал Беклемишев, что «желает быть у меня вместе с рейс-эфенди негласным образом

inslav

(in cognito)...». На это Беклемишев ответил, что он дожидается только прибытия французского консула, посредством которого будет просить рейс-эфенди о позволении быть представленным верховному визирю для вручения ему письма А.А. Прозоровского. На это посыльный ответил, что «визирь не желает в сем случае присутствия никакого француза, ни консула, ни даже имеющегося драгомана Порты, преданного им...». Беклемишев отвечал: «...Таковой случай может подать вид тайного сношения и тем самым необходимо даст повод к справедливому недоверию союзников и посредников наших...». Несмотря на это, посыльный настойчиво объявил, что верховный визирь требует этого и ожидает Беклемишева в своем доме. Беклемишев был вынужден исполнить этого требование и явился к верховному визирю с сопровождавшим его Рыжовым, который немного говорил по-турецки. После приветствий в адрес Прозоровского, визирь спросил: когда окончатся переговоры в Париже? Беклемишев отвечал, что тайны кабинетов ему не известны. Тогда визирь попросил передать генерал-фельдмаршалу, «чтобы он принял на себя примирить нас скорее, мы в нем всю надежду нашу полагаем». Беклемишев предложил А. Хуршид-паше изложить это в личном письме к А.А. Прозоровскому. Визирь сказал, что по возвращении Беклемишева он вручит ему такое письмо. На этом встреча была окончена. Хотя верховный визирь и пытался помешать встрече Беклемишева с французским консулом, однако она все же состоялась на обеде у самого верховного визиря А. Хуршид-паши.

По прибытии в Константинополь Беклемишев прежде всего встретился с поверенным в делах Франции в Османской империи Латур Мобургом и передал адресованную ему корреспонденцию. Пока Мобург читал письма, его драгоман Франкини первым делом спросил Беклемишева, с какой целью он встречался в Адрианополе с великим визирем и о чем разговаривал с ним два часа. Пересказав часть разговора с визирем, Беклемишев, по поручению А.А. Прозоровского, добавил к этому от себя, что в разговоре с визирем и по своим путевым

inslav

наблюдениям он заметил, что «турки начинают терять доверенности к французскому двору и что разными способами начинают к нему прилаживаться. На сие г-н Мобург сказал мне, что отвращение от французов, действительно, существовало, поддерживаемо будучи министрами, кои уже сменены, но теперь двор (Константинопольский. – *В.Г.*) все сие преобразил. (Я узнал после, – отмечал Беклемишев, – что оный был прежний рейс-эфенди, именуемый Галет-эфенди, подавший проект о заключении мира с Россиею без посредничества, за что по сие время находится в ссылке)».

В Константинополе Латур Мобург пытался выведать у Беклемишева имена турецких чиновников, которые предлагали Прозоровскому заключить мир с Турцией без посредничества Франции, и останутся ли за Россией Дунайские княжества. Сославшись на свою непричастность к переписке Прозоровского по дипломатическим делам, Беклемишев уклонился от ответа. Когда Беклемишев спросил Латур Мобурга, каким образом он может передать султану орден святой Анны 2-го класса и часы с алмазными украшениями, то получил следующий ответ: константинопольский двор по этому поводу находится в большом затруднении и даже содержит в тайне от народа истинную цель приезда русского посланца в столицу Османской империи. Окончательный ответ Порты по этому делу будет дан через него, т.е. Латур Мобурга. Беклемишев действительно так и не был принят официальными лицами Порты. В течение двух недель его делами занимался французский поверенный в делах Латур Мобург, через которого константинопольские чиновники передавали Беклемишеву ответы по всем интересующим Россию вопросам. Среди них в Константинополе обсуждалось и дело о сербах. Латур Мобург, передавая ответ Порты по этому вопросу, сообщил Беклемишеву: «Кажется, что дела их (сербов. – *В.Г.*) не должны бы иметь связи с делами России». Беклемишев возразил на это: «Если Россия покровительствует сей народ, то и пользы оного из вида не выпустит, и спокойствие их, конечно, стараться будет обеспечить». Через

inslav

несколько дней Латур Мобург передал Беклемишеву, что константинопольская «министерия» до сих пор не приняла никакого решения относительно сербских мятежников, поскольку министры, отвечающие за решение сербского вопроса, находятся в расположении воинских частей за пределами Константинополя. Однако им уже сообщили требование русского главнокомандующего по этому вопросу, и в столичном министерстве ждут их ответа. Тогда же Латур Мобург сообщил Беклемишеву и об отказе султана принять русский орден[23].

В письме Латур Мобурга А.А. Прозоровскому сообщалось, что, согласно догматам мусульманской веры, султан не может принять орден святой Анны 2-го класса, а взамен драгоценных часов посылает солитер, который русский монарх по своему усмотрению может передать одному из своих подданных[24]. 15 июля 1808 г. (н/с) Латур Мобург, отвечая на письмо Прозоровского от 28 мая (9 июня) 1808 г., сообщал, что Порта по получении послания от великого визиря, который отвечает за решение сербского вопроса, поручила ему, Латур Мобургу, передать А.А. Прозоровскому следующее: «Милостивый характер его высочества султана Мустафы в отношении своих подданных достаточно известен, и что сами сербы часто испытывали воздействие сей милости; что еще совсем недавно Блистательная Порта проявила доброту по отношению к ним, предоставив им урегулировать их дела. Если сербы в течение длительного времени не подавали бы новых поводов для огорчений, его высочество мог бы приостановить действия своего справедливого гнева». Порта, со своей стороны, пишет Латур Мобург, уже давно отдала приказы своим войскам, чтобы они по всем направлениям прекратили военные действия, чтобы не давать повода к прекращению перемирия и переговоров в Париже о заключении мира между Россией и Турцией. Такие приказы отдавались Портой неоднократно. Латур Мобург сообщал, что после отъезда из Константинополя посла Г. Себастиани заботу об урегулировании конфликтов между турками и сербами возложил на себя он, Латур Мобург, как об этом просил А.А. Прозоровский в письме от 13(25) мая 1808 г. Кроме

inslav

того, Латур Мобург обещал Прозоровскому добиться от Порты издания новых приказов, которые будут способствовать прекращению в дальнейшем случайных стычек войск местных пашей с сербами на всей территории Сербии[25].

Перед отъездом из Константинополя Беклемишев все же был приглашен на встречу с рейс-эфенди и каймакамом Порты, на которой присутствовал и Латур Мобург. Однако во время приема эти официальные чиновники даже не затронули вопросов об отношении Порты ни к продлению срока перемирия, ни об условиях мирного договора между Россией и Турцией. Такую осторожность со стороны столичных турецких чиновников Беклемишев объяснил постоянной слежкой за его пребыванием в Турции со стороны французских дипломатов, а в Константинополе – со стороны самого Латур Мобурга и его драгомана, который неотлучно находился при нем повсюду.

Во время пребывания в Константинополе Беклемишеву удалось побывать и на приемах у послов других государств. Весьма любопытны его замечания по этому поводу: «Все публичные особы чужестранных держав, в Константинополе пребывающие, опасаются и страшатся французского правительства; и Порта, кажется, поведением своим обнаруживает, что разделяет свои чувствования». Датский посланник в Константинополе барон Гибш по секрету сообщил Беклемишеву, что Латур Мобург поручил ему выведать у русского посланца, не склоняется ли Порта к тайному союзу с Россией или Англией. Делясь собственными мыслями, барон Гибш сказал, как отмечал Беклемишев: «Если турки оставлены будут французами, то погибнут неизбежно. Известно, однако, что турки употребляют все старания к заключению мира с англичанами, но им дано знать от Мобурга, посредством барона Гибша, что ежели они приступят к мирным переговорам с которым либо из сих дворов, не снесясь о том с французским правительством, тогда уже никакой пощады от императора Наполеона ожидать не могут».

На обратном пути в Адрианополе Беклемишеву сообщили о желании А.Хуршид-паши встретиться «секретным образом»

inslav

с посланцем главнокомандующего Дунайской армией А.А. Прозоровского. Для этого Беклемишев под видом удовлетворения своего любопытства должен войти в указанную мечеть, где его будет ждать великий визирь. Когда же Беклемишев объяснил, что скрыть факт тайной встречи невозможно по причине постоянной слежки со стороны французского консула, в доме которого он остановился, встреча с великим визирем была отменена. Однако при выезде из Адрианополя посыльный передал Беклемишеву предназначенную для него драгоценную табакерку и пакет для Мустафа-паши Байрактара, который к этому времени уже находился в Рущуке.

По прибытии в Рущук Беклемишев был приглашен к Мустафа-паше. Во время приема тот, обращаясь к Беклемишеву, с досадой сказал: «Вот что наделали друзья ваших товарищей (les amis de vos compagnes)...». Беклемишев сделал вид, что не понял этого замечания, и тогда Мустафа-паша перевел разговор на тему общих впечатлений Беклемишева о поездке в Константинополь. После встречи Манук-бей объяснил Беклемишеву, что, говоря «о друзьях ваших товарищей», Мустафа-паша имел в виду трех столичных высокопоставленных чиновников – друзей Франции, которые под давлением французских дипломатов дали совет султану и Порте отказаться от приема православного ордена, поскольку это, якобы, противоречило догматам мусульманской веры. Хотя султан и Порта вначале были согласны принять дар российского царя, но под давлением французов и под влиянием внутренних неурядиц были вынуждены отказаться от этого. Мустафа-паша просил передать через Беклемишева: «Правительство находится теперь в самом несчастном положении от разных внутренних неустройств, оно принуждено соображаться с расположением народным, каковое смятение может и еще несколько дней продолжаться; но уже теперь открыли трех главных изменщиков, которые воспользовались таковыми смутными обстоятельствами, желая угодить французам».

Вручая Беклемишеву подарки, Манук-бей сказал: «Мустафа-паша четыре дня тому назад получил неограниченные

inslav

полномочия на трактование об окончательном мире, и так же с нетерпением ожидает об утверждении последнего (продленного. – *В.Г.*) перемирия от государя императора ответа, которого генерал-фельдмаршал обещал в исходе мая доставить, прибавя к тому, что и на первое перемирие (по Слободзейскому договору. – *В.Г.*) император долго не соглашался».

При отъезде из Рущука Богас Себастиани и его братья настойчиво убеждали Беклемишева в том, чтобы петербургский двор «не принял в дурную сторону» отказ Порты от ордена св. Анны. Они же говорили, что только непомерные требования России, предъявляемые Порте, могут помешать заключению сепаратного мира с ней. По уверению Б. Себастиани, самое большое опасение Порты состоит в том, чтобы Турция вместе с Россией не были вовлечены в войну с Францией.

В заключительной части своего отчета о поездке в Константинополь подполковник Беклемишев особо отметил, что в Адрианополе под командой великого визиря А. Хуршид-паши находится от 20 до 25-ти тысяч войска, которое должно выступить из города через шесть дней после прибытия Беклемишева в Яссы. Одни люди говорили, что армия визиря будет двигаться в направлении к Силистрии, а другие, что к Сербии, куда будут отправлены войска, прибывшие из Азии. По слухам, Порта требовала прислать из Азии до 150 тыс. воинов, но из-за внутренних междоусобий в азиатских владениях Турции местные начальники согласились прислать лишь 30 тыс. воинов. По слухам же, в распоряжении Мустафа-паши Байрактара имеется не более 20 тыс. воинов, большую часть которых составляют разбойники, покровителем которых ранее был Пазванд-оглу Видинский.

В столице Османской империи Беклемишев узнал, что основная часть турецкого морского флота базируется в константинопольской бухте. Он состоит из 13 больших кораблей, каждый из которых имеет от 60 до 120 пушек. Однако на этих кораблях не- хватает простых матросов[26].

inslav

3. А.А. Прозоровский о политике петербургского двора, Франции, Австрии и Порты в отношении продления срока перемирия и условий заключения мира между Россией и Турцией

Из разговоров А.А. Прозоровского с французским послом в Турции генералом Г. Себастиани и из письма Прозоровского А.Б. Куракину от 15(27) мая 1808 г. было видно, что главнокомандующий Дунайской армией, по его же словам, «не имел даже и доселе никакого известия от двора нашего (петербургского. – *В.Г.*) о продолжении перемирия...». «Удивительно, – писал он, – что ни министерство наше, ни же посол граф Толстой ничего мне об оном не писали; и я еще остаюсь в ожидании ответов Высочайшего Двора нашего на учиненные мною о том представления». В то же время Прозоровский предполагал, что в отсутствие Наполеона, который находился в Испании, переговоры в Париже о заключении окончательного мира между Россией и Турцией продвигаться не могут. «Мы, – отмечал он, – еще долго останемся в ожидании решимости в положении дел наших с Портою». Делясь по этому поводу своими соображениями с А.Б. Куракиным, Прозоровский откровенно признавался, что «на первый случай признаю я продолжение прекращения военных действий для нас весьма полезным, поскольку успешное продолжение войны требует основательной подготовки и снабжения армии всем необходимым». Дунайская же армия, по признанию главнокомандующего, только что укомплектована ратниками милиции, большая часть которых находится еще в пути к месту назначения и до сих пор не получила обмундирования. В 13-й дивизии, которая только что вошла на территорию Молдавии, 6 тыс. ратников до сих пор не имеют ни обмундирования, ни лошадей, ни обоза, ни палаток, ни исправной артиллерии. 8-я и 22-я дивизии, которыми командует генерал М.И. Голенищев-Кутузов, лишь недавно расположились на левом берегу Дуная. 16-я дивизия плохо вооружена, а выделенное для нее вооружение еще

inslav

не доставлено на место ее дислокации. Для успешного возобновления военных действий их было бы целесообразно начинать по ту, т. е. по правую, сторону Дуная. В таком случае для переправы артиллерии необходимы речные суда, которые по условиям Слободзейского соглашения барон К.И. Мейендорф распорядился отправить из Галаца в устье Дуная. При возобновлении военных действий эти суда должны подниматься вверх по реке мимо таких турецких крепостей, как Измаил, Тульча и Исакча. Само собой разумеется, что турки не пропустят их без значительных потерь. Исходя из этого соображения, Прозоровский распорядился строить новые корабли в Галаце, к чему, по его словам, «теперь положено токмо первое основание».

К тому же Прозоровский считал, что осенняя кампания против турок выгоднее летней, поскольку по турецким обычаям их войска, особенно прибывшие из Азии, с наступлением осени расходятся по своим домам, не взирая ни на какие уговоры своих начальств и фирманы, исходящие из самой столицы Османской империи. И тем не менее, отмечал Прозоровский, несмотря на все недостатки, «...я сужу, что, изготовясь во всем, можно с помощию божию, если война откроется, ждать счастливых успехов»[27].

В переписке с А.Б. Куракиным и Н.П. Румянцевым Прозоровский выражал свое непонимание политики венского двора как в отношении сербов, так и покровительствующей им России. Основываясь на фактах, сообщаемых из повстанческой Сербии Родофиникиным, Правительствующим Советом и верховным вождем Карагеоргием, а также А.Б. Куракиным из Вены, Прозоровский пришел к выводу, что эти факты, «кажется, открывают, что все то делается по воле венского министерства», а не по прихоти барона И. Симбшена и других частных лиц, как это утверждают в Вене. Пересылая в Петербург копии полученных им донесений и писем, относящихся к сербо-австрийским отношениям, Прозоровский спрашивал Н.П. Румянцева: «Может действительно быть, что между дворами (петербургским и венским. – *В.Г.*) учинено какое-либо в рассуждении сербов

inslav

постановление, но как я даже не имею никакого о том от вашего сиятельства извещения, то во всех моих по сему предмету поступках должен я сообразовываться с прежним положением». По этому поводу, поясняет Прозоровский, он просил русского посла в Вене, чтобы А.Б. Куракин потребовал от венского двора запретить отдельным австрийским чиновникам вести переговоры с сербами без разрешения этого двора, который, в свою очередь, должен согласовывать свои действия «с политическими отношениями, существующими между петербургским и венским дворами». Прозоровский признавал, что он по своей инициативе дал указание К.К. Родофиникину «елико возможно затруднять отношение сербов с австрийцами и всемерно отклонять первенствующих в народе чиновников от податливости на обольщения австрийцев, представя им весь вред, от того для них происходить долженствующий». Вместе с тем Прозоровский просил доложить царю о разгоравшихся распрях между высшими сербскими начальниками и о просьбе членов Правительствующего Совета «удалить от них верховного вождя» Карагеоргия. Прозоровский просил также сообщить ему мнение Александра I по этому делу и по вопросу «о принятии в вечное подданство России и определении на службу» принятого Родофиникиным «для переводов и письма» находившегося в Карловацком училище Михаила Дмитриева[28].

Не дождавшись ответа А.А. Прозоровского о получении им рескрипта Александра I от 14(26) апреля 1808 г. о возможности и условиях продления истекающего срока Слободзейского перемирия с Турцией, Н.П. Румянцев «почел за нужное» отправить 15(27) мая 1808 г. дубликат этого письма. В сопроводительной записке Н.П. Румянцев писал, что государь император с особым удовлетворением обращает внимание на то, что Прозоровский при всех переговорах с турками не упускает возможности побеспокоиться и о сербах. «На случай возобновления перемирия, – указывал Румянцев, – его величество соизволяет, чтобы они (сербы. – *В.Г.*) в оное непременно включены были»[29]. В другом письме от того же числа

inslav

Н.П. Румянцев сообщал, что царю было доложено о желании верховного вождя Карагеоргия ввести в Белград гарнизон русских войск. Александр I согласился с мнением Прозоровского. В связи с этим, отмечал Румянцев, «государь император изволил рассудить, что мера таковая могла бы подать повод к разным неосновательным толкованиям со стороны Франции и Австрии и родить в них недоверие к нам». По этой и другим причинам Александр I признал за нужное «на сей раз приостановиться в удовлетворении» вышеназванного требования Карагеоргия, отложив это до другого, более удобного времени[30].

Тогда же царь одобрил предложения Прозоровского и Родофиникина о целесообразности привлечения на сторону России зарубежных архиереев и священников «для распространения связей наших» в Турецкой империи.

Другое их предложение – о назначении С.А. Санковского «для совместных действий в Сербии» с К.К. Родофиникиным – Александр I отклонил, указав, что С.А. Санковский уже назначен «для управления по части финансов»[31].

21 июня (3 июля) 1808 г. Прозоровский сообщил А.Б. Куракину в Вену, что Н.П. Румянцев 23 мая (3 июня) одобрил ответы, которые были даны Прозоровским Мустафа-паше по поводу невозможности заключения сепаратного мира с Турцией без посредничества Франции. Излагая суть своего ответа Мустафа-паше, Прозоровский писал, что поскольку Россия является союзницей Франции, то она не находит нужным избегать посредничества Наполеона. Если же Порта теперь считает неудобным для себя такое положение дел, то в этом она должна винить только себя, ибо она первая предложила провести переговоры в Париже, где теперь и находится полномочный представитель России, который не имеет права изменять условия и место ведения переговоров. «Что же касается до перемирия, которое будто положено в Париже взаимными полномочными и которое имеет продолжаться до окончательного мира, – писал Прозоровский Куракину, – то граф Николай Петрович (Румянцев. – *В.Г.*) уведомляет меня, что такового постановления

inslav

отнюдь не было». И, тем не менее, в письме к великому визирю Прозоровский, по согласованию с царем, дал согласие на продление срока перемирия с условием включения в него сербов. «В рассуждении условий, на которых правительство Порты Оттоманской желает заключить мир с Россиею, – отмечал Прозоровский, – я доселе никаких официальных известий не имею, хотя, впрочем, по соображению настоящих обстоятельств и положения Порты судить я должен, что она готова бы была с некоторыми важными даже пожертвованиями заключить теперь мир с Россиею, но без посредничества Франции, к чему однако ... мы теперь еще приступить не можем». Письма великого визиря и Мустафа-паши Байрактара дали Прозоровскому основание заключить, что Мустафа-паша получил от Порты тайные полномочия для заключения мира с Россией без посредничества Франции на условиях, которые он сам, по словам Прозоровского, «за благо признает»[32]. Но по-видимому, Прозоровский выдавал желаемое за действительное.

Отказ султана Мустафы IV и Порты от даров русского императора, осторожность поведения оппозиционного Порте великого визиря Ахмет Хуршид-паши в Адрианополе, сдержанность высказываний Мустафа-паши Байрактара накануне готовившегося им переворота, заявления преданных Байрактару рущукских чиновников Манук-бея и братьев Себастиани, сделанные Беклемишеву, дают основание предполагать, что после свержения Селима III новый султан Мустафа IV и новые министры Высокой Порты, оказавшись под влиянием наполеоновской дипломатии, не давали поручения Мустафа-паше и Ахмету Хуршид-паше вести переговоры с Прозоровским о заключении сепаратного мира с Россией без посредничества Франции на предложенных петербургским двором условиях. По-видимому, Мустафа-паша и Ахмет Хуршид-паша, замышляя поход на Константинополь, делали это предложение по собственной инициативе, а Прозоровский, основываясь на содержании их писем, воспринимал желаемое за действительное. Такому восприятию политики Порты способствовало и то обстоятельство,

inslav

что в первой половине июня 1808 г. Прозоровский не имел возможности ознакомиться ни с поступавшей в Яссы корреспонденцией, ни с донесениями барона Беервица, поскольку был занят осмотром левого фланга Дунайской армии. В Яссы он вернулся только 13(25) июля 1808 г. После прочтения накопившейся за это время корреспонденции и доклада Беклемишева о результатах поездки в Константинополь главнокомандующий существенно изменил свое мнение об отношении Наполеона I к заключению мира между Россией и Турцией. В письме к Н.П. Румянцеву от 19 июня (1 июля) 1808 г. он писал по этому поводу: «Французский двор желает постановить мир между Россией и Турцией, но ни под каким видом не хочет о том стараться, чтобы мир без его медиации не мог состояться, а еще того менее, чтобы выгнать турок из Европы, для чего и негоциация в Париже столь долго продолжается. Двор сей, кажется, показывает только единую наружность к исполнению желаний е.и.в-ва (Александра I. – *В.Г.*), а я по всему полагать должен, что Франция имеет в виду вознаградить нас со стороны Персии, где одни степи без травы и без воды»[33]. Русский посол в Вене А.Б. Куракин пытался убедить Прозоровского в обратном. Он считал, что ожидаемый приезд Наполеона из Испании в Париж должен оживить и ускорить ход русско-турецких переговоров и, наконец-то, позволит заключить мир между Россией и Турцией. Возражая Куракину, Прозоровский отвечал, что после июльского переворота в Турции и устранения султана Мустафы IV от власти переговоры в Париже не могут быть продолжены, потому что новый султан Махмуд II еще не признан Францией, а турецкий уполномоченный на переговорах в Париже пока не получил от нового султана полномочий и вряд ли получит их вообще. «Впрочем, – писал Прозоровский Куракину 4(16) августа 1808 г., – если бы военные действия восприяли свое начало, то армия, мною предводительствуемая, почти совершенно во всех частях устроена и снабжена всеми нужными потребностями, а к 15(27) числу сего месяца все без изъятия будет в готовности»[34].

inslav

В Петербурге к началу августа 1808 г. также имели достаточное представление как о совершенном Мустафа-пашой перевороте, так и об основных направлениях его внешней политики. 8(20) августа 1808 г. Н.П.Румянцев писал Прозоровскому, что Александр I согласился с оценкой главнокомандующего, высказанной им в письме от 11(23) июля 1808 г. по поводу «революции», произведенной Байрактаром в Константинополе. «С вероятностью полагать можно, – писал Румянцев, – что Порта незамедлительно заключит союз с Англиею и вследствие того может отозвать посла своего из Парижа, во-вторых, что турки не замедлят также учинить какие-либо противу сербов покушения, коим, нарушив доныне существующее перемирие, дадут нам следовательно причину к подъятию оружия. Оба таковые происшествия, или одно из них, равномерно прекратят медиацию французского двора в примирении нас с Портою, и тем открывая нам путь к непосредственному уже после того с сею державою трактованию о мире». Н.П. Румянцев допускал, что ни Порта, ни Мустафа-паша не согласятся на те условия, которые требуют от них петербургский двор без того, чтобы еще раз не испытать жребий силой оружия. Н.П. Румянцев, видимо, не без одобрения царя, поддержал мысль Прозоровского о том, что для России выгоднее под благовидным предлогом разорвать перемирие с Турцией в конце августа 1808 г., поскольку, согласно с обычаями турок, их войска осенью расходятся по домам, и действующая армия существенно ослабевает. Н.П. Румянцев писал по этому поводу: «...Государь император ныне же заблаговременно ваше сиятельство уполномочивает приступить к тому и начать военные действия, сколь скоро сами вы признаете то за полезнейшее». Из этого письма видно, что Александр I предоставил Прозоровскому право составить план военных действий и полную свободу для его реализации, а также не ограничивал его в решении, «до какого пункта нести оружие... по ту сторону Дуная», для того, чтобы «приобресть славный и полезный для отечества нашего мир определением границ наших по реке Дунаю». Если мир будет заключен

inslav

на этих условиях, то «населению Молдавии, Валахии и Бессарабии, исповедывающему магометанский закон, должна быть предоставлена свобода к переселению во владения Порты по ту сторону Дуная со всем их имуществом». При подписании мирного договора с Турцией это условие царь разрешал закрепить особой статьей. Согласно распоряжению Александра I, Прозоровский перед началом военных действий должен был написать депешу, изложив в ней побудительные причины возобновления войны с Турцией с таким расчетом, чтобы эту депешу можно было сообщить союзнику России Наполеону I. Если же Порта сообщит Прозоровскому об отзыве своего уполномоченного на переговорах в Париже и по своей инициативе прекратит начатые там переговоры для того, чтобы вступить в переговоры непосредственно с Россией без посредничества Франции, то главнокомандующему предписывалось немедленно сообщить об этом в Петербург с нарочным курьером[35].

В другом письме от 8(20) августа 1808 г. Н.П. Румянцев известил Прозоровского, что Александр I одобрил все предписания главнокомандующего, которые были даны им К.К. Родофиникину по сербскому вопросу, а также советы, данные им верховному вождю Карагеоргию и Правительствующему Совету[36].

После июльского переворота в Турции МИД России неоднократно обращал внимание австрийского и французского послов на попытки австрийских войск занять часть территории повстанческой Сербии, на старания австрийского интернунция И. Штюрмера в Константинополе поссорить Россию с Турцией во время перемирия, а также на намерения Порты организовать нападение на сербских повстанцев. В связи с этим Александр I и Н.П. Румянцев пытались даже припугнуть французского посла возобновлением военных действий с турками, если они нападут на сербов. А. Коленкур просил русских союзников не начинать военных действий против Турции до личной встречи Наполеона I с Александром I[37].

В середине августа 1808 г. А.А. Прозоровский писал Александру I: «Не могу дать веры тому, чтобы французский

inslav

в Константинополе поверенный в делах Латур Мобург мог официально и публично говорить противу интересов вашего величества и даже во вред оных». При этом Прозоровский допускал возможность того, что Наполеон не имеет искреннего желания, чтобы Россия имела свою границу по реке Дунай. Но из-за этого, полагал главнокомандующий, французы не будут открыто выступать против союзной им России. Скорее они будут действовать «из-под руки», т. е. тайно. «По соображении всех сих обстоятельств, – подчеркивал Прозоровский, – я полагаю, что полезно бы было для интересов вашего императорского величества в настоящем смутном положении Порты уничтожить продолжающееся с нею перемирие, чем самым правительство турецкое принужденным найдется скорее склониться принять реку Дунай границею» между Россией и Турцией. Прозоровский подчеркивал, что эту же мысль он высказал и в письме к Н.П. Разумовскому 23 июля (4 августа) 1808 г.[38].

В последних числах августа 1808 г. А.А. Прозоровский получил письмо Мустафа-паши Байрактара, датированное третьим днем луны реджеб 1223 г., или 12(24) августа 1808 г. Сославшись на дела, задержавшие его в столице, чтобы «проложить путь доброму порядку и уладить большие дела Блистательной Порты», Мустафа-паша извинился за несостоявшуюся встречу с Прозоровским, на которой они, по его мнению, могли бы договориться как об условиях мира между Россией и Турцией, так и по другим, менее важным вопросам. Отвечая на упреки Прозоровского по поводу нападения турок на сербские села, расположенные поблизости от Видинского пашалыка, Мустафа-паша, как и следовало ожидать, возлагал всю вину на сербов. При этом верховный визирь подчеркивал, что сербы являются подданными Порты, и поэтому только она имеет право решать их судьбу. При этом Мустафа-паша утверждал, что соответствующая статья Слободзейского договора об условиях перемирия предусматривала включение в перемирие только ту часть сербов, которая воевала вместе с русскими войсками в районах Видина и Фетислама (Кладово. –

inslav

В.Г.). Более того, по уверению Мустафа-паши, эта статья, согласно договору, будет сохранять силу лишь до того времени, когда в Видин прибудут сербские полномочные представители для обсуждения условий перемирия с Молла-пашой Видинским. Однако сербы, пишет великий визирь, «как подданные Оттоманской империи, пренебрегли подчинением и послушанием и время от времени продолжали с новой силой свои мятежи и восстание». Несмотря на это, продолжал Мустафа-паша, по прибытии в лагерь великого визиря «...я напомнил моему предшественнику, что против сербов не следует совершать никаких нападений со стороны оттоманских воинов», и хотя этот принцип распространялся на всех сербов до последнего времени, однако они вновь дерзнули сжечь несколько сел, увести к себе их жителей вместе с имуществом. Как бы там ни было, Мустафа-паша подчеркивал: «...Согласно полученным ранее письмам посла Блистательной Порты уважаемого Мугиб-эфенди, стало известно, что вплоть до настоящего времени в Париже еще не начинались переговоры о мире. Определенно известно и то, что вплоть до настоящего времени не были посланы указания нашему другу российскому послу Толстому, и, видимо, этого не будет сделано и в дальнейшем. Поскольку во все времена не было примера, чтобы после заключенного перемирия в течение года не начинались переговоры о мире и так долго затягивалось дело, то сложившаяся ситуация не может не вызывать крайнего удивления». Байрактар просил Прозоровского запросить петербургский двор, почему он до сих пор не наделил П.А. Толстого полномочиями для заключения мира с Турцией. В том же письме Мустафа-паша сообщил, что более подробные сведения об условиях заключения мира между Россией и Турцией содержатся в инструкции, отосланной Манук-бею, которому поручено сообщить эти условия барону Беервицу, ожидавшему в Рущуке ответа из Константинополя[39].

Результаты беседы Манук-бея с Беервицем подробно изложены в донесении последнего Прозоровскому от 20 августа (2 сентября) 1808 г. Выполняя поручение великого визиря

inslav

Мустафа-паши Байрактара, Манук-бей сообщил барону Беервицу следующее. В Константинополе восстановлен полный порядок. Все министры Порты полностью разделяют устремления нового султана Махмуда II, который искренне желает заключить мир с Россией. «Константинопольский двор, – передает Беервиц слова Манук-бея, – пойдет навстречу, он искренне желает этого. Но касательно провинций Молдавии и Валахии и мыслей, которые на сей счет рождаются и распространяются, М. (Манук-бей. – *В.Г.*) уполномочен отвечать, что Блистательная Порта не уступит ни пяди своей территории и что император (т. е. султан. – *В.Г.*) запретил даже говорить об этом». Манук-бей вновь подтвердил, что хотя после заключения перемирия прошел год, однако уполномоченные в Париже еще не начинали вести переговоры об условиях заключения мира между Россией и Турцией. В Константинополе не могут понять, кто виноват в этом: Франция ли тому помехой, Россия ли чинит препятствия? «Наконец, если мир не может быть заключен в Париже, пусть нам об этом скажут, и тогда можно будет приступить к надлежащим мерам. Каковы намерения русского двора?» – вопрошал Манук-бей. «Если бы он объявил их нам без утайки, были бы предприняты соответствующие действия. Если переговоры действительно начнутся, то трудностей более не предвидится…». «Можно будет принять правило строго довоенного status quo, договорившись о подходящих изменениях в нескольких ранее уже существовавших статьях», – сказал в заключение беседы Манук-бей, завершив изложение основных положений секретной инструкции Порты[40].

Сопоставив содержание писем великого визиря Мустафа-паши Байрактара с другими сообщениями, полученными из Константинополя и других мест, А.А. Прозоровский пришел к заключению, что послание Байрактара «содержит токмо пустые слова», поскольку в нем говорится только о сербах и о «неначатии негоциаций в Париже». Главнокомандующий сделал следующий вывод: «Турки всемерно хотят отклонить меня от начатия военных действий, поскольку, во-первых,

inslav

великий визирь осенью не имеет возможность собрать многочисленную армию, ибо турецкие войска, как правило, самовольно расходятся по своим домам, во-вторых, азиатские и европейские владения Порты раздираются многими бунтами и междоусобиями, в-третьих, почти вся турецкая армия находится в Константинополе, а сам великий визирь не имеет достаточной твердости для возобновления военных действий против России». «Итак, кажется, – писал Прозоровский Н.П. Румянцеву, – желание их (турок. – *В.Г.*) состоит в том, чтобы продолжить перемирие до весны, а тогда, собравши войска, предпринять нападение на нас, а сверх того, надлежит ожидать союза между Портою и Англиею...».

Принимая во внимание сложившуюся к тому времени ситуацию в Османской империи и руководствуясь последним предписанием Александра I, Прозоровский отмечал в письме к Н.П. Румянцеву: «...Я не оставлю воспользоваться первым удобным случаем, могущим мне подать достаточные причины к разорванию перемирия, каковых, однако же, досель еще не имею». В то же время Прозоровский полагал, что «к трактованию о мире беспосредственно с Портой мы, со своей стороны, дабы не раздражать противу нас посредника, никоим образом приступить не можем, доколе полномочный Порты оставаться будет в Париже; да хотя бы он и был отозван... Порта ни под каким видом добровольно не согласится уступить нам сии (Дунайские. – *В.Г.*) княжества, по чему самому война делается неизбежной». В подтверждение этому Прозоровский указывал на опубликованные в Видине фирманы, призывавшие турок к нападению на сербов, и на стремление Мустафа-паши склонить Россию к переговорам о мире без посредничества Франции, в чем Прозоровский усматривал скрытое намерение Мустафа-паши поссорить Россию с Францией[41].

Руководствуясь вышеизложенными соображениями, Прозоровский 28 августа (9 сентября) 1808 г. отправил Мустафа-паше ответное послание, составленное в нарочито жестком стиле. Прежде всего в нем сообщалось, что главнокомандующий

inslav

Дунайской армией не видит смысла в личной встрече с великим визирем, о которой Мустафа-паша просил до июльского переворота, поскольку теперь эта встреча, по словам Прозоровского, «ни коим образом не могла бы внести вклад в заключение почетного мира». Во-вторых, Прозоровский опровергал утверждения Мустафа-паши о том, что П.А. Толстой не имел и до сих пор не имеет полномочий петербургского двора на заключение мира между Россией и Турцией. В его письме сообщалось по этому поводу, что граф П.А. Толстой «облечен е.и.в-вом инструкциями для заключения мира» и что российский император «не отступит от посредничества императора Франции Наполеона I, обещанного им по просьбе самой Порты». Поскольку Турция, по словам Прозоровского, была агрессором, то Россия имеет полное право получить вознаграждение за войну, к которой ее принудила Порта. Но поскольку она не хочет идти ни на какие территориальные уступки, следовательно, делал вывод Прозоровский, Порта предполагает продолжать войну с Россией. В ответ на упреки Мустафа-паши по поводу нарушения сербами перемирия Прозоровский обращал внимание великого визиря на то, что турецкие военные подразделения время от времени переходят на левый берег Дуная, заняли город Галац и некоторые дунайские острова, усиливают и вооружают гарнизоны турецких левобережных крепостей и т. д. Ради достижения желаемого мира русское командование «вооружилось терпением» и закрывает глаза на эти нарушения. После продления срока перемирия, отмечалось в послании, Порта обнародовала несколько фирманов, направленных против христиан, проживающих в ее европейских владениях, сосредоточила против них большую армию, состоящую из европейских и азиатских войск в Адрианополе, Софии, Силистрии, Тырнове, Филиппополе (Пловдиве), Туртукае, Видине, Фетисламе (Кладово), Нише и других местах. Прозоровский признавал, что при сложившейся ситуации он ожидает нападения со стороны турецких войск в любой момент как на сербов, так и на позиции российских войск. В целях отражения

inslav

внезапного нападения он вынужден увеличить численность своей армии на Дунае за счет воинских подразделений, выведенных из-за Днестра. «Что же касается сербов, – писал Прозоровский, – то у них были свои причины для того, чтобы искать справедливости с оружием в руках. Когда вслед за тем Порта ввязалась в войну с Россией, император всероссийский принял сербов под свое высокое покровительство». После установления перемирия Порта обещала французскому послу Г. Себастиани, а Мухиб-эфенди П.А. Толстому в Париже, «оставить сербов в покое до заключения мира». «Я также побуждал Вас к этому, – отмечал Прозоровский, – предлагал Вам, что было бы гораздо разумнее ничего не предпринимать против них, учитывая, что при заключении мира все дела будут улажены полюбовно и пойдут своим чередом, что тем самым будет отвращено кровопролитие. Из письма Вашей светлости узнал я, что Вы совершенно не согласны с моим дружеским и справедливым советом. Что же касается распрей, имевших место во время перемирия, то с Молла-пашой Видинским уже достигнута договоренность об урегулировании раздоров. По донесениям из разных источников видно, что в Видине обнародованы фирманы, призывающие к нападению на сербов». «Предупреждаю Вашу светлость, – писал Прозоровский, – что я не смогу остаться равнодушным свидетелем нарушения перемирия и буду рассматривать его как недействительное»[42].

23 сентября (5 октября) 1808 г. барон Беервиц вручил Прозоровскому ответ на его дерзкое послание. Мустафа-паша, поблагодарив генерал-фельдмаршала за поздравление по поводу своего назначения на пост великого визиря, обстоятельно изложил свою точку зрения на причины возникновения русско-турецкой войны и выполнение обеими сторонами условий не признанного Россией Слободзейского перемирия. Он сообщил об отправке в Париж обновленных полномочий турецкому представителю на право продолжения переговоров о заключении мира с Россией и опроверг слухи о концентрации турецких войск на берегах Дуная и о посылке фирманов в Видин,

inslav

призывавших якобы мусульман на войну с сербами. Мустафа-паша уверял, что «такие фирманы не только не обнародованы, но разосланы со стороны правительства строжайшие повеления чиновникам, находящимся в сих местах, дабы сии отнюдь не предпринимали ничего против сербов». «Впрочем, – писал Мустафа-паша А.А. Прозоровскому, – я уже обещал вашему сиятельству и дал Вам слово не посылать войск против сербов, в пользу коих Вам угодно было взять участие, потому что сии прибегнули к покровительству российского двора, хотя сии мятежники, учинив явное возмущение против Высокой Порты, коей они суть подданные, неоднократно возобновляли такие позорища. Я однако же во уважение просьбы, которую Ваше сиятельство изъявили в письме Вашем ко мне, решился позабыть проступки их с тем, чтобы сии уже не обращались к новым возмущениям, и отложить наказание их, во ожидании, что по мирному договору как сие дело, так и всякое другое, устроится. Оказанное с нашей стороны терпение, несмотря на все преступления и злодеяния, учиненные сербами в продолжении перемирия, внимание, которое мы имели, чтобы ничего не предпринимать против них, дабы не подать поводу к новым спорам, и даже чтобы не подкреплять видинскую армию, суть достаточные опыты непоколебимости, с коей я хранил мое слово».

Признавая передислокацию некоторых частей турецкой армии, Мустафа-паша объяснял это необходимостью замены тех частей, которые распускались по домам. Великий визирь заверял Прозоровского: «...Мы первые не начнем атаковать, я обещаю Вашему сиятельству и даю Вам мое слово, что во все то время, пока Вы будете наблюдать перемирие, ничего неприязненного с нашей стороны не будет предпринято; а при том должно надеяться, что добрыми стараниями наших правителей скоро заключен будет честный и спасительный мир, и что по прекращении сего положения вещей водворится попрежнему доброе согласие»[43].

В донесении Александру I от 27 сентября (9 октября) 1808 г. Прозоровский признавался, что свое последнее письмо

inslav

к Мустафа-паше он составил с таким умыслом, «дабы, судя по надменности, суровости и вспыльчивости крови его, подвигнуть его самого к прекращению перемирия». После отправления письма Прозоровский, по его словам, «употребил все усилия, дабы раздражать турков, довести их до учинения частного нападения либо на войска в.им.в-ва, либо на сербов». Но все эти старания, по признанию Прозоровского, остались безуспешными. Турки остерегаются нападать даже на сербов. Главнокомандующий лукаво сетовал на то, что бездействие и осторожность турок связывают ему руки. Мустафа-паша, пользуясь перемирием, исподволь усиливает гарнизоны в крепостях, расположенных на обоих берегах Дуная: в Джурдже, Браилове, Измаиле, Рущуке, Силистрии, Тульче и др. Но усиливая гарнизоны крепостей, Мустафа-паша не намерен начинать генеральное сражение с русскими, а по совету бывшего французского посла в Турции генерала Себастиани предполагает вести «малую или партизанскую» войну. Чтобы отражать частые набеги турок, нужно будет перестраивать все расположение русской армии.

В этом же письме сообщалось, что 23 сентября (5 октября) 1808 г. Прозоровский получил ответ Мустафа-паши на свое последнее письмо. Вопреки расчетам Прозоровского, предполагавшего получить дерзкий ответ Мустафа-паши, к крайнему изумлению главнокомандующего, письмо великого визиря, на взгляд Прозоровского, было написано в «уничижительной» форме. «Вместо твердости и достоинства независимой державы в отвержении требований наших, (Мустафа-паша. - *В.Г.*) ссылается на то, что не смеет приступить к какой-либо нам уступке, опасаясь народа, который сего терпеть не будет», – комментировал Прозоровский последнее письмо верховного визиря. В том же письме Мустафа-паша давал честное слово, что турецкие войска не будут первыми атаковать русских, если они по-прежнему будут соблюдать перемирие. «Наконец, – отмечал Прозоровский, – (Мустафа-паша. – *В.Г.*) удовлетворил даже торжественно требованию моему относительно сербов, оставляя их под покровительством в.им.в-ва неприкосновенными

inslav

до постановления мира, что всегда было самым большим для них преткновением». (Подчеркнуто мной. – *В.Г.*). Содержание и форма изложения последнего письма Мустафа-паши, по мнению Прозоровского, свидетельствует «о совершенной слабости правительства Порты Оттоманской», которое с наступлением осени не в состоянии собрать даже минимального числа войск. Из этого же письма великого визиря видно, что Порта ни под каким видом не соглашается уступать России Дунайских княжеств. Ознакомившись с письмом верховного визиря, Прозоровский пришел к заключению, что он, Прозоровский, уже не может более питать надежды на то, чтобы заставить турецкие войска нарушить с их стороны перемирие. Сам же Прозоровский также не решался первым начать военные действия, ссылаясь на то, что ему до сих пор неизвестны в подробности наставления, которые были даны царем русскому послу в Париже П.А. Толстому, а также условия, на которых поручено ему заключить мир с Турцией. Вышеизложенные обстоятельства побудили Прозоровского, по его словам, «принять дерзновение» и представить на усмотрение царя свои заключения, которые могли бы послужить для славы государя и для победы отечества. Прежде всего, отмечал Прозоровский, «...нельзя приступать к заключению мира без приобретения границы по Дунаю и исключительных прав для сербов». Обосновывая свою точку зрения по этим вопросам, он писал, что жители Дунайских княжеств «всеми возможными средствами, усилиями и пожертвованиями обнаружили свое усердие» престолу русского государя, чтобы избавиться от несносного для них владычества Порты. «И никогда усердие их не достигало до столь великой степени, как ныне. Человеколюбивое сердце в.и.в-ва не позволит возвратить единоверные нам народы сии в жертву их тиранов...», – убеждал Прозоровский Александра I. В противном случае Россия, по его словам, «никогда уже более в предбудущие времена не обретет здесь приверженности в обывателях, ей во всякую войну толико благоприятствовавшей, что и все единоверные нам в Турецкой империи народы

inslav

потеряют все к ней доверие, доселе с толикою пользою соблюденное, и что Россия, наконец, через то самое совершенно лишится своего над правительством Порты влияния, ей по всем политическим отношениям необходимо нужного».

Если и дальше продолжать перемирие в ожидании заключения мира в Париже, рассуждал Прозоровский, то Порта достигнет своей цели: она выиграет время, к весне соберет многочисленное войско и со свежими силами нападет на русскую армию, которая до весны будет оставаться без пользы, теряя людей от простуды, заразных болезней и отдельных набегов турок, укрывающихся в крепостях.

Исходя из сложившейся к сентябрю 1808 г. ситуации, Прозоровский предлагал во-первых, объявить Порте от имени русского императора «решительные условия», без которых Россия не согласится заключать мир с Турцией; во-вторых, прекратить перемирие. Не решаясь приступать к возобновлению военных действий без согласия царя, Прозоровский вновь просил удостоить его «поспешным по сему обстоятельству разрешением». Он был уверен, что Порта и после объявления ей «решительных условий» не согласится уступить Дунайских княжеств, и это обстоятельство, по мнению Прозоровского, позволит ему возобновить военные действия и по мере возможности продолжить их глубокой осенью. Главнокомандующий предполагал очистить к зиме от турок левый берег Дуная, в начале операции заняв Браилов, затем Измаил и Джурджу (Журжев)[44].

Поскольку Александр I и сопровождавшие его лица отправились 2(14) сентября 1808 г. в Эрфурт на встречу с Наполеоном I, то это письмо главнокомандующего повез туда адъютант Прозоровского барон Беервиц. В Петербург же было отправлено письмо аналогичного содержания на имя нового военного министра А.А. Аракчеева[45].

В письме генерал-лейтенанту М.А. Милорадовичу от 29 сентября (11 октября) 1808 г. Прозоровский сообщал, что верховный визирь Мустафа-паша Байрактар «торжественно согласился включить сербов в перемирие и уверяет в строгом

inslav

соблюдении сего последнего. Что же касается распространяемых турками слухов о большом числе их войска для войны с русскими, то им не следует придавать значения, так как это делается для того, чтобы напугать русских, которых они сами боятся». Трусливая политика Мустафа-паши, пояснял свою мысль Прозоровский, лишает повода довести самих турок до нарушения перемирия. Переход же русских войск за Дунай в настоящее время невозможен, поскольку на правом берегу нет корма для скота. Однако в целях подготовки корпуса генерал-майора И.И. Исаева главнокомандующий предписал М.А. Милорадовичу выделить для отправки в Малую Валахию один батальон из корпуса генерал-лейтенанта А.П. Засса. Присутствие русского батальона, полагал Прозоровский, позволит навести порядок среди находившихся в подчинении И.И. Исаева 4300 пандуров, которые 1(13) октября 1808 г. должны переправиться на правый берег Дуная для поддержки сербов[46].

4. События в повстанческой Сербии в период правления Мустафа-паши Байрактара

С приходом к власти Мустафа-паши Байрактара новый состав министров Высокой Порты по-прежнему пытался изыскивать различные способы укрощения мятежных сербов. Наряду с угрозами подавить восстание силой в Константинополе предприняли еще одну попытку склонить сербов к переговорам без участия представителей России. Видимо, по указанию Мустафа-паши Байрактара константинопольский патриарх предписал видинскому архимандриту Дмитрию установить связь с белградским митрополитом Леонтием Ламбровичем, при посредстве которого предложить сербским повстанцам начать переговоры с представителями видинского начальника Молла-паши. Выполняя это поручение, архимандрит Дмитрий 17(29) сентября 1808 г. отправил митрополиту Леонтию письмо, в котором писал, что в интересах турецкой и сербской сторон было бы полезно организовать встречу без участия русских

inslav

посредников, и просил указать место и время встречи для проведения переговоров[47].

К.К. Родофиникин 26 сентября (3 октября) 1808 г. писал по этому поводу И.И. Исаеву: «Видинский архимандрит пригласил нашего архиерея на свидание. Место назначено близ Пореча. Не желая выпускать сербов из виду при политических переговорах их с турками, еду и я сегодня инкогнито в Пореч. Для сего покорнейше прошу ваше превосходительство о присылке без задержания моего курьера, дабы я мог его опять отправить к Вам с тем, что откроется»[48].

К месту встречи, которое было назначено в селе Голубац, расположенном неподалеку от Пореча, представители сербской стороны добирались неспеша. Они останавливались в каждом из попутных сел, где К.К. Родофиникин одаривал подарками старейшин, их жен и простых селян. Для доставки депутатов в Голубац из Пореча была подана двухпушечная лодка с 40 гребцами. На подарки жителям сербских сел и оплату лодочникам в оба конца Родофиникин истратил 65 червонных[49].

В записке от 29 сентября (11 октября) 1808 г., написанной на обратном пути в Порече, Родофиникин на скорую руку сообщал И.И. Исаеву: «Свидание нашего митрополита с видинским имело место. Предмет был тот, что Молла-паша хочет помирить сербов с турками. Наши обещали прежде переговорить с Черным (Карагеогием – *В.Г.*) и Советом, а потом ответствовать»[50].

Из протокольных записей К.К.Родофиникина видно, что на этой встрече турецкую сторону представляли видинский архимандрит Дмитрий и секретарь князя Суцо; сторону сербских повстанцев – белградский митрополит Леонтий Ламбрович, секретарь Карагеоргия и К.К. Родофиникин, который был одет в одежду сербского старейшины. Представители видинского паши объявили, что если сербы согласятся признать посредником Молла-пашу и через него начать переговоры с Портой без участия в этих переговорах представителей иностранных держав, то Порта смогла бы удовлетворить требования сербских повстанцев в десять раз больше, чем при участии

inslav

представителей иностранных держав. Для большей убедительности представители видинского паши утверждали, что политика России последних лет XVIII в. в отношении Мореи, Ионических островов, Молдавии и Валахии может служить наглядным примером ее ненадежности по отношению к христианским народам Османской империи. Представители сербских повстанцев отвечали, что, как отмечал Родофиникин, сербы никогда не откажутся от покровительства российского императора, а «нация сербская, имеющая теперь под оружием 80 тыс. войска, трудно согласится положить оружие, не освободив все древнее свое достояние, которое теперь в турецких руках, как-то Сокол, Скопию и другие места». Если переговоры и состоятся, то сербы будут непременно настаивать на предоставлении им гарантий со стороны России и Франции. Представители Молла-паши гипотетически допускали возможность гарантии одной из названных держав. На это представители сербской стороны отвечали, что если Порта начнет войну с этой державой, тогда сербский народ останется без своего покровителя. Родофиникин сообщал, что в качестве другого варианта представители Молла-паши предложили сербам «избрать 3 или 4 державы» и предоставить «Порте избрать 2 из них». Представители сербской стороны отвечали на это, что у них нет таких полномочий, на это могут ответить только верховный вождь и Правительствующий Совет сербского народа. После этого заявления свидание было окончено[51].

Письменный ответ сербов на предложение видинского паши был подготовлен К.К. Родофиникиным, подписан Карагеоргием и членами Правительствующего Совета. Он был отправлен в Видин 30 октября (11 ноября) 1808 г. В письме сообщалось: «Хотя мы искренне желаем положить конец настоящей войне, но, как нам известно, что Блистательная Порта не почитает себя обязанною наблюдать договоры и данные обещания подданным своим, то мы для облегчения семейств наших, себя и имущества, просили и просим дать нам ручательство, без чего приступить к дальнейшему трактованию

inslav

с Блистательною Портою не можем»[52]. Молла-паша отвечал на это, что требование сербов иметь двух гарантов в лице России и Франции для ведения дальнейших переговоров является оскорблением для султана. «Никто не слыхал никогда, – писал Молла-паша, – чтобы великий султан не держал своего слова, да и впредь того делать не будет». Если сербы согласятся написать «смирительное» послание с просьбой о помиловании, то, возможно, султан даст согласие на продолжение переговоров и учтет их просьбу о гарантиях[53].

Повторное предложение Молла-паши возобновить переговоры без участия представителей России и на изложенных в его письме условиях было оставлено сербами без ответа, потому что, как писал Родофиникин, «окончательный ответ здешнего (сербского. – *В.Г.*) народа» был уже дан в их письме от 30 октября (11 ноября) 1808 г.[54].

Товарищ министра иностранных дел России А.Н. Салтыков в письме от 8(20) декабря 1808 г. уведомил Прозоровского: «Ответ, учиненный верховным вождем и Советом народа сербского Молла-паше видинскому, его величество (Александр I. – *В.Г.*) находит соответственным настоящему положению дел, и желательно, чтобы Черный Георгий остался непоколебимым в намерении не принимать гарантий иных держав по выбору Порты, как она домогается, но держался бы для пользы своей и сербского народа однажды назначенной им гарантии России и Франции»[55].

Позиция Порты после прихода к власти Мустафа-паши Байрактара была известна сербам и весьма беспокоила их руководство. Члены Правительствующего Совета неоднократно обсуждали это с Родофиникиным. Еще до переговоров с представителями Молла-паши в селе Голубац Правительствующий Совет настойчиво просил Родофиникина, чтобы он сообщил Прозоровскому о необходимости скорейшей присылки сербам денег, оружия, боеприпасов и медикаментов, поскольку без них Сербия может оказаться в большой беде[56].

inslav

Если до государственного переворота в Константинополе петербургский двор, не желая нарушать хрупкого перемирия с турками, воздерживался от явной помощи сербам, то после заявлений Мустафа-паши о походе на сербов Александр I разрешил Прозоровскому приступить к реализации предложенного им плана помощи сербам. Главнокомандующий 11(23) августа 1808 г. распорядился отправить в Крайову к генерал-майору И.И. Исаеву для сербов 6 пушек с полным комплектом боеприпасов, 2 тыс. ружей без штыков, 500 пар пистолетов, 1 тыс. сабель, 1 тыс. стрелецких пик и другие боеприпасы[57].

Вместе с тем Прозоровский писал Родофиникину, что по доходящим до него слухам, сербы не удовлетворены ни покровительством русского царя, ни помощью русского командования, которое даже не желает отзываться на их просьбы. Более того, сербы, якобы, намереваются установить связь с Францией, чтобы впредь придерживаться этой державы. Как говорят, отмечал Прозоровский, некий грек, уроженец Чесьмы по имени Гадани Николи, который ранее участвовал в египетском походе Наполеона I, теперь объявился в Сербии в качестве секретного эмиссара Франции и конфидента французского главнокомандующего в Далмации. Он, с одной стороны, тайным образом отвращает сербов от России, а с другой, убеждает их в том, что Франция ни при каких обстоятельствах не будет помогать сербам в их борьбе с Портой. Прозоровский, по его словам, хотя и не верил этим слухам, но тем не менее поручил Родофиникину «с точностью удостовериться в истине или несправедливости» подобной информации[58].

Однако отправка в Крайову оружия и боеприпасов для сербов из-за сложности переправы через Дунай и опасений турецких и австрийских властей до октября 1808 г. еще не была осуществлена. В этой связи Родофиникин дважды, 29 сентября и 2(14) октября 1808 г., писал И.И. Исаеву: «Скажите, ради бога, два слова, что сделалось с нашим транспортом (оружия. – *В.Г.*)? Мне уже стыдно перед сербами»[59].

3(15) октября 1808 г. Прозоровский ставил Родофиникина в известность, что Мустафа-паша Байрактар просил его удержать

inslav

сербов от всяких грабежей, наглостей и нарушения перемирия. «Для чего, – писал Прозоровский Родофиникину, – надлежит вашему превосходительству принять к исполнению сего требования строжайшие меры, доколе последуют другие высочайшие повеления»[60].

Сербо-турецкому конфликту на границе Видинского пашалыка Прозоровский не придавал особого значения, полагая, что теперешнее положение политических дел с Портой в скором времени, по его словам, «возьмет решительный оборот», и он, Прозоровский, оставляет «помянутые тяжбы между турками и сербами без малейшего производства», тем более, что верховный визирь Мустафа-паша в последнем своем письме торжественно обещал включить сербов в перемирие и не трогать их до совершенной развязки дела. Прозоровский доводил до сведения Родофиникина, что сверх уже отправленного для сербов оружия он приказал взять из 16-й дивизии генерал-майора Резвого для отправки сербам 917 ружей и прочих боеприпасов, а позднее пришлет еще дополнительно некоторое количество вооружения. Все посылаемое для сербов оружие Прозоровский предписывал Родофиникину распределить между сербскими вождями только вместе с верховным вождем Карагеоргием. Что же касается предназначенных для сербов 6 тыс. червонных, то Прозоровский приказывал передать их Правительствующему Совету для покупки лошадей, которые будут использованы для перевозки пушек. Для покупки хлеба и ядер главнокомандующий высылал еще одну тысячу червонных. Тогда же Прозоровский согласился с мнением Родофиникина, что с началом военных действия должны прекратиться и междоусобия среди сербских старейшин. Введение российского гарнизона в Белград также положило бы конец всем междоусобиям, но без разрешения царя это пока невозможно осуществить. «А потому и надлежит Вам употребить все усилия, – предписывал Прозоровский Родофиникину, – дабы до той эпохи удержать между старейшинами и начальниками сербскими спокойствие и тишину». Прозоровский хотел также знать,

inslav

каким образом Родофиникин полагал «основать в Сербии устройство, не подавая другим державам повода к подозрению противу видов наших». В заключение он одобрял решение Родофиникина остаться на своем посту до окончательного «решения жребия народа сербскаго». Письма, в которых Родофиникин соглашался остаться в Сербии, Прозоровский переслал в Петербург Н.П. Румянцеву[61]. Получив донесение Родофиникина о состоявшейся встрече в Голубаце по предложению Молла-паши сербских и турецких представителей, Прозоровский расценил это предложение турок как доказательство крайней слабости Порты и как намерение верховного визиря Мустафа-паши Байрактара перебросить часть своих войск с сербского на русский участок фронта для ведения войны в Малой Валахии. Прозоровский не сомневался в том, что ради этого Порта в начале переговоров с сербами согласится выполнить большую часть их требований, а затем, как обычно, обманет сербский народ[62].

В письме от 13(25) октября 1808 г. Прозоровский не только одобрил, но даже похвалил «благоразумие и осторожность» Родофиникина – «открытым образом путешествовать» на свидание сербов с видинским архимандритом. При составлении письменного ответа на предложение Молла-паши Прозоровский рекомендовал Родофиникину ориентироваться на инструкцию главнокомандующего Дунайской армией, т. е. самого же Прозоровского, от 29 ноября (11 декабря) 1807 г., которая в свое время уже была одобрена царем.

Чтобы удержать сербов от переговоров с турками без участия представителей России, Прозоровский давал следующие наставления Родофиникину: «Географическое положение Сербии на правом берегу Дуная не позволяет нам желать совершенного присоединения к Российской державе, но торжественно обещанное народу сербскому покровительство государем императором, всегдашняя деятельная приверженность оного к России и необходимая для пользы отечества нашего надобность в сохранении также на будущее время сей приверженности

inslav

не только в одних сербах, но и в других христианских народах, обитающих в пределах империи Турецкой, для соблюдения сим способом влияния нашего у Порты, неминуемо требует исходатайствовать для сербов и с тою частью Сербии, которая доселе еще находится в руках турецких, особых прав, преимуществ и образа правления. Пусть будут они обязаны платить даже некоторую дань Порте, если сие неизбежно; но сия последняя не должна вмешиваться во внутреннее управление, для которого с общего согласия Совета народного и под руководством чиновника, назначенного от е.и.в-ва, яко великого покровителя сея страны, может быть составлена конституция; но на то потребно время, дабы составить оную, соответственную тем политическим обстоятельствам соседних держав, так и состоянию образу мыслей и нравственности народа. Вот конечная цель, до которой мы достигать стараться должны. Но теперь всего того депутатам турецким обнаруживать нельзя, а надлежит Вам упереться на том, что сербы, при всем их желании положить конец войне, для обеих сторон отяготительной, не могут войти в переговоры без согласия российского императора, удостоверившего их высотою своего покровительства, при том же пока Порта, особливо противу подданных своих, не почитает себя обязанною наблюдать договоров и данных обещаний, через что самое они могут быть ввергнуты в конечную погибель и даже быть совершенно истребленными, то для обеспечения их семейств и имущества их необходимо нужно им ручательство дворов российского и французского, прежде, нежели могут приступить к дальнейшему трактованию».

Прозоровский признал «весьма благоразумным и основательным» составленный Родофиникиным ответ турецким уполномоченным, в котором сообщалось, что поскольку Порта не позволяет сербам принять ручательство России, то их судьба должна решаться только на переговорах в Париже о заключении окончательного мира между Россией и Турцией[63].

В середине октября 1808 г. верховный вождь сербских повстанцев Карагеоргий известил из Тополы К.К. Родофиникина

inslav

о получении его письма, в котором сообщалось о мерах, принятых командованием Дунайской армией для усиления и безопасности сербских повстанцев. В связи с этим Карагеоргий изъявлял великую радость по поводу перехода российских войск на правый берег Дуная и скорого получения оружия и боеприпасов. Наряду с этим он указал и на то, что сербский народ «крепко мучается от голода». Несмотря на это, сербы полностью полагаются на бога и на русского самодержца, который взял их под свое покровительство. Верховный вождь просил передать Прозоровскому, чтобы русское командование в отношении сербов «и впредь учреждало все, как наилучше знает». Он же, Карагеоргий, впредь будет следовать всем советам Прозоровского: будет осторожным в отношениях с турками, не будет нападать на них до получения повелений главнокомандующего и везде будет укреплять границу. «Я сам по сему повелению писал всем старейшинам, – информировал Карагеоргий Родофиникина, – чтобы всякий со своим войском был готов, а наипаче с войском в шанцах, чтобы были куражны и чтобы крепко остерегались от внезапного нападения, но на турок чтобы не нападали до повеления». Карагеоргий уведомил и о том, что он по просьбе Прозоровского выдал пропуск сараевскому епископу, который отправился из Сербии в Далмацию к французам, где намерен служить «против босняков». Это дело, писал Карагеоргий, «мы весьма добрым находим»[64]. Упомянутые выше Карагеоргием меры предосторожности были предприняты в связи с полученным из Пореча донесением воеводы М. Стойковича об усилении и активизации турецких войск Молла-паши в пределах Видинского пашалыка. Однако «со стороны Боснии, Албании и Македонии, – сообщал Родофиникин из Белграда, – никаких движений не примечено. В Ниссу также вновь войска не прибыли».

В том же письме от 15(27) октября 1808 г. Родофиникин сообщал, что землинский купец М. Урошевич со товарищи вновь затевает «старые интриги самым подспудным образом». Если это делается без участия венского двора, писал Родофиникин,

inslav

то происки этих людей приписать должно «их злобе и желанию держать здешние умы в тревоге и недоверчивости» к России. Только «приближение турок уничтожит однако все интриги, ибо всякий здесь, а наипаче старейшины, стяжавшие знатные недвижимые имения, принуждены должны обратить мысли свои к общей обороне от врагов и быть совершенно преданными русскому оружию, от которого должны надеяться на свое спасение»[65].

Между тем 16(28) октября 1808 г. в Белград прибыл посланный Прозоровским коллежский регистратор Гаранович, который привез для сербов одну тысячу червонных и письмо главнокомандующего от 3(15) октября 1808 г. на имя Родофиникина, в котором сообщалось об обещании Мустафа-паши Байрактара распространить перемирие на всю повстанческую Сербию. Сообщив его содержание верховному вождю и Правительствующему Совету и добившись от них обещания следовать советам российского главнокомандующего, К.К. Родофиникин, по его словам, сосредоточил свою деятельность на удержании сербских поглаварей и старейшин от внутренних междоусобий. Для этого он намеревался поехать сначала в Тополу к Карагеоргию, а от него к другим поглаварям. «Сие самое, – отмечал Родофиникин, – препятствует мне заняться донесением о средствах для исправления внутреннего положения здешних дел. По возвращении же моем сюда (в Белград. – *В.Г.*)... не премину представить мнение мое, извлекаемое как из самого положения дел, так и из оборота, который приемлют здешние умы, достигнувшие до высочайшей степени неистовства». В подтверждение этого Родофиникин приводит два случая. Среди сербских старейшин распространено мнение, будто бы при наличии одних денег сербский народ может стать независимым не только от турок, но и от других держав. Необходимые для этого средства, по их мнению, можно получить от использования обнаруженных в Сербии рудников, в которых, якобы, есть много золота и серебра. Поверив в заманчивую идею, кто-то из сербских старейшин тайно послал своих людей

inslav

в пределы австрийских владений, где близ города Темешуары находились рудники. Там сербы силой захватили одного мастера по горной части, привезли его в Сербию, чтобы использовать его опыт при добыче золота и серебра. Возмущенные столь дерзким поступком, австрийцы вскоре арестовали второго секретаря Правительствующего Совета, который по своим делам прибыл в Землин, и, по слухам, намеревались повесить его. Сербы, в свою очередь, хотели сделать то же самое с первым попавшимся им в руки австрийцем, но Родофиникин, по его словам, сумел удержать их от этого[66].

Пока М. Урошевич и прочие сторонники Австрии «подспудно» затевали «старые интриги», а сербские поглавари искали иные способы освобождения от турецкого ига, в конце октября 1808 г. в штаб Дунайской армии вновь начали поступать сообщения об активизации турецких войск в разных областях балканских владений Турции. Так, возвратившийся из Адрианополя в Бухарест некий конфидент 20 октября (1 ноября) 1808 г. сообщил генерал-лейтенанту М.А. Милорадовичу, что в Софию прибыл 12-тысячный корпус Исмаил-бея Серрского и соединился там с корпусом Абди-паши. По словам того же конфидента, в Турции распространяются слухи о том, что объединенные силы этих аянов готовятся выступить против сербов, а в Константинополе сосредоточена 100-тысячная армия, которая готовится к возобновлению военных действий с Россией. Однако не все войска хотят начинать войну. Например, находящаяся под Джурджу группировка азиатских войск настойчиво добивается отправки домой в связи с наступающим праздником байрама. Не имея ни зимнего обмундирования, ни достаточного провианта, воины этой группировки готовы взбунтоваться, самовольно переправиться через Дунай и разойтись по домам.

В Рущуке, Разграде, Ямбале, Адрианополе и других городах балканских владений Турции, по словам конфидента, население со дня на день ожидает известий из Парижа с надеждой на скорое заключение мира с Россией[67].

inslav

Такие же слухи доходили и до населения повстанческой Сербии. Верховный вождь и Правительствующий Совет просили у Родофиникина совета, как им следует поступать, и требовали обещанного оружия и боеприпасов. Он, в свою очередь, запрашивал И.И. Исаева, когда же, наконец, сербы получат выделенное для них оружие. И.И. Исаев отвечал 11(23) октября 1808 г.: первый транспорт с 2500 пушечными ядрами будет отправлен 12(24) октября 1808 г., второй с таким же количеством ядер, 2917 ружьями и 1000 стрелковых пик будет отправлен, когда доставят в Крайову ружья и боеприпасы из корпуса генерал-майора Резвого[68].

Доставка оружия и боеприпасов из Малой Валахии в повстанческую Сербию в период перемирия задерживалась, потому что И.И. Исаев опасался, что переправа транспортов через Дунай будет замечена турками. Второй транспорт с указанным количеством боеприпасов был доставлен в Сербию в конце октября 1808 г., а 2 тыс. ружей, присланные из корпуса Резвого, были переданы поречскому воеводе М. Стойковичу 14(26) февраля 1809 г.[69].

Рассмотренные в главе VIII события позволяют заключить следующее. Во-первых, несмотря на произведенный в июле 1808 г. переворот в Турции Мустафа-пашой Байрактаром, политика Порты в отношении сербского восстания не претерпела существенных изменений. С приходом к власти султана Махмуда II Мустафа-паша в письме к Прозоровскому предлагал возвратиться к условиям Слободзейского договора от августа 1807 г., согласно которым перемирие должно было распространяться только на сербов, воевавших вместе с русскими на придунайском участке фронта. Когда же Прозоровский пригрозил начать военные действия, если турки нападут на сербов в любом месте, великий визирь был вынужден согласиться распространить продление перемирия на всю повстанческую Сербию. Более того, во время встречи Александра I с Наполеоном I в Эрфурте, проходившей в сентябре 1808 г., Порта предприняла безуспешные попытки начать с сербскими

inslav

повстанцами мирные переговоры без вмешательства в них представителей других иностранных держав.

Во-вторых, незадолго до ноябрьского переворота в Турции, так же как и накануне июльского переворота 1808 г., в балканских владениях Османской империи, в том числе в повстанческой Сербии и Дунайских княжествах, начали распространяться слухи о подготовке турецких войск к возобновлению военных действий с Россией и нападению на сербских повстанцев. Активными распространителями этой дезинформации были французские и австрийские дипломаты и агенты, которые, по-видимому, пытались отвлечь внимание русских и сербов от готовившихся переворотов в столице Османской империи. На этот же период приходится вспышка «подспудных интриг» в повстанческой Сербии со стороны австрийских агентов, рассчитанная на разжигание междоусобной вражды среди сербских поглаварей и старейшин и на нагнетание панических настроений среди народа.

В-третьих, как только в августе 1808 г. петербургский двор и главнокомандующий Дунайской армией А.А. Прозоровский начали обсуждать вопрос о прекращении перемирия с Турцией, французский посол в Петербурге А. Коленкур стал уговаривать царя и министра иностранных дел России не возобновлять военных действий против турок, отложив решение этого вопроса до личной встречи Александра I с Наполеоном I.

Примечания

[1] *Миллер А.Ф.* Мустафа-паша Байрактар. М.–Л., 1947. С. 97; *Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество и гибель. М., 1990. С. 174–176.

[2] *Грачев В.П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1990. С. 171; он же. Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003. С. 123, 133.

[3] *Петросян Ю.А.* Указ. соч. С. 175–176.

[4] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 6. Л. 292–299. А.Б. Куракин – А.А. Прозоровскому, 21 июля (2 августа) 1808 г.

inslav

[5] Там же. Л. 284–288. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 24 июля (5 августа) 1808 г.; Первое сербское... Кн. 2. С. 42–44. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 26 июля (7 августа) 1808 г. Подробнее об этом см.: *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 353–360.
[6] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 5. Л. 104. А.А. Прозоровский – М.А. Милорадовичу, 18(30) июля 1808 г.
[7] Там же. Д. 6. Л. 284–288. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 24 июля (5 августа) 1808 г.; Первое сербское... Кн. 2. С. 42–44. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 26 июля (7 августа) 1808 г.
[8] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 345–346. А.А. Прозоровский – Мустафа-паше, 18(30) июля 1808 г.
[9] Там же. Д. 1943. Л. 296–297об. Барон Беервиц – А.А. Прозоровскому, 25 июля (6 августа) 1808 г.
[10] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 20. Д. 602. Л. 11–12. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 12(24) августа 1808 г.
[11] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2907. Л. 3. Подлинник; там же. Д. 2887. Л. 92об.–93. Отпуск с визой А.А. Аракчеева. Александр I – А.А. Прозоровскому, 26 июля (7 августа) 1808 г.
[12] ВПР. Т. IV. С. 245–246; Сборник РИО. Т. 89. 510–525. П.А. Толстой – Н.П. Румянцеву, 26 апреля (7 мая) 1808 г.
[13] Сборник РИО. Т. 89. С. 752–753; ВПР. Т. IV. С. 246. Александр I – Наполеону I, 28 апреля (10 мая) 1808 г.
[14] Там же. С. 564–567; ВПР. Т. IV. С. 279. П.А. Толстой – Н.П. Румянцеву, 9(21) июля 1808 г.
[15] Дипломатические отношения России с Францией 1808–1812 гг. Т. II. М., 1961. С. 200–204; ВПР. Т. IV. С. 279–280. А. Коленкур – Наполеону I, 24(12) июня 1808 г.
[16] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Вена. 1808. Д. 11560. Л. 10–13. А.Б. Куракин – Александру I, 29 апреля (10 мая) 1808 г.
[17] Там же. Л. 19–20. А.Б. Куракин – Александру I, 16(28) мая 1808 г.
[18] Там же. Д. 11560. Л. 21–28. А.Б. Куракин – Александру I, 2(14) июня 1808 г.
[19] ВПР. Т. IV. С. 288–291. Н.П. Румянцев – А.Б. Куракину, 27 июня (9 июля) 1808 г.
[20] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 13323. Л. 3–5. Анжело Валсаман – Александру I, 4(16) июля 1808 г.
[21] Об этом см. гл. VI, п. 2.
[22] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 67–87. Журнал подполковника Беклемишева. Б/д. Отчет написан в середине июня 1808 г.
[23] Там же.

inslav

[24] ВПР. Т. IV. С. 284–286. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 19 июня (1 июля) 1808 г.
[25] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 187–188. Латур Мобург – А.А. Прозоровскому, 15 июля 1808 г. (н/с).
[26] Там же. Д. 1921. Л. 67–87. Журнал подполковника Беклемишева.
[27] Там же. Д. 1943. Л. 42–53об. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 15(27) мая 1808 г.
[28] АВПРИ. Ф.А рхив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 10. Л. 397об. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 15(27) мая 1808 г.
[29] ВПР. Т. IV. С. 266. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 15(27) мая 1808 г.
[30] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 1. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 15(27) мая 1808 г.
[31] Там же. Л. 2–3об. Подлинник; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1918. Л. 170–172об. Отпуск с пометой Александра I. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 15(23) мая 1808 г.
[32] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1943. Л. 114–119об. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 21 июня (3 июля) 1808 г.
[33] ВПР. Т. IV. С. 284–285. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 19 июня (1 июля) 1808 г.
[34] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 6. Л. 313–325. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 4(16) августа 1808 г.
[35] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1918. Л. 240–244. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 8(20) августа 1808 г.
[36] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 206. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 8(20) августа 1808 г.
[37] Николай Михайлович, великий князь. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра I и Наполеона I. 1808–1812 гг. Т. I. СПб.,1905. С. 247–252. Александр I – Наполеону I, 31 июля 1808 г. (н/с); там же. С. 271–278. А. Коленкур – Ж.-Б. Шампаньи, 9 августа 1808 г. (н/с).
[38] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 204–205. А.А. Прозоровский – Александру I, 14(26) августа 1808 г.
[39] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 489–490. Великий визирь Мустафа-паша Байрактар – А.А. Прозоровскому, 3-го дня луны реджеб 1223 г., т. е. 12(24) августа 1808 г.
[40] ВПР. Т. IV. С. 637. Примечание № 207. Барон Беервиц – А.А. Прозоровскому, 20 августа (2 сентября) 1808 г.

inslav

[41] Там же. С. 333–336. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 27 августа (8 сентября) 1808 г.
[42] Там же. С. 637–639. Примечание № 1; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1921. Л. 495–499. А.А. Прозоровский – Мустафа-паше Байрактару, 28 августа (9 сентября) 1808 г.
[43] РГВИА. Ф.ВУА. Д. 2911. Л. 64–68. Великий визирь Мустафа-паша – А.А. Прозоровскому. Перевод, современный подлиннику, без указания даты.
[44] *Богишич В.* Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия...». С. 141–142; ВПР. Т. IV. С. 653–654. А.А. Прозоровский – Александру I, 27 сентября (9 октября) 1808 г.
[45] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2911. Л. 55–58. А.А. Прозоровский – А.А. Аракчееву, 30 сентября (12 октября) 1808 г.
[46] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-А. Св. 91. Д. 6. Л. 146–147. А.А. Прозоровский – М.А. Милорадовичу, 29 сентября (11 октября) 1808 г.
[47] *Богишич В.* Разбор сочинения... С. 167. Архимандрит видинский Дмитрий – митрополиту белградскому Леонтию, 17(29) сентября 1808 г.
[48] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-Б. Св. 30. Д. 21. Л. 62. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 26 сентября (8 октября) 1808 г. Автограф.
[49] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 280об.–283. Финансовый отчет К.К. Родофиникина о произведенных им расходах с 1 мая 1808 г. по 1 января 1809 г.
[50] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-Б. Св. 30. Д. 2. Л. 65. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 29 сентября (8 октября) 1808 г. Автограф.
[51] *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. II. С. 159–160.
[52] Там же. С. 160.
[53] *Богишич В.* Разбор сочинения...С. 199–200. Молла-паша – Правительствующему Совету. Не позднее первой половины января 1809 г.
[54] Там же. С. 199. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 22 ноября (4 декабря) 1808 г.
[55] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 7. А.Н. Салтыков – А.А. Прозоровскому, 8(20) декабря 1808 г.
[56] Први српски устанак. Књ 1. С. 379; *Богишич В.* Разбор сочинения... С. 159. Правительствующий Совет – К.К. Родофиникину, 3(15) сентября 1808 г.
[57] Первое сербское... Кн. 2. С. 46–47. А.А. Прозоровский – М.А. Милорадовичу, 24 августа (5 сентября) 1808 г.; *Богишич В.* Разбор сочинения... С. 240–241. Ведомость отправленного сербам оружия.
[58] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 20. Д. 60. Л. 4. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 31 августа (12) сентября 1808 г.

inslav

[59] Там же. Оп. 3/163-Б. Св. 30. Д. 21. Л. 65. К.К. Родофиникин – И.И. Исаеву, 2(14) октября 1808 г.
[60] Там же. Оп. 10/170. Св. 20. Д. 60. Л. 5–6. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 3(15) октября 1808 г.
[61] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 373–374. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 3(15) октября 1808 г. (черновик).
[62] Первое сербское... Кн. 2. С. 49. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 13(25) октября 1808 г.
[63] *Богишич В.* Разбор сочинения... С. 254–257; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1923. Л. 58–62. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 13(25) октября 1808 г.; АВПРИ. Дипломатическая часть при главнокомандующем Дунайской армией. Оп. 580-А. Регистр полученным бумагам за 1808 г. Русский журнал. Кн. 11. Л. 237–242. Указана точная дата – 13(25) октября 1808 г., которая отсутствует в вышеуказанном фонде.
[64] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1920. Л. 280–281. Карагеоргий – К.К. Родофиникину, б/д., но не ранее 13(25) октября 1808 г.
[65] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 3. Л. 276 и об. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 15(27) октября 1808 г.
[66] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 4. Л. 5–7. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 18(30) октября 1808 г.
[67] АВПРИ. Ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией. Оп. 580-А. Д. 9. Л. 198–200. М.А. Милорадович – А.А. Прозоровскому, 28 октября (9 ноября) 1808 г.
[68] Первое сербское... Кн. 2. С. 48–49. И.И. Исаев – К.К. Родофиникину, 11(23) октября 1808 г.; РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163-Б. С. 30. Д. 15. Л. 67. А.А. Прозоровский – И.И. Исаеву, 13(25) октября 1808 г.
[69] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 216. Расписка М. Стойковича в получении 2 тыс. ружей от 14(26) февраля 1809 г.; там же. Л. 215. И.И. Исаев – А.А. Прозоровскому, 25 февраля (9 марта) 1809 г.

inslav

Глава IX

Постановления Эрфуртской конвенции и их влияние на условия заключения мира между Россией и Турцией

Прежде чем приступить к анализу статей русско-французской секретной конвенции, заключенной в Эрфурте 30 сентября (12 октября) 1808 г., следует напомнить содержание статьи VIII Тильзитского трактата. Это позволит, на наш взгляд, лучше понять как суть происходивших бесед министра иностранных дел России Н.П.Румянцева с министром иностранных дел Франции Ж.-Б.Шампаньи, так и направленность статей VIII-XI секретной конвенции.

Итак, русско-французский договор о мире и дружбе, заключенный в Тильзите 25 июня (7 июля) 1807 г., помимо посредничества Франции при заключении мира между Россией и Турцией, на первый взгляд, казалось бы, не должен был препятствовать развитию национально-освободительной борьбы и созданию независимого сербского государства. Статья VIII этого трактата гласила: «Если после принятия онаго (Тильзитского договора. – *В.Г.*) случилось бы, что в трехмесячный срок по окончании переговоров последние не привели к удовлетворительному результату, то Франция будет действовать заодно с Россией против Оттоманской Порты, и обе договаривающиеся стороны вступят в соглашение о том, чтобы освободить из-под ига и мучений турецких все провинции Оттоманской империи в Европе, за исключением Константинополя и провинции Румелии»[1]. (Подчеркнуто мной. – *В.Г.*). Предложения Наполеона о разделе владений Османской империи также создавали иллюзию положительного отношения Франции к устранению помех на пути освободительного движения не только сербов, но и других балканских народов.

Однако, после принятия этого договора прошло более года, а Наполеон I и его дипломаты в своей повседневной практике делали все, чтобы уклониться от выполнения условий статьи VIII Тильзитского трактата. А именно, добившись

inslav

от Александра I вывода российских войск из Боки Которской, Наполеон объявил черногорцев подданными Турции и принудил их силой прекратить борьбу за создание независимого государства. Александр I, по-видимому, понимал несправедливость, допущенную в отношении черногорцев, и часть вины брал на себя. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует инструкция А.А. Прозоровского от 7(19) марта 1809 г., данная отправлявшемуся в Сербию Ф.И. Недобе. В ней говорилось по этому поводу: «Буде бы в сношениях ваших с Черным Георгием Петровичем речь настала о том, что государь император при заключении Тильзитского мира оставил народы, коим он обещал свое покровительство, то его императорское величество по монаршему милосердию своему соболезнует, что стечение обстоятельств принудило его тогда удалиться от сих народов, и что в сердце он поныне им покровитель по единоисповеданию нашему православной веры и по единоплемению. Но когда он с французами имел войну, то и Порта ему оную объявила, англичане, будучи с нами тогда в союзе, обещанных ими судов в устье реки Ельбы не прислали, австрийцы в войну не вступили, Пруссия по несчастию или по другим обстоятельствам потеряла свою армию и земли с крепостями, равно как и Саксонию. Государь император держался один противу столь сильной державы как Франция. Потеряв в сражении немалое число воинов, к сохранению их и к спокойствию Европы постановил он в Тильзите мир и принужден был уступить Франции земли на берегах и островах Адриатического моря»[2].

С помощью Тильзитского договора Наполеон I добился приостановки военных действий между Россией и Турцией, которая благодаря саботажу Наполеона растянулась более чем на год. В условиях перемирия с Турцией русские не могли в полной мере помочь сербским повстанцам и даже были вынуждены сдерживать их от напрасных столкновений с турками. Однако добившись распространения на всю повстанческую Сербию перемирия, командование Дунайской армией гарантировало сербам защиту от нападения со стороны турецких войск.

inslav

По возвращении из Испании в Париж Наполеон в разговоре с П.А. Толстым заявил, что в отношении сербов он склонен поддержать даже Мустафа-пашу Байрактара, который в письме Прозоровскому сообщил о согласии Порты продолжать перемирие с Россией, не распространяя его на сербов. П.А. Толстой ответил ему на это: «Весьма надеюсь, что генерал-фельдмаршал (А.А. Прозоровский. – *В.Г.*) не согласится с этим, ибо мы никогда не могли бы бросить сербов»[3].

1. Подготовка постановлений, зафиксированных в статьях VIII–XI Эрфуртской конвенции

Оставляя в стороне большую часть решений Эрфуртской конвенции, в достаточной степени исследованной в исторической науке, в данной главе сосредоточим внимание на подготовке и содержании тех статей, в которых определяются новые условия для заключения мира между Россией и Турцией и тесно связанного с ними сербского вопроса.

Как известно, Александр I и сопровождающие его лица отправились из Петербурга в Эрфурт 2(14) сентября 1808 г. В состав царской свиты входили: великий князь Константин Павлович, обер-гофмаршал Н.А. Толстой, министр иностранных дел Н.П. Румянцев, генерал-адъютанты П.М. Вяземский, П.Г. Гагарин, П.А. Шувалов и О.П. Ожаровский, статс-секретари А.Н. Голицын (обер-прокурор Святейшего Синода) и М.М. Сперанский, а также французский посол в России А. Коленкур.

Из отчета Н.П. Румянцева от 17(29) сентября 1808 г. видно, что дней за десять до начала официальных переговоров он имел встречу с министром иностранных дел Франции Ж.-Б. Шампаньи. Во время встречи он напомнил об условиях, на которых Александр I и Наполеон I ранее согласились решать вопросы на эрфуртском свидании. При решении главных вопросов императоры должны были, по словам Румянцева, «позаботиться об интересах земного шара и ничего не требовать для себя, кроме сохранения уже приобретенного».

inslav

При этом Румянцев напомнил и о тильзитской встрече императоров, во время которой Наполеон заверил Александра в том, что он рассматривает Финляндию, Молдавию, Валахию и Бессарабию как территории, которые обязательно должны быть присоединены к России. Шампаньи согласился с этим, но при этом заметил: «Император Наполеон не может, не вызывая многочисленных и обоснованных упреков со стороны турок, ни принуждать, ни предписывать им уступить эти княжества. Вынужденный считаться с ними, хотя бы ради того, чтобы не сделать жертвами их ярости и мщения французов, обосновавшихся в Оттоманской империи, этот государь ограничится лишь договоренностью с вашим величеством (Александром I. – *В.Г.*) о том, что будет справедливо, если Вы сохраните эти провинции, но, со своей стороны, он ничего для этого не сделает».

Из отчета Румянцева видно, что еще до начала официальной встречи императоров министр иностранных дел Франции дал понять русскому коллеге о намерении Наполеона отказаться не только от устных заверений, сделанных в Тильзите, но и от постановлений ст. VIII Тильзитского трактата. Более того, на той же встрече Шампаньи заявил Румянцеву, что Наполеон прямо заинтересован в делах, которые будут решаться между Россией и Турцией, поскольку император Франции хочет приобрести часть Адриатического побережья, принадлежащую Австрии. Эта территория нужна Франции для беспрепятственного сообщения между ее новыми владениями. Для достижения этой цели Наполеон предлагает компенсировать потерю Австрии за счет балканских владений Турции. Но на такой обмен не согласится венский двор, возражал Румянцев. Принуждать к этому Австрию силой значило бы толкать ее в объятия Англии, начать новую войну в Европе и действовать против мира, который является единственным предметом забот обоих императоров. Поэтому Австрию никоим образом трогать нельзя, заявил Румянцев.

Во время предварительных встреч Ж.-Б.Шампаньи неоднократно спрашивал Румянцева, не собирается ли Россия выдвигать перед Портой иных требований кроме присоединения

inslav

Дунайских княжеств и установления границы по реке Дунаю. «Я прекрасно понимал, – пишет Румянцев, – что речь идет о Сербии, и считал, что мне было бы весьма невыгодно совсем умолчать об этом, ибо тогда он, вероятно, стал бы рассматривать ее как надел без хозяина, которым можно распоряжаться. У меня есть основание полагать, что я не ошибся; и я ответил ему: «Его величество (Александр I. – *В.Г.*) желает присоединить к своей империи только две эти провинции (Молдавию и Валахию. – *В.Г.*) и Бессарабию, но он не может завершить дел с турками, не вступившись за Сербию. Он не собирается присоединять ее, но хочет, чтобы в договоре ее судьба была определена таким образом, чтобы путем предоставления ей своего рода независимости (un sarte d'indépendance) она была поставлена вне досягаемости для притеснений, которые готовят ей мстительные турки». Господин Шампаньи возразил против этого мнения, утверждая, что невозможно заставить турок согласиться на независимость Сербии. Я со своей стороны доказывал, что нельзя возвратить под господство турок столь воинственный и столь раздраженный Портой народ. Здесь у г-на Шампаньи проскользнуло неясное рассуждение, которое заставило меня подумать, что он полагает возможным переход ее под власть третьей державы, и я решил, что он имеет в виду Австрию. Следующие за тем обстоятельства еще больше укрепили мои подозрения». Это подтвердилось рассуждениями Шампаньи о том, что Австрия, по-видимому, обнаружила неуважение к ней, когда венскому двору не предложили участвовать в разделе балканских владений Османской империи. Возможно это так, согласился Румянцев. Но это было в прошлом. Теперь же положение иное. Россия приобрела занимаемые ее войсками территории Турции в ходе войны, а нейтральная Австрия теперь вряд ли имеет равные с Россией права[4].

Во время последней встречи с Румянцевым Ж.-Б. Шампаньи подтвердил, что император Наполеон I желает того же, что и Александр I. Но это были только слова дипломатического этикета и не более. В результате предварительных переговоров

inslav

Ж.-Б. Шампаньи и Н.П. Румянцева был подготовлен проект постановлений секретной русско-французской конвенции, к которой прилагалась объяснительная записка. В ней, помимо прочих условий, было указано, что Франция согласна на присоединение к России Молдавии и Валахии. Однако при этом была сделана оговорка, что это условие должно сохраняться в тайне до начала русско-турецких переговоров о заключении окончательного мира между Россией и Турцией, чтобы помешать сближению Порты с Англией. В той же записке были и другие важные оговорки и неясности, которые явно не устраивали российскую сторону. Возражая против них, Н.П. Румянцев говорил: «Мы не можем согласиться на продолжение состояния дел, длившегося уже год. (Т. е. перемирия с Турцией. – *В.Г.*). Это слишком противоречит нашим интересам. Мы приехали сюда, чтобы заявить, что скоро положим этому конец. Мы не можем ждать больше». Кроме того, в записке было зафиксировано категорическое несогласие России с планом присоединения австрийской части Адриатического побережья к Франции, взамен которой Австрия должна была получить часть балканских владений Порты. Такая замена, пояснялось в записке, неизбежно повлечет за собой обострение русско-австрийских отношений[5].

2. Решения Эрфуртской конвенции: статьи VIII–XI

Официальные переговоры Александра I и Наполеона I в Эрфурте (территория Германии) происходили в период с 15(27) сентября по 2(14) октября 1808 г. Основой для статей секретной конвенции послужили проект и записка, составленная Ж.-Б. Шампаньи и Н.П. Румянцевым 17(29) сентября 1808 г.

В ходе обсуждения этих документов было решено, что Молдавия и Валахия могут быть присоединены к России, а граница между Россией и Турцией установлена по реке Дунаю (статья VIII). Однако в статье IX делалась весьма существенная оговорка о том, что российский император обязуется хранить «в глубочайшем секрете» статью VIII и об уступках

inslav

этих провинций он должен договариваться с Портой «полюбовно». Франция же отказывается от своего посредничества на этих переговорах. Во время русско-турецких переговоров уполномоченные этих держав не должны причинять вред дружбе между Францией и Портой. Условия статьи X еще больше осложняли русско-турецкие отношения, поскольку в ней говорилось, что если Порта откажется уступить Молдавию и Валахию, а между Россией и Турцией возобновится война, то Франция не будет принимать в ней участия, а «ограничится оказанием своих добрых услуг при Оттоманской Порте». Если же Австрия или другая держава объединится с Турцией для войны с Россией, то Наполеон немедленно заключит союз с Александром I. «В том же случае, если Австрия начнет войну с Францией, российский император обязывается выступить против Австрии и соединиться с Францией, так как этот случай равным образом является одним из тех, к коим применяется связующий обе империи союз».

В статье XI, хотя и не упоминаются сербы, но, по сути зафиксированного там условия, в ней, на наш взгляд, просматривается отношение договаривающихся сторон к дальнейшей судьбе сербского восстания: «Вышедоговаривающиеся стороны обязуются, однако, сохранять целостность прочих владений Оттоманской империи, не желая ни самим совершать, ни допускать каких-либо предприятий против какой-либо части сей империи, не условившись предварительно между собой»[6].

Как можно заметить из содержания вышеуказанных статей секретной конвенции, Наполеон I, уступив Александру I «иллюзорное» право на Дунайские княжества и отказавшись от роли посредника на русско-турецких переговорах о заключении мира, взамен за это в Эрфурте добился от русских несколько не менее важных, а главное реальных уступок. Во-первых, по условиям Эрфуртской конвенции Россия получила право на продолжение войны с Турцией. Во-вторых, соглашаясь на сохранение целостности балканских владений Порты, исключая Дунайские княжества, Россия уже не имела права

inslav

без согласия Франции допускать выделения из состава Османской империи других провинций. Это условие непосредственно касалось и повстанческой Сербии. Оно не позволяло петербургскому двору отстаивать право сербов на создание независимого государства и оказывать им явную помощь оружием и боеприпасами. В-третьих, постановления Эрфуртской конвенции существенно осложняли и отношения России с Австрией. Франция же обеспечила себе право налаживать дружественные отношения с Турцией и оказывать Порте дружеские услуги. Воевать против Турции в союзе с Россией Наполеон соглашался лишь тогда, когда Австрия или другая держава вместе с Турцией начнет войну против России, чего вряд ли можно было ожидать в обозримом будущем.

Короче говоря, решения Эрфуртской конвенции, на наш взгляд, были более выгодными для Франции, чем для России. Положенные в основу внешней политики петербургского двора постановления статей VIII–XI были немедленно использованы в конкретной деятельности командования Дунайской армией и российских дипломатов, а их негативные стороны вскоре дали о себе знать в отношениях России с Портой и сербскими повстанцами.

3. Реализация решений Эрфуртской конвенции в балканской политике России

Копию секретной русско-французской конвенции от 30 сентября (12 октября) 1808 г., полномочия А.А. Прозоровскому на право ведения переговоров с Турцией о заключении мира с Россией и другие документы Н.П. Румянцев отправил главнокомандующему Дунайской армией из Веймара с камер-юнкером Семеновского полка князем Долгоруким 4(16) октября 1808 г. Они были вручены Прозоровскому в Фокшанах 17(29) октября 1808 г.

Из сопроводительного письма Н.П. Румянцева Прозоровский узнал, что соглашения между Александром I и Наполеоном I,

inslav

по выражению Румянцева, должны «послужить укреплению доброго между нами согласия, дабы дать новую силу дружбе и союзу, их соединяющую», а решения секретной конвенции соответствовали «настоящему положению дел в Европе». Посылаемая Прозоровскому копия секретной конвенции предназначалась исключительно «для собственного... сведения» главнокомандующего Дунайской армией. Комментируя постановления Эрфуртской конвенции, Румянцев писал Прозоровскому, что Франция признает установление границ России «на реку Дунай» и отрекается «от медиации своей» между Россией и Портой. Она оставляет России «полную свободу непосредственно трактовать с нею о мире или вновь начинать войну». Принимая это обязательство, Александр I добился того, что, если Австрия или другая держава присоединится к Порте, то Франция в этом случае «составит с нами общее дело». Румянцев предупреждал Прозоровского о том, что согласно статье IX присоединение Дунайских княжеств к России должно оставаться «в непроницаемой тайне», чтобы турки не трогали французов в Леванте. Кроме того, пишет Румянцев, «е.и.в-во соизволяет, чтобы Ваше сиятельство не приступали еще без важных причин к начатию военных действий, ограничились бы теперь сообщением визирю Мустафа-паше, что Вы готовы вступить с ним в непосредственное трактование мира без всякого согласия какой-либо третьей державы». Если это предложение будет принято, то Прозоровскому предоставляется право начать эти переговоры на условиях Эрфуртской конвенции, для чего и посылается ему «полная мочь». Если же Порта отклонит это предложение и начнет военные действия, то Александр I повелевает «мужественно отразить нападение турок и действовать так, как это было указано в письме Румянцева от 8(20) августа 1808 г.». Но в письме из Веймара Румянцев сделал существенную оговорку, указав: «По уважениям вышеупомянутым, весьма было бы угодно его величеству, когда бы Ваше сиятельство нашли средства, не начиная еще войны, продлить настоящее положение дел (т.е. перемирия. – *В.Г.*),

inslav

хотя бы до декабря месяца, ежели только то не может обратить во вред пользам нашим». В случае осложнений Александр I разрешал Прозоровскому принимать самостоятельные решения и действовать по обстоятельствам[7].

«Полная мочь» для «непосредственного трактования» о мире с Портой от 4(16) октября 1808 г. на имя Прозоровского была отправлена из Веймара с тем же курьером. В ней излагались «главные черты», которые по указанию Александра I должны служить основанием для мирного договора с Турцией. При этом в документе указывалось, что такие же условия ранее были «предначертаны» и в полномочиях, данных П.А. Толстому для переговоров с турецким уполномоченным в Париже. «Вот главнейшие статьи, – пишет Н.П. Румянцев, – которые е.и.в-во положить изволит основанием для мирного трактата нашего с Портою: 1) Подтверждение всех прежних трактатов и конвенций, заключенных между Россией и Турцией, во всей их силе. 2) Присоединение к России Молдавии, Валахии и Бессарабии; установление границы между Россией и Турцией по реке Дунаю, по озерам Бабаде и Подельм. 3) Признание Портой присоединения Грузии и Имеретии к России и установление границы по реке Арпиж. 4) Обеспечить спокойствие Сербии дозволением ей установить правление, желанию народа соответствующее, под покровительством России»[8].

На четвертый день по получении полномочий, т. е. 21 октября (2 ноября) 1808 г., Прозоровский отправил в Константинополь письмо Мустафа-паше Байрактару, в котором предлагал прислать турецких уполномоченных в Яссы для ведения переговоров между Россией и Турцией без посредников. Приглашение на переговоры повез в столицу Османской империи капитан Апшеронского полка Краснокутский. Однако, посылая приглашение на переговоры с турками, Прозоровский, по его же словам, был «уверен, что от сей негоциации никакого существенного успеха ожидать не можем, поскольку довольно ясно, что Порта не иначе, как разве силой оружия, убеждена быть может на какую-либо нам уступку». И тем не менее,

inslav

переговоры в Яссах Прозоровский предполагал использовать для того, чтобы выиграть время до конца года, как об этом просил Александр I. Заодно со своими сомнениями по поводу безуспешности переговоров Прозоровский сообщил Румянцеву и о прибытии из Видина в Крайову французского консула Мерьяжа, который намерен там дожидаться вестей из Эрфурта о результатах встречи императоров[9].

Это отношение Прозоровского от 23 октября (4 ноября) 1808 г. Румянцеву вручил в Париже 10(22) ноября 1808 г. фельдъегерь Миллер. Министр иностранных дел России в основном одобрил содержание письма Прозоровского к Мустафа-паше от 21 октября (2 ноября) 1808 г., сделав лишь одно замечание. Румянцев считал, что, приглашая для переговоров в Яссы только турецких уполномоченных, Прозоровский исключил тем самым возможность участия в них Мустафа-паши. Министр полагал, что в данном случае лучше было бы настаивать на приезде в Яссы самого визиря. Если бы он отказался от участия в переговорах, то тем самым «умножил бы... неудовольствие против себя народа, желающего мира», а если бы поехал в Яссы, то «отлучки его из столицы... усилили бы противную ему партию и уменьшили бы собственный его кредит». Румянцев заверил Прозоровского в том, что его опасения в отношении предполагаемого Союза Порты и Англии совершенно излишни, поскольку это подтвердил прибывший из Вены в Париж А.Б. Куракин, который назначен послом России во Франции вместо П.А. Толстого. Н.П. Румянцев нашел «совершенно справедливыми» и предписания Прозоровского, которые были отосланы К.К. Родофиникину в Белград 13(25) октября 1808 г. «Благоденствие и спокойствие Сербии, несомненно, должно быть охранено прочным образом в мирном нашем трактате с Портою, – писал Румянцев Прозоровскому из Парижа, – ... что касается гарантии, о коей настал вопрос на свидании у видинского архиерея, то непременно для нас нужно, чтобы сербы настояли о нашей гарантии. Гарантия Франции, кажется, теперь уже не так нужна, ибо держава сия перестала

inslav

уже быть посредницею в примирении нас с Портою, но, впрочем, ежели сербы будут настаивать и о французской гарантии, то и сие отнюдь не будет противно видам нашим, особенно же для периоду, когда, может статься, будет настоять вопрос о том, чтобы Сербии дать другое политическое существование. Вообще же, кажется мне, полезнее бы было отклонить до окончательного мира все постановления между сербами и Портою». Румянцев выражал свое особое удовлетворение по поводу того, как Родофиникин расчетливо и благоразумно выполняет возложенные на него поручения[10].

4. Ноябрьский мятеж 1808 г. в Константинополе и попытки начать переговоры в Бухаресте о заключении мира между Россией и Турцией на условиях Эрфуртской конвенции

Первые вести об очередном государственном перевороте в Турции, произведенном в ночь со 2(14) на 3(15) ноября 1808 г. янычарами, Прозоровский узнал только в 20-х числах ноября из двух источников: из письма нового сераскера придунайских войск Ахмед-эфенди, полученного 20 ноября (2 декабря) 1808 г., и из донесения Краснокутского от 13(25) ноября 1808 г., которое было отправлено из Константинополя через австрийского интернунция И.Штюрмера и доставлено в Бухарест Прозоровскому 22 ноября (4 декабря) 1808 г.

Краснокутский сообщал, что письмо Прозоровского от 21 октября (2 ноября) 1808 г. он вручил Мустафа-паше Байрактару 27 октября (8 ноября) 1808 г. Прочитав письмо главнокомандующего, Мустафа-паша охотно согласился начать переговоры о мире без посредничества Франции и даже успел назначить в качестве уполномоченных трех министров Порты и одного переводчика, сына князя Мурузи. В личной беседе с Краснокутским Байрактар заявил, что он искренне желает заключить мир с Россией и Англией, а французам он не доверяет, потому что они не раз обманывали его. Мустафа-паша,

inslav

по его словам, подготовил свой ответ на письмо Прозоровского, которое передаст Краснокутскому перед его отъездом. Однако янычарский мятеж, который, по свидетельству Краснокутского, продолжался трое суток – с 1(13) по 3(15) ноября 1808 г., помешал Байрактару выполнить свое обещание. Во время мятежа погибло более 15 тыс. человек и сгорело около 7 тыс. домов. Окруженный в своем доме янычарами Мустафа-паша Байрактар поджег «пороховой магазейн» и погиб сам. Во время пожара сгорела его канцелярия, а вместе с ней и заготовленное письмо для Прозоровского. Во время мятежа Краснокутский был вынужден укрыться в доме австрийского интернунция И. Штюрмера[11].

Из письма сераскера Ахмед-эфенди Прозоровский узнал, что вместо Мустафа-паши великим визирем назначен арнаут Гаджи Мимиш-эфенди; должность рейс-эфенди занял Галиб-эфенди, который вел переговоры с русскими в Слободзее и Париже. Галиб-эфенди считался сторонником Франции.

По мнению многих современников этих событий и историков, ноябрьский мятеж 1808 г. в Константинополе был спровоцирован интригами французского правительства[12]. По-видимому, французы не замедлили использовать на практике постановление ст. IX Эрфуртской конвенции, гласившей, что русско-турецкие переговоры о мире не должны вредить дружбе Франции с Турцией, и поспособствовали сделать все от них зависящее, чтобы устранить от власти противящегося им верховного визиря.

По прибытии в Константинополь Краснокутский остановился в доме доверенного человека Мустафа-паши Богоса Себастиани. Во время мятежа его пребывание там стало опасным, и Краснокутский, по предложению австрийского интернунция И. Штюрмера, переселился в его резиденцию, откуда и было отправлено Прозоровскому с австрийским курьером его донесение от 13(25) ноября 1808 г. Поскольку во время мятежа Краснокутский не мог встретиться с представителями Порты, а на дорогах от Константинополя до Адрианополя действовали

inslav

многочисленные шайки разбежавшегося во время мятежа войска, то новый верховный визирь Гаджи Мимиш-эфенди решил отправить свое письмо от 8(20) ноября 1808 г. Прозоровскому морем через Варну. Письма верховного визиря и Краснокутского были вручены главнокомандующему в Бухаресте в один день, 22 ноября (4 декабря) 1808 г.

Краснокутский сообщал, что к 13(25) ноября 1808 г. в Константинополе все успокоилось, и он был принят новым рейс-эфенди, который позже представил его новому визирю, а тот от имени султана вручил ему орден Луны 2-го класса и украшенную бриллиантами табакерку. Галиб-эфенди распорядился отправить Краснокутского из Константинополя 15(27) ноября 1808 г., сказав, что вслед за ним отправит в Бухарест трех турецких уполномоченных для переговоров о мире.

Новый верховный визирь Мимиш-эфенди уведомлял Прозоровского, что после гибели Мустафа-паши Порта передала ему полномочия на право ведения переговоров о мире с Россией, что он согласен послать на переговоры в Бухарест уполномоченных, которых ранее назначил его предшественник, и, соответственно, предлагал назначить уполномоченных с российской стороны. Прозоровский 23 ноября (5 декабря) 1808 г. ответил, что для ведения переговоров о мире с Турцией в Бухаресте с российской стороны назначаются: генерал-лейтенант М.А. Милорадович, председательствующий в Диванах Молдавии и Валахии С.С. Кушнерев и начальник интендантских войск Дунайской армии генерал-лейтенант И.М. Гартинг[13]. Однако Александр I в рескрипте от 8(20) ноября 1808 г. одобрил предложение Прозоровского от 25 октября (6 ноября) 1808 г., в котором главнокомандующий считал целесообразным возобновление военных действий с турками не ранее марта 1809 г.[14]

В связи с этим А.Н. Салтыков 13(25) ноября 1808 г. поставил Прозоровского в известность, что царь находит преждевременным назначение уполномоченных для ведения переговоров о мире, поскольку остается неясной позиция новых министров Порты. До начала официальных переговоров о мире,

inslav

полагал Александр I, необходимо восстановить отношения с Портой на уровне посланников или полномочных министров, которые смогли бы точнее определить требования договаривающихся сторон[15].

29 ноября (11 декабря) 1808 г. к Прозоровскому в Бухарест прибыл из Рущука Манук-бей с письмом Ахмед-эфенди. Сераскер придунайских войск писал, что по полученным из Константинополя известиям, находящаяся там французская миссия настойчиво принуждает Порту не начинать переговоров с Россией. Будучи заинтересован в проведении русско-турецких переговоров, Ахмед-эфенди просил Прозоровского помочь ему. В соответствии с просьбой Ахмед-эфенди Прозоровский должен написать письмо на имя сераскера придунайских войск следующего содержания. Российская сторона заинтересована в перенесении переговоров на более ранний срок и выражает свое недоумение по поводу задержки прибытия в Бухарест турецких уполномоченных. Письмо такого содержания на имя Ахмед-эфенди необходимо для того, чтобы этот сераскер, по словам Прозоровского, смог «принудить Порту не отступать от прежней своей решимости вести переговоры, и чтобы она поспешила с отправлением своих уполномоченных в Бухарест. Письмо было написано и отправлено с Манук-беем 30 ноября (12 декабря) 1808 г. в Рущук. Сообщая об этом А.Н. Салтыкову, Прозоровский в очередной раз предупреждал: «Мы никак надеяться не можем посредством приемлемой негоциации достигнуть цели нашей, и что необходимо будет для того приняться за оружие»[16].

В последних числах ноября 1808 г. главнокомандующий Дунайской армией поставил К.К. Родофиникина в известность о том, что «военные предприятия в продолжение настоящей глубокой осени начала своего восприять уже не могут», и «дальнейшее пребывание войск в лагерях более не надобно и бесполезно». В связи с этим все части Дунайской армии переводятся на зимние квартиры[17].

В письме на имя военного министра России А.А. Аракчеева от 9(21) декабря 1808 г. Прозоровский писал, что прибытие

inslav

турецких уполномоченных на переговоры, которые должны состояться не в Бухаресте, а в Яссах, следует отложить до конца декабря 1808 г., и что в январе 1809 г. нельзя начинать военные действия против турок, поскольку сама «благоприятность требует», чтобы, вызвав единожды полномочных, все же придется приступить к переговорам. Но они, полагал главнокомандующий, непременно прекратятся, как только дело дойдет до обсуждения вопроса о границе по реке Дунаю. Прекращение перемирия послужит удобным поводом для его «разрушения». В течение 1809 г. Прозоровский надеялся «силою оружия принудить турков постановить реку Дунай границей между обеими империями». Для охраны Дунайских княжеств он предлагал оставить там 30-тысячный корпус, а остальная часть Дунайской армии будет действовать в заданном царем направлении[18].

В это время министр иностранных дел России Н.П. Румянцев продолжал свою деятельность в Париже. О ноябрьском перевороте в Турции он узнал из письма Прозоровского от 21 ноября (3 декабря) 1808 г., которое ему было доставлено 10(22) декабря 1808 г. Опасаясь, что Наполеон в связи с событиями в Константинополе возобновит разговоры о разделе владений Османской империи, Румянцев 15(27) декабря 1808 г. писал Александру I: «Приобретение только Молдавии и Валахии и без чьего бы то ни было содействия гораздо более выгодно для нас, государь; поэтому следует постараться осуществить полностью то, что было решено в Эрфурте, и сделать это как можно скорее. Без военных демонстраций мы не получим этих владений. Чтобы получить их, нам надо перейти Дунай. Никакое обязательство дипломатического характера, никакое обещание не препятствует нам так поступить... В политическом отношении было бы большой ошибкой не воспользоваться катастрофой в Константинополе и состоянием, в которое она повергла всех, и не приказать без колебания части Ваших войск перейти Дунай. Это сразу поставило бы под угрозу Константинополь, и тогда все – руководители, еще разобщенные и не успевшие договориться между собой, сама

inslav

столица и многие части турецкой армии, – все согласились бы на заключение мира, если уступка двух христианских провинций явилась бы единственной требуемой от них жертвой». В связи с этим Н.П. Румянцев умолял Александра I одобрить и отправить без задержки депешу аналогичного содержания, которую он, Румянцев, заготовил в Париже для главнокомандующего Дунайской армией[19]. В проекте депеши Прозоровскому министр в основном высказывал те же мысли и рекомендации, но только в более сдержанной форме. Румянцев писал, что он не берет на себя смелость решать, с точки зрения военного искусства, выгодно ли России начинать войну с Турцией немедленно. По его мнению, ни политическая ситуация в Европе, ни договоры с союзными державами теперь не мешают России возобновить военные действия с Турцией. Но если турецкие уполномоченные уже прибудут для ведения переговоров, тогда, полагал Румянцев, было бы выгоднее начать переговоры с обсуждения двух главных пунктов – об установлении границы по реке Дунаю и об «обсуждении жребия Сербии». Российские уполномоченные, по словам Румянцева, должны «упорно настаивать на том, и до получения решительного на то ответа от турецких полномочных не входить с ними в рассуждение о прочем». И как только турецкие уполномоченные «отринут» эти пункты, то «вслед за тем война должна открыться». Быстрое продвижение российских войск за Дунай, по мнению Румянцева, с одной стороны, продемонстрирует неизменность мирных предприятий России, а с другой стороны, обеспечило бы выгоды для ведения дальнейших военных операций[20].

В Петербурге решения Эрфуртской конвенции анализировал товарищ министра иностранных дел А.Н. Салтыков. Свои соображения по этому поводу он изложил в «Записке», составленной в середине декабря 1808 г. В ней говорилось: «На переговорах в Эрфурте французское правительство делало вид, что принимает близко к сердцу интересы России. Он пошло даже на то, чтобы принести нам в жертву самого давнего союзника Франции (Турцию. – *В.Г.*). Оно великодушно соглашалось

inslav

на передачу нам Молдавии и Валахии, более того, оно настояло на том, чтобы мы приняли их. Дело в том, что не в его власти было помешать нам завладеть ими. Кроме того, нужно было соблазнить нас какими-нибудь пустыми посулами, чтобы ввести нас в заблуждение. Оно хотело приковать наше внимание к вопросу второстепенной важности, чтобы мы упустили из виду основной вопрос, боюсь, что это им слишком хорошо удалось. Мы не замечаем, что Франция только и стремится к тому, чтобы возобновить свои прежние связи с Турцией и Швецией. Именно с этой целью она приводит в действие все средства, чтобы отсрочить наш разрыв с Портой и ускорить планируемое нападение на Швецию... Очевидно, что для сохранения своего престижа в Константинополе она должна сделать ничего не значащими обязательства, взятые ею на себя в Эрфурте относительно обоих княжеств»[21].

Сам же Александр I, отвечая на письмо Прозоровского от 29 ноября (11 декабря) 1808 г., в рескрипте от 19(31) декабря 1808 г. писал, что он «признает за нужное», чтобы Прозоровский отправил в Константинополь нарочного к новому верховному визирю для выяснения, хочет ли он направить в Яссы своих полномочных для того, чтобы выиграть время до весны, или, действительно, заинтересован в проведении переговоров. Если ко времени получения этого письма Александра I турецкие полномочные прибудут в Яссы, то Прозоровский должен будет немедленно объявить им следующие прелиминарные статьи, на которых Россия согласна приступить к формальному трактованию о мире:

1. Согласие Порты на установление границы по Дунаю между Россией и Турцией.
2. «Признание независимости сербского народа под покровительством Российской и Турецкой империй».
3. Признание зависимости Грузии, Имеретии и Мингрелии от Российской державы.

«В случае несогласия турецких полномочных на принятие сих предложений за основание мирных предложений, – пишет

inslav

Александр I, – я разрешаю Вам с Божьей помощию начать военные действия, дабы, воспользовавшись последнею половиною зимней кампании, Вы могли очистить хотя бы некоторые крепости, по сю сторону Дуная лежащие...». В заключение письма царь сообщал, что он утверждает назначенных Прозоровским уполномоченных на переговорах с Турцией – М.А. Милорадовича, С.С. Кушнерева и И.М. Гартинга[22].

Из Парижа Н.П. Румянцев предостерегал Александра I от принятия советов французского посла в России Коленкура. Если правда, что французский посол просил не возобновлять военных действий на Дунае, писал Румянцев царю 27 декабря 1808 г. (8 января 1809 г.), «...то я самым настоятельным образом прошу Вас не давать ему на то согласия»[23]. В депеше от 7(19) января 1808 г. министр иностранных дел еще раз напомнил Прозоровскому, что гибель Мустафа-паши Байрактара, несомненно, должна породить еще большее безначальство не только в Константинополе, но и во всей Османской империи, истощить силы и приблизить ее падение. «Не может она (Порта. – *В.Г.*) не чувствовать, что скорое ее примирение с Россией складывается для нее необходимым. Для нас также весьма было бы нужно воспользоваться замешательством дел ее, дабы сколь можно ускорить заключение с ней мира на принятых уже вашим сиятельством правилах, ибо в продолжение времени обстоятельства могут перемениться. Слабость, в которую теперь приведена Порта, может возродить желание в других державах к совершенному раздроблению Оттоманской империи, а польза наша требует, чтобы мы усовершили приобретение завоеванного уже нами края, не входя ни с кем в соучастие и не допуская, чтобы другие в то же самое время на счет Порты воспользовались. Когда к сему желанному концу приведем мы дела наши и сим приобретением столь знаменито увеличим наши способы, тогда можем мы решать, какие предприятия со стороны других держав могут быть не во вред для нас и к каким новым мерам в совокупности с ними можем и мы приступить». При столь критическом положении Порта, по мнению Румянцева, должна

inslav

согласиться на уступки, которые от нее требует Россия, но чтобы скорее принудить ее к этому, необходимо подкрепить мирные предложения петербургского двора как можно скорее, по словам Румянцева, «военной демонстрацией...».

Румянцев поставил Прозоровского в известность, что эти же соображения он ранее изложил в письме к Александру I для того, чтобы высочайшая воля, по его словам, «руководствовала дальнейшие подвиги» главнокомандующего Дунайской армией. Сам же Румянцев в этой связи рекомендовал Прозоровскому: «Весьма для нас выгоднее открыть негоциацию сию с главных пунктов, т.е. требованием о постановлении Дуная границей и об обеспечении жребия Сербии, и до получения на то решительного от турецких полномочных ответа не входить с ними в рассуждение о прочем. Ежели согласятся они на сии важные статьи, то остальное не может уже затруднить; во всяком же случае сим средством они принуждены будут немедленно решить мир или войну с нами»[24].

Как отмечалось выше, Александр I в рескрипте от 19(31) декабря 1808 г. предписывал А.А. Прозоровскому как можно скорее выяснить, согласны ли турецкие полномочные принять прелиминарные статьи, предложенные петербургским двором, или Порта предполагает возобновить военные действия. В ответ на это Прозоровский 31 декабря 1808 г. сообщал, что войска Дунайской армии смогут подготовиться к возобновлению военных действий только к марту 1809 г.

В рескрипте от 23 января (4 февраля) 1809 г. царь вторично напоминал Прозоровскому о необходимости скорейшего возобновления войны против Турции. Упрекая Прозоровского за медлительность, Александр I писал, что по поступающим в Петербург со всех сторон сведениям, Порта намеренно затягивает приготовления к началу переговоров о мире, чтобы выиграть время для приведения в порядок расстроенного внутреннего положения Турции. Известно также и то, что она без возобновления военных действий не согласится заключать мир на условиях, которые ей предлагает российская сторона. Александр I

inslav

вновь предписывал Прозоровскому безотлагательно начать войну, поскольку этому способствуют как расстроенное положение внутри самой Турции, так и международная ситуация в Европе. «Я уверен, – писал Александр I Прозоровскому, – что Вы, убедясь сими рассуждениями, не допустите при самом открытии конгресса, чтобы турецкие полномочные достигнули до цели своей, похищая переговорами драгоценное время, которое Вы можете употребить для увеличения славы и пользы своего отечества»[25].

В письме к Н.П. Румянцеву от 24 января (5 февраля) 1809 г. Александр I сообщал, что он полностью согласен с его мнением о необходимости подкрепить мирные предложения, сделанные туркам, военными действиями, воспользовавшись затруднительным положением в Турции. Но поскольку Прозоровский не может начать войну раньше марта 1809 г., то он, Александр I, очень встревожен этой задержкой. Его несколько успокаивает, как сказано в письме, «свойственная туркам медлительность в ведении военных приготовлений, а также признаки внутренних междоусобиц, начинающих возникать между янычарами и сторонниками Мустафы Байрактара». Царь выражал надежду, что это позволит Прозоровскому наверстать время быстрыми маршами и решительными операциями[26].

В рескрипте от 5(17) февраля 1809 г. Александр I писал Прозоровскому, что существовавшее до сего времени перемирие с Портой было основано, по словам царя, «на правилах умеренности», которых он придерживался с самого начала. Теперь получено известие из Константинополя, что Порта, готовясь к переговорам о мире с Россией, в то же время «допустила к себе английского полномочного», нарушив тем самым данное ей обещание. «Поступок сей, – пишет Александр I, – приемлю с совершенным разрывом и прекращением перемирия». В связи с этим он предписывал Прозоровскому отправить в Константинополь офицера и от имени российского самодержца и по точному его повелению объявить турецкому правительству следующее: «что прием английского полномочного

inslav

в Константинополе, считаю я совершенным разрывом перемирия»; «что вследствие того, не будут приняты никакие предложения о мире, хотя бы даже и уполномоченные их на место прибыли, если английский министр не будет выслан и посланный Вами чиновник через два дня не отправится с ответом, в точности сему требованию удовлетворяющим»; «что сей двухдневный срок есть последний, и что по возвращении посланного от Вас без удовлетворительного ответа имеете Вы повеление открыть военные действия». Если по истечении срока ответ не последует или будет дан отрицательный ответ на это ультимативное требование, то Александр I повелевал Прозоровскому начать решительное наступление, а до начала военных действий не начинать переговоров с турецкими полномочными[27].

11(23) февраля 1809 г. русский посол во Франции А.Б. Куракин извещал Прозоровского, что его письма от 30 декабря 1808 г. (11 января 1809 г.) застали Н.П. Румянцева в Париже. Министр ознакомился с ними и в будущую среду собирается уезжать в Россию. После обсуждения дошедших до них из разных мест известий, Н.П. Румянцев и А.Б. Куракин пришли к единодушному заключению, что «нам непременно следует воспользоваться настоящим бессильным и расстроенным положением Порты, дабы единым действием оружия нашего достигнуть той цели, без которой нет возможности нам заключить мир с турками».

А.Б. Куракин соглашался с мнением Прозоровского о том, что русско-турецкие переговоры о мире теперь «не могут иметь желательного нами окончания, и сие не токмо мое, но и общее заключение подтверждено содержанием письма от нового верховного визиря к Прозоровскому», в котором нет и намека на уступки со стороны Порты, а без этого Россия «никогда и ни на какой мир не согласится». А.Б. Куракин одобрял решение Александра I не продолжать мирные переговоры в Яссах, а также его требование добиться от турецких полномочных скорейшего решения о принятии или отказе от предлагаемых российской стороной основных статей прелиминарного договора. Одобряя решение Прозоровского начать военные

inslav

действия против Турции в начале марта 1809 г., А.Б. Куракин писал: «Никогда обстоятельства, бессилие и внутреннее расстройство Порты столь поднятию нашего оружия против оной не благоприятствовали, как теперь. Получаемые Вами достоверные известия о безначалии, о междоусобицах, о готовности к новым возмущениям не токмо в Румелии, но и во всех прочих турецких областях, европейских и азиатских, подтверждают сию истину... Польза скорейшего заключения мира с Портою ощутительна и с той стороны, что великая военная сила, под начальством вашим находящаяся,... может быть употреблена..., где оную политические происшествия в середине Европы вызывать могут». А.Б. Куракин не сомневался и в том, что по получении указаний Александра I Прозоровский сможет устроить «будущее благоденствие» преданного России сербского народа и таким образом, по его словам, «основать в тех постановлениях, которые теперь или со временем наши связи и дружбу с Портою возобновить должны»[28].

В другом письме от того же числа А.Б. Куракин сообщал Прозоровскому, что Порта заключила мир с Англией, и Наполеон I негодует по этому поводу. Он спешно предпринимает меры для спасения 25 тыс. французов, которые занимаются торговлей в Константинополе и в других провинциях Турции. Министр иностранных дел Франции Ж.-Б. Шампаньи просил передать Александру I просьбу Наполеона I, чтобы он не соглашался начинать переговоры с турками о мире до полного разрыва Порты с Англией. Если Порта откажется разорвать отношения с англичанами, то Россия непременно должна начать военные действия против Турции. Чтобы Порта быстрее помирилась с Россией, А.Б. Куракин советовал Прозоровскому немедленно начинать «самую сильную войну» с турками. Куракин сообщал также, что, по имеющимся у него сведениям, война между Австрией и Францией неизбежна, но явных связей Австрии с Англией и Турцией пока не замечено[29].

Прозоровский, в свою очередь, сообщал Куракину, что полученные им из Константинополя известия подтверждают

inslav

сведения об ухудшении внутреннего положения во всей Турции. Например, французский консул в Синане Фуркая из-за постоянных в тех краях мятежей и раздоров был вынужден бежать с семьей на остров Корфу. Фуркая сообщил, что вся Анатолия стала жертвой междоусобиц, и в случае возобновления войны с Россией Порта не может ожидать оттуда никакой помощи. Придунайские крепости Журжи и Измаил, по свидетельству самого Прозоровского, также находятся в расстроенном состоянии, а их гарнизоны испытывают недостаток продовольствия. По свидетельству датского посланника в Турции барона Х. Гибша, между австрийским интернунцием в Константинополе И.Штюрмером и английским полномочным установились тайные дружественные связи, что статьи мирного договора между Англией и Турцией еще не известны, а их ратификация может быть не ранее четырех месяцев после подписания договора. Согласно тому же источнику, венский двор предложил Порте заключить с Австрией союзный договор, но Порта не приняла этого предложения, поскольку И. Штюрмер еще раньше предлагал ей посредничество венского двора при заключении мира с Россией.

Прозоровский не упустил случая сообщить и о получении им царского рескрипта от 5(17) февраля 1809 г., согласно которому составил соответствующую ноту Порте и отправил ее 23 февраля (7 марта) 1809 г. в Константинополь с нарочным офицером, адресовав его к французскому поверенному в делах Латур Мобургу. «Итак, – пишет Прозоровский Куракину в Париж, – должно сперва ожидать решительного ответа оттоле, что, конечно, не прежде как в последней половине марта последовать может. Тем не менее, однако, поелику не могу предположить ответа Порты удовлетворительным, вверенные мне войска через неделю станут выступать в стесненные кантонир-квартиры, дабы быть в готовности при первом известии начать военные действия»[30].

inslav

5. Прибытие турецких уполномоченных в Яссы и причина отказа российской стороны от мирных переговоров с Турцией

Турецкие уполномоченные во главе с новым рейс-эфенди выехали из Константинополя 18(30) декабря 1808 г. и направились в Бухарест. Их сопровождала свита, состоящая из 150 человек, а их багаж был погружен на 80 вьючных лошадей. Двигались они неспеша, да к тому же не прямым, а окружным путем. В письме от 24 декабря 1808 г. (5 января 1809 г.) Галиб-эфенди писал Прозоровскому, что они были вынуждены выбрать окружной путь и медленно двигаться из-за небывалого разлива горных рек. Чтобы ускорить прибытие турецких уполномоченных, А.А. Прозоровский отправил к ним навстречу посыльного с извещением, чтобы они не задерживались в Бухаресте, ехали в Яссы, где находится основная штаб-квартира главнокомандующего Дунайской армией, и в 1791 г. был заключен Ясский мир с Турцией. Кроме того, по распоряжению Прозоровского, генерал-лейтенант М.А. Милорадович отправил из Бухареста в Видин флигель-адъютанта полковника Н.З. Хитрово, которому было приказано сопровождать турецких уполномоченных в Яссы без особой спешки. О последнем обстоятельстве свидетельствует признание генерал-майора И.И. Исаева, которому было приказано встретить турецкую делегацию в Крайовой и задержать ее там до особого распоряжения Прозоровского или Милорадовича. «Не получа от кого-нибудь в рассуждении их (турецких уполномоченных. – *В.Г.*) наставления, я из Крайова их не выпущу», – писал И.И. Исаев К.К. Родофиникину 27 января (8 февраля) 1809 г.[31].

Прозоровский тем временем готовился к переговорам с таким расчетом, чтобы «сколь можно поспешнее довесть турок до решимости к миру или к войне». В соответствии с этим им были составлены инструкция уполномоченным с российской стороны и прелиминарные статьи мирного договора, которые, по замыслу Прозоровского, должны были быть объявлены

inslav

турецким уполномоченным на втором заседании Ясского конгресса. «Я совершенно удовлетворен, – писал он А.Б.Куракину в Париж 6(18) марта 1809 г., – что хотя бы полномочные (турецкие. – *В.Г.*) и имели достаточные полные мочи, в чем, однако, по доходящим известиям, крайне сомневаться должен, они никак бы на мои статьи не согласились, как уверяют меня в том верные сведения. Для этого устроил я было все таким образом, чтобы конгресс начался по прибытии полномочных и окончился не позже 5(17) марта 1809 г., когда тотчас войска мои вступили бы в движение и с помощию божею начали бы военные действия»[32].

Не успел Прозоровский закончить подготовку материалов для конгресса, как 17 февраля (1 марта) 1809 г. флигель-адъютант царя полковник М.Ф. Ставицкий привез ему рескрипт императора от 5(17) февраля 1809 г., по прочтении которого главнокомандующий должен был прекратить подготовку к переговорам. Согласно предписанию Александра I, Прозоровский 23 февраля (7 марта) 1809 г. отправил в Константинополь полковника Н.З. Хитрово, который через посредничество французского поверенного в делах Латур Мобурга должен был передать Порте ультимативное требование петербургского двора о высылке из Турции в двухдневный срок английского представителя Адэра. Если это требование не будет выполнено, то Россия без предупреждения возобновит военные действия против Турции. Но поскольку Н.З. Хитрово во время поездки сломал себе руку и вернулся обратно, то в Константинополь с тем же заданием был отправлен флигель-адъютант царя капитан И.Ф. Паскевич.

Между тем турецкие уполномоченные во главе с Галиб-эфенди 24 февраля (4 марта) 1809 г. прибыли в Яссы. На следующий день Прозоровский вручил Галиб-эфенди копии ноты Порте и копию письма к верховному визирю Гаджи Мимиш-эфенди. Галиб-эфенди, в свою очередь, 26 февраля (9 марта) 1809 г. тоже отправил в Константинополь письмо с запросом, должны ли уполномоченные возвращаться за Дунай или ожидать

inslav

инструкций Порты в Яссах. Несмотря на то, что Прозоровский объявил Галиб-эфенди о своем намерении перенести 15(27) марта свою штаб-квартиру из Ясс в Фокшаны, чем дал понять о бессмысленности пребывания в Яссах турецкой делегации, рейс-эфенди стал настаивать на предъявлении ему письменного, составленного по всей форме, требования о высылке турецких уполномоченных из Ясс[33].

И.Ф. Паскевич прибыл в Константинополь 8(20) марта 1809 г., а 10(22) марта вместе с Латур Мобургом был принят в турецком Диване, где и вручил ультиматум А.А. Прозоровского от 22 февраля (6 марта) 1809 г. Ответ Порты был передан И.Ф. Паскевичу 12(24) марта. В рапорте Паскевича от 12(24) марта, по словам Прозоровского, сообщалось, что Порта «не только не согласилась исполнить требования государя императора, но, напротив, объявила войну России и разослала повсюду фирманы о собрании и вооружении войска».

Ответ Порты и свой рапорт И.Ф. Паскевич отправил из Константинополя 13(25) марта 1809 г. с переводчиком, коллежским регистратором Рышковым, который вручил их Прозоровскому в местечке Текуч поздно вечером 20 марта (1 апреля) 1809 г.[34].

21 марта (2 апреля) 1809 г. А.А. Прозоровский отдал приказ по армии о прекращении перемирия и возобновлении военных действий с Турцией. В его приказе по армии предписывалось: «... всех турецких подданных почитать неприятелями, и войска их, где только покажутся, разбивать и атаковать..., но христианам, противу нас невооруженным, равно как и туркам, обнаруженным и внутри пределов, армиею российскою занимаемых, обретающимся, никакого вреда не причинять»[35].

Через два дня Прозоровский удовлетворил просьбу Галиб-эфенди о вручении турецким уполномоченным формального извещения о прекращении переговоров. В письме от 23 марта (4 апреля) 1809 г. на имя Галиб-эфенди Прозоровский писал: «Итак, обстоятельства таковы, что никакие мирные переговоры с Вашим высокопревосходительством и Вашими коллегами не могут иметь места, и я вынужден в соответствии с высочайшими

inslav

повелениями моего августейшего государя прервать существовавшее доныне перемирие и возобновить военные действия. Таковое положение вещей, как Вы понимаете, делает неуместным Ваше дальнейшее пребывание в этой стране и побуждает меня просить Вас, милостивый государь, соблаговолить вместе с Вашими коллегами и свитой отправиться после соответствующих приготовлений обратно за Дунай». По просьбе Галиб-эфенди турецкие уполномоченные были отправлены домой кратким путем через Галац. По пути следования до Галаца им была обеспечена надежная охрана, а при переправе через Дунай оказана необходимая помощь[36].

После несостоявшихся переговоров с турецкими уполномоченными Прозоровский отправился в Фокшаны. Подъезжая к городу, он встретился с И.Ф. Паскевичем, возвращавшимся из Константинополя. Паскевич рассказал, что причиной его задержки был отказ Порты обеспечить безопасность его возвращения сухим путем. Поэтому он был вынужден нанять лодку и 14(26) марта 1809 г. отправиться на ней из Буюкдере по Черному морю до Варны, куда он прибыл 19(31) марта 1809 г. По пути следования Паскевичу удалось даже собрать некоторые сведения о расположении и состоянии турецких войск в Румелии и Болгарии. В путевом журнале он записал, что аян из города Шумлы находится в войне с рущукским военачальником. В Силистрии ему рассказали о том, что турецкие уполномоченные выехали из Ясс 21 марта (2 апреля), в городе и окрестных местах еще не получали фирмана о возобновлении военных действий с Россией, а у местного силистрийского аяна в готовности нет никакого войска; в Адрианополе насчитывается до 60-ти полевых орудий. Характеризуя состояние турецких войск в балканских владениях Турции, Паскевич записал в своем журнале: «Вообще все аяны в Булгарии и Ромелии в распре между собою…, из самых сильных пашей в Европейской Турции есть (Али-паша. – *В.Г.*) Янинский, но он не употребит никуда своих войск, потому что, желая быть самостоятельным и независимым, располагает быть в твердом и оборонительном положении.

inslav

Другой паша, Серезский, столько же силен, как и Янинский, но, будучи в распре с сим, последний по-видимому не осмелится вывести из своих владений войск, но в какой силе состоят их войска, того я узнать не мог»[37].

6. Противодействие французской и австрийской дипломатии реализации балканских планов петербургского двора

В 20-х числах января 1809 г. Прозоровский не без основания писал Н.П. Румянцеву: «Учиненное российско-императорским двором объявление (ультиматум Порте. – *В.Г.*) основано было на системе, обоими дворами принятой, и последовало по собственному даже желанию императора Наполеона»[38]. Однако французские дипломаты и их агенты, находившиеся практически во всех провинциях Османской империи, по завершении Эрфуртской встречи императоров получили задание из Парижа примирять любыми способами враждующих между собой турецких пашей и аянов, а также предпринимать меры по укреплению турецкой армии[39]. А.А. Прозоровский 13(25) марта 1809 г. писал по этому поводу Н.П. Румянцеву: «Со всех сторон и из источников довольно достоверных получаю я почти ежедневно новые известия о потаенных интригах и даже публичных деяниях, утверждениях и объявлениях французских дипломатов, как в Константинополе находящихся, так и по всему краю здешнему рассеянных, клонящихся вообще ко вреду высочайшего двора нашего и, особенно, непременному воспрепятствованию нам приобретения княжеств Молдавии и Валахии и границы по Дунаю. Французская в Константинополе миссия и все ее чиновники без изъятия открыто стараются истребить всякое уважение, влияние и перевес России у Порты, ввести первую в такую ограниченность, которая сходна с интересами Франции, всюду первенство иметь хотящей, и не позволяют Порте делать каких-либо уступок России. Французский консулат не перестает вести переписку с противниками нашими.

inslav

Министерство Порты обещало г-ну Мобургу выслать англичан из Константинополя, коль скоро император Наполеон исходатайствует Порте выгодный с Россией мир. Я крайне опасаюсь, что ответ Порты на требование государя императора (Александра I. – *В.Г.*) будет на том же основан, и что тогда двор французский настоятельно требовать будет возвращения сих княжеств Порте»[40].

Австрийский интернунций И.Штюрмер с позиций Австрии, готовившейся к войне с Францией, внушал турецким министрам мысль о том, что Турция должна заключить союз с Англией и Австрией, иначе ей придется воевать одной против России[41].

Обобщения Прозоровского о поведении французских дипломатов не были голословными. В подтверждение своей точки зрения он приводит ряд конкретных фактов. Например, делясь впечатлениями с Н.П. Румянцевым по поводу содержания полученных им писем от Латур Мобурга из Константинополя, Прозоровский пишет: «Весьма сильно ударяет г-н Мобург на то, что требование России (к Порте. – *В.Г.*) не было сопровождаемо обещанием возвращения сих княжеств (Дунайских. – *В.Г.*) Порте, что, следственно, сие есть причина как возобновления войны, так и дальнейшей связи Порты с Англиею. Он даже сказал г-ну Паскевичу, что настоящая декларация России весьма много способствовать будет к усилению влияния англичан у Порты». Определив отношения французских и австрийских дипломатов и агентов по отношению к России недружественными, Прозоровский «письменно потребовал», чтобы находившиеся в Молдавии и Валахии французские и австрийские дипломаты и агенты прекратили, по его словам, «всякие сношения между здешними княжествами и областями Порты Оттоманской»[42].

Из Парижа между тем поступали еще более тревожные известия. А.Б. Куракин в конце марта 1809 г. сообщил Александру I о попавших в его руки записках на имя Наполеона. Неизвестный автор обосновывал в них идею о целесообразности установления такой системы международных отношений в Европе, которая будет способна увековечить на континенте господство

inslav

Наполеоновской династии. «Восстановление Польши, ослабление России, границы которой должны в будущем проходить по Двине и Днепру, – пишет Куракин, – представлены здесь в качестве важнейших и даже необходимых принципов этой системы»[43].

В заключение главы IX отметим следующее.

Сравнивая постановления секретной русско-французской конвенции от 30 сентября (12 октября) 1808 г. со статьями Тильзитского трактата, нетрудно заметить ряд существенных перемен в политическом курсе России и особенно Франции в отношении Османской империи, которые опосредованно отразились и на политике этих держав, прежде всего России, в отношении сербских повстанцев. Если вплоть до самой встречи императоров в Эрфурте Наполеон I и его дипломаты настойчиво предлагали Александру I разнообразные планы раздела владений Османской империи, и статья VIII русско-французского договора о мире и дружбе от 25 июня (7 июля) 1807 г. в определенном случае предусматривала возможность совместной борьбы союзных держав, т.е. России и Франции, за освобождение угнетенных народов Европы от тирании османского ига, то в Эрфуртской конвенции появились статьи о сохранении целостности балканских владений Турции, что на деле исключало возможность выделения повстанческой Сербии из состава Османской империи. Вместо борьбы за освобождение угнетенных народов от тирании османского ига, Франция, по условиям Эрфуртской конвенции, получала право оказывать дружеские услуги Порте, которая в это время активно налаживала союзные отношения с Англией, давним врагом Франции. Наполеон I соглашался воевать против Турции только тогда, когда Порта вместе с Австрией или другой державой начнет войну против России. Эти решения, принятые во время подготовки Наполеона I к войне с Австрией, на деле оставляли Россию в полной международной изоляции. Отказавшись от посредничества при заключении мира между Россией и Турцией, Наполеон, французские дипломаты в Турции и их агенты, пользуясь правом оказания дружественных услуг

inslav

Порте, с первых же дней после заключения Эрфуртской конвенции, вместо оказания помощи союзной России, стали укреплять турецкую армию и примирять враждовавших между собой румелийских пашей и аянов, чтобы они вместе с армией могли оказать сопротивление готовившейся к возобновлению войны российской Дунайской армии. Закончивший свои дела в Испании Наполеон I после подписания конвенции уже не уговаривал Александра I продолжить перемирие с Турцией, а, наоборот, советовал возобновить войну, если Порта не вышлет из Константинополя представителя Англии. Французские дипломаты и их агенты в балканских владениях Турции, особенно в Дунайских княжествах и повстанческой Сербии, вели активную подрывную деятельность против России и заодно с австрийскими властями и агентами сеяли панические настроения в Валахии, Молдавии и особенно в повстанческой Сербии. В этой связи А.А. Прозоровский даже был вынужден настаивать на удалении из Дунайских княжеств французских и австрийских консулов. Задержавшийся в Париже после подписания Эрфуртской конвенции Н.П. Румянцев, по-видимому, после знакомства с информацией о планах нападения Наполеона на Россию, которые в это время попали в руки П.А. Толстого и А.Б. Куракина, по той же причине настоятельно рекомендовал Александру I и А.А. Прозоровскому как можно скорее и активнее возобновить военные действия против Турции, пока Порта не опомнилась после ноябрьского переворота, чтобы заставить ее силой оружия принять предложенные петербургским двором условия мирного договора. Одним из важнейших условий этого договора было предоставление повстанческой Сербии статуса независимого от Порты государства под покровительством теперь только одной России. Но в Петербурге и в штабе Дунайской армии понимали, что Порта всеми силами будет сопротивляться принятию этих условий.

inslav

Примечания

[1] ВПР. Т. III. С. 645–646. Статья VIII русско-французского договора о наступательном и оборонительном союзе от 25 июня (7 июля) 1807 г.
[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 238–240. Инструкция А.А. Прозоровского Ф.И. Недобе, 7(19) марта 1809 г.
[3] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 3016. Л. 195–196. Краткий отчет П.А. Толстого о своей беседе с Наполеоном от 29 августа (10 сентября) 1808 г.
[4] ВПР. Т. У. С. 346–351. Н.П. Румянцев – Александру I, 17(29) сентября 1808 г.
[5] *Tatischeff S.* Alexander I-er et Napoleon. P. 448; ВПР. Т. IV. С. 645–647. Примечание № 228.
[6] ВПР. Т. IV. С. 359–363. Секретная конвенция между Россией и Францией, 30 сентября (12 октября) 1808 г.
[7] Там же. С. 365–366. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, Веймар, 4(16) октября 1808 г.
[8] Там же. С. 367–368. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 4(16) октября 1808 г.
[9] Там же. С. 379–380. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 23 октября (4 ноября) 1808 г.
[10] Там же. С. 402–404. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 15(27) ноября 1808 г.; АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1808. Д. 1918. Л. 368–373. Черновик или оттиск того же письма, но датированный 24 ноября (6 декабря) 1808 г., т. е. на 9 дней позже.
[11] *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. II. СПб., 1887. С. 106–116.; *Миллер А.Ф.* Мустафа-паша Байрактар. М.–Л., 1947. С. 313–335.; *Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество и гибель. М., 1990. С. 176.
[12] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 4. Л. 35–36. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 24 ноября (6 декабря) 1808 г.
[13] *Петров А.Н.* Война России с Турцией... Т. II. С. 112–113.
[14] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2907. Л. 6. Александр I – А.А. Прозоровскому, 8(20) ноября 1808 г.
[15] АВПРИ. Ф. ГА1–9. 1808. Д. 2. Л. 3–4. А.Н. Салтыков – А.А. Прозоровскому, 13(25) ноября 1808 г.
[16] ВПР. Т. IV. С. 429–430. А.А. Прозоровский – А.Н. Салтыкову, 9(21) декабря 1808 г.; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2911. Л. 126–129. А.А. Прозоровский – А.Н. Салтыкову, декабря 1808 г. (б/д).
[17] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 4. Л. 35–36. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 24 ноября (6 декабря) 1808 г.
[18] ВПР. Т. IV. С. 430–435. А.А. Прозоровский – А.А. Аракчееву, 9(21) декабря 1808 г.
[19] Там же. С. 439–440. Н.П. Румянцев – Александру I, 15(27) декабря 1808 г.
[20] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2909. Л. 9–11.; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1918. Л. 418–423об. Проект письма Н.П. Румянцева – А.А. Прозоровскому, 15(27) декабря 1808 г.

inslav

[21] ВПР. Т. IV. С. 445–447. «Записка» А.Н. Салтыкова от декабря 1808 г. (б/д).
[22] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2907. Л. 7–8. Александр I – А.А. Прозоровскому, 19(31) декабря 1808 г.
[23] ВПР. Т. IV. С. 456–458. Н.П. Румянцев – Александру I, 27 декабря 1808 г. (8 января 1809 г.)
[24] Там же. С. 462–464. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 7(19) января 1809 г.
[25] *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 559–560. Приложение № 4; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2907. Л. 9–10. Александр I – А.А. Прозоровскому, 23 января (4 февраля) 1809 г.
[26] ВПР. Т. IV. С. 674–675. Александр I – Н.П. Румянцеву, 24 января (5 февраля) 1809 г.
[27] *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 560–561. Приложение № 5; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2907. Л. 11–12. Александр I – А.А. Прозоровскому, 5(17) февраля 1809 г.
[28] АВПРИ. Ф. Дипломатическая канцелярия главнокомандующего Дунайской армией. Кн. 7. Л. 51–52. А.Б. Куракин – А.А. Прозоровскому, 31 января (12 февраля) 1809 г.
[29] Там же. Л. 56–58. А.Б. Куракин – А.А. Прозоровскому, 11(23) февраля 1809 г.
[30] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1923. Л. 16–26. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 6(18) марта 1809 г.
[31] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 673. Л. 143. И.И. Исаев – К.К. Родофиникину, 27 января (8 февраля) 1809 г.; *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 170–172.
[32] *Богишич В.* Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия». С. 208–210; АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1808. Д. 1923. Л. 16–26. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 6(18) марта 1809 г.
[33] *Богишич В.* Разбор... С. 16–26. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 6(18) марта 1809 г.
[34] ВПР. Т. V. С. 14–16. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 22 марта (3 апреля) 1809 г. Сравни: *Петров А.Н.* Указ. соч. С.190.
[35] *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 192.
[36] ВПР. Т. V. С. 19–20. А.А. Прозоровский – Галиб-эфенди, 23 марта (4 апреля) 1809 г.
[37] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2929. Л. 55–60. Копия с журнала флигель-адъютанта е.и.в-ва капитана И.Ф. Паскевича, начатого 13(25) марта 1809 г.
[38] ВПР. Т. V. С. 17–19. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 23 марта (4 апреля) 1809 г.
[39] *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 182–183.
[40] Там же. С. 185–186. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 13(25) марта 1809 г.
[41] Там же.
[42] ВПР. Т. V. С. 17–19. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 23 марта (4 апреля) 1809 г.
[43] Там же. С. 23–24. А.Б. Куракин – Александру I, 27 марта (8 апреля) 1809 г.

inslav

Глава X

Подготовка и обсуждение основных положений для решения сербского вопроса на русско-турецких переговорах в Яссах в начале 1809 г.

Несмотря на отсутствие в статьях секретной русско-французской конвенции от 30 сентября (12 октября) 1808 г. прямых указаний на решение судьбы повстанческой Сербии, ее постановления сыграли важную роль в определении принципа и основных положений для решения сербского вопроса, которые должны были обсуждаться вместе с другими вопросам на русско-турецких переговорах в Яссах в начале 1809 г.

1. Российские варианты решения сербского вопроса

По получении письма Н.П. Румянцева от 4(16) октября 1808 г. и полномочий на право ведения мирных переговоров с Турцией без посредничества с Францией А.А. Прозоровский 20 октября (1 ноября) 1808 г. сообщил К.К. Родофиникину в Белград: «Весьма вероятно, что негоциации (с турецкими уполномоченными в Яссах. – *В.Г.*) будут безрезультатны, и что война после пресечения оных паки возгорится. Вы сами в том удостоверены, что дела сербские должны быть одними из важнейших предметов негоциации». Чтобы хорошо подготовиться к переговорам с турками по сербскому вопросу, Прозоровский просил Родофиникина прислать ему свои замечания «о тех статьях и обстоятельствах, которые при заключении мира с Портой особливого заслуживают внимания». «Высокомонаршая воля государя императора, – писал Прозоровский, – состоит в том, чтобы сербы освобождены были на вечные времена от ига турецкого и чтобы, имея собственное правление, оставались они под покровительством России, которая и будет для них ручательством или гарантом в соблюдении Портою ее обязательств». Прозоровский требовал, чтобы Родофиникин в своих замечаниях обратил внимание «не только на внутренний состав Сербии», но и на соблюдение интересов России, а также на политические отношения сербов с соседними областями Австрийской империи.

С учетом воли Александра I и требований Прозоровского, Родофиникин к тому же должен был составить «план конституции

inslav

для внутреннего управления Сербии» и проект самой конституции до возобновления военных действий с Турцией. В этой связи Прозоровский просил Родофиникина сообщить его мнение по следующим вопросам: нужно ли Сербии иметь князя; «лучше ли быть ему избранным от народа или определяемым ныне и наследственным»; какие в Сербии должны быть «присутственные места к управлению земли и к наблюдению правосудия и полиции»; какие законы должны быть приняты там; «какую дань, если оная нужна будет», сербский народ без большого отягощения платить может Порте; какие подати нужны и возможно там устанавливать – «словом, все, что к учреждению порядочного внутреннего управления относится». Если же начнутся русско-турецкие переговоры и они «возымеют решительный оборот», то в таком случае, полагал Прозоровский, «нужны будут при негоциациях и депутаты сербские». И в этом направлении Родофиникину надлежало обдумать вопрос о возможном назначении наиболее подходящих для этой миссии людей, в числе которых Прозоровский хотел бы видеть и Младена Миловановича. В заключение Прозоровский в очередной раз напоминал, «чтобы сербы, не приступая ни к каким воинским предприятиям, соблюдали самую строгую воинскую осторожность», поскольку при сложившейся ситуации, с одной стороны, нельзя надеяться на искренность обещаний турецких чиновников, а с другой, судя по обстоятельствам, могут неожиданно последовать распоряжения главнокомандующего Дунайской армией о возобновлении военных действий против турок[1].

В письме от 14(26) ноября 1808 г. Прозоровский сообщал товарищу министра иностранных дел А.Н. Салтыкову, что частые раздоры между сербскими старейшинами, вызывающие волнения умов среди народа, несмотря на благоразумные меры К.К. Родофиникина, время от времени возобновляются. «Сие самое, – пишет Прозоровский, – и побудило меня требовать от г-на Родофиникина его мнение, какие средства почитает он деятельнейшими к установлению твердого в Сербии внутреннего порядка и спокойствия». После высочайшего повеления, полученного из Веймара от Н.П. Румянцева, пишет Прозоровский,

inslav

«признал я необходимо нужным собрать и в рассуждении Сербии все те сведения и объяснения, которые при предстоящем трактовании о мире потребными быть могут». В связи с этим и были затребованы от К.К. Родофиникина его «примечания о тех статьях, которые в пользу Сербии и в соображении выгод России по различным отношениям при трактовании о мире уважены быть должны, так и заключений его о границах, которые Сербии определить должно, о торговле, о политических сношениях Сербии с другими державами, о дани, которую народ сей Порте Оттоманской платить может, о конституции и внутреннем правлении для сербов и прочее»[2].

Ряд «Записок» о границах Сербии, торговле, политических сношениях с другими державами, верховной власти, законах, дани Порте, податях сербскому государству и другие К.К. Родофиникин подготовил и отправил 2(14) ноября 1808 г. Прозоровский получил их 9(21) ноября 1808 г. Записки «О судебных местах в Сербии» и «Об учреждении жребия Сербии» были подготовлены к 8(20) ноября, а отправлены главнокомандующему 14(26) ноября 1808 г.

В «Записках», датированных 2(14) ноября, Родофиникин писал, что создание сербского государства в границах средневекового царства Стефана Душана, как это предлагал епископ Й. Йованович, С. Югович и другие, преждевременно и неуместно. Родофиникин допускал возможность только незначительного расширения границ той территории, которая контролировалась к тому времени сербскими повстанцами. Сербское государство, считал Родофиникин, должно быть независимым от Порты, но должно платить ей ежегодную дань в размере 100 тыс. пиастров. Турки, не пожелавшие остаться в составе нового государственного образования, впоследствии уже утрачивали право селиться на его территории. Но это ограничение не должно распространяться на сербов, живущих в сопредельных пашалыках Османской империи. При заключении мира с Турцией Родофиникин рекомендовал добиваться для сербов права свободной торговли в пределах всех владений Порты. В конституцию нового сербского государства, по мнению Родофиникина, следовало бы включить такие статьи, которые не ущемляли

inslav

бы интересы России при установлении сербами политических и дипломатических отношений с другими иноземными державами.

Поскольку имеющиеся в повстанческой Сербии власти продолжали руководствоваться нормами старого обычного права, то Родофиникин находил возможным ввести в обновленной Сербии некоторые законы Российской империи, если они могут быть приемлемыми для сербского народа. Он был твердо убежден, что республиканский строй не может быть пригодным для Сербии ни в его демократической, ни в аристократической форме. Там может быть только монархия. «Верховным правителем теперь народу никто из поглаварей сербских приятен не будет, кроме Черного Георгия», – убежденно писал Родофиникин. Правительствующий Совет, по его мнению, окончательно утратил функции верховного органа власти и превратился в народный суд. В связи с этим Родофиникин предлагал разделить его на департаменты уголовных и гражданских дел, а вместо него учредить новый Правительствующий Совет или Сенат, включив в его состав всех главных членов старого Совета. За каждым из членов нового Совета или Сената следовало бы закрепить определенную должность, например, блюстителя правосудия, великого казначея, попечителя военных дел, хранителя печати, попечителя торговли и иностранных дел. «Ныне учредить другого рода правительственные места, – писал он, – весьма трудно по малоимению в земле людей, умеющих читать и писать. Нужно, кажется, токмо было бы восстановить и утвердить сии и воспретить, чтобы никто, минуя нижние места, не прибегал прямо в Совет или к верховному коменданту, как сие ныне делается». Деятельность самого Правительствующего Совета, по мнению Родофиникина, должна регулироваться конституцией[3].

Ознакомившись с предложениями Родофиникина, Прозоровский согласился с его мнением о бесперспективности создания нового государства в границах средневековой державы сербского царя Стефана Душана, поскольку, не без основания считал Прозоровский, ни одно из европейских правительств ни под каким видом не захочет поддержать такую идею. Если даже

inslav

сербы и добьются этого собственными силами, то Россия, по мнению главнокомандующего, не сможет гарантировать безопасность столь обширного государства, поскольку, по условиям Эрфуртской конвенции, ее собственные границы не должны простираться за Дунай. Но при обсуждении этого вопроса на переговорах с Портой, пишет Прозоровский, «надлежит стараться дать сербам пристойную границу и некоторые крепости, кои возможно будет при трактовании (мирных условий с турками. – *В.Г.*) им исходатайствовать». Прозоровский соглашался с Родофиникиным в том, что границей сербского государства могла бы стать река Тимок. В отличие от Родофиникина, Прозоровский полагал, что было бы неправильным запрещать туркам торговать в Сербии, так как без этого нельзя будет добиться от турок и права России защищать интересы сербской торговли в пределах Османской империи. Кроме того, он считал, что Сербию нельзя ограничивать в праве самостоятельно принимать дипломатических и торговых представителей из других держав, однако их аккредитация должна санкционироваться российским правительством. Соглашаясь с мнением Родофиникина о структуре органов власти в новом сербском государстве, Прозоровский, со своей стороны, добавлял к этому, что после князя и Совета «под ними имеет место заседания российский консул..., в тех случаях, когда необходимость того потребует». Он мог бы ограничивать самовластие князя и удерживать его от поступков, противных интересам России.

Чтобы нейтрализовать вмешательство венского двора в процесс формирования органов власти в Сербии, Прозоровский рекомендовал Александру I убедить Наполеона I в том, чтобы Франция вместе с Россией выступила гарантом сербской конституции. Для защиты границ сербского государства Прозоровский считал необходимым создать в сербских крепостях гарнизоны из повстанцев, которые впоследствии будут реорганизованы в батальоны национальной регулярной армии. Для этого Дунайская армия России могла бы направить в Сербию кадровых офицеров и опытных военных инженеров.

При рассмотрении вопроса о степени и характере зависимости нового сербского государства от Порты Прозоровский придерживался следующей точки зрения. Без иностранной помощи сербы не смогут отстоять полной независимости, опираясь только

inslav

на свои силы. Под властью Австрии они также не захотят быть. Решения Эрфуртской конвенции не позволяют удовлетворить желание сербов о принятии их в подданство России. «Остается только одно средство, – писал Прозоровский, – постановя особое правительство в Сербии, оставить ее под покровительством Порты Оттоманской, ибо подданными ее сербы быть не захотят». Следовательно, заключал Прозоровский, сербам «не избежать от уплаты дани, которая могла бы выплачиваться как деньгами, так и натурой»[4].

Проект К.К. Родофиникина с поправками, дополнениями и исправлениями Прозоровского был внимательно рассмотрен Александром I, военным министром А.А. Аракчеевым, товарищем министра иностранных дел А.Н. Салтыковым в начале декабря 1808 г. А.Н. Салтыков в письме от 7(19) декабря 1808 г. извещал Прозоровского, что царь «с удовольствием изволил читать глубокомысленные заключения в. с-ва и вообще, признавая оные клонящиеся той цели, до которой российский двор достигнуть желает относительно сербского народа, то есть достигнуть оную политическую независимость и приобрести постоянное там влияние, через взаимную доверенность (подчеркнуто мной. – *В.Г.*), совершенно соглашается с образом Ваших мыслей».

При этом Салтыков обращал внимание на то, что успех этого дела зависит от многих обстоятельств, главнейшими из которых являются: 1) взаимные соглашения с Портой во время мирных переговоров; 2) добровольное согласие сербского народа к принятию достигнутых во время переговоров соглашений; 3) «совершенное познание нужд, желаний и выгод сербского народа в двояком виде: относительно собственного сербов благосостояния и относительно упрочения преданности их Российской империи». Из этого следует, что не имея указанных предварительных оснований, которые не находятся во власти России, невозможно делать окончательного заключения и о новом государственном устройстве Сербии, которое соответствовало бы всем вышеназванным отношениям.

Излагая основные принципы, которыми руководствовался петербургский двор в своей политике в отношении сербского народа при сложившейся ситуации после заключения Эрфуртской конвенции, А.Н. Салтыков писал: «... Сношения наши

inslav

с сербами суть есть союз прибегающего под защиту со своим покровителем, и, следовательно, основаны на двух непоколебимых принципах: с одной стороны, помощь и покровительство, с другой стороны, признательность и услуги. (Подчеркнуто мной. – *В.Г.*). Таким образом, Россия, способствуя сербам к получению политической независимости, может увеличить федеративную власть свою по собственным е. в-ву чувствованиям великодушия и человеколюбия, сверх того желает, чтобы внутреннее благосостояние сербского народа устроено было на прочном основании, поскольку народная нравственность и местные удобности могут позволить».

При рассмотрении вопроса, какая конституция наиболее подходит народу, окруженному с трех сторон сильными державами, т. е. Турцией, Австрией и Францией, в Петербурге склонялись к тому, что ее основу должны составить те же два принципа: «доставление» независимости сербскому народу и приобретение Россией над ним влияния. Однако А.Н. Салтыков обращал внимание на то, что между этими принципами есть существенное различие: «Достижение независимости сербскому народу сопряжено с большей или меньшей удачей в негоциациях, а приобретение и сохранение доверенности (Россией. – *В.Г.*) между сербским народом зависит во многом от собственного поведения российского двора». Зная «ревностное» отношение Австрии к утверждению русского влияния в Сербии, петербургский двор должен действовать с осторожностью, не возбуждая зависти не только Австрии, но и других держав. Хотя решения Эрфуртской конвенции и определили границу России по реке Дунаю, что исключает возможность утверждения власти России на правом берегу этой реки, однако по решению Эрфуртской конвенции петербургский двор обязан «всякие неблагоприятные о видах своих впечатления и, соображая наружные поступки с настоящим намерением, доказать Порте и Австрии, что власть российская над сербами не простирается за пределы доверенности и признательности сего народа».

Исходя из этих общих принципов политики петербургского двора в отношении сербских повстанцев, добивавшихся создания полностью независимого от Порты государства, Александр I при чтении проекта Родофиникина с замечаниями

inslav

и поправками Прозоровского, в свою очередь, сделал еще семь замечаний и поправок.

Обобщая замечания царя по указанному проекту, А.Н. Салтыков 8(20) декабря 1808 г. писал Прозоровскому, что Россия должна стараться сохранить свое влияние в Сербии, но она не может требовать от сербов признания за ней права определять состав представителей других государств. «Россия имеет за собой одно твердое ручательство – соединение пользы ее с пользами сербского народа». Формирование органов власти в самой Сербии также должно осуществляться, как сказано в письме, «без явного в том участия со стороны России, и поэтому не следует настаивать на том, чтобы русский консул заседал в Сербском Совете». Российский представитель может «пользоваться в Сербии властию, основанною на взаимной договоренности, отдаляя все то, что может оскорбить самолюбие народа». Поэтому же введение в Сербии российских законов может быть возможным только при добровольном согласии Сербского Совета. Вопрос о выплате дани Порте Александр I повелел согласовать с сербами и только после их согласия включать его в проект договора с Турцией. О включении в договор других статей по сербскому вопросу Александр I разрешал полагаться на благоразумие самих старейшин, поскольку их решение будет понятнее и полезнее сербскому народу[5].

2. Беспокойство руководителей и народа повстанческой Сербии по поводу отсутствия достоверной информации о решении их судьбы на Эрфуртской встрече императоров

Секретный характер Эрфуртской конвенции и различные слухи, распространяемые турецкими, французскими и австрийскими агентами и официальными лицами среди населения повстанческой Сербии, очень беспокоили сербских повстанцев, их верховного вождя Карагеоргия и членов Правительствующего Совета по поводу отсутствия достоверной информации о решении их судьбы на Эрфуртской встрече Наполеона I и Александра I.

inslav

Многие из сербских старейшин полагали, что истинное решение по сербскому вопросу от них вполне осознанно скрывали не только Родофиникин и Прозоровский, но и петербургский двор. К.К. Родофиникин, который сам не имел точной информации о решениях Эрфуртской конвенции и связанных с ними изменениях в политике петербургского двора, был склонен воспринимать поведение таких старейшин и членов Правительствующего Совета как соперничество и междоусобные склоки. Так, 30 ноября (11 декабря) 1808 г. он сообщил Прозоровскому о новых происках Младена Миловановича, который вместе с Иваном Юговичем затеяли очередную интригу против Карагеоргия. По определению Родофиникина, И. Югович – «человек самый беспокойный и злобный, хотя учен, прогнанный на австрийской службе со всех мест и, наконец, прогнанный и Черным Георгием из здешнего Совета, обласкан Младеном, получил от него в подарок один из общих домов, и через то применившийся к нему совершенно, употребляется инструментом в плане Младена».

По замыслу М. Миловановича и И. Юговича предполагалось 25 ноября (7 декабря) 1808 г., в день св. Климента, который ежегодно праздновался Карагеоргием и его друзьями, собрать в Тополе наиболее влиятельных старейшин и в их присутствии убедить верховного вождя в том, что после решений Эрфуртской конвенции повстанческая Сербия оказалась в большой опасности, а сербы до сих пор не знают, что следует ожидать от России. До выяснения этого и других вопросов предлагалось направить в Петербург к царю сербского депутата, который, по словам Родофиникина, смог бы «вблизи узнать намерения России и который бы мог там ниспровергнуть интриги врагов Сербии, ибо как Австрия, так и турки не пожалеют миллионов, чтобы не допустить сербам освободиться и быть народом вольным и самодержавным». Не доезжая до Тополы, М. Милованович и И. Югович по пути заехали к кнезу Симе Марковичу и в присутствии многих старейшин стали убеждать их, что сербы от русского царя, пишет Родофиникин, «не имеют никакого удостоверения о принятии их под высочайшее покровительство», что Родофиникин – «враг сербам», потому что, когда заходит

inslav

разговор среди сербских старейшин о возможном расширении сербского царства за счет присоединения Боснии, Албании и Болгарии, он, Родофиникин, всякий раз отговаривает их от этой неосуществимой идеи и уверяет, что «на сей раз сербы должны почитать себя счастливыми освобождением силою оружия российского…». «Наполнив себе и другим головы этими и другими нелепостями», пишет Родофиникин, собравшиеся у кнеза Белградской нахии Симы старейшины отправились в Тополу к Карагеоргию, где совещались до конца ноября месяца 1808 г.[6]. После этого совещания Карагеоргий 8(20) декабря 1808 г. отправил в Бухарест на имя генерал-лейтенанта М.А. Милорадовича письмо, в котором сообщал, что, выполняя желание всего народа, верховный вождь и Правительствующий Совет намерены послать в Петербург к царю сербскую депутацию в составе Павла Поповича, Ивана Юговича и Яничия Димитриевича. В связи с этим верховный вождь просил М.А. Милорадовича взять сербских депутатов под свое покровительство и облегчить их проезд в Яссы к А.А. Прозоровскому[7]. Правительствующий Совет, со своей стороны, 10(22) декабря 1808 г. известил Родофиникина, что Совет «ради пользы народа… нашел за нужное отправить к Прозоровскому сербскую депутацию из четырех человек, которые затем поедут в Петербург к императору Александру I». Члены Совета просили Родофиникина, чтобы он, в свою очередь, попросил Прозоровского выдать паспорта сербским депутатам для проезда из Валахии в Россию[8].

О прибытии трех сербских депутатов в Бухарест М.А. Милорадович сообщил Прозоровскому 21 декабря 1808 г. (2 января 1809 г.). По возвращении в Яссы 25 декабря 1808 г. (6 января 1809 г.) Прозоровский, ознакомившись с донесениями М.А. Милорадовича и К.К. Родофиникина, усомнился в подлинности письма Карагеоргия и предписал М.А. Милорадовичу «под разными предлогами» задержать сербских депутатов в Бухаресте до тех пор, пока не получит от Родофиникина более достоверных сведений по столь важному вопросу[9]. В тот же день, 25 декабря 1808 г., Прозоровский отправил в Белград

inslav

специального курьера, который должен был передать Родофиникину письмо Карагеоргия к М.А. Милорадовичу от 8(20) декабря 1808 г. В письме к Родофиникину Прозоровский писал по этому поводу: «...я немалое имею сомнение в подлинности или действительности оного» письма Карагеоргия к Милорадовичу. Сомнение в подлинности этого письма возникло у Прозоровского, видимо, после прочтения донесения Родофиникина от 30 ноября (12 декабря) 1808 г., в котором сообщалось о намерениях Младена Миловановича и Ивана Юговича склонить Карагеоргия к отправлению сербской депутации в Петербург. Прозоровский просил Родофиникина «о точном изведании сего дела; не было ли то письмо каким-либо ухищрением Младена и его сообщников вынуждено или не подделано ли оно; а буде Черный Георгий и прочие поглавари сербского народа действительно положили отправить депутатов к государю императору, то какая есть в том цель?». Главнокомандующий предписывал Родофиникину «незамедлительно и подробно» известить его по этому столь важному делу[10].

Ответ Родофиникина и оригинал письма Карагеоргия М.А. Милорадовичу от 8(20) декабря 1808 г. тот же курьер вручил Прозоровскому 30 декабря 1808 г. (11 января 1809 г.). К.К. Родофиникин подтверждал подлинность письма Карагеоргия М.А. Милорадовичу и прислал письмо Правительствующего Совета на имя Родофиникина от 10(22) декабря 1808 г., в котором сообщалось об отправке депутатов в Яссы. Убедившись в подлинности письма Карагеоргия и в согласии верховного вождя и Правительствующего Совета направить депутатов в Петербург к царю, Прозоровский на следующий же день, 31 декабря 1808 г. (12 января 1809 г.) предписал М.А. Милорадовичу снабдить сербских депутатов подорожной и отправить их в Яссы в сопровождении расторопного офицера[11].

Решение верховного вождя, Правительствующего Совета и наиболее влиятельных старейшин послать депутацию в Петербург

inslav

к царю для выяснения дальнейшей судьбы сербских повстанцев оказалось неожиданным для Прозоровского и явно не отвечало его замыслам и планам готовящихся переговоров с турками о мире. Пересылая донесения К.К. Родофиникина в Петербург, А.А. Прозоровский писал по этому поводу товарищу министра иностранных дел А.Н.Салтыкову: из них Вы «изволите усмотреть, до какой степени вновь простерлись дерзость и неистовство сербских старейшин и начальников, особливо же Младена и Милое, равным образом опасность, в коей находились и доныне находятся как агент наш, так и митрополит». «С крайним соболезнованием вижу, что народ сей, истинно всем сердцем и всею душою преданный России, управляется начальниками, не имеющими ни тени просвещения или благонравия... Черный Георгий по слабоумию своему вовлекается... в таковые поступки хитрыми изворотами сущих его неприятелей. Все сии обстоятельства заставляют меня терять надежду при трактовании о мире с Портою успеть с депутатами сербскими установить на твердом основании внутреннее благосостояние Сербии...». До сих пор, сокрушенно пишет Прозоровский, «я все питал себя надеждою, что внушениями моими и усердными стараниями г-на действительного статского советника Родофиникина можно будет воздержать их от дерзостей и своевольств, но ... я начинаю уже в предположении моем отчаиваться, тем более, что я вижу, что они не имеют более доверенности не только к г-ну Родофиникину, но и ко мне». Прозоровский даже допускал мысль о том, что, если он запретит депутатам отправиться в Петербург, то это может вызвать, по его словам, «новый и сильнейший бунт в Сербии». Чтобы избежать этой крайности, Прозоровский соглашался с мнением Родофиникина о целесообразности поездки сербских депутатов в Петербург, где их удостоверят «в монаршем покровительстве и, не принимая от них никаких бумаг, ни предложений, ни просьб, отправят их обратно..., дабы

inslav

они во всех своих нуждах и надобностях обращались ко мне (Прозоровскому. – *В.Г.*), яко уполномоченному от государя императора по всем здешним делам». Такой оборот дела, полагал Прозоровский, побудит Карагеоргия и других сербских старейшин иметь больше доверия к главнокомандующему Дунайской армией, слушаться его внушений, исполнять его требования, а также охотнее следовать наставлениям Родофиникина. Для обсуждения сербского вопроса на готовившихся русско-турецких переговорах А.А. Прозоровский считал наиболее целесообразным присутствие в Яссах только Карагеоргия и Родофиникина[12].

3. Переговоры первой группы сербских депутатов с А.А. Прозоровским об условиях статей по сербскому вопросу, предполагавшихся для включения в русско-турецкий договор о мире

В ходе подготовки к переговорам с турецкими уполномоченными об условиях прелиминарного договора о мире с Турцией А.А. Прозоровский во второй половине декабря 1808 г. составил проект первой инструкции для российских уполномоченных М.А. Милорадовича, С.С. Кушникова и И.М. Гартинга, в которой изложил, каких уступок они должны добиться от Порты по каждой из статей мирного договора. В этой связи следует учесть, что при составлении проекта первой инструкции главнокомандующий еще не имел четких указаний из Петербурга по сербскому вопросу и исходил только из собственных предположений. В этом проекте инструкции Прозоровский писал, что сербы начали восстание до начала русско-турецкой войны и, имея для этого собственные причины, добились справедливости силой оружия. В начале русско-турецкой войны император Александр I принял сербов под свое покровительство. Последнее обстоятельство является причиной, позволяющей требовать от Порты для сербов тех же преимуществ, которые Порта сама предлагала им до начала русско-

inslav

турецкой войны 1806 г., за исключением покровительства российского императора. При этом Прозоровский исходил из предположения, что турецкие уполномоченные не станут особо возражать против такого разрешения сербского вопроса, который должен быть изложен в статьях V и VI мирного русско-турецкого договора. Если же сербы не согласятся с этим, то российским уполномоченным, согласно проекту инструкции, предоставлялось право включить в мирный договор особую секретную статью следующего содержания: «Если бы сербы не удовольствовались настоящим об них постановлением и начали бы войну против Порты, в таком случае его императорское величество (Александр I. – *В.Г.*), отрекаясь от принятого на себя покровительства сербам, предоставляет собственной их судьбе и единственному расположению Порты без всякого со стороны российского императорского двора влияния»[13]. Но как было показано в первом разделе настоящей главы, петербургский двор и сам Александр I иначе подошли к решению сербского вопроса. Как предполагал Прозоровский, не могли согласиться с такой постановкой вопроса ни верховный вождь Карагеоргий, ни члены Правительствующего Совета, ни сербские депутаты.

Первая группа сербских депутатов в составе Павла Поповича, секретаря верховного вождя Карагеоргия Янакия Дмитриевича и секретаря Правительствующего Совета Ивана Югович прибыла в Яссы вечером в понедельник 11(23) января 1809 г. Поскольку аудиенция у Прозоровского была назначена на 13 (25) января, то на следующий день по приезде сербских депутатов принял надворный советник Сиверс. Во время беседы с ним И. Югович устно изложил основные пункты данной сербским депутатам инструкции. Согласно протокольной записи этой беседы, сделанной Сиверсом, верховный вождь и Правительствующий Совет требовали от правительства России, чтобы оно при заключении мира с Турцией добивалось для сербов следующих условий: «1. Сербия требует непременной и совершенно безусловной независимости от Турции, то есть, чтобы Турция от всякой верховной власти над Сербиею непременно отреклась и Сербию самовластной признала.

inslav

2. Границы Сербии легко можно учредить по исходатайствовании первого пункта. 3. Если Турция на первый пункт не согласится, то сербы желают, чтобы Россия у прочих соседних держав испросила гарантию на самостоятельность Сербии и с той стороны Сербию обеспечила. В том самом сербы полагают главнейший предмет покровительства России над Сербиею. 4. В случае, если, как в 3-м пункте сказано, Россия доставит Сербии гарантию упомянутых держав, Порта Оттоманская же при поставлении мира с Россиею не согласится на 1-й пункт, и Россия по собственным своим причинам рассудит заключить мир, тогда предоставить на волю (сербам. – *В.Г.*) вновь начать войну противу турок. 5. По окончании и той войны сербам обещают не делать с турками миру без влияния России.

Секретный пункт. Сербы обещают всегдашний союз с Россиею и содействовать с нею противу всякого неприятеля»[14].

На вопрос Сиверса, в чем состоит главный предмет «заботы» сербов при нынешних обстоятельствах, И. Югович ответил следующее: насколько ему, Юговичу, известно, сербы желают установить границы независимости Сербии до реки Марицы, то есть до самого Адрианополя; восстановить независимое Сербское царство под покровительством России, присоединив к нему города Видин, Ниш, Нови Пазар и, как сказано в протокольной записи, «всего, что в древние времена составляло оное царство», то есть в державу сербского царя Стефана Душана. Новое сербское государство должно иметь право свободного плавания по Дунаю до выхода в Черное море, чеканить собственную монету, добывая металл из своих рудников, завести у себя регулярное войско, иметь своих посланников и консулов по примеру других держав. Из разговоров других депутатов Югович смог понять, что к Сербии следовало бы присоединить порт Коваллы, чтобы через него установить торговые отношения с Александрией, откуда будет доставляться в Сербию хлопчатая бумага и прочие товары. Как люди простые, сербы думают, что при настоящем положении дел они, полагаясь на свои силы и доброе расположение к ним всех других единоплеменных народов Турции, смогут достигнуть всего желаемого, если только этому не будут препятствовать

inslav

австрийцы или французы. По личному же мнению самого Юговича, для Сербии необходимо добиваться полной независимости от Турции, учредить там республиканскую или княжескую форму правления под покровительством России, и чтобы это положение, по возможности, было признано французским, австрийским и английским дворами. При определении границ нового сербского государства, по личному мнению Юговича, следовало бы довольствоваться той территорией, которую занимают сербы в данное время, присоединив к ней, однако, область Рашки, часть Старого Влаха, которым до 1679 г. управлял сербский князь[15].

Как было обусловлено ранее, главнокомандующий принял сербских депутатов 13(25) января в своем кабинете. Выслушав требования сербской стороны и узнав о намерении депутатов отправиться с тем же в Петербург к царю, Прозоровский сказал, что лично он не будет препятствовать им в этом. Югович пояснил, что в Петербурге они будут просить царя не только о включении вышеизложенных пунктов в русско-турецкий договор, но и об оказании помощи сербскому народу оружием, боеприпасами, деньгами и прочим. В ответ на это Прозоровский сказал, что он, как доверенное лицо российского монарха, сам может решить эти вопросы, и депутатам незачем тратить время на преодоление 1600 верст зимнего пути от Ясс до Петербурга. Если же Карагеоргий и Правительствующий Совет намерены возродить сербское царство, присоединив к нему территорию от Албании, Боснии и далее, то этот вопрос и в Петербурге не станут решать положительно. Югович возразил, что ни у самого Карагеоргия, ни у других старейшин и в мыслях не было восстанавливать сербское царство Стефана Душана: депутаты едут просить государя императора лишь его покровительства на вечные времена. Но для этого не надо ехать в Петербург, возразил Прозоровский, так как Александр I уже дал ему, Прозоровскому, полномочия заверить сербов, что он «примет их навсегда в свое покровительство, а, может быть, и Франции». Имея в виду секретное постановление Эрфуртской конвенции, но не ссылаясь на него, Прозоровский предупредил депутатов, что «государь император не может взять их (сербов. – *В.Г.*) в подданство, поскольку на правом берегу Дуная

inslav

не хочет он брать себе владений турецких, да и державы французская и австрийская на сие не согласятся».

После этого Югович спросил: отдадут ли сербов в турецкое подданство и будет ли это внесено в мирный договор между Россией и Турцией? Прозоровский ответил, что если граница будет по правому берегу Дуная, то Сербия останется в пределах Турции. Если же судить по «единоязычию» православных христиан, то в подданство России следовало бы принять все христианские земли, которые примыкают к Дунаю, а также Морею и Архипелаг (т. е. Ионические острова). Но это не позволят сделать другие европейские державы. Находясь в Малой Валахии, продолжал Прозоровский, русские войска смогут обеспечить сербам только покровительство русского императора. При такой ситуации можно ли вообразить, чтобы «столь маленькой земле быть особою державою, имея с одной стороны империю Турецкую, с другой - Австрийскую». После этого Прозоровский спросил, а не хотят ли сербы быть австрийскими подданными? На это депутаты ответили решительно: «Нет!» В таком случае, сказал Прозоровский, «… надобно быть вам подданными турецкими; так как Порта вам обещала по желанию вашему постановить правление Сербии, то сие выполнить она должна при покровителе вашем», то есть при российском императоре. «Турки не сдержат слова и откроется опять война», – передает Прозоровский слова Юговича. Видя русские войска расположенными по Дунаю, отвечал на это замечание Прозоровский, Турция должна будет сдержать свое слово из опасения разорвать союз с Россией. Поскольку переговоры с турецкими уполномоченными об условиях мира скоро начнутся в Яссах, продолжал Прозоровский, то сербским депутатам и по этой причине нет смысла ехать в Петербург, поскольку было бы полезнее остаться в Яссах и следить за их ходом. А когда турки не согласятся заключить мир на условиях России, то неизбежно начнется война; а это будет не позднее марта месяца. Но если начнется война, сказал Югович, тогда нам, действительно, незачем ехать в Петербург. «Народ сербский к России привязан, – наставлял Прозоровский, – а вам, правителям сего народа, должно не о своих выгодах или корысти думать, а бдить об общей пользе народа. А Порта для вас не страшна; от бунтов оная держава идет к падению и совершенному разрушению, и в скором времени».

inslav

Согласившись с этим мнением главнокомандующего, сербские депутаты попросили дать им время подумать обо всем услышанном, после чего обещали дать Прозоровскому свой ответ в письменной форме. В конце встречи Прозоровский попросил депутатов передать Карагеоргию и «первым чиновникам» повстанческой Сербии, не согласятся ли они отправить своих сыновей в Петербург, где они будут «учиться и просвещать разум» за счет щедрот российского государя. Полагая, что его беседа с сербскими депутатами привела их «в разум», Прозоровский не усмотрел необходимости приглашать в Яссы самого Карагеоргия. По определению Прозоровского, Югович – не глуп, говорит по-немецки и по-русски. Два других депутата похожи на мужиков и в течение всей встречи молчали. Разговор шел только между Прозоровским и Юговичем[16].

На следующий день депутаты передали письмо Прозоровскому, в котором просили письменно подтвердить, что он действительно наделен полномочиями русского императора решать вопрос о нецелесообразности их поездки в Петербург. Такой документ, по мнению сербских депутатов, послужит письменным подтверждением и всех других заверений Прозоровского, сделанных им в отношении сербского народа[17]. Требуемый документ был передан депутатам 16(28) января 1809 г. В нем сообщалось, что главнокомандующий Дунайской армией, как уполномоченный российским императором вести переговоры о мире с Турцией, удостоверяет сербских депутатов в том, что российский царь «торжественно и навсегда принимает на себя покровительствовать народ сербский, и что он будущее состояние сего народа учредит сколько возможно на самом твердом и выгодном основании»[18].

По-видимому, такое удостоверение не удовлетворило депутатов, и они 17(29) января передали для Прозоровского другое письмо. В нем они писали, что народ сербский с давних пор считал себя другом России и по мере сил содействовал ее войскам в войнах с Турцией. Сербы всегда считали, что их избавление от турецкого ига зависит от расположения российских самодержцев.

inslav

Теперь же настало такое время, когда сербский народ либо будет совсем истреблен, либо избавится от турецкого ига окончательно. В связи с этим депутаты берут на себя «дерзновение» объявить Прозоровскому, который является доверенным лицом российского императора, следующее. Призванные манифестом генерала И.И. Михельсона «в дружбу российскую», сербы охотно вступили в русско-турецкую войну в конце 1806 г. и верно содействовали российским войскам против общего врага до последнего времени. Теперь же, когда пришло время заключить с Портой мирный договор, сербы также желают мира. Сербские депутаты ради этого не будут спорить о границах нового сербского государства. Но прежде чем турецкие уполномоченные приступят к трактованию условий мира, сербские депутаты считают необходимым сообщить свое мнение, что следовало бы требовать от турок и чего не должно им уступать. Сербские депутаты требуют только одного, говорится в их письме, «совершенную, окончательную независимость от Порты Оттоманской под всяким видом». Чтобы покровительница сербского народа Россия, полагаясь на свой международный авторитет, добилась того, чтобы государи других европейских держав гарантировали самостоятельность Сербии. Сербы же, со своей стороны, готовы всегда содействовать своими силами против всякого супостата России[19].

20 января (2 февраля) 1809 г. депутаты вновь были приняты Прозоровским. Эта встреча с сербскими депутатами происходила в присутствии М.И. Кутузова. Поскольку письменное удостоверение Прозоровского от 16(28) января, по мнению депутатов, не давало ответа на основной вопрос требований сербского народа, то они просили, чтобы Прозоровский написал на бумаге все то, что, по его мнению, может быть произведено в действие и чего невозможно добиться от Порты для Сербии. Прозоровский объявил депутатам, что он не может этого сделать, поскольку разговаривал с сербскими депутатами откровенно, как с друзьями, а этого нельзя доверять бумаге. В присутствии М.И. Кутузова Прозоровский повторил все то, что сказал им 13(25) января 1809 г.: «Российская держава не может иметь подданных

inslav

за Дунаем, ибо в том сам государь император дал обещание дворам французскому и австрийскому, да и сии чего-либо противным сему обещанию не могли бы быть довольны. Россия же со всеми войну вести за одну привилегию сербскую не может». Согласно с волей своего покровителя, царя Александра I, говорил Юговичу Прозоровский, сербы сначала должны быть довольны малым, а впредь, может быть, и больше получат. Поскольку Порта находится на грани падения, то и опасаться ее незачем; тем более, что в Малой Валахии остаются русские войска, а после заключения мира с Турцией русский посол в Константинополе будет следить за исполнением статьи договора о сербах. Если же мир не будет заключен, тогда вновь начнется война, последствия которой предсказать невозможно. В заключение беседы депутаты задали вопрос: могут ли они остаться в Яссах для участия в русско-турецких переговорах. Прозоровский не возражал против этого, но депутаты решили по-своему: в Яссах останется один И. Югович, а П. Попович и Я. Дмитриевич 22 января (3 февраля) 1809 г. отправятся обратно в Сербию[20].

Проезжая через Молдавию, сербские депутаты встретились с некими местными боярами, которые предупреждали их, чтобы сербы не верили обещаниям русских и как можно скорее принимали собственные меры к обеспечению своей безопасности. По возвращении в Сербию П. Попович остался в Белграде, а Я. Дмитриевич отправился в Тополу, чтобы доложить Карагеоргию о результатах переговоров с Прозоровским[21].

Делясь своими впечатлениями о встрече с первой группой сербских депутатов, Прозоровский 6(18) марта 1809 г. писал А.Б. Куракину в Париж: «Дела сербские причинили мне множество забот». После отъезда двух депутатов И. Югович начал предъявлять новые требования: сербский народ ни под каким видом не согласится признавать себя вассалом Порты и платить ей дань; он ссылался на обещание генерала И.И. Михельсона, который, по словам Прозоровского, «неизвестно с чего в письмах к Черному Георгию писал, что народу сербскому никогда не должно быть подданными Порты и что ему постыдно платить дань туркам». Во-вторых, Югович составил

inslav

планы «об установлении сербского царства, ни от кого не зависимого, и о продолжении войны против Порты в совокупности с окружающими их единоплеменными народами, которых противу властей взбунтовать намеревается без всякого уважения последствий для них самих и России. Никакие убеждения ... не могли переменить упорства его». В соответствии с рескриптом Александра I, в котором говорилось о невозможности распространять власть России на правом берегу Дуная, Прозоровский в проекте прелиминарного договора о мире с Турцией, в статье о сербах, написал: «Совершенное забвение (Порты. – *В.Г.*) всего прошедшего, позволение учредить собственное внутреннее правительство и право оставаться в полном и беспрепятственном владении земель, городов и крепостей, сербами ныне занимаемых; оставление у них всех христиан из других областей Порты во время войны к ним перешедших; обязанность взамен того платить Порте Оттоманской определенную дань, к сбору которой однако Порта не должна посылать к ним ни военной экспедиции, ни других сборщиков; признание со стороны Порты гарантий российского императора во всех тех привилегиях».

И. Югович, ознакомившись с содержанием статей о сербах, составленных Прозоровским для прелиминарного договора с Турцией, явился к главнокомандующему и объявил, что он находит выгодными для Сербии эти условия[22].

После согласования с Юговичем статей о сербах Прозоровский написал письмо К.К. Родофиникину, в котором, прежде всего, сделал замечание о необоснованном отказе Родофиникина выдать сербским депутатам документ на право их проезда из Белграда в Бухарест, в связи с чем сербы были вынуждены обращаться за этим к М.А. Милорадовичу. В основной же части письма от 21 января (2 февраля) 1809 г. излагались советы, которых должен придерживаться Родофиникин в разговорах с верховным вождем, членами Правительствующего Совета и другими старейшинами при обсуждении вопросов, связанных с предстоящими переговорами о мире с Турцией. В разговорах с ними, писал Прозоровский, следует руководствоваться указаниями императора Александра I, которые изложены в письме товарища

inslav

министра иностранных дел Салтыкова к Прозоровскому от 10(22) января 1809 г., копия которого прилагалась к инструкции. Согласно этому, пишет Прозоровский, «нет нужды настоять особое соделывать правление (в Сербии. – *В.Г.*), только чтобы не турки управляли сербами, а чтобы они сами имели свое правление. Впрочем, Вы согласно моим разговорам (с сербскими депутатами. – *В.Г.*) и располагайте. Слово «подданство» сперва не ясно выговаривайте. Главное при трактовании на конгрессе преткновение будет крепость Белградская, какому гарнизону в ней быть, турецкому или сербскому, но я на последнем настоять буду». Здесь же Прозоровский сообщал, что поскольку сербские депутаты, по-видимому, будут присутствовать на конгрессе, то необходимость приезда в Яссы Карагеоргия и Родофиникина отпадает[23].

В Сербии тем временем разгорелась нешуточная полемика между Карагеоргием и М. Миловановичем, с одной стороны, и Родофиникиным – с другой, по поводу состава второй группы депутатов, которые должны были присутствовать на мирных переговорах в Яссах между русскими и турецкими уполномоченными. Обиженные отказом Родофиникина выдать проездные документы первой группе сербских депутатов, Карагеоргий и М. Милованович, уже имея на руках соответствующее разрешение от самого Прозоровского, с расчетом задеть самолюбие Родофиникина, 8(20) февраля 1809 г. писали: «Чтобы Вам не было противно, если Вы за доброе найдете», то пришлите паспорта хотя бы для этих депутатов, поскольку они им также нужны»[24]. Эти слова из письма Карагеоргия и М. Миловановича, а также выговор Прозоровского по тому же поводу, по-видимому, очень уязвили самолюбие знающего себе цену российского чиновника, и Родофиникин с достоинством опытного дипломата отвечал на этот, по его мнению, незаслуженный упрек: «…Никогда и ничто не может мне быть противным, что касается пользы народной, славы верховного коменданта (Карагеоргия. – *В.Г.*) и старейшин, то довольно доказал я Вам и советами моими, и поведением моим с Вами. Противно мне бывает, когда вижу, что идет какое-либо дело наоборот, и то противно не по другой какой причине,

inslav

как по тому единому, что всею душою люблю Вас, ибо ваше благополучие и слава делают и мне честь и славу, и если Вы по сей день не узнали мою душу и мое расположение к Вам, я нисколько в том не виновен. Со всем тем могу Вас уверить, что никогда не увидите, чтобы я переменил образ моих мыслей или поведение, ибо оные всегда были основаны на высочайшей воле его императорского величества и на наставлениях господина генерал-фельдмаршала, а у нас воля государева и приказание начальника есть для всякого святой закон». Излив свою обиду и кредо законопослушного чиновника, Родофиникин сообщил, что требуемые верховным вождем три паспорта для новой группы депутатов он высылает в Тополу. Со своей стороны Родофиникин предлагал послать в Яссы поречского воеводу Миленко Стойковича. Двух других депутатов, по его мнению, должны назначить верховный вождь с Правительствующим Советом. Исходя из этих предположений, Родофиникин отправил в Тополу к Карагеоргию три варианта паспортов: первый для М. Стойковича и кнеза Симы Марковича; второй – опять же для М. Стойковича и Милана Обреновича; третий – для любых трех депутатов, которые будут избраны Карагеоргием и М. Миловановичем[25]. Однако на этот раз Карагеоргий и М. Милованович не приняли во внимание рекомендаций Родофиникина и вместо М. Стойковича включили в состав второй группы депутатов воеводу из Пожаревацa Ивана Стефановича, кнеза Белградской нахии Симу Марковича и Я. Дмитриевича, который уже был в Яссах в составе первой группы депутатов в качестве переводчика[26].

До приезда в Яссы второй группы депутатов остававшийся там И. Югович не сидел без дела: он подготовил очередное письмо на имя Прозоровского и встретился с надворным советником Сиверсом и М.И. Кутузовым. При встрече с Сиверсом 11(23) февраля 1809 г. он передал заготовленное для Прозоровского письмо и устно изложил свои соображения по поводу непонятной для него реакции главнокомандующего, который, якобы, впервые услышал от депутатов о желании сербского народа навсегда освободиться от подданства Порты и создать свое

inslav

независимое от нее государство. Утверждая это, писал в письме Прозоровскому И. Югович, главнокомандующий обидел весь сербский народ, поскольку об этом сербы неоднократно говорили с Родофиникиным и писали самому Прозоровскому. Родофиникин, например, даже поручался своей головой, что сербский народ никогда не будет подданным Порты. В связи с этим И. Югович предлагал разобраться с этим делом и устранить существующее недоразумение в вопросе о будущем жребии сербского народа. «Когда народ сербский сердцем и душою так привязан к России, что никогда не отречется для государя и веры своей пролить кровь свою, – писал он по этому поводу, – то нужно для наблюдения правды и истины испытать и рассмотреть, откуда произошло таковое замешательство, которое совершит несчастие целого народа». Содержание этого письма И.Югович устно изложил и в разговоре с Сиверсом 11(23) февраля 1809 г.[27].

В беседе с М.И. Кутузовым, которая состоялась на следующий день, И. Югович, ссылаясь на письмо главнокомандующего Дунайской армией И.И. Михельсона Карагеоргию от 11(23) января 1807 г., утверждал, что оно было воспринято сербами как манифест российского царя Александра I, в котором сербам и братским им народам, живущим в Сербии, Албании, Боснии, Черногории и других областях Османской империи, была обещана независимость от Порты. Более того, во время перемирия с Турцией сербы неоднократно и разными способами доводили до сведения Родофиникина и Прозоровского, что они никогда не согласятся быть турецкими подданными. Это намерение так крепко укоренилось в сознании сербского народа, что он, И. Югович, не советовал бы никому объявлять противное этому на собрании сербского народа. Он уверял также, что «сербский народ, имея 164 тыс. приписанных к народному войску ратников, сможет самостоятельно вести войну с турками. Сербы никогда не согласятся ни на рабство, ни на сдачу туркам кровно отвоеванных 6-ти крепостей». В конце беседы И. Югович сообщил, что Правительствующий Совет сербского народа втайне от Родофиникина имеет связь с сербами,

inslav

проживающими в Черногории, Албании и других областях Турции. Автор протокольной записи особо отметил, что беседа М.И. Кутузова с сербским депутатом велась на немецком языке, в котором Югович «довольно силен»[28].

Неоправданно завышенные с точки зрения Прозоровского требования сербских депутатов по поводу прелиминарных статей по сербскому вопросу для русско-турецкого договора о мире, а также излишняя настойчивость И. Юговича по тому же вопросу, по-видимому, сыграли не последнюю роль в том, что Прозоровский 25 февраля (9 марта) 1809 г. отменил свой приказ, разрешающий сербским вербовщикам набирать в Валахии, Молдавии и Бессарабии проживавших там сербов для отправки в Сербию. В своем приказе по Дунайской армии от 25 февраля (9 марта) 1809 г. он писал по этому поводу: «Во уважение просьбы верховного вождя народа сербского Черного Георгия Петровича, переданного мне находящимся при мне секретарем его Ионникием Дмитриевичем, позволил я ему собрать находящихся здесь в Молдавии, Валахии и Бессарабии по разным местам сербов и отправить их в отечество для вооружения против неприятеля. Я приступил к сему единственно по той причине, дабы дать сербам новое и явное доказательство покровительства государя императора». Но разрешая вербовку сербов, Прозоровский поставил следующие ограничительные условия. Во-первых, чтобы не было никаких к тому принуждений, чтобы каждый серб шел на это добровольно по его желанию. Во-вторых, чтобы набирались в отряды только настоящие сербы, а не молдаване, валахи или люди других наций. В-третьих, чтобы каждый завербованный был снабжен «от Земскога правительства письменным видом», что оно не будет препятствовать отъезду завербованного в Сербию. Однако сербские вербовщики, нарушая условия, подговаривали к побегу российских солдат Ладожского мушкетерского полка, находившегося в Бессарабии. Получив рапорт генерал-лейтенанта А.Ф. Ланжерона об этом и других нарушениях, допущенных вербовщиками, Прозоровский 25 февраля (9 марта) 1809 г. приказал запретить вербовку сербов, отобрать у вербовщиков открытые

inslav

листы, а самих нарушителей препроводить в штаб Дунайской армии. В приказе Прозоровского в качестве примера был указан лишь один случай, когда рядовой Ладожского полка Фонис получил от Прозоровского пять червонцев только за то, что добровольно сознался, как сербские вербовщики подговаривали его к побегу в Сербию[29].

4. Несогласованность подхода МИД России и А.А. Прозоровского к решению сербского вопроса для Ясского конгресса

Отсутствие в Эрфуртской конвенции постановлений о судьбе сербских повстанцев, стремление петербургского двора к скорейшему возобновлению военных действий с Турцией, уверенность русских в отказе турок принять предлагаемые им условия мира, занятость Александра I и МИД России другими более важными проблемами, возникшими после Эрфуртской встречи императоров, отсутствие министра иностранных дел России Н.П. Румянцева в Петербурге и ряд других причин – все это вместе взятое отодвинуло на второй план обсуждение и выработку единого мнения в Петербурге по весьма болезненному для сербского народа, но второстепенному для русских политиков и военных, сербскому вопросу.

Несогласованность подхода к решению сербского вопроса, на наш взгляд, отчетливо прослеживается в письмах российских политиков и военных вплоть до возобновления военных действий с Турцией.

В частности, в отличие от подхода Прозоровского к решению сербского вопроса, как это было показано в предшествующих разделах главы X, товарищ министра иностранных дел России А.Н. Салтыков, руководствуясь решениями Эрфуртской конвенции, в письме к главнокомандующему русскими войсками на Кавказе и в Грузии И.В. Гудовичу от 29 января (10 февраля) 1809 г. сообщал, что петербургский двор предлагает включить в мирный договор с Турцией следующие три основные статьи: 1-я. Определить границу по Дунаю. 2-я. Признать независимость сербского народа под покровительством Российской и Турецкой

inslav

империй. 3-я. Признать зависимость Грузии, Имеретии и Мингрелии от Российской державы[30]. В письме к А.А. Прозоровскому от 1(13) февраля 1809 г. А.Н. Салтыков так разъяснял свои представления о независимости Сербии: «Россия, не мешаясь непосредственно во внутренний распорядок Сербии и отрекаясь от власти, ей не свойственной и даже тягостной, будет довольствоваться тою ее властью, каковая добровольно приобретается оказательством помощи, покровительства, взаимною доверенностью и признательностью сербов к России. Тогда сербы не по одной токмо наружности, но действительно будут независимы и при случае могут быть нам полезны. Независимость Сербии есть беспрекословно важнейшая нужда»[31] (подчеркнуто мной. – *В.Г.*).

Министр иностранных дел России Н.П. Румянцев 9(21) февраля 1809 г. писал Прозоровскому из Франкфурта-на-Майне: «... При окончательном учреждении земли сей (Сербии. – *В.Г.*) постановить, чтобы чиновник наш присутствовал в главном тамошнем трибунале... По моему мнению, полезно было бы чиновнику таковому для большего веса дать качество министра при сей независимой, но под покровительством России состоящей земле, с предоставлением ему самою ее конституциею права присутствия и голоса в помянутом ее верховном трибунале. Но я считаю также необходимо для нас нужным, чтобы права Сербии утверждены были одною только нашей гарантиею и чтобы никакая другая держава ни под каким предлогом не имела права ни следа мешаться»[32].

Не имея точных указаний из Петербурга по сербскому вопросу, А.А. Прозоровский 9(21) февраля 1809 г. писал по этому поводу А.Н. Салтыкову: «Итак, для соглашения того и другого (требования сербских депутатов и указаний петербургского двора. – *В.Г.*) не остается мне иного средства, как присовокупить к мирному трактату особую секретную статью того содержания, что если бы сербы недовольны были постановлениями в рассуждении их и начнут вновь войну с турками, то Россия уже не будет соучаствовать в дальнейших их военных действиях. К сему полагаю я тем более приступить, что как на установление совершенно

inslav

независимого царства в Сербии, так и на то, чтобы они сами собою вели войну против Порты, не только австрийский, но даже и французский двор решительно взирать не может и не будет». Если сербы на самом деле начнут одни войну с Портой, рассуждал Прозоровский, то они непременно будут вынуждены вновь обратиться за помощью к России и добиваться ее покровительства. «При постановлении мира с Портою, – писал он, – почитаю соблюсти во всей точности интересы России по всем отношениям настоящего положения прочих европейских держав, а интересы Сербии составят уже предмет второстепенной важности, так что ежели нужно жертвовать чем-либо, то предпочитаю жертвовать сербами, нежели интересами России»[33]. Не соглашаясь с мнением А.Н. Салтыкова, что «независимость Сербии есть беспрекословно важнейшая нужда», А.А. Прозоровский 23 февраля (7 марта) 1809 г. отвечал ему: «Под словом совершенной независимости Сербии не могу я разуметь ничто иное, как основание особого царства сербского, равного во всех преимуществах с другими европейскими государствами и, следовательно, с соседними, как мы: Россиею, Австриею, Франциею и Портою. Сей клочок земли между четырьмя столь великими державами, ни от кого независимый и управляемый людьми, не имеющими ни образования, ни просвещения, был бы, по мнению моему, навсегда камнем преткновения и причиною раздоров между теми державами, и каждая усиливалась бы присвоить оный себе». Покровительство России в таком случае, полагал Прозоровский, повлекло бы новые осложнения для сербов. «Если в одной статье мирного трактата установить и гарантировать целостность и неприкосновенность владений Оттоманских за Дунаем, а в другой установить новое сербское царство, то одно другому явно и совершенно противоречит, и турецкие полномочные не оставили бы то заметить, а возразить им на оное нечего». Только первая статья прелиминарного договора об уступке России Дунайских княжеств вызовет бурный протест турецких уполномоченных, а на потерю Сербии Порта ни при каких обстоятельствах не согласится. С другой стороны, Прозоровский был уверен, что Франция также

inslav

не согласится на создание независимой Сербии, тем более под покровительством одной России, поскольку она, согласно Эрфуртскому соглашению, является гарантом целостности владений Османской империи за Дунаем. Если даже вопреки всему сербам удалось бы создать независимое сербское царство, то они, по словам Прозоровского, «для увеличения и распространения владычества своего, конечно, начали бы... тотчас возмущать соседних своих единоверцев, как то австрийских сербов (число которых до 2-х миллионов простирается), черногорцев, герцеговинцев, боснийских христиан, далматинцев, албанцев, болгар и так далее, дабы отторгнуть возмущениями от настоящих их владельцев и присоединить к своему царству». При таком развитии событий, продолжал обосновывать свою точку зрения на проблему Прозоровский, Россия, как покровительница православных народов на Балканах, неизбежно была бы вовлечена в новые конфликты и даже войны с другими заинтересованными державами, российский император был бы вынужден отречься от покровительства вышеназванных народов, а Россия вследствие этого утратила бы свое влияние среди всех православных народов Османской империи.

Чтобы «уважить» и «согласить» интересы и требования всех заинтересованных сторон, Прозоровский при составлении статьи по сербскому вопросу исходил из следующих соображений. Она должна «... устранить все подозрения на счет распространения владычества России за Дунаем; Франция не может простереть никакой за то претензии; Порта дает им (сербам. – *В.Г.*) только то, что и впредь сим обещевала, хотя, правда, тогдашние ее обещания должны были в час нужды и в предположении оныя со временем нарушить, сербы же, приобретая спокойствие и собственное внутреннее только управление, без всякой в том власти и участия Порты, остаются в той степени умеренной, или лучше сказать, ограниченной свободы и независимости, в которой по праву и непросвещения их еще оставаться должны, а Россия, наконец, сохранит покровительством и пособиями навсегда то над сею нациею влияние, которое ей при встречающихся разнообразных случаях может быть нужно и полезно».

inslav

«В сем моем для Сербии постановлении, – поясняет Прозоровский, – согласно высочайшей государя императора воле, не упустил я вовсе о гарантии со стороны Франции»[34]. Составление проекта всех статей прелиминарного договора с Турцией Прозоровский завершил во второй половине февраля 1809 г. По этому поводу в Главную квартиру Дунайской армии был приглашен И. Югович. Там его принял М.И. Кутузов, который и познакомил сербского депутата с содержанием двух статей о сербах, включенных в проект договора. И. Югович нашел эти постановления вполне приемлемыми и даже выгодными для Сербии, о чем сербский депутат и сообщил Прозоровскому в своем письме от 19 февраля (3 марта) 1809 г. Более подробно об отзыве И. Юговича о статьях по сербскому вопросу Прозоровский высказался в своем письме А.Н. Салтыкову от 23 февраля (7 марта) 1809 г. Иван Югович, писал Прозоровский, «от генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова уведомился лучше о намерении моем в призрении Сербии при трактовании о мире с Портою Оттоманскою и для того просит меня о выдаче подорожной для отправления курьера в Сербию о том утешительном известии, уверен будучи, что народ на мое постановление согласится». Вечером того же дня, 19 февраля (3 марта) 1809 г., Югович был принят Прозоровским и в разговоре с главнокомандующим еще раз подтвердил все то, что было изложено в его письме. Сербский депутат, пишет Прозоровский, «торжественно объявил, что сербский народ более не требовал как только, чтобы предоставить им на волю устроить собственное внутреннее правление без всякого участия со стороны Порты, чтобы не требовать выдачи прибежавших к ним из других турецких владений христиан; но в заимство чего согласны признавать верховное владычество Порты и платить ей определенную, единожды и навсегда, ежегодную дань»[35].

Заручившись одобрением сербского депутата, Прозоровский 26 февраля (10 марта) 1809 г. закончил составление второго варианта инструкции российским уполномоченным на переговорах о мире с турками, в котором было 8 прелиминарных статей. Требования России по сербскому вопросу были

inslav

сформулированы в статьях VI и VII. В статье VI указывалось: «Блистательная Порта дозволяет Сербии установить ее внутреннее правительство, согласно общему желанию нации, и остаться во владении землями и городами, которыми ныне владеет, так что никто, к какой бы религии не принадлежал, не может быть обеспокоен или изгнан из своих владений. В благодарность за то сербы уплачивают Порте ежегодный взнос (Tribut), точный и неизменный, причем Порта не имеет уже права прибегать ни к каким военным экзерциям в Сербии и не имеет в ней своих сборщиков, ни других чиновников. Для доказательства своей искренности и дружбы к России Порта соглашается предоставить России право гарантировать для Сербии точное исполнение настоящего условия». В статье VII было записано, что Порта соглашается признать покровительство России над Сербией[36].

Недавно вернувшийся из Европы и спешно готовившийся к отъезду в Финляндию вместе с Александром I Н.П. Румянцев 11(23) марта 1809 г. второпях писал Прозоровскому, что в Петербурге также не рассчитывают дождаться от Порты положительного ответа на ультиматум России. Более того, Румянцев предостерегал Прозоровского не поддаваться ни на какие уговоры Латур Мобурга о продлении перемирия с Турцией, поскольку возобновление войны с ней «есть единственное средство к скорому достижению мира» на предлагаемых Россией условиях. «Предмет наиважнейшей для нас важности, – писал Румянцев, – есть поспешное заключение мира на известных правилах, и потому е. в-ву угодно, чтобы и по начатии войны в. с-во не отвергало требования о мире, но не останавливали уже для того военных действий». Н.П. Румянцев извещал также, что царь одобрил подготовленные Прозоровским пункты прелиминарного договора с Турцией и его инструкцию российским уполномоченным на Ясских переговорах. «Замечания Ваши касательно Сербии, – пишет Румянцев, – е. в-во равномерно найти изволил весьма

inslav

основательными, но изъявил высочайшую волю свою, что ежели уже надобно, чтобы Сербия платила дань Порте, то чтобы в мирном трактате гораздо уменьшить оную против прежнего, и чтобы дань сия служила более видом некоторой не важной зависимости от Порты, нежели значительным для нее доходом»[37].

Тем временем из Сербии в Яссы направлялась новая сербская депутация. Готовясь к приезду депутатов, Прозоровский 20 февраля (4 марта) 1809 г. отправил посыльного в Крайову к генерал-майору И.И. Исаеву с приказом встретить сербских депутатов с надлежащим уважением и соответствующими их рангу почестями. В приказе говорилось, чтобы И.И. Исаев не задерживал их в Крайовой и немедленно отправил в Бухарест в сопровождении одного офицера для почета и нескольких унтер-офицеров для посылок. Из Бухареста до Ясс их будет сопровождать другой офицер, назначенный М.А. Милорадовичем. «Об оказании тем депутатам в пути всех учтивостей и благоприятства, – предупреждал Прозоровский И.И. Исаева, – отдан мною ныне же в армии приказ»[38].

1. Переговоры второй группы сербских депутатов с А.А. Прозоровским в Яссах в марте 1809 г.

Состав второй группы сербских депутатов, направлявшихся в Яссы для переговоров с главнокомандующим Дунайской армией и участия в русско-турецких переговорах об условиях заключения мира между Россией и Турцией, обсуждался в Белграде в первой половине февраля 1809 г. на заседании Правительствующего Совета. Заседание Совета происходило в отсутствие Карагеоргия, который находился в Тополе. В ходе обсуждения Бей Новокрещенов по поручению Младена Миловановича внес предложение исключить из состава депутации поречского воеводу М. Стойковича, кандидатуру которого ранее предложил К.К. Родофиникин. Вместо него было решено включить в состав депутации воеводу из Пожареваца

inslav

Ивана Стефановича, кандидатура которого ранее была согласована с Карагеоргием и М. Миловановичем. И. Стефанович, по характеристике Родофиникина, был «человек честный, весьма кроткий, занимавшийся и до революции и после всегда торговлею». По решению Совета руководителем этой группы был назначен Иван Югович[39]. Приезду второй группы сербских депутатов Прозоровский уделил особое внимание.

Вторая группа сербских депутатов в составе кнеза Белградской нахии Симы Марковича, пожаревацкого воеводы Ивана Стефановича и секретаря верховного вождя Янакия Дмитриевича, направлявшегося в качестве переводчика, прибыла в Яссы в сопровождении почетного эскорта 1(13) марта 1809 г. Руководитель группы И.Югович находился в Яссах со времени приезда туда первой группы сербских депутатов.

Сербские депутаты во главе с И. Юговичем в день приезда их в Яссы передали главнокомандующему меморандум, в котором, по выражению Прозоровского, излагались «воздушные планы», о которых ранее говорил И. Югович. В этом документе, датированном 1(13) марта 1809 г., говорилось, что по какому-то недоразумению обещанная в манифесте главнокомандующего Дунайской армией генерала И.И. Михельсона от 11(23) января 1807 г. независимость от Порты и самостоятельность сербского народа теперь, т.е. в 1809 г., признаются Прозоровским недействительными, поскольку И.И. Михельсон, якобы, не имел на то полномочий императора Александра I. Приверженные к российскому престолу и готовые всегда воевать на стороне России с любым ее неприятелем сербы, как сказано в меморандуме, «желают во всей точности знать, в чем реченое покровительство состоять будет, то для предупреждения всякого будущего недоразумения и могущего от того произойти огорчения, как то случилось с единоверными нашими в Рагузе, Боке де Которе и на Черной Горе, необходимо нужно, чтобы будущее соотношение сербского народа с Россиею наперед постановлено было некоторыми секретными и ясными пунктами, которые бы навсегда свою силу имели, дабы, с одной стороны, Россия могла считать

inslav

на сильное содействие Сербии, а с другой, и Сербия имела нечто положительное в рассуждении будущего жребия»[40].

В прилагаемой к письму «Памятной записке» сообщалось, что сербский народ и его верховный предводитель Карагеоргий свято обещают:

«1. Не токмо дружбу и любовь к России иметь, но и вечный нераздельный союз и согласие с нею сохранять во всяком деле и во всяком случае, не иначе как бы под единым скипетром были.

2. Сербский род всегда будет оружию российскому противу всякого неприятеля России содействовать, так что (см. р. 3. – *В.Г.*)

3. Сербскому народу без воли или хотения России в случае опасности неутральным не пребывать.

4. Сербскому народу никогда и ни с кем без влияния или посредничества России частного мира не заключать».

Чтобы Австрия и Франция не имели претензий к России, которая пожелала бы собрать под своей властью не только Сербию, но и «прочие пределы сербского рода», не позволив таким образом расширить пределы Австрийской империи от реки Вислы до Адриатического моря, необходимо следующее:

«1. Чтобы Россия сербский народ независимым и самостоятельным признала и то же самое у австрийского императора попросила, что и легче есть первого. Кара Георгия Петровича признать князем народа сербского.

2. А как теперь новая начнется война противу турок и весь сербский род в разных пределах Сербии, Боснии, Герцеговины и Черной Горы по взаимному договору намерены из всех своих сторон турок изгнать или их истребить, себя освободить и под единое собственное правительство собраться, то чтоб Россия нас подкрепила, доставляя нам сюда несколько тысяч ружей и денег один миллион пиастров турецких, теперь еще пушечных ядер, а вскоре потом и мастера для литья ядер в Сербии.

3. Поелику Австрия всегда старалась весь род сербский к себе прибрать и бессомненно еще стараться будет, то чтобы Россия теперь обещала гарантировать целость и неприкосновенность всех провинций сербских.

inslav

4. Чтобы Россия никогда и ни с кем ничего касательно народа сербского не постановляла и не заключала без присутствия депутатов народных, которые всегда присылаться будут для переговора с начальствующими российскими»[41].

Прозоровский старался убедить депутатов, по его словам, «в несовместности и нелепости таковых пустых вымыслов», но они, особенно И. Югович, проявили «непреоборимое упорство и настоятельное требование письменного ответа». Прозоровский, чтобы не входить в опровержение, по его словам, «сумасбродных предположений», согласился дать письменный ответ на требование сербов, который был изложен в письме Карагеоргию от 7(19) марта 1809 г. Чтобы не осложнять бесполезными спорами о решении сербского вопроса обстановку на русско-турецких переговорах, Прозоровский сообщил депутатам о том, что в силу сложившихся обстоятельств решено возобновить военные действия с Турцией в марте 1809 г., и, следовательно, русско-турецкие переговоры о мире не состоятся. Депутаты, пишет Прозоровский, «...изъявили совершенное удовольствие и благодарность, сказав, что они надеются, что и Совет и народ сербский даваемыми им объяснениями довольны будут. Но наиболее изъявили радость за даваемую им надежду в возобновлении войны».

8(20) марта 1809 г. в честь сербских депутатов был дан торжественный обед, после которого им были вручены ценные подарки. Симе Марковичу и Ивану Стефановичу подарили перстни, первому стоимостью в 450 руб., второму – в 425 руб. И. Юговичу и Я. Дмитриевичу – табакерки, первому – в 275 руб., второму – в 225 руб. Затем депутатам было предложено остаться в Яссах до 12(24) марта 1809 г., чтобы вместе с ними отпраздновать день восшествия на престол Александра I[42]. За день до торжественной службы в церкви сербские депутаты передали Прозоровскому письмо о получении ими письменного ответа на все их требования. которые они передадут верховному вождю и Правительствующему Совету[43].

После торжественной молитвы за здравие царя Александра I, на которой присутствовали вместе с депутатами

inslav

Прозоровский и местный митрополит, депутаты 13(25) марта 1809 г. рано утром выехали из Ясс в Сербию. Кроме устных заверений Прозоровского они везли с собой его письмо к Карагеоргию от 7(19) марта 1809 г.

В этом письме Прозоровский извещал верховного вождя, что по причине вновь возникших обстоятельств отпадает необходимость спорить по вопросу о будущем жребии Сербии, поскольку Порта заключила мир с Англией, которая теперь является неприятелем России. В связи с этим император Александр I потребовал от Порты выслать английского полномочного представителя из пределов Турции в течение двух дней. Если этого не будет сделано, то Прозоровскому предоставлялось право прекратить подготовку к мирным переговорам с турецкими уполномоченными и начать военные действия против турецкой армии.

Если же переговоры состоятся, тогда Карагеоргий по получении известия вновь может прислать депутатов. Но поскольку Прозоровский полагал, что конгресс не состоится, то решил отослать депутатов обратно в Сербию. Однако для поддержки более устойчивой связи с Карагеоргием Прозоровский просил прислать к нему честного и благородного чиновника, который будет информировать верховного вождя о действиях русской армии и передавать ему советы главнокомандующего. Вместе с тем Прозоровский предупреждал Карагеоргия, чтобы сербы, готовясь к началу военных действий, в то же время, как сказано в письме, «ни к каким непосредственным действиям противу турок не приступали» до его особого распоряжения.

Для подготовки к возобновлению войны с турками главнокомандующий распорядился передать сербам сверх отправленного им ранее оружия тридцать тысяч турецких пистолетов и шесть тысяч ружей. Прозоровский известил Карагеоргия и о том, что на помощь Родофиникину в Белград направляется надворный советник Федор Иванович Недоба. До этого он работал на разных дипломатических должностях в Молдавии, Валахии, Морее, на Корфу и в других местах. По словам

inslav

Прозоровского, Ф.И. Недоба «везде обнаруживал отличное усердие к пользе и успехам вверенного ему дела». Ф.И. Недобе поручалось передать Карагеоргию деньги и устно сказать о тех договоренностях Прозоровского с сербскими депутатами, которые по многим причинам нельзя было доверить бумаге. В связи с этим Прозоровский просил Карагеоргия «дать словам (Ф.И. Недобы. – *В.Г.*) полную веру»[44]. О назначении Недобы в Сербию был поставлен в известность и генерал-лейтенант М.А. Милорадович. Ему было приказано направить предписание генерал-майору И.И. Исаеву, чтобы он принял меры «к скорому и безопасному доставлению» Ф.И. Недобы до пределов Сербии[45]. О посылке Недобы в Сербию был извещен и Правительствующий Совет сербского народа[46].

Ф.И. Недоба выехал из Ясс 9(21) марта 1809 г., за четыре дня до отъезда сербских депутатов из того же города. Кроме писем он вез для Карагеоргия три тысячи и для Родофиникина одну тысячу червонных. В письме к Н.П. Румянцеву Прозоровский пояснил, что он поручил Ф.И. Недобе «в откровенных разговорах его с Черным Георгием объяснить ему еще некоторые статьи, которые хотя и были мною здесь депутатам сказаны, коих однако же в письменный отзыв не почел я приличным включать»[47].

В инструкции Ф.И. Недобе от 7(19) марта 1809 г. указывалось, что, идя навстречу просьбам находящегося в Сербии при верховном вожде и Правительствующем Совете сербского народа К.К. Родофиникина иметь при себе помощника, император Александр I разрешил главнокомандующему Дунайской армией удовлетворить его желание. В связи с этим Ф.И. Недобе надлежит отправиться в Белград к К.К. Родофиникину и, как сказано в инструкции, «состоять в непосредственном ведомстве его». «Буде бы в сношениях ваших с Черным Георгием Петровичем речь настала о том, чтобы государь император при заключении Тильзитского мира оставил народы, коим он обещал свое покровительство, – наставлял Прозоровский Ф.И. Недобу, памятуя упрек, сделанный по этому поводу

inslav

в меморандуме сербских депутатов от 1(13) марта 1809 г., – то уверьте, что его императорское величество по монаршему милосердию своему соболезнует, что стечение обстоятельств принудило его тогда удалиться от сих народов, и что в сердце он поныне им покровитель по единоисповеданию нашему православной веры и по единоплемению. Но когда он с французами вел войну, то и Порта ему оную объявила, англичане, будучи с нами тогда в союзе, обещанных ими судов в устье реки Ельбы не прислали, австрийцы в войну не вступили. Пруссия по несчастию или по другим обстоятельствам потеряла свою армию и землю с крестьянами, равно, как и Саксония. Государь император держался однако противу столь сильной державы какова Франция. Потеряв в сражении немалое число воинов, к сохранению их и к спокойствию Европы постановил он в Тильзите мир и принужден был уступить Франции земли на берегах и островах Адриатического моря».

Что же касается замыслов «сербских прожектеров о восстановлении греческого царства», т. е. державы сербского царя Стефана Душана, то этого, писал Прозоровский, не только сербы, но и сама Россия не в силах будет сделать. Согласно инструкции, Ф.И. Недоба должен стараться внушать сербским начальникам приверженность к России и обращать все их мысли к общей пользе сербского народа, которую некоторые из них иногда теряют из вида, либо по неведению общих выгод, либо по корыстолюбию[48].

6. Подготовка в повстанческой Сербии к возобновлению военных действий против турок

Еще до возвращения сербских депутатов в Сербию К.К. Родофиникин 23 января (4 февраля) 1809 г. сообщал Прозоровскому, что он, Родофиникин, принял все необходимые меры к успокоению не в меру обеспокоенных старейшин и своей личной безопасности. «Все почти начали образумеваться, а наипаче Черный Георгий, которого действительно ни в чем

inslav

винить не можно, ибо по единой простоте и легковерию своему вдался в сети врагов своих». Родофиникин с особым удовольствием отмечал, что Карагеоргий уже раскаялся за резкость своих выражений, допущенных в прошлом письме. Верховный вождь объяснил это тем, что до него дошли слухи, будто бы Россия согласилась возвратить Порте Валахию[49]. В начале февраля Родофиникин вновь сообщил утешительную весть: «Здешние дела принимают день ото дня лучший оборот»[50]. Но 12(24) февраля 1809 г. он написал, что в Сербии вновь возрождается беспокойство, по-видимому, связанное с заседанием Правительствующего Совета, на котором обсуждался состав второй сербской депутации, где Бей Новокрещенов предложил исключить из состава депутации рекомендованного Родофиникиным М. Стойковича. По мнению Родофиникина, причиной возрождения неурядиц в Сербии теперь оказался поручик на русской службе Бей Новокрещенов (Угричич Требиньский. – *В.Г.*), который по заданию русского командования был послан в Сербию для организации и обучения сербского войска. Вместо порученного ему дела, писал Родофиникин, Бей Новокрещенов, сославшись на плохое здоровье, занялся предпринимательством. Совместно с болгарином Федором Пиналовым он организовал компанию по добыче соли в Валахии и установил деловые связи с М. Миловановичем и его сторонниками, которые умело использовали поручика на русской службе в своих корыстных целях. По их заданию он добился исключения М. Стойковича из состава второй группы сербских депутатов. После отъезда депутатов в Яссы Бей Новокрещенов начал ежедневно присутствовать в Правительствующем Совете, который по его же предложению принял постановление о передаче всех лесов Сербии на откуп Милое, Павле Поповичу и Бею Новокрещенову с условием, что они будут платить в кассу Правительствующего Совета четыре тысячи пиастров в год, а сами будут вывозить лес в Австрию, чтобы продавать по одному пиастру за сажень. В год же в Австрию вывозится более 50 тысяч саженей. Младен и Милое, поясняет Родофиникин, приняли Бея Новокрещенова

inslav

в свое товарищество лишь для того, чтобы «затворить уста Черному Георгию и другим старейшинам». Этот российский офицер, пишет Родофиникин, «явно уже начал показывать намерение свое остаться в Сербии навсегда, ибо купил несколько пар волов и лошадей и нанял работников для возки теперь зимой дров, а на весну, по-видимому, для заведения хлебопашества». Более того, Правительствующий Совет поручил Бею Новокрещенову и архимандриту С.Филипповичу учредить «духовный верховный суд» в Сербии, а также «организовать всех белградских жителей в милицию и, сверх того, 250 человек учить регулярной службе». Такие воинские отряды начали создаваться в Белграде недавно по приказу Карагеоргия. Такие же отряды численностью по 250 человек, согласно его же приказу, должны быть созданы и обучены для регулярной службы в каждой нахии. Этот приказ, сетовал Родофиникин, был отдан Карагеоргием без совета с ним. Родофиникин возражал против этой меры, потому что, по его мнению, повсеместная организация таких отрядов неизбежно обратит на себя внимание австрийских властей, которые расценят это как вмешательство российских властей во внутренние дела повстанческой Сербии. Когда Родофиникин сказал об этом Бею Новокрещенову, то последний возразил на это, пишет Родофиникин: «Если я ему не позволю выполнить желание сербских старейшин, то они поймут сие за явное недоброхотство. Я позволил ему преподавать, сколько он знает, советы, каким образом формировать и учить как милицию, так и регулярное их войско, но отнюдь непосредственно не мешаться, ибо австрийцы, видя формирование новое и при том производимое российским офицером, припишут совсем другим видам».

После возвращения из Ясс первой сербской депутации в Белграде начали составлять списки, включая в них купцов, мастеровых, хлебопашцев, короче, поголовно всех жителей Белграда. Тогда же были назначены офицеры и унтер-офицеры, которым было приказано собирать и обучать военному делу людей, внесенных в такие списки. Население Белграда,

inslav

как и следовало ожидать, недовольно этим приказом Карагеоргия, и люди время от времени спрашивали Родофиникина: а не сделано ли это по указанию русского царя или главнокомандующего? Родофиникин отвечал на это: «Никакого по сему предмету высочайшего повеления не имеется и что солдатами никто их делать не намерен, а зная, что намерение верховного их командования есть, чтобы они понемногу учились и привыкали к устройству, которое во время дела с неприятелем им же будет полезно». После этого люди успокаивались и расходились по домам, уверял Родофиникин Прозоровского. Чтобы удержать жителей Белграда от начинавшихся бунтов, Родофиникин советовал Младену Миловановичу как можно осторожнее обходиться с простым народом, поскольку купцы и мастеровые поспешно начали откупаться от принудительного обучения, а простой народ отвлекался от своих повседневных дел. Во время обучения военному делу Бей Новокрещенов, пишет Родофиникин, уверял белградских жителей, что все эти нововведения сделаны по повелению русского царя. Родофиникин высказывал предположение, что Бей Новокрещенов намеревается стать во главе вновь формирующихся отрядов, но Милое Попович опередил его и сам провозгласил себя комендантом новых формирований. Чтобы разрешить возникший конфликт между ними, М. Милованович отобрал у Бея Новокрещенова соответствующую грамоту Правительствующего Совета, а заодно запретил создавать духовный суд. Эти поступки М. Миловановича еще раз доказали, пишет Родофиникин, что Бей Новокрещенов был слепым орудием в руках этих корыстолюбивых чиновников. Поняв это, Бей Новокрещенов 5(17) февраля 1809 г. отправился из Белграда в Тополу к Карагеоргию жаловаться на своих обидчиков. Однако М. Милованович оказался в Тополе раньше Новокрещенова и убедил верховного вождя сделать все, как он решил[51].

Ответ главнокомандующего по поводу Бея Новокрещенова был скор и суров: «Неистовые поступки поручика Бея Новокрещенова принуждают меня удалить его из Сербии», – писал Прозоровский Родофиникину 24 февраля (8 марта) 1809 г.

inslav

Приказ о его возвращении в Яссы повез в Белград нарочный курьер поручик Леонов. В письме к Родофиникину Прозоровский писал, что если Новокрещенов откажется выполнить этот приказ, то Родофиникин должен употребить «меры строгости, которые найдет приличными для такого случая»[52].

По свидетельству Родофиникина, формирование воинских отрядов в городах и нахиях повстанческой Сербии вызвало всеобщее недовольство, которое вскоре переросло в активный протест. Например, жители сел, расположенных по реке Мораве, взбунтовались и избили до полусмерти своих старейшин, а 800 семейств, покинув дома со всем своим имуществом, бежали к границам Австрии. «Причиной сего бунта, – пишет Родофиникин, – есть нововводимое здесь регулярное войско, которое, будучи заведено слепыми и учимо такими же, в сто крат должно казаться народу тягостнейшим, нежели сие в существе есть. Я не могу Черному Григорию и другим ничего противу сего говорить, ибо уверен, что примут за знак моего недоброхотства; стараясь токмо по какому возможно внушать им побочно полезные советы, каковыми успел удержать от такового же бунта и белградских жителей, которые все единодушно готовы были восстать. Чтобы видеть конец расстройствам и претерпеваемым мною тягостным мучениям, возлагаю надежду на возобновление военных действий с турками, которое, уповаю, не может не иметь места вскорости. Начатие опять войны образумит всех здесь и умягчит и свирепость их, и преждевременную кичливость. На Дрине и около Ниссы турки начали уже собираться понемногу»[53]. Наконец-то, пишет Родофиникин, Карагеоргий прислушался к его совету и написал М. Стойковичу письмо, в котором просил поречского воеводу усмирить взбунтовавшихся в его крае людей лаской и наставлениями, но не репрессиями, которые еще больше обозлят народ[54]. Задачу по усмирению бунтов на реке Мораве и в Делиграде Родофиникин рекомендовал верховному вождю возложить на опытного и хитрого политика Младена Миловановича. Прозоровского же он просил «обласкать» Младена, наградив его медалью на голубой ленте[55].

inslav

На границах повстанческой Сербии в январе – феврале 1809 г. сохранялось относительное спокойствие. Комендант города Валево Яков Ненадович 21 февраля (5 марта) сообщал, что до недавнего времени турки и сербы соблюдали перемирие. Однако на днях турки из крепости Сокол вторглись в пределы Сербии, пленили нескольких сербов и увели скот[56]. Рачский архимандрит Хаджи Мелентий 23 февраля (7 марта) также сообщал, что во время поездки вдоль границы, проходившей по реке Дрине, он обнаружил две турецкие засады; в одной было до 300, а во второй 30 боснийских турок. Боснийские турки из Сокола и Зворника время от времени вторгаются в пределы Валевской, Крагуевацкой и Сокольской нахий, грабят население и уводят скот[57]. В районе города Ниш численность турецких войск доходит до четырех тысяч человек. Однако там, по слухам, пишет Родофиникин, «имеют место» сильные раздоры между визирем Хуршид Ахмед-пашой и состоящим в его подчинении командиром нишской группировки[58]. Бейлербей Румелии Хуршид Ахмед-паша в надежде начать сепаратные переговоры с сербами 13(25) февраля направил в Тополу к Карагеоргию своего верного человека Хаджи Обула. Как сказано в письме бейлербея Карагеоргию, посланец передаст верховному вождю «несколько речей из моих уст непосредственно в твои уши, и опять, что вы имеете ответствовать, свободно скажите ему, а он нам передаст тайно и верно, а если хотите послать вашего кого-либо верного человека, то вы свободно пришлите, пусть к нам придет»[59]. Судя по отсутствию ответа, попытка бейлербея Румелии склонить сербов к сепаратным переговорам не увенчалась успехом.

Со стороны повстанческой Сербии также имели место случаи нарушения перемирия на границе Видинского пашалыка. Об этих нарушениях И.И. Исаеву сообщил Молла-паша Видинский. По его словам, сербские разбойники часто грабили купеческие суда, плававшие по Дунаю. Генерал-майор И.И. Исаев, в свою очередь, просил поречского воеводу М. Стойковича проверить информацию видинского паши, и если она подтвердится,

inslav

разогнать эту шайку. М. Стойкович отвечал И.И. Исаеву, что такая шайка разбойников действительно существует, в ней насчитывается до 130 человек, которыми командует булик-баша Голле. Их основное местопребывание находится в хорошо укрепленных селах Каменице и Краковице, которые расположены вдоль дороги, проходившей поблизости от переправы через Дунай. Но поскольку эти села располагались не на сербской, а на турецкой стороне, то М. Стойкович не мог выполнить просьбу И.И. Исаева, не получив на это одобрения Молла-паши.

В письме от 18(30) марта 1809 г. генерал-майор И.И. Исаев сообщал К.К. Родофиникину, что действия этой шайки разбойников в последнее время стали более дерзкими и жестокими. Недавно они сожгли половину турецкого села, убили одного местного жителя, ограбили несколько купеческих лодок, оставив находившихся в них турок в одних рубашках. На переправах, расположенных на территории дислокации российских войск, они убили трех турок и одного валаха. В связи с активизацией действий этих разбойников И.И. Исаев просил разрешения у Прозоровского разогнать их, использовав для этого силы вверенного ему корпуса.

Однако основная информация, содержащаяся в этом письме, состояла в том, что И.И. Исаев отправляет сербам дополнительно еще 135 ружей, которые недавно были присланы для них из Тирасполя[60].

22 марта (3 апреля) 1809 г. Прозоровский известил Карагеоргия о получении им 20 марта рапорта И.Ф. Паскевича, согласно которому Порта отказалась удовлетворить требование императора Александра I о высылке английского представителя из Турции и объявила войну России. Таким образом, писал Прозоровский, перемирие с турками закончилось, и «наступило время, когда сербский народ, подняв оружие для ополчения противу общего врага нашего, должен наидеятельнейшим образом доказать свою любовь и приверженность к единоплеменному, единородному и единоязычному народу российскому и тем самым вящие удостоиться великой и не ограниченной к нему монаршей милости

inslav

всероссийского государя императора нашего, истинно желающего утвердить благоденствие народа сербского на прочном и незыблемом основании». В заключение письма Прозоровский призывал верховного вождя соединить общие силы русских и сербов для сокрушения врагов православной церкви христианской[61]. Письма аналогичного содержания тогда же были отправлены Правительствующему Совету сербского народа и К.К. Родофиникину, который должен был ознакомить Карагеоргия и членов Совета с приказом Прозоровского по армии о возобновлении военных действий против Турции[62].

30 марта (11 апреля) 1809 г. Родофиникин известил Прозоровского о прибытии в Белград Ф.И. Недобы, который благополучно доставил и передал по назначению все деньги. Вскоре после его приезда возвратились в Белград и сербские депутаты. В ночь на 28 марта (9 апреля) 1809 г. из Тополы в Белград вернулся и сам верховный вождь. При встрече с ним Ф.И. Недоба вручил ему три тысячи червонных и письма главнокомандующего.

Ответы главнокомандующего сербским депутатам, изложенные в его письме от 7(19) марта 1809 г., произвели в Белграде, по словам Родофиникина, «чудотворное действие и ниспровергли все умыслы возмутителей умов».

После обсуждения в Правительствующем Совете посланий Прозоровского 30 марта (11 августа) 1809 г. было принято решение отправить большую часть находившегося в Белграде сербского войска на пограничные рубежи. По окончании заседания Совета вся повстанческая Сербия начала спешно готовиться к возобновлению военных действий с турками[63]. По поручению верховного вождя и Правительствующего Совета сербский архимандрит Спиридон Филиппович написал письмо черногорскому митрополиту Петру I Негошу, в котором извещал его о возобновлении войны с турками, о переправе российских войск на правый берег Дуная, об активной подготовке народа повстанческой Сербии к борьбе, по его словам, «с врагом всех христиан». Верховный вождь сербского народа Карагеоргий,

inslav

писал С. Филиппович Петру I Негошу, неоднократно извещал, что «его намерение есть с Вашим высокопреосвященством соединиться, потому что народ сей (сербский – *В.Г.*) имеет великое к Вам усердие». С. Филиппович намекал на то, что Карагеоргий в своем письме Петру I Негошу выражает готовность встретиться в скором времени с митрополитом Черногории и обсудить вопросы о возможности и условиях совместной борьбы против общего врага. «Народ сербский счастлив будет, если между людьми согласие будет». Свое послание С. Филиппович заканчивает осторожным намеком на положительный ответ митрополита по поводу предложения верховного вождя[64].

С возобновлением военных действий против Турции произошли изменения и в политике петербургского двора по вопросу о предоставлении повстанческой Сербии статуса независимого государства. В письме А.А. Прозоровскому от 10(22) апреля 1809 г. Н.П. Румянцев выражал надежду, что сербы во время возобновившейся войны с Турцией будут содействовать русским активнее, чем прежде, и наисильнейшим образом. Чтобы не охладить их усердие, Прозоровскому рекомендовалось по мере возможности утверждать в сербских повстанцах надежду на покровительство российского императора. Это необходимо делать еще и потому, что венский двор, по словам Н.П. Румянцева, «деятельно старается приобресть доверенность сербов, приметя в них некоторую к ним остуду и видя, что всего для себя унизительнее почитают они то, чтобы быть в зависимости от турок». При настоящем положении дел, когда Порта отклонила все требования России, последняя уже не будет щадить интересов Турецкой империи и царь Александр I соизволяет, по словам Румянцева, «обнадежить сербов, что когда мирные негоциации опять откроются, то целью попечений Ваших (Прозоровского. – *В.Г.*) будет то, чтобы освободить Сербию единожды навсегда от всякой зависимости от Порты и присвоить ей право под покровительством и с утверждения России учредить конституцию свою по собственному распоряжению»[65].

inslav

В соответствии с предписанием министра иностранных дел России Прозоровский 26 апреля (8 мая) 1809 г. писал Карагеоргию: «Его величество (Александр I. – *В.Г.*) высочайше мне повелеть соизволил обнадежить сербский народ, что когда мирные переговоры опять откроются, то целью попечений моих по всемилостивейшей его воле быть имеет освобождение Сербии единожны навсегда от всякой зависимости от Порты Оттоманской и присвоение Сербии права под покровительством и с утверждения его величества государя императора всероссийского учредить конституцию по собственному распоряжению. Таковая великая и неоценимая милость всеавгустейшего покровителя Сербии без всякого сомнения возбудит народ сербский к употреблению всевозможных усилий своих для содействия с единоверными и единоплеменными с ним россиянами в низвержении общего их врага»[66].

Итак, изложенные в главе X факты, извлеченные из российских и сербских архивных документов, позволяют сделать следующие обобщения.

1. Обострение общего кризиса в Османской империи, полуторагодичный период перемирия между Россией и Турцией, соответственно распространенного на всю повстанческую Сербию, два государственных переворота в Константинополе, попытки Порты и бейлербея Румелии договориться о мире непосредственно с сербами без посредничества России и ряд других обстоятельств породили у петербургского двора, командования Дунайской армией и предводителей сербских повстанцев иллюзию о возможности заставить Порту принять нужные им условия мира. К тому же петербургский двор надеялся присоединить к России Дунайские княжества и установить границу с Турцией по реке Дунаю. Сербы выдвигали еще более неприемлемые для Порты требования: создание независимого от Турции государства в границах средневековой державы сербского царя середины XIV века Стефана Душана, которое будет находиться под покровительством России и, по возможности, признано Францией, Австрией и Англией.

2. Между тем, отсутствие достоверной информации о постановлениях секретной русско-французской конвенции от 30 сентября (12 октября) 1808 г. и распространяемые турецкими,

inslav

французскими и австрийскими агентами среди сербских повстанцев слухи о «продаже» русскими Сербии австрийцам чрезмерно усиливали среди народа и руководителей восстания чувства тревоги и опасения за дальнейшую судьбу повстанческой Сербии. Для выяснения истинных намерений России верховный вождь и Правительствующий Совет приняли решение направить сербскую депутацию в Петербург к самому царю Александру I. Но поскольку петербургский двор твердо решил возобновить военные действия с Турцией и искал для этого лишь убедительный повод, который, кстати, должен был устроить и Наполеона I, в Петербурге и в штабе Дунайской армии не было выработано единого мнения по важному, но тем не менее второстепенному для России, сербскому вопросу. В связи с этим МИД России рекомендовал Прозоровскому дать совет сербам не направлять сербскую депутацию в Петербург, а решить его на месте, то есть в штабе Дунайской армии.

3. Прибывшие в Яссы для переговоров с главнокомандующим Дунайской армией сербские депутаты, которые не знали о постановлениях Эрфуртской конвенции, предусматривавшей целостность балканских владений Порты за Дунаем, гарантируемую к тому же Францией, были немало удивлены отказом Прозоровского включить в мирный договор с Турцией условия, выдвигаемые верховным вождем и Правительствующим Советом повстанческой Сербии. В процессе поиска компромиссных статей по сербскому вопросу был получен рескрипт Александра I о возобновлении военных действий с Турцией, что в тот период более всего устраивало сербских депутатов, Правительствующий Совет и верховного вождя Карагеоргия.

4. Отказ Порты выслать английского представителя из Турции оказался наиболее подходящим поводом для возобновления военных действий с Турцией, который устраивал не только Россию, а соответственно и сербов, но и был вполне приемлем для Наполеона I, согласие которого в то время было важно для Александра I. Скорейшее завершение русско-турецкой войны и заключение мира на выдвигаемых петербургским двором условиях было продиктовано, по доходившим из Парижа сведениям, вынашиванием Наполеоном I планов вторжения французских войск в Россию.

inslav

Примечания

[1] Первое сербское... Кн. 2. С. 50–51. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 20 октября (1 ноября) 1808 г.
[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 4. Л. 33–34. А.А. Прозоровский – А.Н. Салтыкову, 14(26) ноября 1808 г.
[3] *Богишич В.* Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия...» С. 263. Записка К.К. Родофиникина от 2(14) ноября 1808 г.; Первое сербское... Кн. 2. С. 52–54. Записка Родофиникина от 8(20) ноября 1808 г.
[4] *Богишич В.* Разбор сочинения ... С. 179. А.А. Прозоровский – А.Н. Салтыкову, 14(26) ноября 1808 г.
[5] ВПР. Т. IV. С. 424–426. А.Н. Салтыков – А.А. Прозоровскому, 7(19) декабря 1808 г. Об этих и других вариантах создания сербского государства в начале XIX века см.: *Грачев В.П.* Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX века и отношение к ним правительства России // Россия и Балканы. М., 1995. С. 4–40.
[6] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 4. Л. 62–64. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 30 ноября (12 декабря) 1808 г.
[7] Там же. Л. 66. Карагеоргий – М.А. Милорадовичу, 8(20) декабря 1808 г. В публикации Р. Перовича «Први српски устанак» (Књ. 1. С. 404) это письмо Карагеоргия, видимо, по ошибке адресовано не М.А. Милорадовичу, а А.А. Прозоровскому.
[8] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 674. Л. 47 и об. Правительствующий Совет – К.К. Родофиникину, 10(22) декабря 1808 г.
[9] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 2/163-А. Д. 6. Л. 175. А.А. Прозоровский – М.А. Милорадовичу, 25 декабря 1808 г. (6 января 1809 г.).
[10] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 30. Д. 613. Л. 235–236. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 25 декабря 1808 г. (6 января 1809 г.).
[11] РГВИА. Ф. 14209. Оп.2 /163-А. Св. 98. Д. 17. Л. 1. А.А. Прозоровский – М.А. Милорадовичу, 31 декабря 1808 г. (12 января 1809 г.).
[12] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 2–4об. А.А. Прозоровский – А.Н. Салтыкову, 1(13) января 1809 г.
[13] *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. III. С. 546–559. Приложение № 3. Проект инструкции А.А. Прозоровского российским уполномоченным для переговоров о заключении мира между Россией и Турцией. Декабрь 1808 г. без указания даты.
[14] Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1901. Кн. 4(199). М., 1901. С. XIII; АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 3161. Л. 170–172. Пункты из инструкции, данной сербскому депутату Юговичу, сообщенные им изустно надворному советнику Сиверсу, 12(24) января 1809 г.

inslav

[15] АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 3161. Л. 173 и об. Протокольная запись, озаглавленная «Сербский кнез Иван (Югович. – *В.Г.*) на вопрос, в чем состоит главный предмет сербов при настоящих обстоятельствах» (без указания даты).
[16] Первое сербское… Кн. 2. С. 56–61. А.А. Прозоровский – А.Н. Салтыкову, 16(28) января 1809 г.
[17] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 28. Сербские депутаты – А.А. Прозоровскому, 14(26) января 1809 г.
[18] Первое сербское… Кн. 2. С. 56. А.А. Прозоровский – сербским депутатам, 16(28) января 1809 г.
[19] Там же. С. 62. Сербские депутаты – А.А. Прозоровскому, 17(29) января 1809 г.
[20] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 20. Д. 13. Л. 213–214. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 21 января (2 февраля) 1809 г.
[21] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 172–173. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 14(26) февраля 1809 г.
[22] *Богишич В.* Разбор сочинения … С. 208–210; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1808. Д. 1923. Л. 16–26. А.А. Прозоровский – А.Б. Куракину, 6(18) марта 1809 г.
[23] РГВИА. Ф.14209. Оп.10/170. Св.20. Д.13. Л.213–214. А.А.Прозоровский – К.К.Родофиникину, 21 января (2 февраля) 1809 г.
[24] Первое сербское… Кн. 2. С. 63. Карагеоргий и М. Милованович – К.К. Родофиникину, 8(20) февраля 1809 г.
[25] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 144–145. К.К. Родофиникин – Карагеоргию, 10(22) февраля 1809 г.
[26] Там же. Л. 295–296. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 13(25) марта 1809 г.
[27] Там же. Л. 188–189. Письма от имени сербских депутатов – А.А. Прозоровскому от 11(23) февраля 1809 г.
[28] Первое сербское… Кн. 2. С. 64–65. Памятная записка с изложением беседы М.И. Кутузова с И. Юговичем от 12(24) февраля 1809 г.
[29] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2876. Л. 42–43. Приказ А.А. Прозоровского по Дунайской армии от 25 февраля (9 марта) 1809 г.
[30] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 400. Л. 4–6. А.Н. Салтыков – И.В. Гудовичу, 29 января (10 февраля) 1809 г.
[31] *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. II. С. 285. А.Н. Салтыков – А.А. Прозоровскому, 1(13) февраля 1809 г.
[32] ВПР. Т. IV. С. 500–501. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 9(21) февраля 1809 г.
[33] Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (Сборник РИО). 1901. Кн. 4. М., 1901. С. XIII–XIV; *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. II. С. 256–257. А.А. Прозоровский – А.Н. Салтыкову, 9(21) февраля 1809 г.
[34] Чтения в императорском обществе истории и древностей российских … С. XIV–XVI. А.А. Прозоровский – А.Н. Салтыкову, 23 февраля (7 марта) 1809 г.

inslav

[35] Там же. С. XIV–XV. А.А. Прозоровский – А.Н. Салтыкову, 23 февраля (7 марта) 1809 г.; *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. II. С. 262–263.
[36] Военный сборник. СПб., 1864. № 6. С. 276–286. Инструкция А.А. Прозоровского российским уполномоченным на переговорах с Турцией от 26 февраля (10 марта) 1809 г.; *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. . С. 178.
[37] ВПР. Т. IV. С. 541–542. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 11(23) марта 1809 г.
[38] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 132–133. А.А. Прозоровский – И.И. Исаеву, 20 февраля (4 марта) 1809 г.
[39] Там же. Л. 172–173. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 14(26) февраля 1809 г.
[40] Первое сербское... Кн. 2. С. 67. Меморандум сербских депутатов... от 1(13) марта 1809 г. О событиях в Черногории, Боке Которской и Рагузе от Прессбургского до Тильзитского мира (1805–1807 гг.) см.: *Грачев В.П.* Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003.
[41] Первое сербское... Кн. 2. С. 67–68. Памятная записка сербских депутатов с изложением условий союза Сербии с Россией, 1(13) марта 1809 г.
[42] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 295–296. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 13(25) марта 1809 г.
[43] Там же. Л. 294. Сербские депутаты – А.А. Прозоровскому, 11(23) марта 1809 г.
[44] Первое сербское... Кн. 2. С. 68–70. А.А. Прозоровский – Карагеоргию, 7(19) марта 1809 г.
[45] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 2/163-А. Св. 98. Д. 17. Л. 27. А.А. Прозоровский – М.А. Милорадовичу, 7(19) марта 1809 г.
[46] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 237. А.А. Прозоровский – Правительствующему Совету, 7(19) марта 1809 г.
[47] Там же. Л. 295–296. А.А. Прозоровский – Н.П. Румянцеву, 13(25) марта 1809 г.
[48] Там же. Л. 238–240. Инструкция А.А. Прозоровского – Ф.И. Недобе, 7(19) марта 1809 г.
[49] Там же. Л. 73–74. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 23 января (4 февраля) 1809 г.
[50] Там же. Л. 115–116. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 1(13) февраля 1809 г.
[51] Там же. Л. 147–152. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 12(24) февраля 1809 г.; там же. Л. 172–173. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 14(26) февраля 1809 г.

inslav

[52] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 20. Д. 613. Л. 212. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 24 февраля (2 марта) 1809 г.
[53] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 264–265. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 25 февраля (9 марта) 1809 г.
[54] Там же. Л. 308–309. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 6(18) марта 1809 г.
[55] Там же. Л. 358. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 16(28) марта 1809 г.
[56] Первое сербское... Кн. 2. С. 65. Я. Ненадович – Правительствующему Совету, 21 февраля (5 марта) 1809 г.
[57] Там же. С. 66. Хаджи Мелентий – Правительствующему Совету, 23 февраля (7 марта) 1809 г.
[58] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 73–74. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 23 января (4 февраля) 1809 г.; там же. Л. 146. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 12(24) февраля 1809 г.
[59] Там же. Л. 262. Бейлербей Румелии Хуршид Ахмед-паша – Карагеоргию, 13(25) февраля 1809 г. Русский перевод с турецкого, современный подлиннику.
[60] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 673. Л. 138, 152. И.И. Исаев – К.К. Родофиникину, 18(30) марта 1809 г.
[61] Первое сербское... Кн. 2. С. 70–71; ВПР. Т. V. С. 17. А.А. Прозоровский – Карагеоргию, 22 марта (3 апреля) 1809 г.
[62] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 319–322; там же. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 20. Д. 613. Л. 170–171. А.А. Прозоровский – К.К. Родофиникину, 22 марта (3 апреля) 1809 г.
[63] Первое сербское... Кн. 2. С. 71–72. К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 30 марта (11 апреля) 1809 г.
[64] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 35 и об. Архимандрит С. Филиппович – Петру I Негошу, 30 марта (11 апреля) 1809 г.
[65] Первое сербское... Кн. 2. С. 74–75. Н.П. Румянцев – А.А. Прозоровскому, 10(22) апреля 1809 г.
[66] Там же. С. 77; ВПР. Т. V. С. 39–40. А.А. Прозоровский – Карагеоргию, 26 апреля (8 мая) 1809 г.

inslav

Научное издание

В.П. Грачев

Первое сербское восстание и Россия во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

Часть первая (1806–1809 гг.)

Отв. редакторы: С.И. Данченко, А.В. Карасев

Оригинал-макет: Ю.А. Созина

Подписано в печать 13 апреля 2010 г. Объем 30 п. л. Тираж 150 экз.
Формат 60x88/16. Заказ № 24.
Типография ООО «Океан»

inslav

inslay